

СМЕНА

август
2000

Л. ДКШМВН
Тибетские качели

С. Книи
Свадебный джаз

ВМЕСТЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

«ЛУКОЙЛ» ориентируется на потребителя и выпускает широкий ассортимент масел как для двигателей подержанных автомобилей, так и для двигателей последнего поколения.

«ЛУКОЙЛ» ценит свой товарный знак, поэтому качество масел контролируется в течение всего процесса изготовления, и каждая партия продукции перед отправкой проверяется и сопровождается паспортом качества.

ТЕЛЕФОН: (095) 207-1441.
ТОЛЬКО ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ.

ТОВАР СЕРТИФИЦИРОВАН

ЛУКОЙЛ

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левичев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чибина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

82000
август (1630)

Сдано в набор 22.6.2000.
Подписано к печати 18.7.2000.
Печать офсетная.
Заказ № 1801
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.
E-mail: smena@garnet.ru
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per. № 014832

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"
Отпечатано в типографии
ОАО ПО "Пресса-1"
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию
ОАО ПО "Пресса-1"
257-42-29
257-41-03

Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 2000.

72 *Стивен Кинг*
СВАДЕБНЫЙ ДЖАЗ
Зарубежный рассказ

132 *Александр Экштейн*
ТИБЕТСКИЕ КАЧЕЛИ
Остросюжетный роман

228 *Михаил Казовский*
МАЙОР ПРОНИНА
Детектив в стихах

Анатолий Цирульников
4 **КИТЕЖ, ГДЕ ЖИВУТ АИСТЫ**

22 *Игорь Гаманюков*
КАПКАН ДЛЯ МИЛЛИОНЕРА

40 *Юрий Козлов*
В КРУЖЕВЕ ВЕКОВ

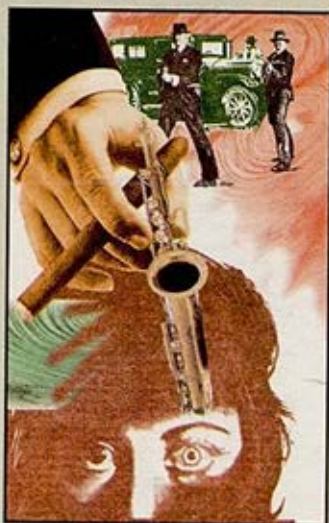
65 *Светлана Бестужева-Лада*
НЕРАЗГАДАННЫМ КАРДИНАЛ

88 *Олег Дзюба*
ЭТО ВАМ НЕ СИНТЕТИКА!

Николай Александров
240 **НА КРАЮ ЖИЗНИ**

259 *Алла Митрофанова*
ИГРА СТОИТ СВЕЧ

стр. 98

стр. 72

50 *Любовь Русева*
**МОСКОВСКИЙ
ЗЛАТОУСТ**

98 *Лиля Байрамова*
ИВАН КРАМСКОЙ

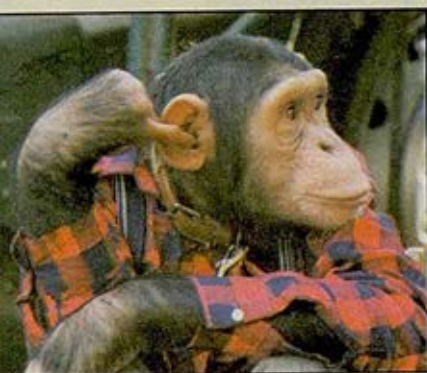
122 *Валерий Белякович:*
**"МОЯ ЖИЗНЬ
ЗАЦИКЛЕНА
НА ТЕАТРЕ"**

216 *Иван Зюзюкин*
СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ

266 *Наталья Дроботко*
НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ

15 *Арсений Анненков*

86 *Марина Котова*

стр. 116

Андрей Молчанов
**ЦЕПНАЯ
РЕАКЦИЯ**

Жестокое убийство женщины и ребенка стало лишь началом цепи преступлений, захлестнувших город. Но их участниками оказались не только закоренелые бандиты, но и, казалось бы, вполне законопослушные граждане...

Борис Сопельняк
ГЛАЗА ФЕМИДЫ

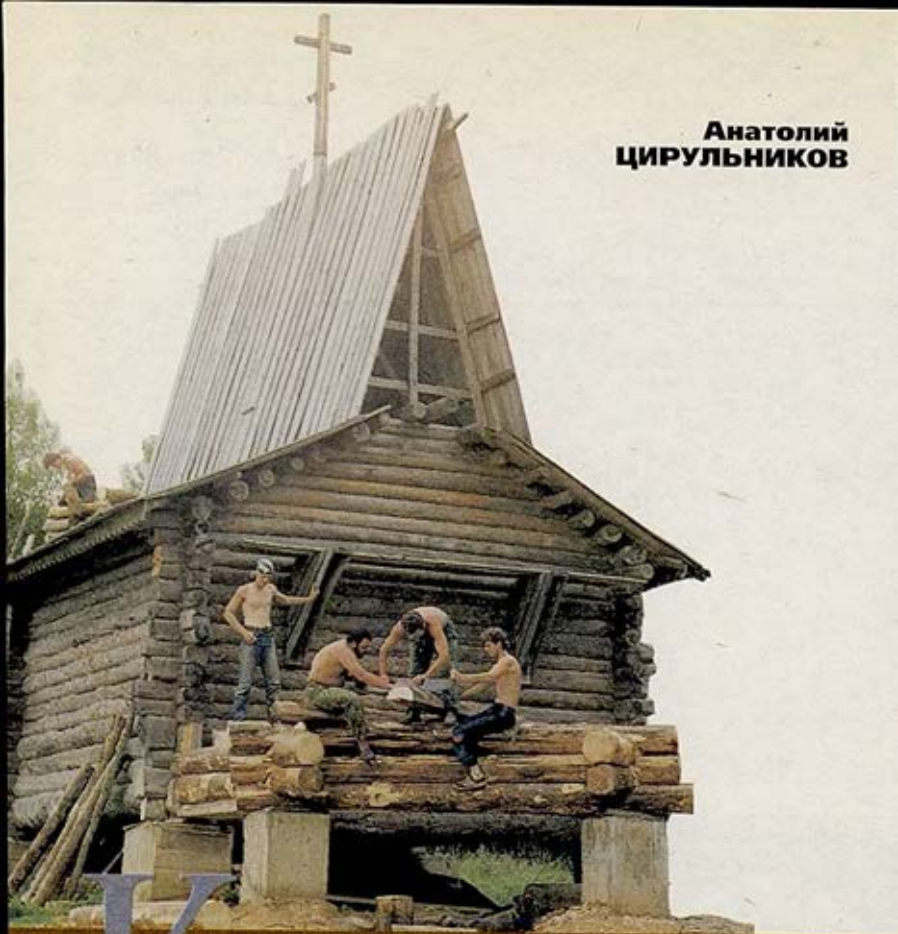
Корреспонденту журнала удалось проникнуть в уникальнейшее учреждение — Экспертно-криминалистический центр МВД России. О том, как преступники пытаются скрыть следы преступления, а эксперты Центра стараются их найти и предъявить следствию, и рассказывается в очерке.

сентябрь '2000

9

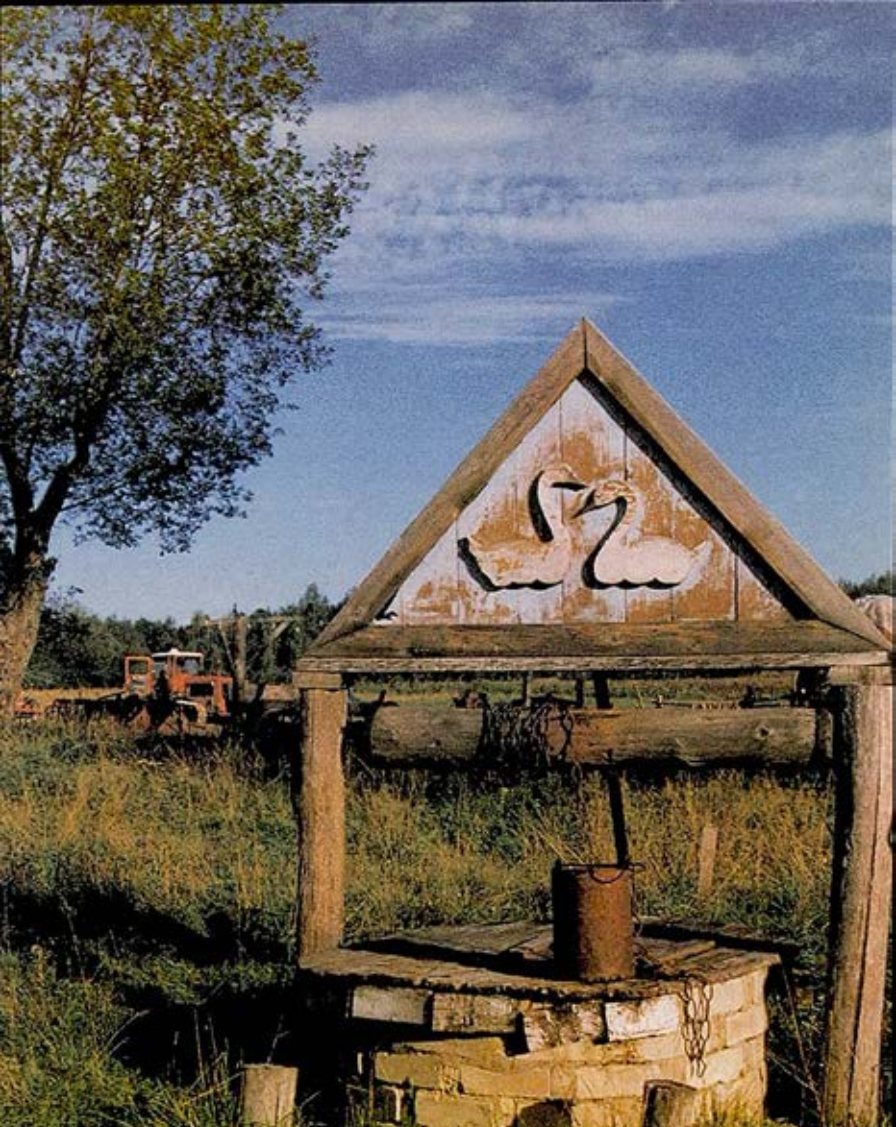
АНОНС:

**Анатолий
ЦИРУЛЬНИКОВ**

Китеж, где живут аисты

4 *Чем живем*

Первое, что мне тут понравилось. — нет фанатов. Никто никуда не тащит. Живут в свое удовольствие. Радуются полноте жизни. И то главное, ради чего они собрались, получается не натужно, а как бы между делом.

А что — главное?

По-моему, это история не столько о приемных родителях, сколько об обыкновенных. В них проблема. Если все могут быть родителями, откуда тогда столько бездомных детей? Быть обыкновенным родителем, казалось бы, проще простого, а оказывается, трудно. Непонятно, чего не хватает — времени, денег, ума, души?..

Посреди лесов и полей

Идею Китежа Дмитрий Морозов озвучил в начале 90-х. На радиостанции "Маяк", где Морозов работал комментатором-международником, посмотрели на него как на сумасшедшего, но дело поддержали, помогли начать сбор средств на строительство поселения. Былинную общину — семейный детский дом — назвали Китежем. На призыв Морозова откликнулось несколько энтузиастов. В 1993 году, получив землю, они поселились в ста километрах от Калуги.

Не скажу, что теперь, семь лет спустя, их поселение воспринимается как нечто обыденное. Хотя почта в Китеж поступает исправно, даже без упоминания на конвертах соседней деревни Чумазово. Среди лесов и полей приезжий увидит с десяток срубов, школу, церковь, ферму, пасенку... Может быть, не чудо-град, но и не обычная русская деревня с поставленными в один ряд избами, где с одного ее конца не видишь другого. Китеж расходится кругами, и каждый — часть целого.

Основатель поселения — кандидат исторических наук, востоковед Дмитрий Морозов — счастливый отец младенца Вячеслава. Когда я приехал в Китеж, Морозов кормил его из соски. Между делом — рассказывал. Внешние признаки общины: совет, бесплатная столовая и баня ("парнуха" по-здешнему), отсутствие денег, прием в общину людей до сорока лет, испытательный срок, дружелюбное, но не панибратское отношение друг к другу, обращение от мала до велика на "ты". Но лишь отчасти — Китеж

создан для другого. У взрослых нет денег, а у детей есть местная валюта "няняне", конвертируемая в рубли. Действует аукцион, бар (чтобы научиться держать себя в обществе), магазин, где торгуют тортами собственного приготовления. Дискотека и кино тоже платные. Подростки, которые их проводят, платят за аренду помещения. Есть три банка. Один обанкротился, дав прекрасный повод объяснить детям, что такое "черный четверг". В Китеже хотят, чтобы ребята были подготовлены к жизни в реальном мире.

Мир же, в котором живут китежане, отличается от обычного лишь одним — они тут счастливы. Это видишь по лицам, по голосам, по атмосфере такой любви и доверчивости, как будто над ними купол, оберегающий от ненависти и злобы. Тут и природа такая — непуганые птицы, "красно-книжные" звери и растения, огромный заросший парк...

Здешние края — вотчина князей Брятинских, один из которых, генерал, говорят, пленил в прошлом веке Шамиля и привез в Калугу. Морозов считает, что это место с Чечней — на "историческом острие". От войны — еще той, Великой Отечественной, — весь парк в глубинах, медленно зарастающих воронках. Когда парк очищают, здесь находят гранаты, мины. А так — раздолье, буйство зарослей... Природа лечит.

"Том Соьер идет", — кивнул Морозов на некое существо с натянутой на голову майкой и вытянутыми вперед руками, идущее на ощупь по тропинке. При нашем приближении существо, не сбрасывая майки с глаз, издало радо-

стный вопль. "Полгода у нас Андрияша, — объяснил Морозов, — в сравнении с ним вождь краснокожих — детский лепет".

"Вождь" последовал за Морозовым, а я вышел на поле и познакомился с пятиклассником Мишей Молчановым, который пас китежское стадо. Делал он это по воскресеньям (одна из заповедей Китежа: — "Добро не имеет выходных"). Миша сразу стал звать меня на "ты" и рассказывал про характер коров: белая — самая бодливая. Коровы паслись рядом с "Химерой", к которой мы еще вернемся. Это летняя школа друзей Китежа, вундеркиндов из столичного колмогоровского интерната. После них остались вычищенный пруд, длинный сбитый стол для занятий, кострище и место для палатки. Черная, мохнатая, с оранжевыми и белыми пятнами бабочка села на стол, сложив крылья. Пастушонку Миша Молчанов потрогал ее пальцами и — вот чудо — она вздрагивала, но не улетала, а потом вдруг раскрылась.

Я не стал Мишу спрашивать, откуда он.

Аист принес

Попадают они сюда по-разному. Бывает, милиция привезет: куда его — в колонию или к вам? А так сами ездят по детдомам, высматривают. Лариса Ансеновских, ответственная за подбор и оформление детей в Китеж, говорит, что принять в семью сироту не так просто. Вроде ребенок тебе понравился, а документов нет или отец в тюрьме. Если ребенок свободен от родителей, можно брать его в Китеж. Но ребенок не свободен от своих роди-

телей. Отец вернется из тюрьмы и может забрать его.

По каким признакам отбирают детей? Здесь есть такое выражение: "взять на пробу". Это значит: когда ребенка в Китеж привозят, ему говорят, что он просто приехал в гости, может погостить и вернуться назад. Но если между взрослым и ребенком просканивает искра чувства, вот тогда спрашивают: "Хочешь жить с нами?" "Без любви ничего не делается, — говорит Лариса. — Любовь и доверие — вот что главное. Надо, чтобы у малыша возникло чувство привязанности к взрослому, ребенок должен поверить, что его любят".

А то, что он в приемной семье через три дня говорит "мама" и "папа", — это еще ничего не значит. И в обыкновенной — не значит. У многих попавших сюда детей были когда-то мама и папа, не состоявшиеся как отец и мать. Эти дети — результат провала родителей. Ребенок приходит сюда с недоверием к себе и к миру. У каждого исковерканная судьба, за каждым — океан ненависти. Как вылечить?

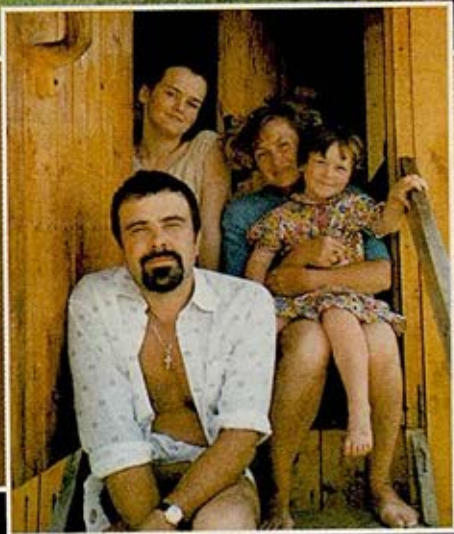
Иван Гошов, психолог-волонтер, рассказывал про игровую терапию. Есть такая большая кукла, ребенок надевает ее на руки и на ноги, и получается, что он — уже и не он, а кто-то другой. И этот "кто-то другой" может рассказывать то, что тяжело рассказать родителям, тем более неродным ("есть опасность второго изгнания из рая"). Нужно, чтобы ребенок выговорился.

Одна девочка, когда с ней занимались этой терапией, вспоминает Иван, мысленно положила на пол воспитателей детдома, от-

У Нитежских ребят
есть время и на учебу,
и на работу,
и на отдых.

Здесь живут одной
семьей — большой
и дружной.
А Дмитрий Морозов —
"отец" этого
счастливого
семейства.

куда приехала. Здесь, сказала, лежит Марья Ивановна, тут — Виктор Петрович. Потом взяла игрушечный меч и начала их ноги рубить. "Что ты делаешь?" — спросил психолог. Она ответила: "Я не хочу, чтобы они пришли и забрали нас".

Так отсекается прошлое.

А ленция тут не срабатывает, объяснял мне китежскую педагогику один из ее создателей, Дмитрий Морозов. Если ребенка били в милиции по почкам, то ленция не срабатывает. Ребенок просто должен прожить год в атмосфере абсолютной любви. Он должен оттаять...

Поэтому, чтобы стать приемным родителем, надо пройти огонь, воду и медные трубы. Год испытательного срока. Если за этот год человек докажет свою способность находиться в гармонии с окружающими детьми и взрослыми (человека, который не любит взрослых, в Китеж не возьмут) и не выходить из себя из-за "неправильного" поведения детей, тогда у кандидата есть шанс остаться в общине. И он получит главную привилегию — право брать приемных детей.

Словом, чистилище перед раем (одна из заповедей Китежа: "Приемный родитель подобен небу, его должно хватать на всех детей").

Я побывал в семье Ларисы и Андрея Ансеновских. Пона разговаривали, сидя за круглым столом, где помещается двенадцать человек, в комнату то и дело заглядывали дети, и каждый ребенок дарил маме цветок. Вышел букет.

Когда Лариса приехала, тут еще ничего не было, стоял в ле-

су один дом, а она почувствовала — ее. До этого, говорит, металась, пробовала то, это, но покоя не было, а тут такое ощущение, что попала в ячейку, ей предназначенную, нашла то, для чего рождена. Ей предложили остаться. Через год она взяла Танюшку.

Потом приехал Андрей, и, когда стало ясно, что они поженятся, Танюшка начала ревновать ужасно. А перед самой свадьбой вдруг резкая перемена — девочка стала такая счастливая, как будто сама замуж выходит. Сразу после свадьбы, в ноябре, взяли Женьку, ему было четырнадцать, а в январе — Машу, ей было семь. Женька к своему возрасту отучился полтора класса. У Маши постоянно были истерики, и больше года прошло, прежде чем они стихли.

Потом взяли Наташу. В детстве у нее было четверо сестер и братьев, все с тяжелыми психическими болезнями, а эта, рассказывает Лариса, — такая девочка чудесная, только не выговаривала пять букв, но через два месяца заговорила.

Все дети удивительно похожи на Ларису. Девочки такие же мягкие, женственные. Мы сидим за большим круглым столом и рассматриваем семейные фотографии. Свадебные, праздничные... Фотографии счастья.

Привыкнув к постоянному несчастью, мы забываем, что бывает иначе. Что это возможно для обыкновенных родителей и детей — жить, испытывая радость сегодня, каждую минуту. Выйдя из дома Ларисы, я увидел аиста. Он стоял в поле, потом взмахнул крыльями и полетел. Скоро, на-

верное, еще кого-нибудь принесет.

Школа для "умственно усталых"

Утром детям дают выспаться. Потом все встают в круг: "Мы — плывущие облака, растущая трава, мы — часть всего, и все — часть нас..." (Впрочем, эта древневосточная зарядка, которую проводит Морозов, больше для взрослых, дети предпочитают просто бегать и прыгать. С девяти-десяти до часу дня — уроки, потом час футбола, карате или танцы. После обеда еще один урок и полтора часа обслуживания Китежа (вода, дрова, ферма), потом — живопись, резьба, куклы... После ужина что-то вроде самоподготовки — чтение или ролевые игры. В девять — час общины: игры со взрослыми, пение у свечи, стихи или хороший фильм. В десять-одиннадцать — отбой (но еще час разрешается не спать, если хорошая книжка, маленьким читают взрослые).

Где во всем этом школа — сказать непросто. То есть как помещение вот она — на полянке избушка с вырезанными на фасаде буквами: *школа*. И в ней то, что положено: счеты, глобус, кристаллическая решетка, все вперемешку. Но традиционных проблем, снажем, семьи и школы, в Китеже нет, потому что тут нет каких-то особых учителей — они все родители. Конечно, приходя в школу и становясь учителями, родители делают все, что положено: задают на дом, спрашивают, даже порой ставят двойки, но дети относятся к этому спокойно, понимая, что дома за

это не убьют. Когда взрослые не надевают маски и не играют то в родителя, то в учителя, а просто живут вместе с детьми, вечная антитеза семьи и школы отсутствует. К тому же часть уроков проходит в Китеже по домам, у разных мам.

Директор школы Наташа Харламова занимается перепиской с районо. Проверяющим оттуда все это не очень нравится, но их тоже надо понять: китежская школа может трижды числиться государственной, а на самом деле она — общественно-домашняя. Почему родители решили стать учителями? Потому, объясняли мне, что для них главное то, чего казенный учитель дать не может. Я вспомнил отчаянные письма матерей к министру народного просвещения в начале века. И проекты вроде такого: "Материнский элемент в программе школы... Литургия как откровение, опыт образного эмоционального преподавания, практическое домашнее освоение языков, живая речь, развитие души". Как это все дать без родителей? Поэтому и знания тут ценятся лишь такие, которые пропущены через сердце. И атмосфера совсем другая. И педагогика, ее принципы: учителя принимают учеников такими, какие они есть, основа взаимоотношений — интеллигентность и взаимное доверие, сотрудничество во всем, включая создание школы.

Это я уже цитирую методический материал под названием "Жизнь и удивительные приключения Химеры в Китеже". В качестве приложения к нему идет курс для студентов педвуза с такими, например, темами: "Эдем

(рай) — первая школа человечества", "Смысл воспитания — обеспечить связь добра и свободы".

Все это здешняя педагогика и образ жизни. "Химера", возникшая еще в комсомольские времена летняя школа МГУ, обитает в Китеже вот уже шестой год. В результате калужские леса и болота заселяются преподавателями и студентами разных московских вузов, учениками знаменитого колмогоровского интерната, "умненькими ботаниками", как называет руководитель "Химеры" Вячеслав Загорский юных лауреатов олимпиад из российской провинции. Про уровень интеллектуальной среды, в которую погружаются китежские воспитанники, говорить нет необходимости. Эту школу дети назвали "для умственно усталых", и день пребывания в ней идет за три.

Взаимное обучение, как метод, подтверждается, что студенты и школьники — лучшие преподаватели, чем доценты. Да чисто психологически: одно дело, говорит Загорский, когда дядя с бородой втолковывает, что ученье — свет, и совсем другое, если твой ровесник с юношеским пинжонством рассуждает, почему при подъеме бревна на сруб блок выгоднее рычага.

Задачи в "Химере — Китеже" решают реалистичные. Одна запомнилась. Дано: мешок, который дети приволокли с заброшенного деревенского склада. Надо определить по химическим реакциям, что там?

Что там за кот в мешке, именуемом жизнь, школа, педагогика... Что их в действительности

интересует, умных и глупых, легких и трудных? ("Трудных", может быть, потому, говорят в "Химере", что много знают и этим раздражают учителя? Или вместо учебы любят работать топором, замечают в Китеже, а мы не даем им строить.) По данным проведенного здесь опроса помимо пиротехники и сенсологии (ну, это понятно), их привлекает, то что понятно меньше, философия науки и история древнего мира и, что уж совсем неожиданно и непонятно, — то, как устроена современная Россия.

А как она устроена, кто это знает и может объяснить? Кто ее строил, если не родители?

Центр Барятинского района

Про Китеж теперь знают не только в районе, но и в области. Я добирался на перекладных с другого ее конца, и попутчики уназывали дорогу. Китеж открыт для нормальных людей, которых называют друзьями. Они разные — вундеркинды Загорского детдома и друзья Шалвы Амонашвили, бизнесмены и психологи, фотографы и политики, но всем им зачем-то нужен Китеж и они — ему.

Предпринимателя Владимира Бухардинова за живописную внешность дети прозвали Карабасом-Барабасом. На самом деле Бухардинов — добрый гений китежского хозяйства. Володя говорит про себя, что он — старый конь, все испробовавший, потерявший веру и нашедший ее здесь. По словам исполнительного директора "Китеж-агро", тут есть все необходимое для успе-

ха: триста гектаров земли, заманчивая программа и уже уставленные огромные ангары для картошки, видимые, наверное, из космоса.

А кандидат наук геолог Михаил строит тут церковь — как встарь, без единого гвоздя. Ему помогает студент из Бауманского Паша Трошин, которого вы можете увидеть на фотографии. Он стоит на скате крыши, а Михаил за кадром в этот момент говорит: "Паша, всей подошвой ногу ставь, как альпинист, тогда не поедешь". История строителя церкви Михаила такова: приехал в гости, решил поставить часовню. Владыко прослышал про него и благословил. И вот теперь строитель Михаил учится заочно в семинарии и будет тут священником.

Дурные люди по определению в Китеж не притягиваются, объект не тот. Можно даже предположить, что друзья Китежа — это лучшие представители окружающего его мира. Они протаптывают дорожки сюда и обратно, дети, оказавшись в миру, обрели лучшее, а не худшее в нем. И не только в миру — вообще в мире. Психолог Лайза из Великобритании, побывав в Китеже, нашла в разных странах пожилых людей, желающих иметь племянников и внучат. Теперь у Наташи Ансеновских есть крестная мать, преподаватель колледжа из Англии, у Маши — бабушка, архитектор из США, у Жени — дядюшка, психолог из Шотландии. Почти во всех семьях у детей появились родственники за границей, с которыми общаются, переписываются по Интернету, ездят друг к другу в гости. Дети Ките-

жа уже живут в открытом обществе.

Может быть, вообще Китеж — ключ к нему? Но это высокая нота, а в километре отсюда есть деревня Чумазово. Что такое Китеж для нее — мираж среди калужских полей и лесов? А это как посмотреть. Мне рассказали, что для нужд местной стройки ищут крепких мужиков по деревням. Человек десять местных мастеров, фермеров уже работают в китежском хозяйстве. Попадая сюда, не пьют, не сквернословят. "Что для них Китеж среди всеобщего раздора и разброда — рабочее место?" — спрашивал я людей. "Китеж — надежда, — отвечали мне, — что не надо никуда уезжать, что тут жить можно".

Пожалуйста, люди, не уезжайте, не умирайте. Вот будет скоро храм Божий, единственный в Бярятине, — тоже для кого-то надежда. И летняя школа МГУ — единственная надежда для учителей района. И Китеж — для детей... И выходит, живут себе люди, строятся понемногу, а получается чуть ли не центр района. Что же такое Китеж: социальный эксперимент, педагогическое чудо, панацея от бед?

Собрались люди и строят жизнь не для кого-то, а для себя — как понимают и как хотят, и, оказывается, это возможно. Оказывается, всего-то и нужно: не пытаться народ спасать, он и сам спасется, и накормит, и научит.

И последнее о Китеже, под занавес.

Тут есть традиция: под Новый год ставить спектакль. В этом

году была рок-опера на английском языке "Иисус Христос — супер стар". Постановщик Марина Максимова прокрутила для меня видеозапись, и я увидел бывших детдомовцев, "дебилов", изгоев, танцующих и поющих под фонограмму, играющих Иисуса и Иуду, и апостолов... Они, это было видно даже по записи, здорово играли свои роли. Саша исполняла арию Марии Магдалины, а потом играла пронаженную. Кирилл, с детдомовской неблагозвучной кличкой, полученной за то, что плохо двигался, отплясывал с девочками чарльстон царя Ирода, играл Иуду и гениально вешался на перекладине. "Помоги, у меня нет ног! Помоги, у меня нет глаз!" — протягивая руки к Иисусу, взывали по-английски бывшие дети-сироты. "Нет, я не могу

помочь всем, — отвечал семиклассник Егор в роли Христа, — слишком вас много..."

Это были не дети на сцене — чудо какое-то.

Кто бы мог подумать, что библейский сюжет получит такую интерпретацию. История оживает вновь, потому что она о каждом из нас — в Китеже и за его пределами. В конце тысячелетия в России миллионы детей бездомны. Когда они станут взрослыми, они сами решат, что в них от Бога, что от общества, а что от собственных усилий. Но пока они еще дети — в нас, родителях, и Бог, и общество — да или нет? В заключение рок-оперы все действующие лица выходят на сцену и говорят: мы не ожидали, что с нами такое будет. ■

фото **Дмитрия Назарова и автора**

Арсений АННЕНКОВ

ЭЛЕКТРИЧКА

*В электричку народ понапихан:
Кто стоит, а кто сидя едет,
Кто на снег сиганет в Химках,
Кто степенно на "Рижской" слезет...
И как мало из тех, кто в дороге,
Из какого бы ни были теста,
Знают точно — куда в итоге,
Еще меньше — зачем вместе...*

* * *

*Здесь в три часа ночи земля нереальна,
Покрытая дымом — не дымом — туманом,
Что днем еще правильно, рационально
Здесь кажется былью-не былью — обманом...
Здесь двойка и двойка не станут четверкой,
Здесь то, что тебе напророчит тетерка,
Важнее надежды на твердую руку...
Здесь дикий восторг ощутишь не однажды
Ты, мученик правды своей монотонной,
Пред тем, что родилось задолго до правды,
Что завтра скроит твою правду по-новой...*

* * *

*Осень на рябине спелой
Настойт хмельную влагу,
Все, что сделал и не сделал —
Все уместно, все ко благу.
Таёт в уличном рассвете
Память злобным привиденьем,
Праздник молодости смерти
Снова радует растенья.
Им сквозь мутное оконце,
Уж сама едва живая,
Целый день старушка солнце
Передачи посылает.
И за нею, прочь от буден,
Мокро, сухо — без дороги,
Все, что было, все, что будет —
Чтоб вернуться, все уходит...*

* * *

*У длинного дома, в шипящей давке
Так жадно глядят друг на друга прилавки,
Так радостен торг, слезы так ни при чем,
Что кажется, будто сейчас из-под арки
Спустится ангел, ведомый лучом
И, прикрывая крыло плечом,
Спросит робко у ближней бабки:
"Простите, а это у вас почему?"
Вдохнет и не купит синие плавки...*

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК СЧАСТЬЯ

Недавно парижский фотограф Бернар Фокон подарил счастливый день сразу ста московским подросткам. То, что они теперь вряд ли забудут эту дату — 15 апреля 2000 года, можно не сомневаться.

Бернар Фокон — один из известнейших французских фотографов. Он участник крупнейших фотовыставок, организуемых по всему миру, обладатель высшей французской национальной премии в области фотоискусства. Достаточно долго он занимался изучением философии, живописи, двадцать лет создавал "специально выстроенные фотонартинки". Эти до мелочей продуманные и тщательно "сделанные" снимки даже назывались не фотографиями, а "фотографическими мизансценами". И, как мне кажется, Бернар от всего этого просто устал. "Сегодня я не вижу ни одной фотографии, смысл которой меня захватил бы, обновил

мое видение мира. Все они кажутся мне... дряхлыми," — писал Фокон в одной из статей. В снимках коллег он отмечал безупречное кадрирование, неожиданные сюжеты, красивые отпечатки, но их сочность представлялась ему ложной, неожиданность — придуманной: "образ утратил ту непосредственность, без которой нет искусства". Бернар пришел к выводу: "Когда изображение имеет только один смысл — быть красивым любой ценой, происходит девальвация понятия "красивый", оно превращается в диктатуру".

И тогда француз "рванул куда подальше" — куда глаза глядят. А глаза его глядели в Маронно, в страну, которую он безумно любит.

Анастасия Нравченко

За то, что она очень красивая. За то, что там, по его мнению, — самая прекрасная в мире дорога, идущая вдоль Атлантического океана. И Маронко неожиданно открыло для него дорогу, по которой Фонон идет уже четвертый год. Он поехал туда снимать молодежь. В виде эксперимента Бернар предложил самим подросткам пофотографировать. Из этого эксперимента неожиданно вырос большой проект "Самый счастливый день юности", с которым фотомастер проехал по двадцати странам мира: Япония, Китай, Швеция, Камбоджа... Россия — двадцать первый миг счастья.

Идея, как все гениальное, проста: Фонон раздает ста юно-

шам и девушкам 15-17 лет одноразовые фотоаппараты и предлагает увидеть через объектив камеры "самый красивый пейзаж в мире", "самую красивую в мире дорогу"... Потом Бернар отбирает из тысяч фотоснимков полсотни и делает из них выставку. Акцию, организованную 15 апреля в Москве, в ЦПКиО им. Горького, Фонон назвал "Самый прекрасный день моей юности". Московской молодежи было предложено сделать снимок счастья.

Мне невольно вспомнился знаменитый диалог из фильма "Доживем до понедельника":

— Разве можно написать о том, что такое счастье? Это все

Алиса Преснянова

Анастасия Завьялова

Мария Борисова

Анастасия Нравченко

равно что приклеить к стене солнечный зайчик.

— Не волнуйтесь, все напишут, как надо, — отвечает молодой учительнице герой Вячеслава Тихонова.

В сценарии, правда, была иная фраза — "Все напишут, что счастье в труде", которую цензура потребовала изменить. Так родилось компромиссное "как надо".

Судя по снимкам московской молодежи, нынешних подростков мало волнует то, как "надо" понимать счастье, и они искренне пытаются "прикнопить" к фотобумаге тот самый солнечный зайчик. И, что самое поразительное, многим это удается. Не случайно

же Фонон вместо полусотни отобрал для выставки в два раза больше фотографий. Я долго допытывалась у Бернара, чем же его так поразили снимки москвичей. Оказалось, мастер полагает, что их работы наиболее профессиональны. И это при том, что многие московские школьники впервые взяли в руки фотокамеры! Но у Фонона "было ощущение, что они давно занимаются фотографией и что она была придумана не во Франции, а в России". По словам Бернара, в других странах молодые люди чаще всего делают "статичные" фото-портреты, а в нашей — живые фоторепортажи. Именно это и произвело на Фонона наиболь-

Анна Намеева

шее впечатление — то, что ребята пытались остановить неуловимые мгновения жизни, снять действие, событие.

— В снимках, сделанных молодыми японцами, очень чувствуется тема одиночества, стремление к созерцательности; у шведов очень много романтизма. У вас же, в России, глядя на сделанные московскими подростками снимки, невозможно выделить что-то одинаковое, какое-то одно — общее — мироощущение молодежи. У каждого школьника — свой взгляд на мир, на каждой фотографии — печать индивидуальности.

— Бернар, а где было труднее всего работать с молодежью?

— В Париже. У нас во Франции подростки находятся настолько в центре социальной жизни, что оставаться молодыми у них нет никакой возможности. Они очень быстро превращаются в... не молодых людей.

— И как это отражается на фотоснимках?

— Никак. Просто это снимки... взрослых.

А это уже, надо полагать, фотографии, сделанные "как надо". Именно от "правильных" снимков, выстроенных "как надо", Фонону и хочется бежать нуда глаза глядят. Например, в Россию, в Москву, где молодые люди отваживаются ловить солнечный зайчик. ■

Галина КАЛИНИНА

Фотографии с выставки "Фотобиеннале-2000"

Игорь ГАМАЮНОВ

Капкан для милли

Только увидев, что за налоговое преступление грозит реальная, а не виртуальная тюрьма, подпольный миллионер начнет делиться с государством, подпитывая своими налогами социальные программы.

В тюрьму под конвоем...

В Саратове творится нечто невиданное: одна за другой возникают шумные судебные драмы. На скамье подсудимых — предприниматели. Судят за долги: задолжали не частным лицам — государству. Не платили налоги!

Только за два месяца 2000 года возбуждено 119 уголовных дел по налоговым преступлениям, 15 дел направлено в суд. Шестеро уже осуждены.

Накнетса, слова о диктатуре закона здесь перестают быть только словами, обретая черты жесткой реальности.

Началось это в Саратове примерно год назад, когда к руководству областного Управления федеральной службы налоговой полиции пришел бывший рубоповец, полковник милиции (сейчас уже — генерал) Анатолий Яцков. И целый год со страниц областной прессы не сходила скандальная информация о налоговых полицейских: ворвались в маслах!.. арестовали документацию!.. обидели словом и действием!.. парализовали работу!.. Куда смотрит прокуратура?!

онера

А прокуратура смотрела туда же — проверяла. И отвечала невозмутимо: действовали в рамках закона.

Но вал жалоб нарастал: уважаемый директор бывшего оборонного предприятия будто бы был оскорблен полицейскими на рабочем месте — в день своего рождения!.. У руководителя хозяйства, бывшего депутата облдумы, полицейские силой отобрали автомобиль BMW!.. А директора одного акционерного общества просто побили, и тот, чтобы зафиксировать столь вопиющий факт, вынужден был вызвать наряд милиции.

Да это же разгул беззакония, подумал я. Венчал эти события судебный процесс, случившийся в конце 1999 года: впервые в Саратовской области к реальным срокам лишения свободы были приговорены два злостных неплательщика налогов: руководитель АОЗТ "Зльза" из города Балакова Ю.А.Сысенно — к 6 месяцам заключения и руководитель саратовского ООО "Нортенс" И.В.Кулаков — к 2 годам.

Обоих взяли под стражу сразу после оглашения приговора, обоим защелкнули наручники, что поверг-

ло предпринимателей в шок — ни тот, ни другой не смогли вымолвить ни слова, когда их уводил конвой.

Впрочем, в таком же шоковом состоянии оказались и их родственники и друзья, ставшие свидетелями невиданного в Саратове события: забрать уважаемых людей в тюрьму?! Из-за них-то там налогов?.. Да что ж это такое делается?!

С этим вопросом я и обратился к Анатолию Федоровичу Яцнову, когда приехал в Саратов.

Нужно ли впадать в крайность?

Из интервью с А.Яцновым:

— Лютуете, Анатолий Федорович?

— Только в рамках закона. За пределы не выходим. Да и не дадут: ни средства массовой информации (к нам внимание особое!), ни прокуратура. Каждый наш шаг — под контролем.

— Прямо уж так и каждый?..

— Буквально! Мы теперь наши выезды снимаем на видео. Документируем. А то пытались нас тут облыжно обвинять....

— К этому мы еще вернемся, а пока — один общий, но достаточно коварный вопрос: всем известно — налоговое законодательство у нас несовершенно, дебаты вокруг этой проблемы не затихают. Одни законодатели чуть ли не кричат о необходимости уменьшить налоговое бремя, что, по их мнению, позволит выйти "из тени" тем, кто прячет свои доходы, а значит — собираемость налогов повысится. Другие столь же упорно сопротивляются этой точке зрения, считая, что такое послабление ничего не даст, скорее нанесет ущерб и без того хилому бюджету. И вот на фоне таких споров

вы в Саратове максимально унесточаете характер своей работы — размахиваете шашкой, головы рубите.

— Головы, слава Богу, остаются на месте, а вот руки оказываются в наручниках.

— Да, но уверены ли вы в том, что правильно поступаете? Ведь этих злосчастных неплательщиков можно представить просто жертвами несовершенного законодательства.

— Нинакие они не жертвы. Каждый из них про себя все знает: и что девять десятых доходов прячет от государства, и что никогда толком налогов не платил, но зато научился кричать на всех перенкрестнах: мол, душат нас налоги!

— Но проблема-то есть...

— Есть. И не одна, а две. С одной стороны, действительно несовершенное налоговое законодательство. А с другой — сформировавшийся уже слой налоговых нигилистов-предпринимателей вообще ниногда(!) не плативших налоги... И отнюдь не потому, что они могут разориться, заплатив — мы же детально анализируем их коммерческую деятельность и знаем... А только потому, что вообще не привыкли платить государству!.. Нет такой традиции. Ее нужно создавать.

— Но, может, надо вначале просто разъяснять?

— Думаете, они без наших разъяснений не понимают, что из-за их неплатежей бюджетникам зарплата не идет?! Еще как понимают. Видят же, что пенсионеры бедствуют, учителя по полгода денег не получают... Но каждому из них почему-то кажется, что государство каннибудь без них решит проблему. Нет, не решит! И проповедью, призывами к совести таких в

налоговую инспекцию не загонишь. Только жесткостью исполнения закона! Предельной жесткостью...

— До чего ж мы любим впадать в крайности! Ну почему — если жесткость, то обязательно еще и — предельная?

— Потому что эгоизм, каной бы он ни был — индивидуальный ли, групповой ли — нужно загонять в капкан собственной неосмотрительности. Только увидев, что за налоговое преступление грозит реальная, а не виртуальная тюрьма, подпольный миллионер начнет делиться с государством, подлитывая своими налогами социальные программы.

— Допустим. Но надо ли при этом отбирать автомобиль BMW — ведь был же такой эпизод?

— Был. Хотите посмотреть видеозапись?

Истерика районного масштаба

Начальник пресс-службы Сергей Володин загадочно улыбается, включая видик. Объясняет: "Это наш документальный боевик..."

На экране возникают люди в камуфляже и с автоматами. Нет, они нигуда не бегут. Они пятаются. На них налетает грудью плотный гражданин. Лицо свирепое. Голос оглушительно-резкий.

— Стреляйте! — кричит, тесня камуфляжных. — Я без BMW обходился... И обойдусь! Дело не в BMW...

За его спиной — группа людей в гражданском. Молчат одобрительно. Им нравится, как защищает свою собственность их вожак — руководитель хозяйства "Горькореченское", бывший депутат облдумы Александр Анимов. Здесь, в степ-

ном Новоузенском районе, он человек авторитетный — как себя поведет, так и будет. Не человек — крепень! Сам себе закон! Это он, узнав, что из Саратова пожаловала налоговая полиция, немедленно собрал толпу, пустив слух о том, что их всех сейчас "эти бандюки" разорят, если не окаять сопротивлени-

И они "оказали": вызвали наряд местной милиции, сказав, что приехали переодетые "начки". Стражи порядка потребовали документы, пригласив приехавших в отделение. И как ни бесновался Акимов, нанавля обстановку, выдержки налоговикам хватило — стрельба не началась. Милиция, выяснив, кто у них в гостях, отступилась. Но акция все-таки удалась не в полной мере.

— Дело в том, — рассказывает Яцков, — что ЗАО "Горькорецкий" несколько лет не платил налоги в Пенсионный фонд. Долгов накопилось аж на четыре с половиной миллиона рублей. Представьте, сколько пенсионеров было ограблено?! Но бывшему депутату все до лампочки — врал направо, будто денег нет ни копейки. А у самого три служебные машины, шикарно обставленный кабинет, дорогая оргтехника. И — образ жизни зданого купчика с толстой мешком...

Налоговики планировали снять с Анимова в счет долга весь "лишний жирок". Но увидев, как он взвинтил ситуацию, ограничились конфискацией лишь одного, но зато дорогого его сердцу автомобиля. Вот тут-то Акимов и кинулся грудью на автоматы: "Стреляйте!.."

Не помогло. Автомобиль уехал без него — в Саратов, на охраняемую платную стоянку. Правда, себе вслед налоговики услышали теперь

уже от хозяина всего Новоузенского района, от главы администрации Леонида Крамаренко такую, ночевавшую потом по саратовским газетам, крылатую фразу: "Еще раз заявитесь, встретим огнем!"

Такая вот случилась с местными князьками истерика. Продолжалась она недолго: Анимов бунвально днями выплатил государству свои миллионы. И откуда только деньги взял? Неунели у богатых родственников? В долг?.. И, весь из себя деловой и предупредительный, явился к налоговикам — за автомобилем. Те показали ему стоянку. Он приехал туда со своим водителем. Там нужно было заплатить за охрану автомобиля. И Акимов, узнав сумму, вытащил кошелек, отсплюнявил несколько бумажек. Не хватило. Повернулся к водителю, распорядился:

— Сбегай, посмотри в бардачке, там у меня еще тысяча должна валяться...

Вот так. У него, как выяснилось, деньги просто ВАЛЯЮТСЯ.

А что за кадром?

Из интервью с А.Яцковым:

— ...Нам приходится ломать этот повальный налоговый нигилизм — и среди хозяйственников, и среди глав администраций, и среди рядовых предпринимателей. Потому что многие из них долгое время жили в рениме постоянного поиска: как бы уйти от налогов. Вы только подумайте: хорошим руководителем у нас стал считаться тот, кто придумывает удобные схемы ухода от налогов. Ведь когда мы забирали у Анимова его автомобиль в счет долга, ему его же односельчане сочувствовали!.. Примерно та же история с директором бывшего оборонного предприятия...

— *Ноторого оскорбили в день рождения?*

— *Оскорбление мнимое...*

Случилось так, что руководство Радиоприборного завода, где гендиректором работает В.Н.Ломов, оскандалилось. Уличили его в уклонении от налогов на сумму более 6 миллионов рублей, то есть "в особо крупных размерах" (ст.199 ч. 2 УК РФ). И возбудили уголовное дело N 10223.

Для дальнейших следственных действий необходимо было изучить финансово-хозяйственную документацию и допросить самого Ломова. Но вот незадача — следователи, офицеры областного Управления федеральной службы налоговой полиции, имеющие специальный допуск на подобные предприятия, на завод попасть не могут. Не пропускают их. Мол, нечего вам здесь делать. Гуляйте, ребята!

Пришли они раз, пришли другой. Попытались передать повестку гендиректору, приглашающую его на допрос — не тут-то было. Охрана и повестку не передает, и к документам не допускает. Тогда приехали налоговики со спецподразделением физзащиты — так называют у них ребят в камуфляжной форме. И, конечно же, с видеонамерой.

Пленку я видел: в заводской проходной переминается с ноги на ногу "физзащита", а заводское "ответственное лицо по режиму", хмурясь и сдержанно жестинкулируя, пытается не пустить незваных гостей. Но все-таки пропускает. С условием: видеонамеру выключить! А то вдруг какой-то секрет из разряда государственной тайны в кадр попадет.

Поэтому за кадром остался разговор с генеральным директором, который будто бы готовился отметить свой день рождения и глубоко оскорбился, увидев налоговинов.

За кадром оказался и такой зрелищный эпизод: сотрудники налоговой полиции получают в заводской бухгалтерии — по официальном запросу — справку о зарплате гендиректора, заходят к Ломову — нужна была его виза, и он, взяв у них сей документ, рвет его на мелкие клочки. При этом, как свидетельствуют сотрудники, "громно и нецензурно выражается".

Да, видно, знало "ответственное лицо по режиму", почему на завод нельзя входить с включенной видеонамерой. Снятый на пленку такой "секрет" дорогого стоит!

А разволновался генеральный директор вот почему: он, оказывается, одновременно был руководителем и учредителем(!) нескольких дочерних коммерческих структур, возникших при его заводе, на котором средняя заработная плата у кадровых рабочих не превышает 1(одну) тысячу рублей. У него же, у гендиректора, в той справке — черным по белому — значилось, что он ежемесячно получает в заводской кассе 100 (сто) тысяч рублей.

Такая вот выразительная разница. И Ломову не хотелось, чтобы о ней рабочие узнали. Почему? Не

знаю. Наверное, стеснительный очень.

Драка по заказу

Из интервью с А.Яцковым:

— И часто вам приходится сталкиваться с такими "стеснительными"?

— Частенько. Случается, так застесняются, что инициируют процедуру собственного банкротства.

— Это еще зачем?

— Чтобы начать, как говорится, с чистого листа. Но мы-то интересуемся: а что за помарки остались на том, "нечистом"? И такие порой художества выявляются!.. Вот пример: Вольский кирпично-известковый завод за четыре года задолжал государству 670 тысяч рублей, не считая пени. Директор Николай Ситников просто убивался, рассказывая: объем производства только за последний год упал в 5 раз. Никому, видите ли, сейчас кирпич не нужен. Надо завод немедленно банкротить, а значит — и долги списывать. Но проверка обнаружила одну странность: оназалось, что за этот "провальный" год завод "сжег" элентричества столько же, сколько и в прошлый. То есть печи изготовляли кирпич с той же мощностью. Нуда же делась продукция? Да пошла налево, "в тень", а деньги получены "черным налом".

— Голь на выдумки хитра.

— Если бы — голь. Подпольные миллионеры! А хитрят по-разному. Тут один из них заявил, что был избит налоговой полицией. Мало того — собственное лицо предъявил в качестве доказательства...

История, в общем-то, анекдотическая. Проверяла налоговая полиция ЗАО "Апенс-групп" на предмет установления доходов. Причем,

прежде чем начать проверку, директору Д.Б.Ханенно показали предписание за № 60. Все как и должно быть. Ханенно даже расписался на документе, подтверждая, что был с ним ознакомлен.

И ничто не предвещало беды до тех пор, пока полицейские не заинтересовались офисным компьютером. Тут директор сильно заволновался. Заявил: в документации рыться он еще кое-как разрешит, а компьютер включить не позволит. Понятно, документация ведь для того и предназначена, чтобы сунуть под нос проверяющим липовые цифры, а в компьютере информация подлинная, для внутреннего, так сказать, пользования.

Полицейские настаивают, Ханенно не соглашается. Причем — резко жестинкуирует. Вроде как собирается ного-нибудь из них с ног сбить. И — затоптать насмерть. Типично провокационное поведение — полицейские на подобные финты насмотрелись. И — не реагировали.

Тогда Ханенно тут же, на глазах у всех, отсоединяет системный блок — его еще называют процессором, в нем вся компьютерная память. И — собирается унести. Один из сотрудников полиции В.В.Галицкий не позволяет ему это сделать. "Уберите руки!" — запальчиво кричит Ханенно, хотя Галицкий всего лишь встал в дверях и даже не в боксерскую стойку. Но директору-то нужна была именно боксерская!..

Не дождавшись, он ринулся — без процессора — в соседнюю комнату, к своему бухгалтеру Д.Ф.Елхому, тоже пребывавшему в трепетном состоянии — уж кому-то, а ему-то очень хорошо было известно, какие утаенные суммы должны после проверки всплыть. Что-то на-

до делать... Как-то всю эту проверку скомпрометировать... Но — как? Ханенко шепнул ему... И Елхимов, коротко размахнувшись, ударил своего начальника в лицо. "Еще!" — потребовал директор, и главбух не смог ему отказать.

Ошеломленные полицейские смотрели на эту сцену, не понимая: дерутся? Но почему директор не сопротивляется? Может, они просто психи?... А тем временем директор, увидев в зеркале ссадины на лице, схватился за телефон. Через минуту в офисе появился наряд милиции.

И вот — проверены документы, установлены личности, опрошены свидетели. Выявлено то, что произошло на самом деле. Но директор упорно твердил: "Меня избили!.. Вы покрываете!.." И написал жалобу. Его приглашают к руководству налоговой полиции на беседу — не приходит. Начинают разыскивать — не находят. Выяснилось — пустился в бега.

То ли неудачный спектакль его так обескуражил, то ли испугала перспектива оказаться за налоговое преступление на скамье подсудимых.

Деятельное раскаianie

Из интервью с А.Яцковым:

— Но не будете же вы утверждать, что ваши работники святы?

— Не буду. От негодных — освобождаемся. За прошлый год уволили почти 60 человек.

— А удастся ли вам не дублировать работу налоговых инспекций и милицейских отделов по борьбе с экономическими преступлениями?

— Сфера наших интересов — только налоговые преступления. И

потому мы ориентируемся в своей оперативно-розыскной деятельности на разработку крупных неплательщиков.

— То есть у вас действует своя агентурная сеть?

— Без нее мы не смогли бы выявлять неплательщиков — слишком они искусны в укрывательстве своих доходов.

— Как-то не укладывается в сознании, что вот именно эти люди, никого не убившие и не ограбившие, махровые преступники, которых немедленно нужно отправлять в кутузку...

— Не убившие — да. Не ограбившие? Извините! Они грабят государство, его бюджет, малоимущих граждан, которых государство содержит. Другое дело, что сравнивать налоговые преступления с уголовно-рвовыми не стоит. Это другая категория уголовно-наказуемых деяний. И потому мы проявляем снисходительность к тем, кто, попавшись, раскаивается. Но РАСКАИВАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНО.

— То есть доназывает делом?

— Да. Многие в такой ситуации немедленно выплачивают государству свои долги и штрафы. В таком случае мы закрываем уголовное дело — закон нам дает такое право.

— И много бывает таких случаев?

— За январь-февраль 2000 года мы прекратили 38 таких дел. Предприниматели остались на свободе. Теперь они, я надеюсь, более осознанно сделают свой выбор — работать честно или хитрить, загоняя самого себя в капкан.

— Строги вы, Анатолий Федорович.

— Что поделаешь... Работа такая!..

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

ВСЕЬ МИР —

ТЕАТР

Высказывание великого английского драматурга Вильяма Шенспира: "Весь мир — театр и люди — лишь актеры на подмостках" известно, конечно, всем. Другое дело, что за повседневной суетой мы как бы не умеем отличить комедию от драмы, а драму — от трагедии, но в жизни их от этого меньше не становится. У всех бывают ситуации, вполне уместные на сцене, просто-таки "выламывающиеся" из реальной жизни.

Конечно, трудно (если вообще возможно!) взглянуть на себя со стороны, трезво оценить свою роль, не говоря уже о том, чтобы как-то скорректировать поведение. И, наверное, не нужно. Но когда что-то происходит в жизни окружающих нас людей, можно. И не спешить осуждать или ставить диагноз "сумасшедшие", а поду-

мать: почему это произошло и можно ли чем-то помочь. Хотя бы просто посочувствовать — иногда и этого бывает достаточно.

Героини двух новелл помимо своей воли оказались главными персонажами подлинных трагедий. И они не могут после того, как занавес опустился, выйти из своей роли, расслабиться...

Потому что в реальной жизни, в отличие от театральных подмостков, занавес не опускается никогда. И практически никогда не бывает цветов и оваций.

Вечный сюжет

События в ее жизни развивались ничуть не менее драматично, чем в прославленной пьесе Шенспира. Хотя меньше всего Клавдия Семеновна (назовем ее так) годилась на трагические роли. Впрочем, комедийной актрисы из

нее тоже не вышло бы. Хотя и говорят, что все женщины — прирожденные актрисы, бывают исключения, которые только подтверждают общее правило. Она не играла — жила и наслаждалась жизнью.

Все складывалось так, что сотни, тысячи женщин ничего не пожалели бы, чтобы попасть на место Клавдии Семеновны. При красивом лице и ладной фигуре она обладала еще массой достоинств: сильным, хотя и достаточно гибким характером, незаурядным умом (умело скрываемым от поклонников и начальства), воистину волевым терпением и потрясающей работоспособностью. В результате Клавдия Семеновна стала далеко не последним человеком в прежней профсоюзной системе со всеми проистекающими отсюда последствиями: квартирой в престижном доме с соответствующей обстановкой и прочими материальными благами — в основном, заграничного происхождения.

Посильную лепту вносил и супруг — Александр Александрович, капитан дальнего плавания. В качестве жены Сан Саныча Клавдия Семеновна тоже вызывала безумную зависть у подруг и знакомых. Хотя завидовать можно было только частично: статный, видный и щедрый Сан Саныч, сходя на берег, отводил душеньку за многие месяцы вынужденного "сухого закона". Во хмелю же становился буен, а поскольку и в трезвом состоянии ревновал свою супругу даже к телеграфному столбу, Клавдии Семеновне приходилось наследно.

Но не обращаться же в милицию или — сохрани Господи! — в

местном по месту работы ревнивого мужа. Снимут с капитанской должности — и конец заграничным вояжам. Дешевле перетерпеть от рейса до рейса. Авось, не убьет.

И терпела, поскольку в трезвом состоянии Сан Саныч был мужчиной, каних поискать. Все мог сделать своими руками, жену одевал, простите за банальность, как куклу, цветы и духи дарил не только к календарным праздникам, но и просто так. Опять же со стороны все выглядело как картинка из журнала про красивую жизнь. Такой семейной жизнью все-таки не бросаются.

Плюс дочка — Настенька, кровиночка, рыбонька, солнышко. Красавица, в папу с мамой, умница (это уж в маму), с характером... От Настеньки, кроме счастья и гордости за любимое чадо, никаких эмоций, кроме положительных, просто не могло быть. И отназа она ни в чем не знала: проснется утром — а у постели уже сюрприз. И не кукла или там туфельки, а скажем, дорожный видеоманитофон с набором мультфильмов. Или компьютер с игровой приставкой.

Как ни странно, избалованной Настя не стала. То есть, конечно, иной раз и напризначала (накой же ребенок без этого растет?), но меру знала. Луну с неба не требовала, подруг имела тех, которых мама одобряла, с дурными компаниями не связывалась. В общем, росла нормальная, здоровая девочка с предопределенным счастливым будущим.

Норенные изменения, произошедшие в стране вообще и ее энономине, в частности, семью практически не задели. Денеж-

ные накопления в ней имелись всегда, опыта практической работы Клавдии Семеновне было не занимать, а заграничные прездны главы семейства стали просто местом работы — не более того. Ни импортными вещами, ни зарплатой капитана дальнего плавания удивить никого уже было нельзя. Клавдия Семеновна тихонечко создала собственную фирму, задействовала свои немалые связи — и зажила еще лучше, чем до пришоизвестных реформ. Не она одна, кстати.

А время шло. Сан Саныч старел, но по-прежнему ревновал супругу до умоисступления. Настенька же подросла и уже сама пыталась оградить маму от папиных посягательств. С любимой дочкой отец еще как-то считался и даже в "положении риз" ее появление прекращало допросы и побои. Так что и в этом отношении жизнь семьи, в общем-то, изменилась к лучшему. Но тут вмешался Его Величество Случай, или, точнее, Злой Рок.

Когда Насте исполнилось пятнадцать лет, на нее с подругой совсем еще не поздним вечером напала шайка пьяных молодчиков. На крики девчонок никто не среагировал, милиции поблизости не оказалось и кончилось все очень плохо. Настина подруга так до конца и не оправилась, осталась слегка сдвинутой. Настина же крепкая психика выдержала, хотя результат тоже оказался не слишком приятным и не сказать, чтобы очень распространенным: девочка стала заниматься каратэ. Клавдия Семеновна попыталась было воспрепятствовать таному недевическому хобби, да встретилась с изменившимся взглядом

дочери и предпочла молча отступить.

А Сан Саныч, вернувшись из очередного плавания, вообще не нашел с Настей общего языка. Хуже того, немного оправившись от кошмарных новостей, сообщенных женой, ушел в очередной запой и загул. А когда, явившись однажды поздно ночью домой, стал в стотысячный раз выпытывать у Клавдии Семеновны "с кем?", "где?", "когда?" и по старой привычке пустил в ход кулаки, в дверях появилась Настя. И применила к любимому папочке все изученные за полгода приемы. Сан Саныча со сломанным носом и "вдвинутой" к затылку челюстью увезла "скорая", а Настя, не глядя на оцепеневшую мать, сказала:

— Вот и меня тогда... такие же...

И сухо добавила:

— Или он — или я. Выбирай, только побыстрее. Через три дня снажешь, что решила.

В общем-то, выбора у Клавдии Семеновны особого и не было. Потерять Настеньку она не согласилась бы ни за какие заграникомандировки и все остальные жизненные блага вместе взятые. Да и накоплено уже на них счетах было столько, что самой хватит, Настеньке останется и внуки обижены не будут. Пугал только непреклонный характер дочери, наотрез отказавшейся хоть разочек навестить в больнице изувеченного отца. Лучше бы плакала, лучше бы истерики занатывала — все понятнее, все как-то по-женски.

Пришлось разводиться и покупать Сан Санычу квартиру. А еще пришлось отказаться от встреч с некоторыми многолетними друзь-

ями и знакомыми: если человек в доме Клавдии Семеновны выпивал хоть рюмку вина или, не приведи Бог, приходил в гости с бутылкой, Настя запиралась у себя в комнате, а потом говорила матери каноническую фразу: "Или он (она) — или я". Трезвых поклонников Клавдии Семеновны, впрочем, не только терпела, но и вполне радушно принимала. Объясняла это матери тоже по-взрослому:

— Я понимаю, что тебе одной скучно. Живи с кем хочешь, ходи куда угодно, сюда приглашай, только чтобы духа винного в этом доме не было.

Взрослые, разумные слова. Взрослое, разумное поведение. Но уж слишком, с точки зрения Клавдии Семеновны, разумное. У Насти не осталось подруг, а поклонников своих она гоняла безжалостно и беспощадно. Ни за что, просто за то, что они — другого пола. Враги. И все время, свободное от уроков и занятий в спортивной секции, проводила в своей комнате за книгами и пластинками. Или смотрела видеомagneтофон, но не о любви, не боевики и даже не комедии. Только мультфильмы. Любые. По многу часов подряд.

Знакомые утешали Клавдию Семеновну:

— Снажи слава Богу, что так все кончилось. Дочь цела, жива-здоровая, а что со странностями — так хорошо бы все такими странными были. По ночам не гуляет, не курит, с парнями не хороводит-ся. Радуйся!

Клавдия Семеновна и хотела бы радоваться, да что-то не давало. Мешал, казалось бы, "пустяк": незрячий, отрешенный взгляд Настеньки, который, нет-

нет, да и появлялся. Потом вроде снова все нормально, а тревога в душе остается. И ничего уже не радует: ни друзья, ни дом, ни работа.

Второй сюрприз дочка преподнесла, когда окончила школу. Со всеми пятерками в аттестате, золотая медалистка объявила опешившей маме, что поступать будет в Институт культуры на библиотечное отделение. Вопрос решен окончательно и обжалованию не подлежит.

— Но почему библиотечное отделение? — предприняла Клавдия Семеновна робкую попытку хоть что-то понять. — Ты же готовишь себя к жизни в пыльном закутке, без людей...

И получила в ответ:

— Вот именно поэтому.

Клавдия Семеновна смирилась. Настя поступила в институт и прилежно ходила на занятия. Писала курсовые, сдавала сессии. А по вечерам сидела в своей комнате, редню-редню выходя к тоже уже несчастным гостям.

Так прошло два года. А потом...

То, что Настя влюбилась, ее мама поняла сразу, еще до того, как об этом догадалась сама дочка. И в кого — тоже поняла. Сергей был одним из двух парней на курсе, старше всех остальных, после армии. Один раз принес — именно принес — Настю домой: на институтской лестнице та оступилась и подвернула ногу. Потом пришел навестить, и был принят почти любезно.

А потом стал приходиться чуть ли не каждый вечер. Только дальше разговоров и совместного прослушивания музыки дело никак не шло. А Клавдия Семеновна и боя-

лась, что Это случится, и надеялась, что Это сделает Настю нормальной женщиной, а не беспольным молчаливым существом. Но случилось в конце концов не Это, а совсем другое.

Сергей внезапно перестал ходить к ним, а Настя стала еще более молчаливой и замкнутой — если можно было быть "более". На вопросы матери не отвечала. Просто отворачивалась, уходила к себе в комнату и запирала дверь. В отчаянии Клавдия Семеновна отправилась к институту и подкараулила Сергея, причем больше всего боялась встретиться там с дочерью.

Клавдии Семеновне повезло: Сергей вышел первым и был один. Она молча схватила его за руку и потащила к своей машине. А отъехав приличное расстояние от института, выключила мотор и спросила:

— Что у вас произошло?

А произошла простая вещь: Сергей женился. На девушке, у которой должен был быть от него ребенок. Сам-то он, может, еще и подумал бы, но Настя...

— Вы знаете, Клавдия Семеновна, я Настю любил и люблю по-настоящему. А это произошло еще до того, как я понял, что люблю. Ну, на вечеринке выпили, танцевали, потом... В общем, я и значения-то особого не придаю — с кем не бывает, по взаимному согласию, все культурно. И вдруг она меня отыскала и заявляет: я беременна, и все уже поздно. Люблю, говорит, тебя и ребенка рожу, а ты — как хочешь. Настя вечером заметила, что я не в своей тарелке, заставила все ей рассказать. И заявила мне: ты обязан жениться, иначе я тебе руки

не подам, слова не скажу. Ребенок ни в чем не виноват, а если ты мужчина, то изволь отвечать за свои поступки. Вот и все. Я женился. Вот-вот жена родит. А я без Насти не могу.

И Настя, судя по всему, без Сергея не могла. Перестала читать, перестала слушать музыку. Вдруг пристрастилась к сигаретам; выкуривала несметное число в день. Забросила все занятия. И тот невидящий взгляд, которым она раньше иногда пугала свою мать, стал почти постоянным. Незрячий взгляд неподвижных глаз.

Развязна произошла так, как это бывает лишь в романах. В новогоднюю ночь в дверь позвонили. Клавдия Семеновна открыла дверь, увидела замерзшего, несчастного Сергея — и молча ушла к подруге. Пешком. Оставив влюбленных выяснять свои непростые отношения.

А когда на следующий день вернулась, то обнаружила, что все встало на свои места, но Настя от этого легче не сделалась. На вопросы матери — даже неделikatные, матырные — Настя терпеливо отвечала, но и только. Была по-прежнему невесела и заторможенна.

— Все хорошо? — допытывалась Клавдия Семеновна.

— Да.

— У вас все было?

— Да.

— Тебе было хорошо?

— Очень.

— Вы поженитесь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что у него ребенок.

Клавдия Семеновна задавала свои вопросы несколько дней подряд. Все, казалось, было яс-

но — и оставалось непонятным. А через неделю после Нового года она нашла Настю мертвой в ванной на полу. Как показало вскрытие, девушка ввела себе в вену какой-то импортный препарат, убивающий мгновенно. Где она его достала, как вообще узнала о нем — неизвестно. Но ведь Настя всегда получала то, что хотела. А частичное объяснение трагедии было в ее предсмертном письме:

"Мама, я знаю, что причиняю тебе боль, но я больше не могу. Без Сережи мне нет жизни, а с ним жизнь тоже невозможна. Я видела его жену: она несчастное существо, которое пропадет без мужа. И не могу отнять отца у ребенка — это подлость. На чужом горе счастья не построишь. А ты меня прости. Но так будет лучше для всех".

На кладбище, когда хоронили Настю, Сережа держал Клавдию Семеновну под руку. Не отходил от нее и во время поминок. А когда ушли последние гости, он тоже собрался и уже в дверях тихо сказал:

— Не забудьте про мою дочку, если сможете. Я ее назвал Анастасией...

И исчез. А смысл сказанного им Клавдия Семеновна поняла три дня спустя, когда узнала, что Сергей повесился на чердаке своего дома. На пыльном окошечке было написано одно слово: "Настя". Его похоронили рядом с ней...

Клавдия Семеновна не сошла с ума только потому, что ее опередили. В бунвальном смысле слова. Жена Сергея, когда увидела труп мужа, впала в совершенно неменяемое состояние, не узнавала окружающих, просила о чем-то непонятном. Пришлось

срочно укладывать ее в больницу, причем врачи не давали практически никакой надежды на выздоровление. Родители Сергея взять крохотную внучку отказались наотрез — больны и нет средств воспитывать. А у его вдовы родителей не было вообще, так, какая-то дальняя родня в Москве.

Настеньку взяла к себе Клавдия Семеновна. Пустила в ход все имевшиеся у нее связи и средства, чтобы оформить сначала опеку, а позже — удочерение. И это ей удалось, более того, наверняка спасло и жизнь, и рассудок. Хотя...

Иногда ей казалось, что вся предыдущая жизнь ей приснилась, и вот только теперь она принесла из роддома свою доченьку, кровинушку, солнышко и обязана сделать все, чтобы девочка была счастлива и здорова.

Два раза в год Клавдия Семеновна ездит на могилу дочери и Сергея — "зятя", как она объясняет новым знакомым. И рассказывает, что оба погибли в автокатастрофе, а внучка, Настенька, выжила просто чудом.

Новые знакомые верят, а многие старые помалкивают и только между собой обсуждают странное поведение еще нестарой женщины, добровольно взвалившей на себя такую обузу — чужого грудного ребенка. При нынешней-то сумасшедшей жизни!

"Мама Джульетты и теща Ромео", — сострил однажды кто-то из знакомых. Привилась только вторая половина клички, и Клавдия Семеновна стала "тещей Ромео", хотя, конечно, называли ее так только за глаза, да и то не все, а лишь самые остроумные.

Маленькой Настеньке на днях исполнилось два года, и она упрямо называет бабушку "мамой". Может быть, так и надо?

Жить или не жить?

В тот день Вере Павловне с утра было не по себе. Кружилась голова, приступами накатывала слабость, ничего не хотелось делать. Долгожданный выходной день вместо радости приносил одни неприятности. Больше всего раздражала боль: невнятная, тупая, непрерывная. Полежать бы... Но замоченное с вечера белье, но необходимость приготовить обед — все это (женщины поймут) беспокоило больше, чем самочувствие. Вернутся с лыжной прогулки муж и дети — что она им скажет? Нет, придется перемогаться. Не в первый раз...

Вера Павловна сняла с плиты тяжелый бак с бельем... Позже она так и не смогла вспомнить, каким чудом ей удалось не вывернуть его на себя. Не помнила она и как вышла на лестничную площадку, позвонила в дверь к соседям. А вот склонившуюся над ней фигуру в белом и ее слова: "Оперировать будем, голубушка", — вспоминала потом слишком часто. Хотя и не была уверена, что все это ей не приснилось.

Окончательно Вера Павловна пришла в себя в больничной палате. В носу — трубки, в вене — игла капельницы. Попыталась сесть — и тут же, словно из воздуха, возникла медсестра:

— Запрыгала! Лежать нужно неподвижно. Трубки уберу — раз очнулась. А вставать не моги: Василий Иванович тебя не для этого с того света, почитай, за ноги вытаскивал, чтобы ты тут нувырна-

лась. Удумала — с гнойным аппендицитом бани ворочать. Ох, и дуры же бабы...

Много позже, уже в общей палате, Вера Павловна узнала, что Василий Иванович, дежуривший в то воскресенье в хирургическом отделении, мог с чистой совестью не продолжать операцию: шансов закончить ее благополучно у него фактически не было. А еще позднее сам Василий Иванович на настойчивые вопросы Веры Павловны, зачем нужно было так рисковать, ответил:

— Наверное, я чувствовал, что ты — моя судьба... Как же я мог отказаться от возможности тебя спасти?

Но это было потом. А в первую неделю никто в хирургии не верил, что эта хрупкая женщина, не первой молодости, со слабым сердцем выберется. Она бы и не выбралась, если бы Василий Иванович не проводил в реанимационной палате все время, свободное от операций. Но в один прекрасный день он с вечной его иронической усмешкой провозгласил:

— Человеческий гений победил! Завтра вас переведут в общую палату. Там будет повеселее: родные придут, передачу принесут. И я отдохну — признаться, притомился я тут с вами, голубушка.

"Голубушка..." Вера Павловна попыталась вспомнить, кто и когда ее в последний раз называл так ласково — хоть в шутку! — и не смогла. После рождения старшего сына муж как-то незаметно привык изрекать: "Мать, обедать давай", "Мать, посмотри, что твоя доченька вытворяет", "Мать, а спать не пора ли?" Она и сама

привыкла, а теперь вот вдруг огорчилась: мог бы иной раз и Верочкой назвать. Посторонний вон человек "голубушкой" кличет.

С этого пустынного огорчения все и началось. Теперь Вера Павловна каждое утро с нетерпением ждала обхода. А в выходные дни скучала, не признаваясь в этом самой себе. Стыдно как-то: бабе сорон лет, муж есть, дети взрослые, а она на посторонних мужиков заглядывается. И вообще глупо строить глазки человеку, который месяц тому назад ковырялся в твоих внутренностях. К тому же не молодая, не блондинка... И ему — под пятьдесят. Люди засмеют!

И все же трудно было отнаться от этой полумечты, полугри: прислушиваться к знакомым шагам в коридоре, "нечаянно" сталкиваться у ординаторской, смущаться от замечаний соседок по палате: "Твой-то, Вера, сегодня прям как жених. В таком костюме на работу явился — заначеешься. Не иначе вечером к зазнобе собрался".

От всезнающих медсестер Вера Павловна уже имела полную информацию: женат, трое детей, не сегодня-завтра станет заведующим отделением. С милосердными сестричками романов не заводит, с санитарками отменно вежлив, но на коллег может и прикрикнуть, а с начальством так и вовсе не церемонится. Золотые руки, но язык, как скальпель. От тяжелых операций не увиливает, ответственности не боится никакой...

— Да он у вас просто ангел во плоти, — не удержалась как-то Вера Павловна.

— А вы постоите с этим "ангелом" у операционного стола да по-

пробуйте подать инструмент на полсекунды позже, — услышала она в ответ. — Так припечатает — небо с овчинку покажется. Это он для вас отец-благодетель.

Что греха таить, все эти разговоры, вздохи, ожидания скрашивали для Веры Павловны скучные больничные дни. И особенно приятным было это ежеутреннее "голубушна" во время обхода. "Ну, как самочувствие, голубушна? Прелестно, прелестно... Но до совершенства еще далеко, придется потерпеть, полечиться".

Но в одно прекрасное утро услышала:

— Ну, голубушна, как говорится в определенных кругах, "с чистой совестью — на свободу". Медицина сделала все, что могла, завтра можете отправляться домой. Одна просьба: постарайтесь белье сдавать в прачечную, хотя бы первые полгода. Танелажные работы вам противопоказаны.

— Все шутите, — пролепетала она, а он уже отошел к другой койке.

Соседни по палате загомонили, стали поздравлять, советовать немедленно оповестить родных, собирать вещи и вообще... Она же словно застыла: домой пора, но что-то мешало радоваться по-настоящему.

Поздно вечером она вдруг поняла — ее игра с самой собой кончилась. Больше она не увидит его глаза, не услышит насмешливого голоса, не ощутит прикосновения руки. Все это завтра будет позади. Пройдет, забудется. Это было глупо, нелогично, но Вера Павловна вдруг заплакала.

В день выписки она не видела Василия Ивановича: обход делал другой врач. Подойти к орди-

наторской не рискнула, а потом долго себя корила: что плохого в том, что больная перед выпиской зашла попрощаться с врачом? Но Вере Павловне казалось, что ее влюбленность в Василия Ивановича известна всей больнице, что все тайком смеются над нею. В ординаторскую пошел муж. Пробыл он там несколько минут и в ответ на робкий вопрос Веры Павловны: "Ну как?", ответил:

— Восемь.

— Что — восемь? — не поняла она.

— А что — как? — хмыкнул супруг.

Она поняла, что отвыкла от его манеры разговаривать. И от него — тоже.

Дома показалось неуютно и тоскливо. Муж тут же уехал обратно на работу — отпросился только на полдня. Сын и дочь еще не возвращались. В кухне — немытая посуда, в ванной — нестираное белье. Вроде бы к ее приходу делали уборку, но до углов руки не дошли: чисто было только посередине комнаты. Чуть было не схватилась за швабру, да вспомнила про "такелажные работы". "Не все сразу, — успокаивала она себя. — Поправлюсь, окрепну, потихоньку все уберу".

Принято считать, что время — лучшее лечение. Возможно, так оно и есть, но Вера Павловна не успела воспользоваться этим средством. Через две недели после ее выписки, вечером, когда вся семья была дома, в дверь позвонили. Она пошла открывать. И увидела Василия Ивановича. Собственной персоной.

— Знаете, меня как будто оглушило. Смотрю на него, рот от-

крываю, а сказать ничего не могу. Тут муж вышел в коридор. Удивился, конечно, но вежливо так пригласил: мол, как раз к чаю, доктор, какими судьбами? Василий Иванович ответил:

— Что-то мне тревожно стало за вашу супругу: работу я над ней проделал ювелирную, штучную, можно сказать, а она, может быть, опять баки ворочает.

Прошел в дом, посидел какое-то время. Вроде, говорили о чем-то с моим мужем, только я ни слова вспомнить не могу. А когда он ушел, муж долго ворчал:

— Странная каная-то мода пошла: больных на дому навещать. Вроде бы коньяк я ему самолично вручил, претензий к нам быть не должно. Чего приходил — сам, по-ди, не знает.

А я после этого несколько ночей не спала. Только забудусь, слышу, вроде зовут меня: "Толубушна". Схвачусь — никого. Решила, что пора на работу выходить, там хоть на людях да при бумагах — я в себе работаю. Вот и решила к своим старушкам возвращаться, чтобы на глупости времени не оставалось.

Сказано — сделано. Через неделю Вера Павловна включилась в привычный ритм жизни: работа — магазин — дом. Купить, постирать, приготовить, пришить. Начать вязать модный свитер дочке. Засыпать сразу от усталости и спать без сновидений. Время — лучший лекарь.

И вдруг...

— Я его сразу и не узнала, только в сердце толкнуло что-то горячее-горячее. И ноги стали, как ватные. Стоит в трех шагах от меня, почти у двери в нашу контору, и молчит. Я его спрашиваю:

— Василий Иванович, что вы здесь делаете?

И слышу:

— Сам не знаю. Похоже, что вас жду. Только не спрашивайте, зачем, у меня даже для себя самого ответа нет.

Взял меня под руку — и пошли мы с ним. Идем и молчим. Долго шли, потом на какую-то снамейку сели.

— Как вы меня нашли? — спрашиваю. — И домашний адрес узнали, и где работаю...

Тут он наконец усмехнулся, вроде бы в себя пришел:

— Голубушна, а для чего, по-вашему, больничную карту заполняют? Там все написано, а я ведь не только людей потрошить умею, а еще и грамоте обучен.

И сразу мне тоже легко с ним стало. Долго мы с ним еще гуляли, говорили. Не о любви, нет. А просто так — обо всем. Как две подружки. И попрощались — будто завтра снова встретимся. А дома, когда я посуду после ужина мыла, вдруг поняла, что пою. Сто лет со мной такого не случалось. И песня-то давно забытая: про рожь золотую.

С этого вечера Вера Павловна начала жить двойной жизнью. Одной — привычной, другой — ослепительно счастливой. Обе эти жизни шли параллельно, почти не пересекаясь, просто Василий Иванович постоянно присутствовал в ее мыслях. Она говорила с ним, пела для него, старалась красиво причесаться, красиво одеться. Она была счастлива, хотя виделись они редко: один-два раза в месяц. В основном гуляли. Иногда Василий Иванович доставал ключ от чьей-то квартиры, но это было уже не то: мешали вне-

запные шумы за стеной и на улице, застенчивость (не по возрасту) Веры Павловны, удвоенная от смущения ироничность Василия Ивановича...

— Один раз он мне сказал: "А знаешь, все-таки эмансипация — это страшная вещь. В старые добрые времена бабы влюблялись в мужиков за их муни: Отелло вон говорил, что Дездемона его именно за них и полюбила. У нас с тобой все наоборот: я тебя полюбил за муни, а ты меня — за сострадание к ним. Между прочим, на операционном столе ты была очень даже ничего: беленькая, строгая, глазки закрыты, на ротине — маска. Нуколла!"

Я не умела ему отвечать в том же тоне, а сентиментальности он не переносил. Один раз сказала ему: "Васенька", так он фыркнул:

— Васеньки в деревнях мышей ловят! Давай я тебя Верушкой буду звать — понравится?

И все равно я его любила, так любила... Сказать только не могла — боялась.

Конечно, все тайное рано или поздно становится явным. Кто-то видел их на улице, кто-то — при входе в дом. Что-то придумали, о чем-то догадались. Сообщили жене и мужу (обманутым). Супруг Веры Павловны не поверил ("В ее годы по подворотням шастать? Идите вы знаете куда!"). Жена Василия Ивановича поверила. Со всеми проистекающими отсюда последствиями. Месяц прошел в сплошном кошмаре. А потом Василия Ивановича нашли в котловане новостройки, недалеко от дома Веры Павловны. Остается только гадать, что это было — несчастный случай или самоубийство? Полиция на этот вопрос одно-

значно ответить не смогла. Вдова же утверждала, что самоубийство, и что она знает, из-за кого. А Вера Павловна...

— Я все время слышу: "Лучше бы ты под ножом умерла, чем такой человек из-за тебя погиб". Его жена звонит — все это на истерике выкрикивает. Как-то на улице встретила сестричку из той больницы, она мне это в глаза сказала. И скривилась, будто дрянь каную-то отведала. Мунку, по-моему, все равно, но и он один раз буркнул: "На старости лет стала посмешищем для всего города. И я с тобой за компанию. Лучше б он тебя зарезал..." Вы тоже считаете, что мне лучше было умереть?

Вера Павловна ждала ответа, и по ее лицу было видно, что мое слово — слово незаинтересованного человека со стороны, действительно будет для нее решающим. Вот скажу я ей: конечно, из-за вас хороший человек погиб, и "вина" ее станет "доказанной". "Оправдаю" — пойдет "с чистой совестью на свободу". Но на самом деле, кто я такая, чтобы судить и отпустить чужие грехи? Да и по рассказам ее Василий Иванович никак не походил на человека, способного свести счеты с жизнью из-за семейных проблем.

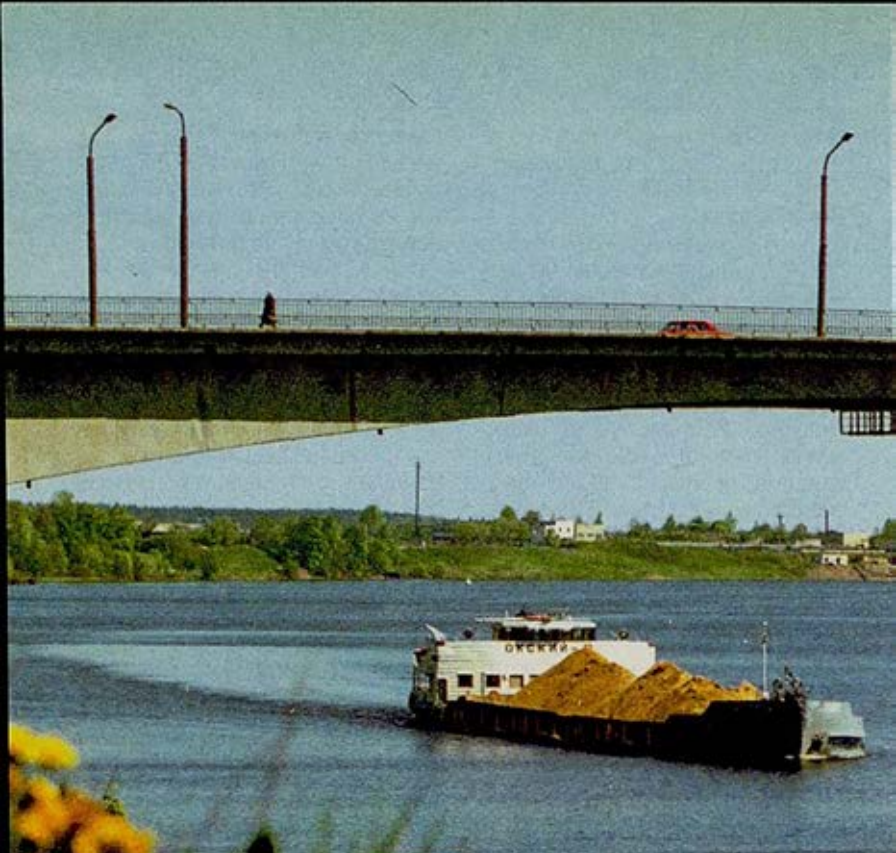
Не в его это стиле. Этим соображением я и поделилась со своей собеседницей. На несколько минут ее лицо стало чуть оживленней. Потом снова потухло.

— Может быть... Только, наверное, люди зря говорить не будут. Но ведь оттого, что я сейчас умру, ничего уж не изменится. Да и он все твердил: "Ты — моя Галатей, ты — смысл моей жизни".

У меня мелькнула крамольная мысль: Вера Павловна, сама того не ведая, стала действующим лицом не пошленького адюльтера, а высокой трагедии. Если бы не гибель Василия Ивановича, кто знает, чем закончился бы их роман. Смерть придала ему оттенок торжественности и величия.

Правда, когда в театре занавес опускается после трагической гибели героя, никого уже не интересует, что будет с его родными и близкими. По законам классической трагедии, возлюбленная просто обязана погибнуть вместе с героем. Или сразу после него.

Но в жизни все гораздо проще и страшнее. Постаревшая и — увы! — подурневшая женщина задает себе один и тот же вопрос: не лучше ли ей было умереть? Изо дня в день — один и тот же вопрос. И не находит на него ответа. ■

Юрий КОЗЛОВ

В кружеве веков

...Среди громкоголосой толпы пассажиров небольшого автовокзальчика города Кимры своеобразный кимрский диалект не заставил долго себя "разыскивать". Сторонний человек, наверное, не сразу и сообразит, что в местном наречии фигурирует простая подмена букв, и долго будет напрягаться, чтобы понять: "трахмал" — это крахмал, "лошти" — ложки, "тресло" — кресло, "хоттей" — хоккей, "теросин" — керосин, а "Тимры" — собственно, сам город Кимры, о котором пойдет речь дальше. Не трудно также уловить, что в це-

лом присутствует обильное волжское налегание на букву "о".

Автору этих строк, впрочем, была уже знакома шуточная поговорка, раскрывающая суть произношения некоторых слов на кимрском "сленге": "Рути, но-ди, саподи, валенти, ботинти". Поэтому, в который уже раз подивившись про себя нашему "великому и могучему", грустно вздохнув, я уставился на проезжавшую мимо клячу.

Пошаденка тянула за собой расхлябанную телегу, в которой на соломенной подстилке полужелезало некое существо, отдален-

но напоминающее особь мужского пола. Видимо, соответствуя должности "водителя кобылы", он был небритым и помятым, в кирзачах и телогрейке, в красовавшейся на макушке шапке-ушанке модели "Воронье гнездо" и, естественно, с неизменной сигарной в углу рта. Не исключено, что и слегна "подшофе"...

На душе отчего-то сразу стало неуютно и тоскливо, как после телеграммы о скором прибытии тещи. Подумалось, вот, мол, занесло в какую-то тьму-таракань глотать пыль остановившегося времени, где вряд ли найдешь более или менее приемлемые атрибуты цивилизованной жизнедеятельности человека. Взгляд уныло проследил за амплитудой монотонно вращающегося конского хвоста и... В следующее мгновение натруженный лошадиный зад моментально выпал из поля моего зрения.

Из-за крупа кобылы неожиданно выпорхнули тание три грации, три Афродиты (или кто там еще?), что непроизвольно появилось желание по-молодецки распрямить поникшие плечи и незаметно втянуть в себя обвислый живот. Три обворонительные девушки, словно ожившие модели с красочной обложки современного журнала мод, небрежно продефилировали мимо здания автовокзала, поражая своими классными "прикидами" и тем хитроумным набором дамских штучек, ноими прекрасный пол всегда умел покорять неустойчивое воображение вроде бы устойчиво-сильного пола.

Что сразу бросилось в глаза — девушки явно не были связаны родственными узами. Одну из них выдавало типично азиатское происхождение. От второй бесспорно

веяло прибалтийскими дюнами и "янтарной" наследственностью предков-скандинавов. Ну, а про третью, очень миловидную и васьильновоглазую, с упругой носой за плечами, перефразируя классика, можно было сказать: "Есть девушки в русских селениях..."

С трудом "переварив" этот резкий контраст (изысканные леди на фоне не совсем, скажем так, современного ландшафта), я, озираясь по сторонам, поплелся дальше, продолжать, так сказать, исследовать еще уцелевшие останки отшумевших веков. И действительно, миновав величественный храм, за очередным поворотом увидел весьма необычную картину.

Чуть поодаль от основного, зигзагообразного "бродвея", в глубине двора виднелось шаткое строение, которое с большой натяжкой можно было бы окрестить "частным жилым сектором". Возможно, когда-то купеческий, заметно тронутый временем, дом всем своим видом напоминал былого гулянку-хозяина, который, наверное, не дурак был покутить на широкую ногу. Ветхую крышу дома так перекосило по диагонали, что пришлось кое-где ставить подпорки.

Но самое поразительное было в том, что за полусгнившим штанетником среди непролазной грязи стояла шикарная черная "ауди", вокруг которой привычно попишились нуры во главе с одноглазым петухом, а из окон хибары, из-за чистеньких занавесочек, прикрывающих пышную герань, неслись такие чарующие "мелодии и ритмы зарубежной эстрады", извлекаемые, судя по всему, из превосходной аппаратуры, что показалось, будто находишься не в районном городке средней полосы России, а

по меньшей мере в одном из престижных баров Тверской улицы Москвы.

Приободрившись (вроде бы все отдаст здесь провинциальным архаизмом), поймал себя на мысли, что подобное где-то уже встречалось. И тут же всплыли из закоулков памяти курьезные сценки из жизни небезызвестного Ивана Васильевича, который якобы решил сменить профессию. Те же кружевные хитросплетения из славянской старины и ультрасовременности, те же удивительные (и порой нелепые) контрасты в речевых оборотах, рассуждениях, костюмах и самобытности местных жителей. Та же подкупающая архитектурная экзотика вперемешку с новомодными веяниями далеко шагнувшего прогресса.

Чем больше (и лучше) знакомился я с историей, бытом и нравами населения города Кимры, тем сильнее убеждался, что все здесь удивительным, но гармоничным образом противопоставляется и сочетается между собой. Судите сами...

Чтобы иметь полноценное представление о сегодняшнем дне города Кимры, необходимо сначала опереться на некоторые исторические факты и документы.

Первое письменное упоминание о Кимрах обнаружено в грамоте Ивана Грозного от 15 февраля 1546 года. Тремя годами позже тем же правителем были даны "ценные указания", касающиеся таможенных сборов для купцов, — прародителей, так сказать, современного "шопинга" и "маркетинга". Изначально село Кимра возникло на пересечении многих торговых путей. Поэтому в ярмарочные дни

в Кимру прибывали на торг из Переславля, из Царицыной и Миронисицкой слободы, "наезжали люди митрополичьи и владычьи, княжеские, боярские, монастырские, а также и смоляне". Не гнушались предложить свои "услуги" и сами кимряки. Основной "ассортимент" составляли соль, рыба, хлеб, скот и птица.

В конце XVII века Кимра была дворцовым селом. Во времена царствования российских самодержцев Иоанна и Петра Алесеевичей и правительницы Софьи село было пожаловано "в вечное и потомственное владение боярину Федору Петровичу Салтыкову". С тех пор Кимра переходила из рук в руки многим тогдашним "любителям недвижимости", имена коих перечислять займет немало времени.

После опустошительных пожаров 1807 и 1859 годов Кимрам пришлось почти заново отстраиваться. Вероятно, эти события заставили местные власти поставить в разряд "наипервейших" развитие пожарного дела. А параллельно в селе все более "раскручивалась" и расширялась торговля, воздвигались православные храмы, которые и по сей день украшают позолотой своих куполов улицы Кимр.

В 1917 году торговое село получило статус города. Уже действовали предприятия металлообработки, обувной, швейной и трикотажной промышленности. Открылись новые школы, техникумы, училища, музей и театр. Сегодня, однако, не скажешь, что Кимры принадлежат к "печальному списку" совсем уж занюханных, заштатно-провинциальных местечек российской глубинки. Но и занести его в число бурно развивающихся и передовых, к сожалению, тоже

будет не совсем справедливо. Причиной тому — известные экономические и социальные переносы, которые последние годы довольно успешно накладывают свой, якобы европейский, "маньяж" на пока что не совсем европейский "фейс" нашей Родины. Как в поговорке: "Пользуясь импортной косметикой, не забывайте, что лицо у вас отечественное".

Интересен в этом плане и современный облик города Нимры. Уже довольно обветшалые, каменные и деревянные одно-двухэтажные дома удивительным образом

соседей с весьма фешенебельными застройками последнего архитектурного "писна", поставленными здесь, как говорят горожане, болгарскими строителями. За частным сектором неброско вырисовываются стандартно-пролетарские кирпичные "хрущобы". Умиляет изысканный "модерн" деревянного зодчества: многие дома украшены витиеватыми наличниками, своеобразными подъезда-

ми-баллончиками и экзотическими башенками со шпилями и флюгерами в стиле средневековых замков.

Так называемая заречная часть Нимр (за речой Нимерной, ближе к Твери) ассоциируется с наглядным пособием по истории возникновения рабочих поселков в дореволюционной России. Разные по габаритам и "дизайнерскому мастерству", бревенчатые домики аккуратно рассыпались по набережной, где приткнулась местная пристань, окруженная частными судходными средствами, составляющими лодочный причал. А чуть поодаль врос сваями в речной грунт повывавший виды мост через речку Нимерку.

С набережной другой реки — Волги эффектно смотрится внушительный железобетонный мост, соединяющий Нимры с правым берегом, где находится населенный пункт Савёлово. Многие старожилы утверждают, что это неотъемлемая часть города Нимры. Хотя...

Когда-то здесь стоял небольшой поселок, относящийся к Нялязинскому уезду. Между ним и левобережьем действовала паромная переправа, некоторое время существовал и понтонный мост. В 1901 году до поселка дошла железнодорожная ветка, идущая из Москвы, и место получило официальное название — станция Савёлово. Во время империалистической войны здесь открыли железнодорожные мастерские по ремонту паровозов. Позднее мастерские переросли в солидный машиностроительный завод (ныне "Савма"), знаменитый своими станками с числовым программным управлением. Завод, а

с ним и сам теперь уже город Савёлово с годами заметно "расправили плечи".

Когда в 41-м гитлеровцы подступали к Москве, в Савёлово (а затем в Омск) был эвакуирован один из столичных авиационных "почтовых ящиков". Тогда-то здесь и начались разработки новых авиационных узлов, которые уже после войны стали как бы "заделом" для знаменитых воздушных лайнеров серии "ТУ". Самое непосредственное участие в этом проекте принял Генеральный авианструктор А.Н. Туполев, уроженец земли нимрянской. На заводе были изготовлены и некоторые образцы для первого российского космического челнока — "Бурана".

Современный пешеходно-транспортный мост между Нимрами и Савёлово навечно "побратал" два берега, соединив их в нерушимый промышленный альянс...

Однако пришло время поближе познакомиться и с самими жителями этих мест. Кто же такие нимряки? Что они из себя представляют? Откуда берут свои корни?..

Еще в X-XI веках в этих местах обитало славянское племя кривичей. Сотрудники местного краеведческого музея полагают, что Нимру основала народность, называвшаяся когда-то "меря". Меряне, как гласит предание, это многонациональная "смесь" поволжских удмуртов, марийцев, мордвы с росичами в основном Ростовского и Суздальского княжеств. Из глубины веков просочились сведения, что последние меряне просуществовали вплоть до XIV века и по своим "отличительным признакам" — статные, трудолюбивые и очень красивые люди — относились к угрофинской этнической группе. Если еще учесть, что на месте сегодняшних Нимр находилась "точка пересечения" многих национальных и торговых интересов, то довольно просто объясняется заметно повышенная концентрация рыжеволосых и черняво-смуглых нынешних горожан, а также как яркое подтверждение "преемственности поколений" явившаяся автору этих строк (в районе автовокзала) символическая триада очаровательных "Афродит".

Как бы там ни было, но в "положенные" сроки город был основан, а следовательно, внутри его (как и в ближайшем "Поднимерье") постепенно стал развиваться свой "микроклимат", свои традиции, привычки, уклады и особенности. Современный прогресс внес, естественно, свои, довольно ощутимые коррективы в жизнь горожан.

Прежде всего это касается тех предприятий, которые пока еще функционируют в Нимрах. На сегодняшний день, "стараясь идти в ногу" с общероссийским экономическим кризисом, производительность на них заметно снизилась.

Не хватает денег на сырье, оплату труда, реконструкцию оборудования и развитие новых мощностей. Как следствие — вынужденная безработица, отток специалистов. Ценные "надры" подались в коммерцию, многие переквалифицировались в "челноков", мотаются за товаром в Москву и другие "доходные" центры. Большой процент населения вообще покинул свою вотчину и осел там, где "сумел пригодиться". Вероятно, оттого и тихо на улицах города, работоспособная часть горожан отбыла, как когда-то кустари и артельщики, искать лучшую долю на стороне. А "оставшиеся" стараются по возможности не унывать. Занимаются огородничеством и рыболовством (благо, земли и воды хватает), что-то мастерят, что-то продают, попошатся на своем подворье, какие-то хозяйственные излишки несут на базар. Не отказываются и от предлагаемых "шабашек". Тем, похоже, и живут.

Но "марку" свою нимряни все же держат. Ведь они прежде всего — торговцы. А посему эта предприимчивая жилка продолжает еще энергично "пульсировать" на местных рынках, привлекая покупателей со всей округи и многих дальних городов.

Один мой знакомый перед визитом в Нимры напутствовал: "На базарах и рынках будь особенно бдителен. Не щелкай клювом. Нимряк нимрянка видит издалека, и опытные сразу определяют, что ты не местный. Разинешь варенку — и не заметишь, как обчистят. Останешься без денег и документов"...

К чести местного "электората", предостережения оказались излишне "подогретыми". Никаких незаконных эксцессов не произош-

ло. Но журналистский глаз отметил, что кимрякам свойственны некоторая замкнутость и приниженность, которые идут, скорее всего, от тщательно оберегаемой "личной коммерческой тайны". Вы и не заметите, как все ваши планы и намерения будут ими в доскональности "высвечены". В то время как их "интересы" останутся для вас за семью печатями...

Но, пожалуй, главным достоинством (даже гордостью) местных жителей является их бесспорный приоритет (на уровне близлежащих регионов) в мастерстве изготовления обуви. Об этом замечательном факте следует сказать более подробно...

Возникновение кожевенно-обувного производства в Кимрском крае истории относят к началу XVII столетия. Что послужило импульсом для развития именно этого ремесла? Можно лишь предположить, что во времена оные проживал в Кимрах некий "дядя Вася" — большой спец по тачанию всевозможной домашней обуви. Помимо таланта рукодельного, отличался он и широтою души, всегда был приветлив и благообразен, чем заслужил расположение местных жителей и доверие проезжих купцов. Вышедшие из-под его "струмента" изделия отличались безупрочной добротностью и на ноге смотрелись "шибно блазняще". Без лишних затрат на рекламную кампанию предприимчивый дядя Вася успешно сколотил капитал для создания собственной "фирмы". В его "офис" особо дальновидные дельцы за определенную плату стали приводить в подмастерья своих чад и ближайших родственников. Самые хваткие "практи-

канты" вскоре получали "дипломы от дядя Васи" и открывали собственное производство. Остальные довольствовались кустарными мастерскими, куда привлекалась в основном семейная "рабсила". Так мало-помалу стал набирать обороты местный сапожно-обувной рынок. Со всеми полагающимися в нем торгово-экономическими отношениями...

Со временем сапожный промысел довольно быстро охватил весь Кимрский район. Во всех волостных округах это занятие до такой степени вовлекло жителей мужского пола, что, кроме сенокоса, все полевые работы, а также возка дров стали преимущественно женской "привилегией". В семьях кустарей дети приучались к ремеслу с самого раннего возраста. Мальчики и девочки от 8 до 16 лет тачали голенища, готовили дратву, склеивали отходы, помогая старшим.

Кимрское кожевенное производство пользовалось завидной популярностью. И не только на уровне окружающих волостей. Сапожные изделия шли в Петербург, Москву, на Нижегородскую ярмарку, в Полтаву и Харьков, в Ростов, Новгород, Тверь, в землю донских казаков, Новочеркасск и Тифлис. Приезжали за ними ирбитские и сибирские купцы. На Всемирной Лондонской выставке образцы обуви кимрских мастеров Сведомцева и Столарева получили одобрительные листы.

Бытует мнение, что царь Петр Первый, издав в 1709 году указ о поставке кимрских сапог для русской армии, и сам (ввиду своих якобы "бигфутовских" ступней) делал заказы на "индпошив" местным мастерам. Достоверен и тот

факт, что солдаты Кутузова, разгромив армию Наполеона, браво маршировали по парижским улицам в кимрских сапогах. Эти же "изделия" пользовались повышенным спросом во время Крымской и Балканской военных кампаний.

Первая "фабрика механической обуви" построена в Кимрах в 1907 году. В советское время кожаные фабрики объединились в фирму "Красная звезда". Трудно переоценить вклад кимрских обувщиков в общую копилку нашей победы в Великой Отечественной войне — фронту было поставлено свыше трех миллионов пар сапог. В мирное время разработаны уникальные образцы всевозможных новинок — от "меховушек-румынок" и сапог-чулок до суперкроссовок мирового стандарта — танков нелегкий трудовой путь обувной фирмы.

Сегодня "Красная звезда" продолжает выпускать некоторые виды современной обуви, но такого массового производства, как в

прежние годы, уже не наблюдается. Так же обстоят дела в трикотажной и швейной промышленности.

Невозможно не упомянуть и о тех кимряках, чье умение, таланты и светлые головы прославили не только Кимрский край, но стали известны далеко за его пределами.

Кто не слышал о знаменитом сверхзвуковом лайнере ТУ-144? Или о самой распространенной серии: ТУ-114, ТУ-134, ТУ-154?.. Гениальный создатель этих летательных аппаратов Герой Социалистического Труда авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев, родившийся в сельце Пустомазово под Кимрами, заслужил от потомков, наверное, более трогательную память, чем полузапущенное и многими забытое родовое гнездо его. Славу Богу, что пока еще находятся энтузиасты и пытаются восстановить хотя бы могилы родителей знаменитого земляка. Если же все

бросим, оставим памятные места на "расправу" лебеде и чертополоху — грош цена тогда всем нам. История не прощает забвения...

В разное время, но, вероятно, под счастливой звездой воспитала земля нимрская и других известных личностей. Будем надеяться, что читатели не забыли одного из зачинателей советской литературы — Александра Фадеева, чьим именем названа городская набережная. Написанные талантливым нимрянком "Разгром" и "Молодая гвардия" и сегодня вызывают бурные споры на литературных вечерах старшеклассников...

Помнят нимряки и о потомке великого русского поэта М.Ю. Лермонтова, заслуженном враче России В.П. Арсеньеве, и о первом директоре Нимрского драмтеатра, заслуженном деятеле искусств А.М. Гиацинтове, и о легендарном танкисте-комбриге Ф.М. Лихачеве...

Ныне здравствуют уроженцы Нимр — народная артистка СССР Нина Сазонова (знаменитая "тетя Паша"); членкор Академии художеств, заслуженный художник России, лауреат премии им. Репина Г.В. Захаров; местный женьшеневод А.Д. Петров; писатель-маринист М.И. Бонятнин и многие другие. В годы Великой Отечественной войны десять нимрянков стали Героями Советского Союза, а один был награжден Орденом Славы всех трех степеней.

...Стандартный "поплавок" дебаркадера-пристани медленно растворяется за нормой пассажирского катера. Судно держит курс вверх по "матушке", мимо Дубны и Большой Волги, в сторону областного центра — города Твери. Вда-

леке уже еле различимо проступают очертания нимрской портовой "гавани". На линии горизонта сужаются берега полноводной кормилицы-Волги. Уходит вдаль, оставаясь лишь в памяти да на страницах истории, древняя земля, прародительница известнейших династий и фамилий, о которых знает теперь весь мир...

Хочется верить, что, не в пример красивым миражам, никогда не сотрется на картах и в воспоминаниях этот своеобразный волжский городок, проступающий "тонкой нитью в кружеве венков" нашего героического прошлого, сумбурного настоящего и (будем надеяться) мирного будущего. ■

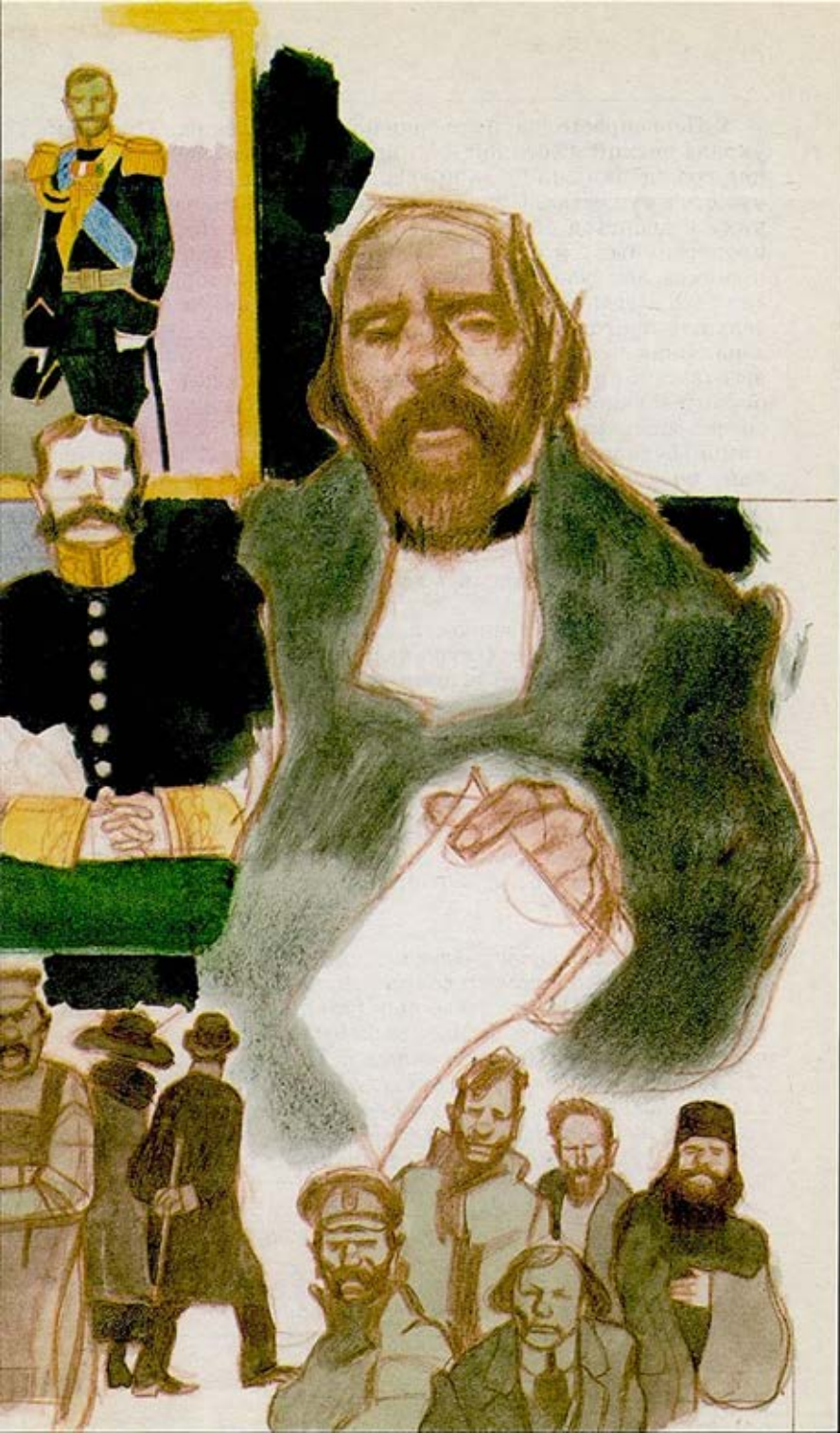

Любовь РУСЕВА

МОСКОВСКИЙ ЗЛАТОУСТ

рисунок Геннадия Новожилова

В Первопрестольной совершено преступление... Старушка украла ветхий жестяной чайник. Как потомственная почетная гражданка она была предана суду присяжных за кражу чужого имущества. Прокурор решил примерно наказать купчиху и добиться обвинительного приговора. Дело было беспроектным, можно не волноваться, но защитником на процессе выступал Плевако, воздействие которого на присяжных всегда настолько сильно, что суд выносил оправдательный приговор даже тогда, когда вина подсудимого доказана. Зная непревзойденный талант Федора Никифоровича вызывать к подсудимым сочувствие и тем самым добиваться оправдательного приговора, прокурор решил обезоружить своего соперника. Он сам высказался в пользу защиты подсудимой: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не негодование, а только жалость...

— Но собственность священна! — патетично закончил обвинитель. — Все гражданское благоустройство держится на собственности, а если позволить людям посягать на нее, страна погибнет!

Прокурор торжественно сел, адвокат не менее торжественно поднялся. Плевако подхватил пафос обвинителя:

— Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее более чем тысячелетнее существование. Печенег терзали ее, половцы, татары, поляки. Дванадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... — голос оратора дрогнул. — Старушка украла старый чайник ценою в тридцать копеек! Этого Россия уже, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно!

Защитник сел, не добавив ни слова. Суд, естественно, оправдал старушку.

Федор Никифорович Плевако сделался легендарным еще при жизни, и ни о ком не ходило столько анекдотов и мифов, сколько о нем. Имя его стало нарицательным для обозначения выдающегося оратора. В Москве он был такой же достопримечательностью, как Царь-колокол или Царь-пушка.

“Едва ли найдется москвич, который не знал бы Ф.Н.Плевако по имени и не стремился бы хоть раз в жизни взглянуть на своего знаменитого земляка. Москвичи гордятся г. Плевако, как великим оратором, блестящая деятельность которого прошла преимущественно в Москве... Строй и тон духовной жизни Москвы наложили неизгладимую печать на духовную физиономию этого колосса русской адвокатуры”. (Л.Д.Ляховецкий)

“Подражать Плевако было, по моему мнению, невозможно, как нельзя подражать вдохновению”. (А. Ф. Кони)

“Разгадка славы Плевако проста: он был обыкновенный гений. Гений судебного красноречия. Гений судебной защиты. Гениальность всегда несет в себе загадку, до конца поверить алгеброй ее гармонию нельзя...” (Г. М. Резник, адвокат)

Обыкновенный гений... Гений, может быть, он и обыкновенный, но совсем необыкновенно началась его жизнь на нашей грешной земле.

Мать

Спокойна была ночь в оренбургской степи. Ничто не предвещало беды. Мирно спало кочевое племя киргизов. В богатой юрте под меховыми одеялами, на меховых подстилках спали дети. Юрта была вся в коврах, на стенах висели сабли, ружья и дорожные одежды.

Не сразу спавшие обратили внимание на легкий гул, а тот стремительно нарастал и превратился в ужасающий грохот. Смерчем налетели чужие всадники. Смолкли кузнечики... Конский топот, свист, гиканье да ружейная стрельба разбудили степь, факелами запылали кибитки и юрты. Мужчины схватились за оружие, пытались вывести лошадей и верблюдов, но падали замертво. Завыли, засуетились женщины, выхватывая маленьких детей из юрт, забрасывали их в арбу, чтобы увезти и спасти. Но много, очень много врагов, да кони их быстроноги; погнались они за беглецами, нагнали.

Во время погони из богатой арбы выпала маленькая девочка, которую никто не заметил. Трое суток малышка пряталась в камышах, на четвертые вышла к реке, на противоположном берегу которой располагался пограничный город Троицк. Люди, находившиеся на берегу реки, услышали жалобный плач ребенка. Груша, повариха управляющего таможеней, перешла реку вброд, и девочка, теряя последние силы, доверчиво прижалась к ней. Барин согласился принять сироту в число дворовых детей. Так киргизская девочка оказалась в Троицке; и стали звать ее Катей.

Отец

Василий Иванович Плевак происходил из обедневшего украинского дворянского рода. К пятнадцати годам окончил уездное училище, в честь этого события родители дали сыну три рубля и “отправили в самостоятельную жизнь”. Приютил Василия таможенный сторож, согласившийся за эти деньги кормить юношу, он же и пристроил его на таможеню. Трудолюбие — вот отличительная черта Василия Ивановича, которая передалась впоследствии и сыну. Плевак рос по службе, и летом 1832 года был направлен на юг Урала, в Троицк, через который шла торговля России с Индией и другими странами Вос-

тока. Определили Василия Ивановича на должность экзекутора в местную таможню.

Вскоре по приезде новый чиновник был приглашен в дом управляющего таможней, где на него стали смотреть как на жениха сестры хозяина. Но 35-летний Плевак обратил внимание на крепостную киргизку, которой шел семнадцатый год. По просьбе Василия Ивановича управляющий отпустил к нему Катю, продолжая прочить в жены свою родственницу. Вскоре по городу стали расползаться слухи об отношениях между новым служащим и крепостной киргизкой, назревал скандал. Василий Иванович стал хлопотать об освобождении от крепостной зависимости Екатерины, управляющий же требовал вернуть ее в число дворни. Перевод управляющего на другое место службы прекратил тяжбу.

Не известно, почему Василий Иванович не узаконил свои отношения с Екатериной Степановной, и это причиняло ей немало горя. Появление детей вызывало общее осуждение — считалось неприличным быть на положении служанки и рожать детей барину. Возникали сложности и с крещением. Каждые роды — это очередной позор, косые презрительные взгляды соседей, злые реплики в глаза и за глаза.

Утром 13 апреля 1842 года у Екатерины начались схватки. Разрешившись от бремени мальчиком, бедная женщина была в отчаянии — опять позор! Она, схватив новорожденного, в одной рубашке выскочила на улицу. От дома к набережной вела дорожка, которая спускалась к мосту. Мать подбежала к реке, но замешкалась. Броситься в реку вместе с младенцем или только самой?

— Куда ты?! — неожиданно раздался голос.

Казак, ехавший в телеге, увидел раздетую женщину с ребенком и догадался о ее намерении.

— Коли бросить хочешь, отдай мне. У меня нет детей, я люблю его как родного.

Екатерина отдала сына казаку, вернулась домой и горько заплакала. Казак же положил младенца на сено, и телега спустилась на мост.

В таможне с утра жарко истопили печи, но кто-то раньше положенного закрыл трубы, чиновники угорели. В связи с этим было прервано заседание, и всех раньше времени распустили по домам. На мосту Василию Ивановичу встретилась телега. Неожиданно громко закричал младенец, лежавший на сене совершенно голый.

— Откуда у тебя ребенок? — тревожно спросил Плевак.

— Вон из того дома. Баба отдала, должно быть, бежала утопить его.

Василий Иванович все понял и отобрал сына. Нарекли его Федором, а поскольку старшего сына крестил крепостной по имени Никифор, то мать попросила и младшему дать отчество

Никифорович, и по фамилии мальчики были Никифоровы. Так появился на свет будущий гений русского судебного ораторского искусства Федор Никифорович Плевако*.

Судьба хранила мальчика не только в день его рождения. Спустя месяц в Троицке случился сильный пожар. Корзину с младенцем вынесли на улицу в безопасное, как казалось, место. Но огонь изменил направление, горящие головешки полетели на то место, где лежал малыш. В суматохе про мальчика забыли, потом не нашли среди пепелища. Только через несколько дней узнали, что мальчик жив и находится в лачуге бедной татарки.

Трижды рождался Федор, прошел, что называется, сквозь огонь и мороз, но выжил.

Изгон

Василий Иванович был заботливым и любящим отцом. В 1851 году он переезжает с семьей в Москву, чтобы дать сыновьям хорошее образование. О гимназии и других престижных учебных заведениях не могло быть и речи: сословный принцип имел силу закона, кроме того, клеймо незаконнорожденных закрывало перед мальчиками все двери. Плевако определил детей в коммерческое училище, где не только обучались, но и жили, поэтому за каждого мальчика платили по 250 рублей в год. Отец внес сразу огромную сумму — 12.500 рублей. Половина шла на обучение детей, а остальное — на воспитание двух сирот.

Никифоровы своим старанием добились больших успехов в учебе, их занесли на “золотую доску” училища, что давало право сидеть на первом ряду. У Федора проявились блестящие математические способности. В конце первого года братья были допущены к переходному экзамену, которые Федор сдал с наградой.

Но ни взнос отца, ни способности мальчиков не защитили их. На втором году обучения за неделю до рождественских каникул отца вызвали в училище и сообщили об исключении детей. Братьям ничего не сказали, но они чувствовали: что-то происходит. Отец постоянно отлучался и возвращался раздраженный, мать все время плакала. Как-то Василий Иванович вернулся мрачнее тучи, старший сын Дормидонт отправился в его кабинет, откуда вышел заплаканный.

— Что произошло, Доша? — поинтересовался Федор.

— Нас выгнали из училища. Таких, как мы, в училище нельзя держать, ведь мы — незаконнорожденные.

“Итак, мы были удалены, — вспоминал впоследствии Плевако, — как какая-то нечисть из сонмища чистых сынов благо-

* Будучи студентом университета, Федор Никифорович Никифоров писался вначале “Плевако”, а на последних курсах к своей фамилии он добавил окончание “о”.

честивого Замоскворечья. Нас клеймили, нас объявляли недостойными той самой школы, которая хвалила нас за успехи и выставляла напоказ исключительную способность одного из нас в математике... Прости их, Боже. Вот уж и впрямь не ведали, что творили, эти узколобые лбы, совершая человеческое жертвоприношение...”.

Рассчитывая на благосклонность государя за свою усердную службу, отец отправился в Петербург. Плевак просил снисхождения для своих незаконнорожденных сынов, но ему было отказано. Отказали и в вопросе усыновления детей. В конце концов через год мальчики были определены в третий класс первой московской гимназии. Но исключение из училища не прошло даром для них: старший брат стал плохо учиться, менее прилежным стал и младший. История с детьми подорвала здоровье отца, — болезнь свела его в могилу в сентябре 1854 года, а через три года скончался и Дормидонт.

Закончив гимназию, Федор поступил в Московский университет на юридический факультет, но так как на его руках были мать и маленькая сестренка, он написал прошение об определении его в вольнослушатели. Свободно владея немецким языком, Федор Никифорович занимается репетиторством (в день давал не меньше трех занятий). Содержание семьи не сказывалось на учебе: экзамены сдавал он успешно. Плевако увлекся римским правом и перевел на русский язык книгу известного немецкого юриста Г.Ф.Пухты “Курс Римского гражданского права”, которую впоследствии ему засчитали как выпускное сочинение для получения степени кандидата права.

Федор Никифорович закончил университет в 1864 году, то есть в год судебной реформы, появления суда присяжных, гласного суда, независимости и несменяемости судей, введения состязательности.

Молодой юрист жил у Зачатьевского монастыря в маленькой квартирке, за которую платил 10 рублей в месяц. Зарабатывал тем же, что и во время учебы. Так как средств на жизнь все равно не хватало, Плевако решил добиться места в только что открытом Московском окружном суде, рассудив, что в “новом” суде добросовестный работник и без протекции сможет сделать карьеру. Он облачился в свой единственный костюм и явился к председателю суда Люминарскому.

Федор Никифорович произвел благоприятное впечатление, и его (до появления какой-либо вакансии) определили секретарем Московского окружного суда на общественных началах. Несмотря на то, что Люминарский всегда оставался довольным работой секретаря, он не спешил с его определением. Прошло полтора года, а назначения все не было.

— Вы, вероятно, удивляетесь, молодой человек, что я вас никуда не назначаю, — спросил его как-то председатель суда.

— Думаю, дойдет очередь и до меня, не все еще вакансии заняты.

— Нет, — ответил, немного подумав, Люминарский, — не потому. Я советую вам уйти от нас к адвокату. Вы можете загубить свои способности, сидя в канцелярии за черновой работой, а там вы скорее найдете применение своим силам и дарованию. Бог даст, и заработок будет более 30 рублей. Если вы не умеете отыскивать людей, которые бы доверили вам свои дела, если у вас нет практической сноровки завязывать нужные деловые знакомства, то у вас есть знания и дарование. Одно, два первых дела создадут вам клиентуру само собой.

Накануне Пасхи, которую семья всегда праздновала широко и весело, чтобы не расстраивать родных безденежьем, Федор Никифорович, собрав кое-какие серебряные вещи (портсигар и запонки), отправился в Хамовники к одному “благодетелю”, бравшему вещи в залог под хорошие проценты. Серебро было оценено в 25 рублей — достаточная сумма для веселого праздника с куличами. Но тут, разговарившись, “благодетель” узнает, что его клиент юрист. Уже через несколько дней во дворе дома появился мужчина, который всех расспрашивал об адвокате Плевакине. Дело у незнакомца было на 2000 рублей. Федор Никифорович выиграл процесс. В то время еще не была установлена такса за выступление адвокатов, и суд присудил в пользу Плевако 200 рублей вознаграждения. После этого процесса пожаловал богач Спиридов, у которого дело было на 36 тысяч рублей. Плевако выиграл и этот процесс, несмотря на то, что противником его был известный и опытный юрист. Суд снова присудил ему 10 процентов.

Наконец-то Плевако выводит семью из бедственного состояния, избавляется от долгов и наступает нормально обеспеченная жизнь. Стали приходиться не только средства к существованию, но и слава защитника. Высокие вознаграждения позволили адвокату защищать интересы малоимущих людей безвозмездно, что увеличивало его популярность в Москве.

Гений судебной защиты

В совет присяжных поступила просьба выделить адвоката для защиты священника, совершившего ряд преступлений и на предварительном следствии признавшего себя виновным.

— Федор Никифорович, ты одерживаешь победы в суде, и если уж ты такой непобедимый, то возьми за дело священника, — обратились коллеги к Плевако.

— Да, — подумав, ответил тот, — я выступлю по этому делу. Речь моя будет состоять из нескольких фраз, и священник будет оправдан.

Коллеги посмеялись над самоуверенностью товарища и разошлись. Все были уверены, что в этом щекотливом деле даже Плевако не сможет ничего сделать. На процесс пришли многие

адвокаты, с любопытством ожидая, что же скажет Федор Никифорович. Прокурор произнес убедительную речь. Слово предоставили защитнику. Бледный и взволнованный Плевако медленно поднялся к трибуне.

— Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил, и сам в них признался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпущал на исповеди грехи ваши. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы его грехи?

Последнюю фразу адвокат произнес с большим подъемом. Присяжные совещались недолго. Суд вынес оправдательный приговор. Все стали уходить, а Плевако остался сидеть один. Затем медленно поднялся и вышел из зала суда... За кажущейся легкостью достигнутой победы стоял большой труд — интеллектуальный и эмоциональный.

Цицерону принадлежит афоризм: "Поэтами рождаются, ораторами становятся". Плевако стал не просто оратором, а "гением ораторского искусства". Но говорят, что гениальность — это всего несколько процентов таланта, а остальное — титанический труд. Каждое свое выступление Плевако после окончания процесса тщательно анализировал, отмечая слабые позиции. Адвокат пришел к выводу, что все внимание должно быть обращено на судей, речи читать нельзя, необходимо постоянно держать под контролем настроение присяжных заседателей. Плевако заранее изучал не только дело, но и списки присяжных заседателей. В течение судебного заседания он присматривался к ним, прислушивался к их вопросам и замечаниям; старался угадать их настроение и понять их мировоззрение. Уяснив себе духовную сущность судей, адвокат приспособлял к ним свою речь. Взять нужный тон в каждом отдельном случае — значит обрести верные средства влияния на судьбу. Чутье подсказывало оратору, где он должен брать аргументы для своих речей: в теориях признанных авторитетов, в вольной морали парадоксов, в житейской мудрости или книгах религиозного содержания.

"Стремление указать внутренний смысл того или иного явления или житейского положения, — вспоминал А.Ф.Кони, — заставляло Плевако брать краски из существующих поэтических образов или картин, или рисовать их самому с тонким художественным чутьем и, одушевляясь ими, доходить до своеобразного лиризма, производившего не только сильное, но иногда неотразимое впечатление..."

Природа наделила Федора Никифоровича удивительным даром речи, который шлифовался трудолюбием, украшался обширными знаниями. Слушатели его поражались той высоте, которой может достигнуть свобода и легкость речи. Плавные, красивые, стройные переходы производили чарующее впечат-

ление. Богатырская мощь его яркого слова сокрушала все на своем пути. Речи Плевако опубликованы, но все современники отмечали, что они не дают даже приблизительного представления о его выступлениях. Речи на бумаге были мертвы, они не производили того магического действия, как произнесенные в стенах суда.

Попасть на процесс, в котором участвовал Федор Плевако, было трудно. Он мог говорить часами — и публика слушала его, затаив дыхание, но мог всего лишь за минуту решить судьбу подсудимого. Он всегда был оригинален. Современники не переставали поражаться неожиданным приемам, к которым прибегал Плевако.

Владелица небольшой лавочки попала на скамью подсудимых из-за нарушения правила о часах торговли: накануне религиозного праздника она закрыла лавочку на 20 минут позже положенного. Заседание было назначено на 10 часов утра. Суд вышел в зал заседаний на 10 минут позже назначенного времени. Все были в сборе, отсутствовал только защитник подсудимой. Председательствующий распорядился разыскать адвоката. Минут через десять в зал, не торопясь, вошел Плевако, и спокойно уселся на место защитника, раскрыл портфель, достал бумаги и... — получил замечание от председателя суда за опоздание. Удивленный Плевако посмотрел на свои часы.

— Простите, но сейчас пять минут одиннадцатого.

— На стенных часах, господин защитник, не 5, а 20 минут.

— А сколько на ваших часах, ваше превосходительство? — обратился к судье Плевако.

— На моих 15 минут одиннадцатого, — посмотрел на часы председатель.

— А на ваших, господин прокурор?

— На моих часах уже 25 минут, — ехидно хмыкнул обвинитель, явно желая причинить неприятности своему противнику по процессу.

Но именно это язвительное замечание прокурора и помогло адвокату выиграть процесс. Обвинитель не заметил ловушки, которую расставил для него защитник. Прокурор просил признать торговку виновной. Слово оставалось за защитой. Речь адвоката длилась всего две минуты.

— Подсудимая действительно опоздала на 20 минут. Но, господа присяжные заседатели, она женщина старая, малограмотная, в часах плохо разбирается. Мы с вами люди грамотные, интеллигентные. А как у нас обстоит дело с часами? Когда на стенных часах — 20 минут, у господина председателя — 15 минут, а на часах господина прокурора — 25. Конечно, самые верные часы у господина прокурора. Значит, мои часы отставали на 20 минут, и поэтому я на 20 минут опоздал, а я всегда считал свои часы очень точными, ведь они у меня золотые, мозеровские. Так если господин председатель, по часам проку-

рора, открыл заседание с опозданием на 15 минут, а защитник явился на 20 минут позже, то как можно потребовать, чтобы малограмотная торговка имела лучшие часы и лучше разбиралась во времени, чем мы с прокурором?

Присяжные совещались не дольше, чем длилась речь адвоката, и оправдали подсудимую. Эффектная форма защиты ярко высветила доказанность обвинительного тезиса: преступными уголовный закон признавал лишь умышленные, а не неосторожные нарушения правил торговли, а умысел подсудимой прокурором как раз не был доказан.

Огненный адвокат

В чем же секрет Плевако, как добивался он тех оправдательных приговоров, которые выносил суд, несмотря на тяжкие преступления его подзащитных? Неужели красивой, гладкой речи было достаточно, чтобы оправдать убийцу?

Силой своего ораторского искусства Плевако помогал людям очиститься от дурных нравов и поступков, стать нравственно чище. Обращаясь в своих речах к лучшим человеческим чувствам, Федор Никифорович освобождал слушателей от будничных взглядов, заставлял их переживать минуты высокого душевного подъема. Оратору удавалось на время делать самих слушателей лучше, чем они были, открывать в них то, что было до сих пор от них закрыто. В результате присутствовавшие испытывали ту радость собственного просветления, которое человеку дают только минуты молитвы. И когда их в этот момент спрашивали, нужно ли казнить и наказывать, они от всей души отвечали: нет! Прощение виноватого казалось не милосердием, а самым простым, справедливым и радостным делом. Присяжные заседатели покидали зал заседания суда с чувством благодарности к адвокату за испытанное счастье, за то, что он сумел их убедить и предоставил возможность совершить благое дело — сохранить человеческую жизнь.

Федор Никифорович выступил защитником 19-летней Прасковьи Качки, застрелившей своего любовника — студента Байрашевского. Особенностью этой речи является то, что в ней отсутствовал юридический анализ преступления. Адвокат построил свое выступление исключительно на психологическом анализе совершенного преступления. Он заглянул в глубь человеческой души, красочно обрисовал предпосылки преступления, шаг за шагом проследил судьбу преступницы. Кульминацией речи явился комментарий песни Некрасова "Еду ли ночью по улице темной", во время исполнения которой Качка застрелила студента. Проведенная защитником параллель между песней и чувствами певицы-убийцы произвела потрясающее впечатление.

— Раскройте свои объятия, — закончил оратор, обращаясь к судьям, — я отдаю ее вам. Делайте, что совесть ваша

укажет. Если ваше отеческое чувство возмущено грехом де-тища, сожмите гневно объятия; пусть с криком отчаяния со-крушится это слабое создание и исчезнет. Но если ваше серд-це подскажет вам, что в ней, изломанной другими, искале-ченной без собственной вины, нет места тому злу, орудием которого она была... воскресите ее, и пусть ваш приговор бу-дет новым рождением ее на лучшую, страданиями умудрен-ную жизнь!

По определению суда девушку до полного выздоровления поместили в больницу.

Плевако мастерски описывал различные любовные исто-рии, все оттенки чувств и состояний — страсть, ревность, изме-ну, обольщение, обман. Он охотно выступал на судебных про-цессах, где во всей красоте разгорались страсти на почве любов-ных драм, и в своих речах умело, увлекательно и объективно проводил их тщательный разбор. Адвокат любил выступать в защиту женщин, особенно тогда, когда видел, что допущена не-справедливость по отношению к слабому полу.

Плевако сам испытал любовную драму. Обманутые надеж-ды, долгие годы оскорбленного самолюбия, бесконечные бес-сонные ночи, муки за судьбу и будущее своих детей... — вот ре-зультат его первого брака.

Особую популярность принесли ему процессы по бунтую-щим крестьянам и бастующим рабочим, которые он все выиг-рывал. Но защищал Плевако не только бедных и обездолен-ных. Богатые также имели право на защиту своих прав. И Фе-дор Никифорович не боялся во всеуслышание заявить об этом в предреволюционную эпоху и в годы первой русской револю-ции, когда в моде была игра в демократизм.

11 сентября 1899 года в дом Саввы Мамонтова явились с обыском. Промышленника обвиняли в растрате денег правле-ния железной дороги. У хозяина потребовали немедленно воз-местить недостающую сумму — 100 тысяч рублей. При обыске нашли наличными 53 рубля и кредитных билетов в 100 марок (в переводе на деньги это составляло 40 рублей).

Арест Саввы Мамонтова, этого высокообразованного и раз-носторонне одаренного человека, вызвал в России целую бурю. Меценат не просто материально поддерживал деятелей иску-ства, он создал свою оперу, “сделал Шаляпина”, которому сам же и дирижировал. К его советам прислушивались известные художники, музыканты, композиторы. Несколько больших правительственных чиновников надеялись, что процесс над миллионером-промышленником поможет им приобрести ог-ромный политический капитал. Общество в связи с этим разде-лилось надвое. Злопыхатели и завистники потирали руки: пусть покажет да расскажет, откуда у него такие капиталы, да на какие шиши он оперу свою содержит. Для деятелей искусс-ва и интеллигенции это был удар. Они восприняли арест Саввы

Ивановича как покушение на прогресс, на культуру, на национальное достоинство.

Дело Мамонтова показало, что в огромной массе друзей миллионера, которым он помог себя реализовать, подлецов было очень мало. Кроме нескольких иуд все приняли сторону промышленника, никто не поверил клевете. Друзья написали и переправили в тюрьму коллективное письмо, в котором поддерживали Мамонтова. В письме стояли имена Репина, Римского-Корсакова, Сурикова, братьев Васнецовых, Левитана, Врубеля, Поленова и многих других. Не было лишь подписи Шаляпина, который, как только узнал об аресте своего благодетеля, сразу же покинул оперу и переметнулся в Большой театр. Вместе с ним ушли несколько артистов и художник Коровин. Последний впоследствии раскаялся в содеянном. Когда дело подходило к суду, группа близких промышленнику людей во главе с Суриковым и Поленовым посетили Плевако. Уговаривать знаменитого адвоката им не пришлось.

— Федор Никифорович, — обратился к адвокату Суриков, — чем может кончиться суд над Мамонтовым? Вы человек опытный в судебных делах, выступали на многих больших процессах.

— Не знаю. Знаю лишь одно, что Савву Ивановича надо защищать, ибо не так-то много на Руси таких промышленников, как он...

На скамье подсудимых сидел Савва Иванович с сыновьями и товарищами. Процесс был долгим и бурным. В зале заседания суда, словно электрические заряды, сталкивалась защита с обвинением. Уж очень велики были ставки — престиж некоторых министров, желавших засадить за решетку мецената. Присяжные совещались более трех часов. Наконец прозвучало: "Встать, суд идет". В зале мертвая тишина.

Вопрос: Доказано ли, что члены правления железной дороги сознательно нарушили доверие акционеров, передав Невскому заводу несколько миллионов?

Ответ: Да, доказано.

Вопрос: Виновен ли Савва Иванович Мамонтов в том, что, состоя председателем правления дороги, сознательно передал Невскому заводу несколько миллионов?

Ответ: Нет, не виновен.

Взрыв аплодисментов и крики "Браво!" заглушили слова председательствующего. "Подсудимые, вы свободны!"

"Плевако освободил Савву Мамонтова!" — пестрели заголовками российские, европейские и мировые газеты.

— Я всегда доволен, когда спасаю человека, допустившего ошибку в жизни. Савва Иванович увлекся размахом своих дел и допустил немало ошибок, — признался журналистам адвокат. Позже, сидя у самовара, Плевако сказал Мамонтову:

— Если бы я был писатель, а не адвокат, то написал бы большой роман о русском промышленнике, который покровительствовал искусству, просвещению народа и по роковой случайности угодил на скамью подсудимых.

— Федор Никифорович! Ваша речь на суде лучше всяких романов. В ней реально действующие лица с их пороками, ошибками...

— Характеристикой одних ваших ошибок и пороков я бы вас не спас от тюрьмы.

К согрешившему, но покаявшемуся человеку Плевако всегда чувствовал искреннюю жалость. Он по себе знал силу страстей, их непреодолимую власть над слабостью самой благонамеренной воли: он смотрел на жизнь и людей с высоты такого идеала, перед которым все одинаково грешны, одинаково жалки. Он не переносил только тех, кто не каялся, не признавался, кто надеялся ловкостью или связями обмануть правосудие, тех, *чье оправдание было бы вторичным торжеством преступления*. В этих случаях добродушие и милосердие его пропадали.

Федору Никифоровичу пришлось защищать Фролова, управляющего гостиницей "Черногория", находившейся на Цветном бульваре в Москве. Гостиница пользовалась плохой репутацией. На скамью подсудимых Фролов попал за самоуправство. Для сдачи выпускных экзаменов в музыкальном училище в Москву приехала молодая девушка, которая остановилась в "Черногории". В день ее поселения Фролов праздновал свои именины. Далеко за полночь пьяная компания стала расходиться, а управляющий решил "нанести визит" молодой девушке, снявшей комнату на третьем этаже. Девушка отказалась открыть дверь из-за позднего времени. Фролов потребовал немедленно предъявить паспорт. Несчастливая ответила, что паспорт предъявит утром. Управляющего отказы разъярили, и он стал грозить взломать дверь. Девушка попросила послать за полицией, которой откроет дверь и тут же предъявит свой паспорт. Фролов приказал полотерам ломать дверь. Только теперь испуганная девушка сообразила, куда она попала, и когда дверь затрещала, она в одной сорочке в 25-градусный мороз выбросилась из окна третьего этажа. На ее счастье во дворе было много снега, и она осталась жива, но сломала правую руку, вследствие чего навсегда осталась калекой и вынуждена была отказаться от музыкальной карьеры.

При рассмотрении дела в суде прокурор, обвинявший Фролова, никак не мог понять, что вынудило девушку выпрыгнуть из окна, рискуя своей жизнью. В аллегоричной форме ему это разъяснил защитник управляющего.

— В далекой Сибири, — сказал Плевако, — в дремучей тайге водится зверек, которого судьба наградила белой как снег шубкой. Это — горноста́й. Когда он спасается от врага, готово-

го его растерзать, а на пути его встречается грязная лужа, которую нет времени миновать, он предпочитает отдаться врагу, чем замарать свою белоснежную шубку. И мне понятно, — закончил речь защитник Фролова, — почему потерпевшая выскочила в окно.

Федор Никифорович не произнес больше ни слова и сел. Судьи признали Фролова виновным и приговорили его к высшей мере наказания — расстрелу.

Федор Никифорович неустанно боролся за честь адвокатского фрака, сравнивая его с мундиром воина, идущего в бой ради торжества правды. Такими же были Спасович, Урусов, Арсеньев и другие защитники первого призыва, которые подняли на высочайший уровень авторитет русской адвокатуры.

— Тридцать лет я с честью ношу свой значок и никогда не согласился бы опозорить его, если бы не убеждение в невинности подсудимого.

Плевако с глубоким уважением относился к талантливой молодежи, воспитывал ее, внушая мысль, что от адвоката, прежде всего, требуется высокая нравственная чистота.

По стопам Федора Никифоровича пошли два его сына — и оба Сергея Федоровича. Сергей Федорович старший родился 27 марта 1877 года в Москве. Мать его Е.А. Филиппова (первая жена Плевако) была народной учительницей из Тверской губернии. Сергей Федорович младший родился от второго брака 27 октября 1886 года.

Федор Никифорович Плевако, “обыкновенный гений русской адвокатуры”, скончался на 65 году жизни — утром 23 декабря 1908 года. Траурная процессия была нескончаемой. Его похоронили на кладбище Скорбящего монастыря. В 30-е годы прах “Московского Златоуста” был перезахоронен на Ваганьковском кладбище.

“О Плевако говорила вся Россия, подобно тому, как устами Плевако говорила мощная, великая в своей стихийной красоте, та же самая Россия”. (Журнал “Нива”) ■

ДЕВА 24 АВГУСТА — 23 СЕНТЯБРЯ

Дева — знак непорочности, но на самом деле этот символ порождает большинство холостяков и старых дев, почти всегда, правда, необычайно преданных своей семье.

Хотя внешне Девы спокойны и даже как бы безразличны, это не более как манера поведения, за которой скрываются сильные душевные переживания. Девы загоняют внешние проявления эмоций внутрь, что отражается на здоровье, а взваливая на себя непосильную работу и стремясь выполнить подчас невыполнимые обязательства, они сильно изнуряют себя. Но вообще-то Девы — от природы очень здоровые люди, если только не испортили здоровье нервным переутомлением, чрезмерными нагрузками на работе или пессимизмом.

Большая часть Дев сверкает острым, язвительным умом и обладает редким очарованием, свойственным людям, чьим покровителем является Меркурий. Если Дев раздражает вульгарность, тупость, невнимание, они становятся нервными, раздражительными, ворчливыми. Но большую часть времени, благодаря спокойному, уравновешенному характеру, с ними очень приятно общаться.

Привычки Девы — нечто незыблемое, установленное раз и навсегда.

Девы любят кошек, птичек и всякие маленькие, беспомощные создания. Не меньше, а, может, и больше любят они правду, пунктуальность, бережливость, благоразумие и избирательность. Девы яркие индивидуалисты, практичные и разборчивые, с тонким восприятием жизни. Они принадлежат к разряду тех, кто строит свою судьбу собственными руками.

Познакомьтесь с биографией одного из самых знаменитых представителей этого знака — кардинала Ришелье.

НЕРАЗГАДАННЫЙ КАРДИНАЛ

Светлана БЕСТУЖЕВА-ПАДА

Этот человек сделал для блага Франции столько, сколько ни до него, ни после не делал никто. И никого современники и потомки не ненавидели так сильно, как кардинала Ришелье, подтверждая тем самым поговорку: "Ни одно доброе дело не остается без наказанного".

Существует великолепный анекдот о том, как Петр Первый посетил в Париже гробницу кардинала Ришелье. Обращаясь к статуе, русский император с пафосом произнес:

— Великий человек, живи ты в мое время, я отдал бы тебе половину моего царства, чтобы ты научил меня управлять другой половиной!

В ответ кто-то из сопровождавших Петра французов заметил:

— И совершили бы огромную ошибку, Ваше Величество. Он бы-

стро бы прибрал к рукам и вашу половину.

Таков действительно был Арман Жан дю Плесси — герцог и кардинал Ришелье, первый министр короля Франции Людовика XIII, а фактически настоящий король. Двадцать лет он держал Францию в своих железных руках и вознес ее на высочайшую ступень могущества.

Ришелье боялись и ненавидели как аристократы, так и простонародье. Одни обвиняли его в том, что он губит "старую, добрую Францию", подрывая влияние крупных феодалов. Другие — в том, что он душит "всяческое свободомыслие и прогресс, насаждая жесткий деспотизм". А уж потомки-литераторы превратили кардинала в бессердечного тирана-монстра, безжалостно сокрушавшего человеческие судьбы. Если судить о нем, на-

пример, по роману Александра Дюма "Три мушкетера", то примерно такое впечатление и складывается. Так кого же на самом деле представлял собой великий кардинал?

Жизнь его полна загадок и тайн, хотя, казалось бы, известна от начала и до конца. В регистрационных книгах прихода той парижской церкви, которую посещали господа дю Плесси из замка Ришелье, сохранилась запись о рождении 9 сентября 1585 года Армана Жана де Ришелье. Но никто и никогда не мог точно сказать, почему провинциальная дворянская семья оказалась в столице. Их вообще там, похоже, никто не видел. Кстати, Девы вообще склонны скрывать от посторонних людей какие-то важные только для них самих даты.

А между тем, семья дю Плесси де Ришелье принадлежала к родовитому дворянству провинции Пуату. Отец Ришелье входил в число ближайших сподвижников короля Генриха III, который возвел своего любимца в ранг главного прево Франции, пожаловав одновременно орден Святого Духа. Таких дворян во Франции того времени можно было пересчитать по пальцам.

Когда Арману исполнилось девять лет, его отдали в один из престижных парижских колленей — Наваррский, где обучение было преимущественно светским. Через шесть лет Арман блестяще знал латынь, прилично говорил по-итальянски и по-испански, знал во всех деталях античную историю. В 15 лет получил титул маркиза де Шиллу и поступил в военную академию, которая готовила кавалерийских офицеров для королевской армии. Юный маркиз де Шил-

лу получал огромное удовольствие от занятий. Сын, внук и правнук военных, он готовился стать "человеком шпаги" — элитой французского дворянства. Любовь к военному делу, привычки и вкусы, привитые ему в академии, Ришелье сохранил до конца своих дней. Распорядись судьба иначе, капитана королевских мушкетеров звали бы не де Тревиль, а де Шиллу. Во всяком случае, его физическая подготовка и великолепное (Дева, Дева!) здоровье создавали все условия для блистательной военной карьеры.

Но два года спустя жизнь юного маркиза внезапно и круто изменилась. Его старший брат отказался занять место епископа в Люссоне, которое традиционно приносило семейству Ришелье скромный, но прочный доход. Он предпочел постричься в монахи, а следующий по старшинству брат не испытывал ни малейшего желания сменить намзол придворного на сутану епископа.

К счастью для матери, младший сын Арман ставил интересы семьи выше личных, да к тому же никогда не стремился связать себя узами брака. И то, и другое, согласитесь, очень типично для Девы. Правда, претендент на титул епископа должен был иметь не меньше 23 лет от роду. Но король собственным решением утвердил назначение Ришелье, как только тому исполнилось 20 лет.

А природные способности в сочетании с редким трудолюбием позволили новоиспеченному епископу к 22 годам стать в Сорбонне доктором теологии. Но это напряжение стоило ему здоровья: ужасные мигрени, лихорадка и бессонница будут преследовать Ришелье до по-

следних дней его жизни, лишний раз подтвердив тем самым принадлежность к своему знаку Зодиана.

Несколько лет — вплоть до трагической гибели короля Генриха IV — епископ Ришелье проводит в своей епархии в Люссоне. Именно там началась его непримиримая борьба с протестантами, но он не стремился "искоренить ересь", считая это невыполнимой задачей. Его цель была проще и приземленнее: сделать гугенотов послушными и преданными подданными короля Франции, оставив им свободу вероисповедания. И тогда, и впоследствии религия была для Ришелье лишь частью политики.

Его вполне устраивала бездарность Марии Медичи в государственных делах и ее слабохарактерность. Посредственность государя — залог успеха не только авантюриста-временщика, но и талантливого политика, волею судьбы оказавшегося возле трона. Так скромный епископ в одночасье стал фигурой государственного масштаба.

Через год королева-регентша сделала Ришелье личным духовником юной супруги французского короля, 14-летней Анны Австрийской. Ему было тогда тридцать лет. Год спустя он стал государственным секретарем по иностранным делам, что устроило — случай беспрецедентный! — все иностранные державы. Расположение звезд было явно благоприятным для Ришелье.

Но в 1617 году был убит фаворит и злой гений королевы Марии Медичи — Кончино Кончини, долгое время игравший королевой, как куклой. Его пренебрежительное отношение к королю Людовику — по некоторым слухам, его же сыну, — озлобило юного монарха.

После убийства Кончини Людовик сослал свою мать в Блуа под строгой охраной. Вместе с ней добровольно, отказавшись от всех своих постов, уехал и Ришелье, который, как истинная Дева, ненавидел подобные крайности.

Впрочем, выбора у него не было: Людовик ненавидел всех, кого любила его мать. Ссылке в Люссон Ришелье предпочел добровольный отъезд в Блуа и на несколько лет онаялся вне французского двора с его интригами и происками. Вместо себя он оставил своего ближайшего друга, монаха-напуцина отца Жозефа. Этот человек сделал для Ришелье так же много, как сам Ришелье для Франции.

Два года спустя судьба вновь улыбнулась Ришелье. Новый всемогущий фаворит короля Людовика, герцог де Люинь, предложил поженить своего племянника и одну из племянниц Ришелье, обещая свое содействие в получении кардинальского сана. Герцог, правда, уже начинал раздражать короля, слабохарактерного и напризного, своей властью, но зато герцогиня де Люинь была первой женщиной Людовина, и это значило многое. Герцогиня была прекрасна и умна: именно ею восхищался Аленсандр Дюма, описывая неотразимую герцогиню де Шеврез, подругу и наперсницу королевы Анны Австрийской. Вторым браком красавица была за ничем не примечательным герцогом де Шеврезом, чью фамилию сумела обесмертить достаточно своеобразно.

В августе 1624 года кардинал Ришелье стал первым министром Людовина XIII, который, не будучи семи пядей во лбу, все-таки признал политический талант "скромного" служителя церкви. На этом

посту Ришелье бесценно пробыл восемнадцать лет, три месяца и двадцать дней — вплоть до самой своей смерти. Правда, лучшие годы остались позади, но новая — куда более короткая! — полоса жизни позволила кардиналу стать тем, кем он стал — истинным королем Франции.

Постепенно Ришелье полностью подчинил номинального короля своей воле. Настольно, что Людовик, позволяя себе поистине ребяческие выходки против своего "тирана", и мысли не допускал о том, чтобы с ним расстаться. Первый министр уже значит для него больше, чем мать, жена и все фавориты, вместе взятые. К тому же он понимал то, чего никак не могла постичь Анна Австрийская: кардинал вовсе не мстил ей за отвергнутую любовь, Девы никогда не закливаются на таких пустяках. Он пытался — и с успехом! — помешать сумасбродной красавице расшатывать сложное здание внутренней и внешней политики Франции, повинувшись капризу или любовному влечению. То, что Ришелье в свое время приволоннул за королевой Анной, — бесспорно. Но он волочился — и куда более успешно! — за ее свекровью, королевой Марией. Политика, карьера, интересы государства — вот что двигало кардиналом, когда он расточал комплименты венценосным дамам и целовал им ручки. А если бы он мог стать возлюбленным Анны, его могущество утроилось бы. Во всяком случае не пришлось бы тратить столько сил, денег и энергии на борьбу с королевой.

Вообще отношение Ришелье к женщинам — это еще одна загадка великого человека. И одновременно ключ к пониманию этой не-

заурядной личности, особенно если учесть, под каким знаком Зодиака он родился. Судя по всему, кардинал просто-напросто использовал женские слабости в своих политических интересах. Ласки Марии Медичи позволили ему подняться к самому трону, а сумасбродные выходки ее невестки Анны Австрийской — практически занять этот трон. Повторюсь: если бы Ришелье удалось стать любовником королевы Анны, он получил бы ту же неограниченную власть, только несомненно более приятным способом. А так ему пришлось использовать неприязнь, которую король питал к своей прекрасной и неверной жене...

В конце концов и в личной жизни Ришелье устроился более чем остроумно: его любовницей стала его собственная племянница. Фактической или фиктивной — неизвестно, хотя слухов было предостаточно, что, собственно, и требовалось Ришелье. Деньги оставались в семье (в семье!), любящая племянница заботилась о здоровье любимого дядюшки, и никто не мог упрекнуть кардинала в том, что он — гомосексуалист или, того хуже, импотент. Прекрасная Франция не потерпела бы власти над собой человека, не способного удовлетворить женщину.

Вот кого кардинал любил страстно, так это кошек, что совершенно естественно для типичной Девы. Их у него всегда было около десятка, и их игры заменяли ему светские развлечения — утомительные и небезопасные. В Лувре кардинал мог в любой момент получить удар кинжалом от каноником-нибудь своего врага. А их было предостаточно: от королевы до любого мушкетера короля.

Ришелье вполне хватало заговоров, которые постоянно возникали против него среди высшей знати. В 1626 году ему чисто случайно удалось обезвредить "заговор де Шале" (по имени одного из его участников). Брату короля, принцу Орлеанскому, исполнилось 18 лет, и он официально был объявлен наследником престола — детей у Людовика и Анны так пока и не было. Ное-ному пришла мысль ускорить события и посадить принца Орлеанского на трон в обход Людовика, женив его для пущей верности... на той же Анне Австрийской.

Она-то не возражала, но кардинал вряд ли одобрил бы такую "рокировку" на троне. С помощью прекрасной герцогини де Шеврез нашли будущего убийцу кардинала, а пока — любовница посредницы. Маркиз де Шале был на все согласен ради прекрасных глаз герцогини, но его погубила болтливость: он доверил тайну родному дяде, а тот посоветовал ему не доверять любовнице и, пока не поздно, покаяться кардиналу. Де Шале так и сделал. Кардинал поблагодарил молодого авантюриста и... приказал обезглавить его.

Казнь де Шале была первым звеном в длинной цепи репрессий, предпринятых кардиналом против строптивой аристократии. Два сводных брата короля — герцоги Вандомские — были заточены в темницу, один из них там и умер. Около десятка представителей старинной аристократии были обезглавлены. Затем начались военные действия против мятежной протестантской Ла-Рошели, где Ришелье также погубил — огнем, мечом и голодом — свыше 16 тысяч человек. Одерживать военные победы кардиналу помогал

герцог де Монморанси, которого ничем не наградили, а Ришелье получил звание генералиссимуса. Девы не любят яркого света и предпочитают действовать в тени закулисья.

Так получилось, что король опасно заболел и, вообразив, что пришел его последний час, покаялся перед женой и матерью в своих прегрешениях, покаявшись немедленно отправить кардинала в отставку.

Тут же образовался новый заговор во главе с обиженным герцогом де Монморанси. Анна Австрийская уведомила принца Орлеанского о его близком восшествии на престол, который он наследует вместе с руной королевы после смерти короля. Уже обсуждали, как поступить с кардиналом, уже решили его обезглавить, когда Людовик неожиданно для всех начал выздоравливать.

Разумеется, кардиналу донесли о заговоре во всех подробностях, но он не торопился мстить. Это было одной из отличительных черт Ришелье, достойного представителя своего знака Зодиака: не действовать сгоряча, дать эмоциям улечься, а врагам успокоиться. Тем страшнее потом обрушивался на их головы карающий удар.

Видя, что кардинал бездействует, заговорщики решили поменять тактику и добиваться от короля отставки кардинала, сгоряча им обещанной. Король увиливал и тянул время не только потому, что боялся Ришелье, но и потому, что понимал: могущество Франции без кардинала немыслимо. Наконец, королева-мать, ставшая со временем одной из самых непримиримых противниц кардинала, "дожала", и Людовик уже взял в

руки перо, чтобы подписать соответствующий указ, как вдруг в его кабинете появился Ришелье с просьбой... об отставке.

"Семейные узы для вас дороже короны и счастья подданных — оставляю вас с матерью, супругой и братом, которые не раз доказали свою преданность Вашему Величеству".

Людовик едва ли не на коленях умолил кардинала остаться. Королева-мать сбежала в Бельгию, принц Орлеанский последовал за нею. А герцог де Монморанси, маршал Франции, победитель англичан на море, испанцев и протестантов на суше, был посажен в тюрьму, обвинен в открытом мятеже и приговорен к смертной казни. Возможно, король и помиловал бы человека, родословная которого насчитывала более 700 лет, первого дворянина королевства после принцев крови, молодого, красивого, богатого и... любимого. Но любимого совсем не той, кем нужно. На беду герцога, при нем во время ареста оказался портрет Анны Австрийской с ее локоном. Кардинал хранил этот "довод" до последнего и, лишь когда увидел, что Людовик готов помиловать его злейшего врага, заявил, что за Монморанси просит еще одна особа — королева. И вручил королю злосчастный медальон. Через три часа после этого голова маршала Франции слетела с его плеч.

Последней в долгой череде казней стала расправа над шевалье де Сен-Марсом и шевалье де Ту. Это произошло в 1642 году, а несколько месяцев спустя кардинал слег, поручив вниманию короля нескольких своих доверенных людей, в том числе некоего Дну-

лио Мазарини, будущего кардинала, первого министра и тайного мужа Анны Австрийской.

— Будьте спокойны, — ответил король больному, — ваши желания будут исполнены, но я надеюсь, что еще не скоро.

То ли король не понял серьезности происходящего, то ли радовался близкой смерти кардинала, как радовался вообще любой смерти в своем окружении, неизвестно. Но от кардинала он вышел даже не с улыбкой, а с громким смехом. Впрочем, он и казнь своего фаворита воспринял с восторгом.

— Сколько мне еще осталось жить? — спросил больной у окружавших его врачей.

Лишь один из них осмелился сказать:

— Монсеньер, думаю, что в течение ближайших суток вы либо умрете, либо встанете на ноги.

— Хорошо сказано, — тихо заметил Ришелье.

Больше он уже почти ничего не говорил, только перед самой смертью попросил любимую племянницу оставить его одного.

— Помните, я любил вас больше всех на свете. Будет плохо, если я умру у вас на глазах.

Кошки оставались вокруг его ложа до самого конца...

Великий французский математик и философ Блез Паскаль как-то заметил, что "господин кардинал не пожелал быть разгаданным". И действительно, вокруг его личности вот уже триста с лишним лет идут острые дискуссии. Но отрицать несомненные заслуги герцога-кардинала никто никогда не мог.

А остальное в конце концов могло быть всего лишь сплетнями.

В

1927 году мы играли в “тихом” ресторанчике, находившемся к Югу от Моргана, штат Иллинойс, в семидесяти милях от Чикаго. Можно сказать, в деревенской глуши: ни одного городка ближе двадцати миль, в какую сторону ни посмотри. Но и здесь находилось достаточно фермеров, которые после жаркого дня на поле предпочитали что-нибудь покрепче домашнего лимонада, и девчушек, жаждущих поплясать со своими дружками, будь они ковбоями или продавцами аптечных магазинов. Заглядывали к нам и женатики (этих мы отличали без труда, словно они ходили с табличкой на груди), чтобы вдали от любопытных глаз порезвиться со своими тайными милашками.

Уж мы играли джаз так джаз, брали мастерством, а не громкостью. Работали впятером: барабаны, корнет, тромбон, пианино, труба, и свое дело знали. Происходило все это за три года до записи нашей первой пластинки и за четыре до появления звукового кино.

Когда в зал вошел этот верзила в белом костюме и с трубкой размерами с валторну, мы играли “Бамбуковый залив”. Мы, конечно, уже приняла на грудь, но публика накачалась куда сильнее и веселилась от души, так что стены ходили ходуном. Все пребывали в прекрасном настроении: в этот вечер обошлось без драк. Пот с нас тек ручьем, и спасало только ржаное виски, которое исправно посылал нам Томми Ингландер, хозяин этого заведения. Мне нравилось работать у Ингландера, а он по достоинству оценивал наше творчество. Понятное дело, я его за это уважал.

Парень в белом костюме пристроился у стойки и я о нем и думать забыл. Мы отыграли “Блюз тетушки Хагар”, страшно

Стивен КИНГ

свадебный джаз

популярную в те времена мелодию, особенно в захолустье, как обычно, сорвали аплодисменты, и отправились на перерыв. Сходя со сцены, Мэнни лыбился во все тридцать два зуба. Девушка, в зеленом вечернем платье, которая весь вечер строила мне глазки, по-прежнему сидела одна. Рыженькая, каких я и

* “Тихими” (*speakeasy*) в период действия “сухого закона” (1920-1933 гг.) называли бары и рестораны, где подпольно торговали спиртным. — Здесь и далее примечания переводчика.

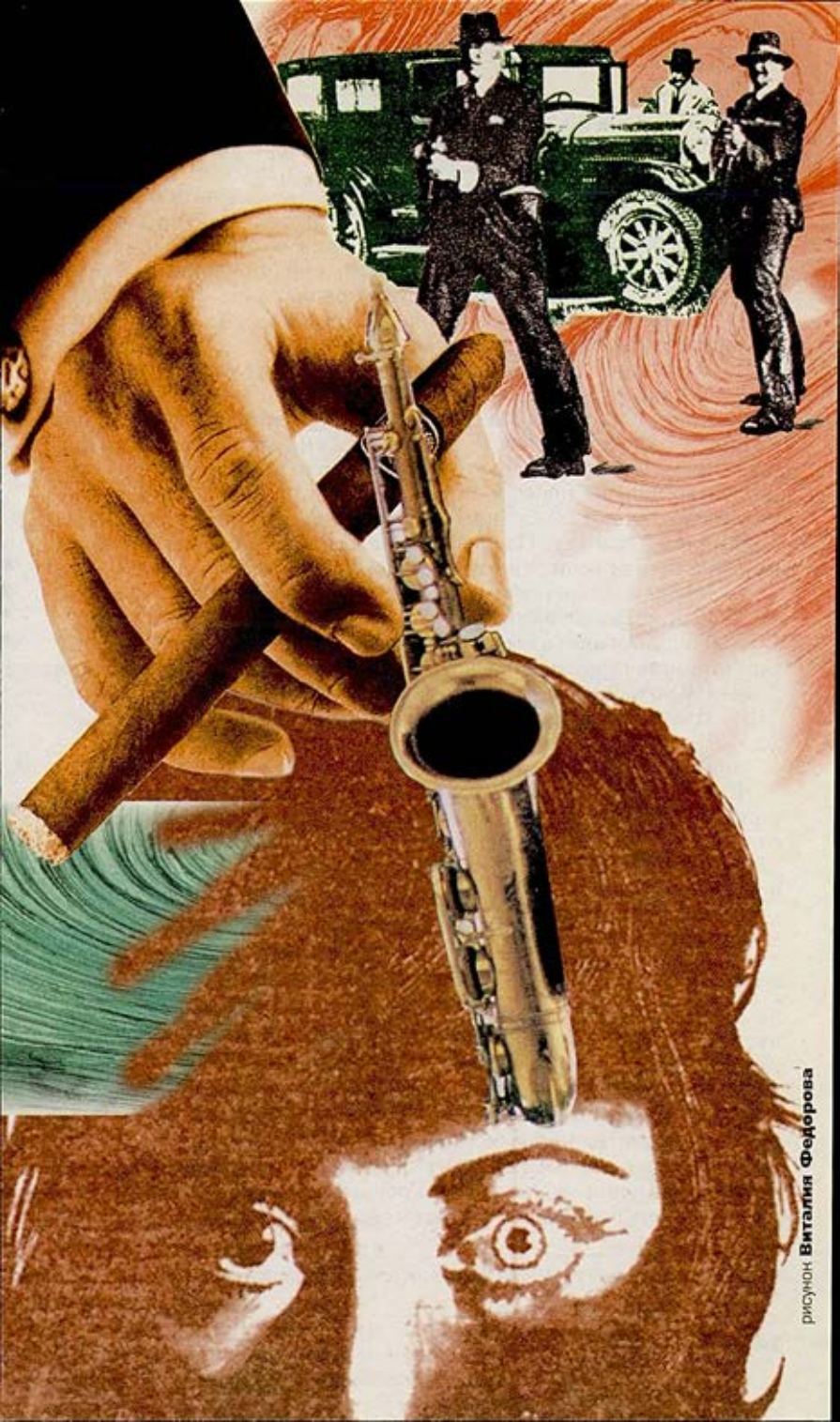

рисунок **Виталия Федорова**

люблю. По выражению ее глаз и легкому кивку я все понял и уже направился к ней полюбопытствовать, не хочет ли она чего-нибудь выпить.

Но на полпути мужчина в белом костюме заступил мне дорогу. Чувствовалось, что он из крутых. Остатки волос на затылке стояли дыбом, хотя он явно вылил на них целый флакон бриолина, а глаза холодно поблескивали, странные такие глаза, скорее, не человека, а глубоководной рыбы.

— Выйдем, разговор есть, — процедил он.

Рыженькая отвернулась, надув губки.

— Разговор подождет, — ответил я. — Пропусти меня.

— Меня зовут Сколли. Майк Сколли.

Как же, слышал. Гангстер местного разлива из Шайтауна, который расплачивался за пиво и сласти, привозя из Канады выпивку. Ту самую крепкую выпивку, что производили в стране, где мужчины носят юбки и играют на волынках. Когда не разливают виски по бочкам и бутылкам. Его портрет изредка появлялся в газетах. Последний раз в связи с тем, что его хотел пристрелить другой завсегдатай злочных мест.

— Мы довольно-таки далеко от Чикаго, друг мой.

— Я приехал не один, можешь не волноваться. Пошли.

Рыженькая вновь стрельнула на меня глазками. Я указал на Сколли, пожал плечами. Она скорчила гримаску и отвернулась.

— Ну вот. Ты мне все обломал.

— Цыпочки вроде этой идут в Чикаго по центу за бушель.

— Не нужен мне бушель!

— Пошли!

Я последовал за ним. После прокуренной атмосферы ресторана воздух приятно охлаждал кожу. Пахло свежескошенным сеном. Небо усыпали мягко поблескивающие звезды. Местная шпана тоже высыпала, да только мягкостью она не отличалась, а поблескивали разве что кончики их сигарет.

— У меня есть для тебя работенка.

— И что?

— Плачу пару сотен. Раздели их на всех или оставь одну себе.

— Какая работенка?

— Сыграть, что же еще? Моя сеструха выходит замуж. Я хочу, чтобы вы сыграли на свадьбе. Ей нравится диксиленд*. Двое моих парней сказали, что вы в этом деле доки.

Я уже говорил вам, что полагал Ингландера хорошим работодателем. Он платил нам восемьдесят баксов в неделю. Этот парень предлагал вдвое больше за одно выступление.

— С пяти до восьми в следующую пятницу, — уточнил Сколли. — Зал "Сыновья Эрина" на Гроувер-стрит.

— Ты переплачиваешь. Почему?

* Музыкальный стиль джаза, преимущественно танцевальная и развлекательная музыка.

— На то две причины, — ответил Сколли, попыхивая трубкой. Никак она не вязалась с его жлобской физиономией. Ему бы курить “Лаки Страйк”, может “Свит Кейпорэл”. Сигареты бандитов. А вот с трубкой он не выглядел бандюгой. С трубкой он становился грустным и забавным.

— Две причины, — повторил он. — Может, ты слышал о Греке, который пытался меня пришить.

— Я видел твою фотографию в газете. Ты старался уползти на тротуар.

— Не умничай, — беззлобно проворчал он. — Я становлюсь ему не по зубам. Грек стареет. Мыслит узко. Ему пора на родину, пить оливковое масло, смотреть на Тихий океан.

— Я думал, там Эгейское море.

— Пусть даже озеро Харон, мне наплевать. Беда в другом: не желает он признавать, что стареет. По-прежнему хочет добраться до меня. Не понимает, что его время кончилось, смена пришла.

— То есть ты.

— Тут ты попал в самое яблочко.

— Другими словами, ты платишь две сотни, потому что последнюю мелодию нам придется исполнять под аккомпанемент ружейной пальбы.

Лицо его полыхнуло яростью, но на нем отразилось и какое-то другое чувство. Тогда я не понял, какое именно, но теперь думаю, что печаль.

— Приятель, безопасность будет обеспечена. За все уплочено. Если кто-то сунет нос в это дело, второй раз дыхнуть ему уже не дадут.

— Вторая причина?

— Моя сестра выходит замуж за итальянца, — вкрадчивым голосом ответил он.

— Такого же доброго католика, как и ты, — усмехнулся я.

Вот тут ярость полыхнула вновь, ослепительно-белая, я даже испугался, что переборщил.

— Я ирландец! Чистейших кровей, и советую не забывать этого, сынок! — тут он добавил, совсем тихо. — Даже если я потерял большую часть волос, они были рыжими.

Я уже собрался что-то сказать, но не успел, потому что он схватил меня за грудки и притянул к себе. Да так близко, что наши носы едва не соприкоснулись. Никогда я не видел на человеческом лице такой гаммы чувств: злость, унижение, ярость, решимость смешались воедино. В наши дни такого и подавно не увидишь. А тогда я видел все — и обиду, и боль, и любовь, и ненависть. И сразу понял, что лучше придержать язык, если, конечно, не хочу отправиться к праотцам.

— Она толстуха, — прошептал он, пахло от него мятой. — Многие надо мной смеются, стоит мне повернуться к ним спиной. Когда я смотрю им в глаза, смеяться они не решаются, это

я тебе точно говорю, мистер Корнетист. Вот и получается, что кроме этого даго^{*} ей, возможно, никого не сыскать. Но ты не должен смеяться надо мной, ею или этим даго. И никто не должен смеяться. Потому что играть вы будете как можно громче. Никто не посмеет смеяться над моей сеструхой.

— Мы никогда не смеемся во время выступлений, — заверил его я. — Смех выбивает из ритма.

Напряжение спало. Он даже рассмеялся, скорее, коротко хохотнул.

— Подъезжайте так, чтобы начать игру ровно в пять. Зал “Сыновья Эрина” на Гроувер-стрит. Я оплачу и дорожные расходы, в обе стороны.

В его голосе не слышалось вопросительных интонаций. В принципе, я не возражал, но хотел кое-что уточнить. Он, однако, такой возможности мне не дал. Потому что уже уходил, а один из его головорезов уже открыл заднюю дверцу черного “паккарда”.

Они уехали. Я еще постоял, выкурил сигарету. Очень уж приятным, тихим, выдался вечер, и я все более склонялся к мысли, что Сколли мне просто привиделся. Так и хотелось вытащить сцену на автомобильную стоянку и поиграть прямо здесь, на свежем воздухе, но тут Бифф похлопал меня по плечу.

— Пора.

— Хорошо, — отозвался я.

Мы вернулись в ресторан. Рыженькая подцепила какого-то седовласого морячка, в два раза старше себя. Я не мог взять в толк, каким ветром парня из военно-морского флота Соединенных Штатов могло занести в Иллинойс, но задумываться над этим не стал. И не очень-то огорчился. Чего жалеть, если у дамочки такой плохой вкус. Ржаное виски ударило в голову, и Сколли обрел куда более реальные очертания в густом, хоть топор вешай, табачном дыму.

— Нам заказали “Скачки в Кэмптауне”, — шепнул мне Чарли.

— Даже не думай, — отрезал я. — До полуночи мы ниггеровской туфты не играем.

Я увидел, как лицо Билли-Боя, сидящего за пианино закаменело, потом вновь разгладилось. Мне хотелось дать себе пинка, но, черт побери, не может человек сменить лексикон за день, даже за год. Может, десяти лет ему и хватит, но точно сказать не могу. Уже тогда я ненавидел слово ниггер, но оно то и дело слетало с языка.

Я подошел к нему.

— Извини, Билл... сегодня я что-то не в себе.

— Конечно, — ответил он, но смотрел куда-то за мое плечо, и я понял, что мои извинения не приняты. Скверно, конечно, но могло, доложу я вам, быть и хуже: если бы он разочаровался во мне.

^{*} Пренебрежительное прозвище итальянцев и испанцев.

О предложении Сколли я рассказал им во время следующего перерыва, назвал обещанную сумму, не скрыл и того, что Сколли — гангстер (правда, не упомянул о другом гангстере, который пытался свести с ним счеты). Сказал и о том, что сестра Сколли — толстуха, и Сколли из-за этого очень переживает. А потому шуточки насчет плывущей по реке баржи могли привести к появлению в голове еще одной дырки, повыше глаз.

Говоря все это, я не отрывал взгляда от лица Билли-Боя, но ничего не смог на нем прочесть. Легче прочесть мысли грецкого ореха по его скорлупе. Лучшего пианиста, чем Билли-Бой, мы найти не могли, и нас печалили те мелкие неприятности, что выпадали на его долю во время разъездов. Разумеется, по большей части на юге, хотя и на севере ему приходилось несладко. Но что я мог с этим поделать? А? Скажите мне, если знаете. В те дни приходилось мириться с тем, что к людям с разным цветом кожи относятся по-разному.

К залу “Сыновья Эрина” на Гроувер-стрит мы прибыли в пятницу в четыре часа дня, за час до начала выступления. Приехали на грузовичке “форде”, который Бифф, я и Мэнни купили в складчину. Кузов обтянули брезентом, там у нас стояли две койки, привинченные к полу и была даже электроплитка, работающая от аккумулятора. Снаружи на брезенте красовалось название нашей группы.

День выдался чудесный, теплый, солнечный, с плывущими по небу белыми облачками, отбрасывающими тень на поля. Но как только мы въехали в Чикаго, навалились жара и духота, от которых в таких городках, как Морган, отвыкаешь начисто. Так что, пока мы добрались до Гроувер-стрит, одежда уже прилипла к телу и у меня возникло желание облегчиться. Не отказался бы я и от стопки ржаного виски Томми Ингландера.

Зал “Сыновья Эрина” располагался в большом деревянном здании, примыкающем к церкви, где собиралась венчаться сестра Сколли. Знаете вы такие залы: по вторникам собрания молодых католиков, по средам — бинго, по субботам — молодежные вечера.

Мы столпились на тротуаре, каждый со своим инструментом в одной руке и частью ударной установки Биффа в другой. Тощая дама, плоская, как доска, распорядилась внутри. Двое вспотевших мужчин вешали бумажные гирлянды.

Эстрада находилась у дальнего торца, над ней висел транспарант и два больших свадебных колокольчика из розовой бумаги. Надпись на транспаранте гласила: “ВЕЧНОГО СЧАСТЬЯ МУРИН И РИКО”.

Мурин и Рико. Черт меня подери, если я теперь не понимал, чего так кипятился Сколли. Мурин и Рико. Та еще парочка.

Тощая дама устремилась к там. Похоже, с намерением разглагольствовать длинной речью, но я ее упредил.

— Мы — музыканты.

— Музыканты? — она недоверчиво оглядела наши инструменты. — Однако. Я надеялась, что вы привезли угощение.

Я улыбнулся. Действительно, кто еще, кроме сотрудников фирмы, обеспечивающей жрачкой банкеты, может прийти с духовыми инструментами и барабанами.

— Вы можете... — начала она, но тут послышались быстрые шаги и рядом с нами возник юноша лет девятнадцати. С сигаретой, прилепившейся к уголку рта. Крутизны она ему не добавляла, зато заставляла слезиться левый глаз.

— Открывайте ваше дерьмо, — бросил он.

Чарли и Бифф посмотрели на меня. Я пожал плечами. Мы открыли футляры, и он оглядел наши инструменты. Не узрев ничего заряжаемого и стреляющего, ретировался в угол и уселся на складной стул.

— Вы можете готовиться к выступлению, — продолжила худышка, словно ее и не перебивали. — Пианино в другой комнате. Я попрошу моих людей прикатить его, как только они украсят зал.

Бифф уже собирал ударную установку на маленькой сцене.

— А я-то подумала, что вы привезли угощение, — повторила женщина. — Мистер Сколли заказал свадебный торт, закуски, ростбиф и...

— Они обязательно подъедут, мэ, — перебил я ее. — Им же платят после доставки.

— ... жареную свинину, индейку, и мистер Сколли будет в ярости, если... — она увидела, что один из мужчин прикуривает сигарету аккуратно под свисающим концом гирлянды из крепа и завопила: — Генри!

Мужчина аж подпрыгнул, а я шмыгнул к эстраде.

В четверть пятого мы закончили подготовку. Чарли, тромбонист, втихую опробовал инструмент, Бифф разминал кисти. Угощение привезли в четыре двадцать и мисс Джибсон (так звали худышку, она, похоже, зарабатывала на жизнь организацией подобных мероприятий) с хода взяла их в оборот.

Тут же в зале поставили четыре длинных стола, накрыли их белыми скатертями. Четыре черных женщины в белых колпаках и фартуках принялись накрывать столы. Торт выкатили на середину зала, чтобы все могли им полюбоваться. Шесть толстых слоев, с фигурками жениха и невесты наверху.

Я вышел на улицу покурить, несколько раз затянулся и услышал автомобильные гудки: едут. Подождал, пока первая машина появится из-за угла, за которым находилась церковь, затушил сигарету и вернулся в зал.

— Они прибыли, — сообщил я мисс Джибсон.

Она побледнела, даже покачнулась. С такой комплекцией ей следовало выбрать другую профессию, выучиться на дизайнера или на библиотекаря.

— Томатный сок! — взвизгнула она. — Принесите томатный сок!

Я поднялся на эстраду, оглядел свою команду. Нам уже приходилось играть на свадьбах (а какому джаз-банду нет?), поэтому, как только открылись двери, мы заиграли регтаймовскую вариацию “Свадебного марша” в моей аранжировке. Если вы скажете, что звучит это, как коктейль из лимонада, я с вами соглашусь, но на всех свадьбах, где мы играли, она проходила на “ура”, а эта ничем не отличалась от любой другой. Все хлопали, кричали, свистели, затем бросились обниматься. А поскольку многие еще и приплясывали в такт мелодии, я могу точно сказать, что с нашей музыкой мы попали в струю. Мы продолжали играть, для того нас и приглашали, и я чувствовал, что свадьба пройдет, как надо. Я знаю все, что вы можете сказать об ирландцах, и большая часть из этого — чистая правда, но, черт побери, если уж им предоставляется возможность повеселиться, они ее не упускают!

Однако, должен признать, я едва все не испортил, когда появились жених и зарумянившаяся невеста. Сколли, в визитке и полосатых брюках, одарил меня суровым взглядом, и не думайте, что я его не заметил. Но мое лицо осталось бесстрастным, остальные тоже сумели и ухом не повести, так что мы даже не сбились с ритма. К счастью для нас. Гости, в основном, громилы Сколли и их подружки, уже знали, чего от них ждут. Должны были знать, потому что были в церкви. И все равно до меня донеслись отдельные смешки.

Вы слышали о Джеке Стрэте и его жене. Так вот, здесь дело обстояло в сотню раз хуже. Волосы у сестры Сколли были тоже рыжие, но длинные и кудрявые. И отнюдь не приятного золотистого оттенка, нет — огненно-рыжие, как у жителей графства Корк, яркие, словно морковь, и еще вилась мелким бесом. А ее молочную белую кожу покрывали мириады веснушек. И Сколли говорил, что она толстая? Господи, да с тем же успехом можно сказать, что универмаг “Мейсис” — деревенская лавчонка. Она напоминала динозавра в человеческом облике, с ее добрыми тремя с половиной сотнями фунтов. И все эти фунты пришлось на ее грудь, бедра и зад, как и случается у толстых девушек, отчего то, что должно выглядеть сексуальным, становится пугающим. Некоторых толстушек природа награждала симпатичными мордашками, но и тут сестра Сколли ничем не могла похвастаться: близко посаженные глаза, слишком большой рот, уши-лопухи. И везде веснушки. Будь она худой, и то от ее уродства часы бы останавливались. А тут немереная плоть, сплошь усеянная веснушками.

Но над ней одной смеяться никто бы не стал, разве что какие-нибудь придурки или последние сволочи. Да вот картину допол-

* Один из крупнейших универмагов Нью-Йорка (до 80-х годов крупнейший), где можно купить все.

нял женишок. Тут уж поневоле разбирал смех. В высоком цилиндре он, пожалуй, достал бы ей до плеча. Тянул он максимум на девяносто фунтов, да и то после плотного обеда. Худой, как рельс, смуглый до черноты. А когда он нервно улыбался, зубы его торчали, как штакетины в заборе у заброшенного дома.

Мы играли и играли.

— Жених и невеста! — проревел Сколли. — Да пошлет вам Бог счастья!

А если Бог не пошлет, говорил его грозный вид, этим придется заняться вам... по крайней мере, сегодня.

Гости одобрительно закричали, зааплодировали. Мы закончили одну мелодию и тут же заиграли другую. Сестра Сколли, Мурин, улыбнулась. Господи, ну и роток. Рико глупо лыбился.

Какое-то время все ходили кругами, жевали крекеры с сыром и ветчиной, пили лучшее шотландское Сколли, доставленное в страну без ведома властей. Я тоже сумел пропустить три стопки и признал, что ржаное пойло Томми Ингландера в подметки не годится настоящему виски.

Сколли чуть расслабился, даже повеселел, определенно повеселел.

Однажды он даже подошел к эстраде, чтобы сказать: "Хорошо играете, парни". В устах такого "меломана", как он, подобные слова прозвучали, как высшая похвала.

Перед тем, как все уселись за столы, к нам подплыла и Мурин. Вблизи она выглядела еще уродливее, в чем ей немало способствовало и ее белое атласное платье (пошедшей на него матери вполне хватило бы для того, чтобы сшить покрывала на три кровати). Она спросила, сможем ли мы сыграть "Розы Пикардии". Это, мол, ее любимая песня, и она обожает слушать ее в исполнении Реда Николса и его джаз-банда. Пусть она была толстой и некрасивой, но держалась очень скромно, не то, что некоторые из гостей, тоже заказывавших нам музыку. Мы сыграли, пусть и не очень хорошо. Однако она тепло нам улыбнулась, отчего стала чуть ли не симпатичной, а потом долго аплодировала.

За столы они уселись в четверть седьмого, и помощники мисс Джибсон принесли жаркое. Гости набросились на него, словно стая голодных волков. Меня это не удивило, поскольку до этого все накачивались спиртным. Я не мог оторвать глаз от Мурина, не мог не смотреть, как она ест. Как ни пытался отвернуться, мой взгляд вновь и вновь возвращался к ней. Я словно хотел в очередной раз убедиться, что вижу все это наяву, а не в дурном сне. Тут мало кто отличался безупречными манерами, но в сравнении с Мурин остальные казались пожилыми, интеллигентными дамами, собравшимися на чашку чая. Она уже не могла выделить время на теплые улыбки или просьбы сыграть "Розы Пикардии". Я мог бы поставить перед ней знак: "НЕ ОТВЛЕКАТЬ! ЖЕНЩИНА РАБОТАЕТ!" Мурин не требовались нож и вилка, зато прекрасно подошли бы лопата и ленточный

транспортер. Печальное, доложу я вам, зрелище. А Рико (над столом едва виднелся его подбородок да пара карих глаз, грустных, как у оленя) подавал и подавал ей новые блюда, все с той же дурацкой ухмылкой.

Пока резали торт, мы взяли двадцатиминутный перерыв, и мисс Джибсон самолично накормила нас на кухне. От раскаленной плиты шел жар, да и есть никому из нас особо не хотелось. Вечеринка начиналась хорошо, а теперь все пошло наперекосяк. Я мог прочесть эти мысли на лицах моих музыкантов... да и мисс Джибсон тоже.

К тому времени, когда мы вернулись на сцену, гости с новой силой налегали на спиртное. Крутые парни бродили по залу, глупо улыбаясь, или стояли по углам, тиская своих подружек. Несколько пар пожелали станцевать чарльстон, поэтому мы отыграли "Блюз тетушки Хагар" (дуболомы это проглотили), "Я верну чарльстон Чарльстону" и еще несколько аналогичных мелодий. Стандартный набор. Народ веселился от души, блестя раскрасневшиеся физиономии, мелькали руки и ноги, воздух сотрясали крики во-до-ди-о-до, от которых меня всегда тошнило. Сгустились сумерки. С некоторых окон упали сетчатые экраны и в зал налетели мотыльки, со всех сторон облепили люстру. Но, как поется в песне, джаз-банд играл. Жених и невеста жалась у стены (никто из них, казалось, не торопился отбыть в опочивальню), всеми покинутые. Даже Сколли вроде бы забыл про них. Он тоже прилично поддал.

Около восьми вечера в зал проскользнул какой-то парень. Я сразу его заметил. Во-первых, трезвый, во-вторых, напуганный, как близорукая кошка, забредшая в собачью конуру. Он подошел к Сколли, который разговаривал с каким-то бандюгой у самой эстрады и похлопал его по плечу. Сколли резко обернулся, и я услышал каждое сказанное ими слово. Поверьте мне, я мог бы прекрасно без этого обойтись.

— Чего надо? — грубо спросил Сколли.

— Меня зовут Деметрис, — ответил парень. — Деметрис Казенос. Меня прислал Грек.

Танцы как отрезало. Распахнулись пиджаки, руки нырнули под полы. Я заметил, что Мэнни нервничает. Черт, мне тоже стало не по себе. Но мы продолжали играть, можете мне поверить.

— Стоило ли тебе приходить? — раздумчиво спросил Сколли.

— Я пришел не по своей воле, мистер Сколли! — Парень сорвался на крик. — Грек, у него в заложницах моя жена. Он говорит, что убьет ее, если я не передам вам его послание!

— Какое послание? — Грозовые тучи собрались на челе Сколли.

— Он просит... — парень замолчал, не в силах продолжить. Но глотка, похоже, зажала собственной жизнью, выталкивая слова, которые он не решался произнести. — Он просит передать вам, что ваша сестра — жирная свинья. Он просит... он

просит... — глаза его выкатились из орбит. Я коротко глянул на Мурин. Ей словно вlepили оплеуху. — Он говорит, что у нее чесотка. Он говорит, если у толстой женщины чешется спина, она покупает чесалку, а вот если начинает свербить в другом месте, она покупает мужчину.

Из груди Мурин вырвался вопль, она выбежала из зала, рыдая. Пол дрогнул. Рико последовал за ней, оторопевший, заламывая руки.

Сколли побагровел. Я уж подумал, что сейчас мозги поползут у него из ушей, столько крови прилило к голове. А на его лице я видел ту же агонию, что и в тот вечер у ресторана Ингландера. Пусть он был мелким гангстером, но я не мог не пожалеть его. Думаю, вы меня понимаете.

Но заговорил он на удивление ровным, спокойным голосом. — Что-нибудь еще?

Маленький грек сжался в комок. Испуганно заверещал.

— Пожалуйста, не убивайте меня, мистер Сколли! Моя жена... Грек, она у него в заложницах! Я не хочу все это говорить! Но у него моя жена, моя женщина...

— Я не причиню тебе вреда, — голос Сколли зазвучал еще мягче. — Выкладывай остальное.

— Он просил передать, что весь город смеется над вами.

Тут мы перестали играть и в зале на секунду установилась мертвая тишина. Сколли уставился в потолок. Руки его дрожали. Потом он сжал пальцы в кулаки, так крепко, что побелели костяшки.

— Хорошо! — проорал он. — Хорошо!

И метнулся к двери. Двое громил попытались остановить его, попытались сказать, что он ищет смерти, что Грек именно этого и ждет, но Сколли обезумел. Отшвырнул их и выбежал в черную летнюю ночь.

В повисшей в зале тишине слышалось лишь тяжелое дыхание посланца, да откуда-то издалека доносились всхлипывания новобрачной.

Вот тут молокосос, который просил нас открыть футляры с инструментами, громко выругался и последовал за Сколли. Один.

Но прежде, чем он добежал до двери, на улице закрипели автомобильные шины и взревели двигатели... много двигателей. Словно на параде в День памяти.

— Святой Иисус! — прокричал парнишка в дверях. — Их же тут до черта! Ложись, босс! Ложись! Ло...

Ночь взорвалась выстрелами. Словно на минуту или две вернулась первая мировая война. Пули влетали в раскрытую дверь, одна разбила лампу, что висела в фойе. Вспышки освещали улицу лучше фонарей. Потом автомобили уехали. Одна из женщин уже вытряхивала осколки из начеса.

Опасность миновала, и все громилы двинули на улицу. Дверь кухни распахнулась, оттуда выбежала Мурин. Дрожа

всем своим огромным телом. Лицо ее раздулось еще больше. За ней семенял Рико. Они тоже подались наружу.

Мисс Джибсон оглядела пустой зал, ее глаза напоминали чайные блюдца. Маленький грек, с появлением которого и начался весь сыр-бор, уже успел сделать ноги.

— Стреляли, — пробормотала мисс Джибсон. — Что случилось?

— Я думаю, Грек замочил того, кто обещал нам запла-
тить, — ответил Бифф.

Она в недоумении посмотрела на меня, но, прежде чем задала вопрос, вмешался Билли-Бой.

— Он хочет сказать, что мистер Сколли только что покинул нас, мисс Джибсон.

Теперь мисс Джибсон повернулась к нему, глаза ее округлились еще больше, а потом она лишилась чувств. Я тоже едва не грохнулся в обморок.

А с улицы донесся крик, полный невыносимой душевной муки. Такого я не слышал ни до, ни после. Он повторялся вновь и вновь, и не требовалось выглянуть за дверь, чтобы понять, кто так убивается, склонившись над телом брата, пока со всего города не съехались копы и газетчики.

— Сваливаем отсюда, — пробормотал я. — Быстро.

И пяти минут не прошло, как мы запаковали все манатки. Некоторые из громил вернулись в холл, слишком пьяные и испуганные, чтобы обращать на нас внимание.

Вышли мы через черный ход, каждый нес свой инструмент и часть ударной установки Биффа. Строем прошагали по улице. Я — с футляром под мышкой и с цымбалой в каждой руке. Парни остались на углу, пока я подогнал грузовичок. Копы еще не объявились. Толстуха все еще нависала над телом брата, лежащим посреди мостовой и выла, а ее миниатюрный супруг кружил вокруг, словно спутник большой планеты.

Я подъехал, парни побросали все в кузов. И мы дали деру. Добрались до Моргана со средней скоростью сорок пять миль в час. То ли никто из громил Сколли не сказал о нас копам, то ли те обошлись без наших показаний, но нас больше не дергали.

Естественно, не получили мы и двухсот баксов.

Через десять дней она пришла в ресторанчик Томми Ингландера, толстая девушка-ирландка в черном траурном платье. Черное красило ее не больше белого атласа.

Ингландер, должно быть, знал кто она (ее фотография обошла все чикагские газеты, как и фотография Сколли), потому что он сам отвел ее к столику и осадил двух забулдыг у стойки, которые начали над ней посмеиваться.

Я очень ее жалел, совсем как жалел иногда Билли-Боя. Трудно, знаете ли, быть человеком отщепенцем. Каково это, пожалуй, не узнаешь, не побывав в его шкуре. Да и не надо, на-

верное, этого знать. Но я проникся к Мурин теплыми чувствами, хотя и говорил с ней совсем ничего.

Поэтому в перерыве подошел к ее столику.

— Мне очень жаль вашего брата. Я знаю, вы действительно очень его любили и...

— Я словно сама нажимала на спусковые крючки, — она смотрела на свои руки и тут я заметил, как они хороши: маленькие, изящные. — Все, что сказал этот грек — чистая правда.

— Да перестаньте, — что еще я мог сказать, кроме банальности. И уже жалел, что подошел. Как-то странно она себя вела. Слово у нее крыша поехала.

— Я не собираюсь с ним разводиться, — продолжила Мурен. — Скорее покончу с собой и обреку мою душу на вечные муки в аду.

— Не надо так говорить.

— У вас никогда не возникало желания наложить на себя руки? — спросила она, бросив на меня яростный взгляд. — Особенно, когда вам казалось, что люди плохо к вам относятся и смеются над вами? И никто не хочет вас понять, посочувствовать вам? Вы можете представить себе, каково это, есть, есть, есть, ненавидеть себя за это и есть вновь? Вы знаете, что чувствуешь, когда твой старший брат гибнет только из-за того, что ты — толстуха?

Люди начали оглядываться, забулдыги — хихикать.

— Извините, — прошептала она.

Я тоже хотел извиниться. Хотел сказать, что... сказать все, что угодно, лишь бы поднять ей настроение. Докричаться до нее, через сковавший ее лед. Но ничего путного в голову не приходило.

— Я должен идти, — отделался я дежурной фразой. — Пора на сцену.

— Конечно, — кивнула она. — Конечно, пора... иначе они начнут смеяться над вами. Но я приехала, чтобы... вы сыграете для меня "Розы Пикардии"? На свадьбе вы так хорошо играли. Сможете?

— Безусловно, — ответил я. — С удовольствием.

И мы сыграли. Но она ушла, дослушав лишь до половины, и мы, поскольку в таких заведениях, как Ингландера, это не редкость, тут же переключились на регтаймовскую вариацию "Студенческого флирта", которая всегда заводила публику. В тот вечер я выпил больше обычного и к закрытию совершенно о ней позабыл. Ну, если не совершенно, то близко к этому.

А когда мы уходили из ресторана, меня осенило. Я понял, что следовало ей сказать. Жизнь продолжается, вот какие слова должна была она от меня услышать. Именно их говорят тем, у кого умирает близкий человек. Но, хорошенько поразмыслив, я пришел к выводу, что говорить их не следовало. Радоваться надо, что они не слетели с моего языка. Потому что, возможно, именно этого она и боялась.

Разумеется, теперь все знают историю Мурина Романо и ее мужа Рико, который пережил ее и теперь столуется за счет налогоплательщиков в тюрьме штата Иллинойс. О том, как она встала во главе банды Сколли и превратила ее в гангстерскую империю, соперничавшую с империей Капоне. Как она уничтожила главарей двух других банд Норт-Сайда и подмяла под себя контролируемые ими территории. О том, как Грека привезли к ней, и она собственноручно убила его, вогнав в глаз рояльную струну, когда он стоял на коленях и молил о пощаде. Рико, этот карлик, стал ее правой рукой и самолично возглавлял с дюжину бандитских налетов.

По газетам я следил за операциями Мурина с Западного побережья, где мы записали несколько удачных пластинок. Уже без Билли-Боя. Он сформировал свой оркестр вскоре после того, как мы закончили выступать в ресторане Ингландера, только из черных, играющий диксиленд и регтайм. Они успешно работали на юге, и я за них только рад. Тем более, что и мы ничего не потеряли. Во многих клубах нам отказывали даже в прослушивании, узнав, что один из нас — негр.

Но я рассказываю вам о Мурине. Она стала любимицей газетчиков, и не только потому, что у нее, как и у Мамаши Баркер, хорошо варила голова. Она была ужасно толстой и ужасно плохой, а американцам такое сочетание почему-то очень нравилось. Когда она умерла от инфаркта в 1933 году, некоторые газеты написали, что весила она пятьсот фунтов. Лично я в этом, однако, сомневаюсь. Таких толстяков не бывает, не так ли?

Так или иначе, о ее похоронах сообщили на первых полосах. А вот ее братец, кстати, не продвинулся дальше четвертой страницы. Гроб Мурина несли десять человек. Один из бульварных еженедельников опубликовал их фотоснимок. Зрелище жуткое. Гроб, что рефрижератор для перевозки мяса. Если разница и была, то небольшая.

Рико не хватило ума держать все под контролем, и на следующий год он угодил за решетку за разбойное нападение с покушением на убийство.

Я так и не смог забыть ее, как и лица Сколли в тот вечер, когда он впервые рассказал мне о ней. Но, оглядываясь назад, особой жалости к Мурине я не испытываю. Толстяки всегда могут прекратить есть. А вот такие, как Билли-Бой Уильямс могут только перестать дышать. Я до сих пор не знаю, как помочь тем и другим, отчего на меня иной раз нападает черная тоска. Наверное, потому, что я стал старше и сплю не так хорошо, как в молодости. Дело в этом, не так ли?

Или нет?

Перевод с английского
Дмитрия ВЕБЕРА.

Марина КОТОВА

* * *

Разрушенные храмы Черноречья,
Как ваша кладка ни крепка была,
Со злобой вкупе глупость человечья
С лица земли вас начисто смела.

Но как в усохшей ветке образ почек,
Как мысль живет, когда конец речам,
Остался в небесах ваш тонкий очерк,
Духовным только видимый очам.

И вот в грозу, когда благоухают
Цветы и блещут ливня зеркала,
При свете молний стены проступают
И начинают бить колокола.

Так на лице увядшем и унылом
Того, кто схоронил свои мечты,
От слов любви, произнесенных с пылом,
Вдруг проступают юности черты.

КАПЛИ

Я забыть не могу старый двор и осевший сарай,
Почерневший, чьи редкие щели тоскуют о мхе или пакле.
Догоня друг дружку, сливаясь, цепляясь за край,
Золотились на солнце нетерпеливые капли.
И помедлив, и с духом собравшись

(коль есть у них дух),

В воплощении прежнем

поставив решительно точку,

С плоской крыши срывались —

лишь слышалось смачное «плюх!»

А за ними другие,

обнявшись и поодиночке.

В луже небо меняло свой цвет,

словно александрит,

Только солнце скрывалось

за облачную оконечность...

И казалось, как этот апрель,

и вся жизнь состоит

Из прозрачнейших капель,

навзрыд убегающих в вечность.

ЛЯГУШКИ-ЦАРЕВНЫ

Под елями свет, как рассеянный взгляд,
Блуждает по травам, сырым после ночи.
По кочкам лягушки-царевны сидят,
Исплавав по дурням прекрасные очи.

*Лес хоть выжимай: весь в слезах, все равно
Опять зарыдают в ночи среди арий.
(Бедняжки, к чему? Всех Иванов давно
Прибрали к рукам деловитые Марьи.)*

*Но ищут и ищут: «Где суженый мой?»
(Как ужас их пред одиночеством деревен!)...
Я грустно несу землянику домой
И травок букет в светлых слезках царевен.*

КСЕНИИ ПЕТЕРБУРЖСКОЙ

*Во мне светает будто временами.
Расплачусь над страницей жития.
Ты здесь, живая, ходишь между нами
Зыбучими песками бытия.*

*Ты легкая — я под грехами вязну.
Мне страшно... Колокольчиком в груди
Встряхнули — и мотивом неотвязным
Сквозь сны: «К моей часовенке приди».*

*Сними с моей души унынья камень!
Как сотни женщин со святой Руси,
Кладу тебе записочку за ставень:
— Утешь меня, блаженная, спаси!*

* * *

*Вот говорят, что Бог Россию любит.
Но как сурова Отчая любовь!
Он избранных не тешит, не голубит.
Распятого не ужасает кровь.*

*Но беды все по-детски забывая,
Вновь молится, раскаяться спеша,
Лесная, луговая, полевая,
Всем все прощающая русская душа.*

* * *

*Моя судьба тревожна и темна —
Осенний вечер в поле: ветер, морось,
Стерня, гнилое сено, белена
На языке, уныние и хворость.*

*Но на обрыве, глядя в высоту,
Взлететь все тщится, корни в кровь стирая,
Шиповник, хищной птицей на ветру
Когтями мертвый воздух раздирая.*

Это вам

Олег ДЗЮБА

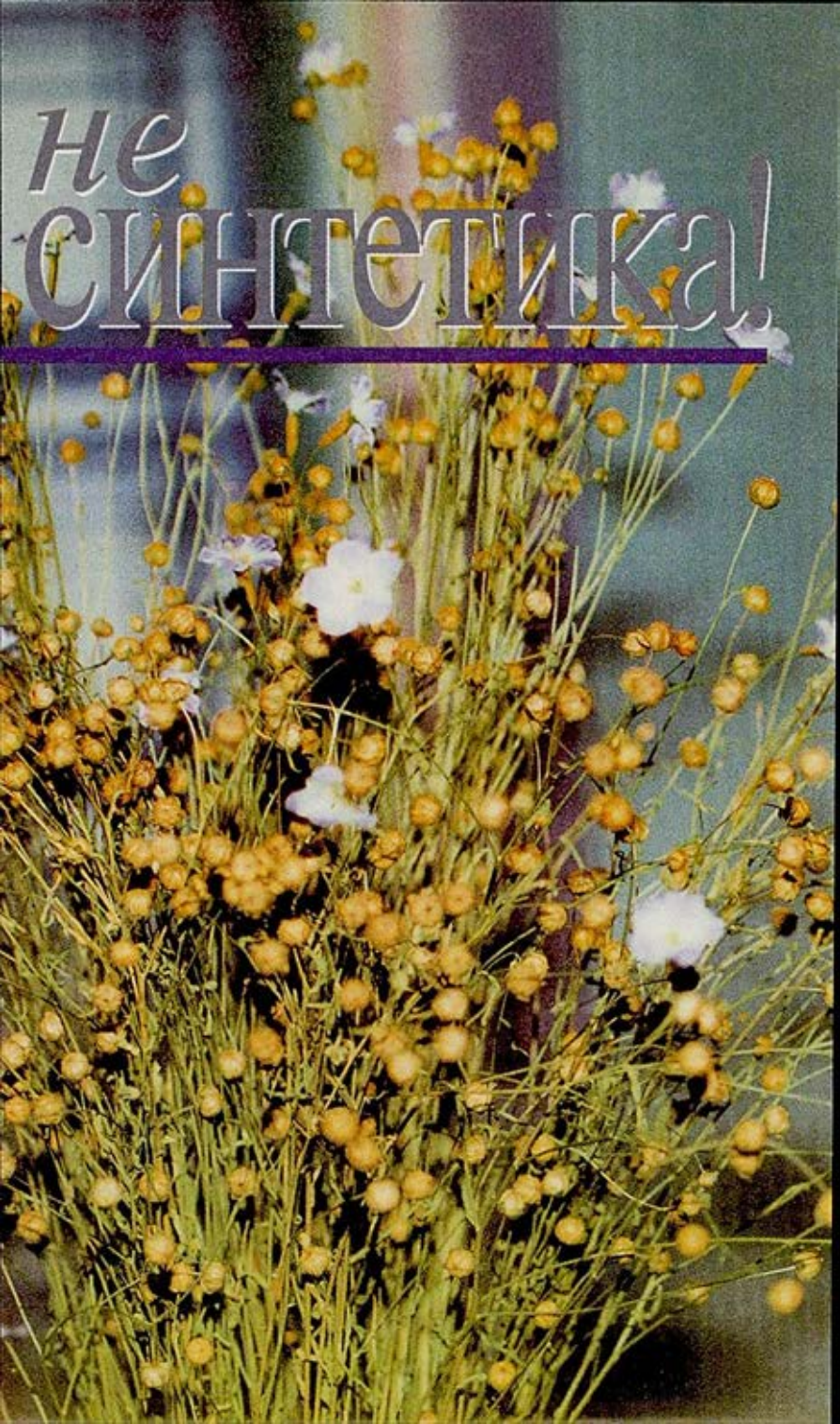
*Уж чем-чем,
а льном Россия славилась.
Из него — и целебное масло,
и замечательная ткань,
и прелестное кружево...*

В пору мартовской напели на тихую Вологду вдруг нисходит непривычное для провинции предвкушение ажиотажа. Над асфальтом тянутся транспаранты, стены и заборы расцветают плакатами, напоминающими о предстоящей ежегодной выставке-ярмарке "Российский лен". Манекенщицы и манекенщики с трепетом ждут приезда знаменитостей из мира моды и предвкушают неплохой приработок, а небогатый люд начинает подсчитывать домашние резервы, потому что таких прелестей, как в три весенних дня, целый год потом в магазинах не увидеть.

На ярмарке каждый в силах выснать себе нечто по карману и по сердцу. Грезящим о прогулках вдоль жарких морей согреют озябшую за зиму душу летние костюмы, в которых прохладно даже в тропический зной. Запасливые хо-

фото **Дмитрия Чеснокова**

Не
СИНТЕТИКА!

зайки в страхе перед инфляцией накупят "вечных" простыней и по-додеяльников. А еще шляпки на любой вкус, легчайшая летняя обувь, ласкающее тело белье... Словом, любуйся да не скупись.

Лично я, очутившись в сутолоке у входа, то и дело вспоминаю давний визит в Вологду полуноментатурной столичной дамы. Страна изнемогала от дефицита, и командированная из центра по ококультурным делам москвичка клубными и библиотечными проблемами предпочла себя не особо утруждать, зато истово колесила по всей округе, скупая в сельмагах... льняную пантю для утепления стен собственной дачи. Полки большинства торговых точек были пусты, как южные нивы после налета саранчи, но пантя в магазинах еще водилась, поскольку местные дачники предпочитали по старинке утеплять дома мхом. Культуртрегера без помех накупила желанного природного утеплителя полный грузовик и отбыла с ним в сторону московской кольцевой, доказав, что провинция цены своему достоянию в те времена еще не знала.

Впрочем, что там дама с ее дачными сквозняками. Есть у льняных отходов миссии и повоинственной. Артиллерия любых калибров и та не обойдется без льна, поскольку уставших от учебной или боевой стрельбы стволов без него не отчистить. Да и сам порох, который, несмотря на все разговоры о мире, приходится держать сухим, у нас научились уже получать не из заграничного узбекского хлопна, а из российского льна. Выходит, что без достойных урожаев на безбрежных гектарах даже уток на весенней тяге не пострелять и

конституционный строй в мятежной республике не защитить. Но хватит о воинственном, о пушнах. Лучше — о льняном масле и его уникальном радетеле.

Леонид Григорьевич Болобан по воинскому званию полковник запаса, а потому бутылки льняного масла в его руках невольно напоминали мне склянки с зажигательной смесью, с которыми он смело шел в атаку... не на танки, нет, а на "российских вице-премьеров, министров и их замов. И те, и другие, и третьи исправно приезжают на вологодские льняные выставки, публично анализируют ситуацию, перед возвращением в столицу раздают обещания и, по упрямой традиции последних лет, вскоре... отбывают в отставку. Леонид Григорьевич тоже возвращается, но не в Москву, а в свой городок Кашин Тверской области и наперекор бюрократам упрямо добивается достойных урожаев медалей на полях всевозможных международных и отечественных выставок. Одно только льняное масло его производства удостоилось золота на выставках в Питсбурге, Касабланке, Брюсселе и дванды в Санкт-Петербурге.

К льняному бизнесу кубанского казака прибило в общем-то случайно, когда пришла пора снять погоны да иснать удачу на взбаламученной реформами "гражданке". Настоящему полковнику, которому не раз приходилось бывать и под солнцем Африки, и в афганских пустынях, для начала пришлось пасти гусей и работать в сторожах. Каждое из этих занятий оставляло простор для размышлений, а мечты о грядущем приложении немалой энергии навели на размышления о том, чем же Кашин и его ок-

руга славились в более славные для них времена. Выяснив, что тамошнее купечество процветало на льне и льняном масле (хотя последние шесть десятков лет здесь вели знакомство разве что с олифой), Болобан, образно говоря, засучил рукава и... добился того, что за его диетико-целебным продуктом выстраиваются очереди, благо автор необычной льняной "аптеки" сбрасывает цены пенсионерам...

Тут надо бы отвлечься и не без доли скептицизма сказать, что затюканного сложностями бытия нашего современника заморочить новой панацеей проще простого. Как-то заехав в деревушку в полусотне верст от Вологды, я с изумлением узрел мужчину, выбиравшегося из илистого пруда на манер сказочного Дуремара. Абориген занимался отловом пиявок, которых у него оптом скупал какой-то москвич. Профессионалы аптечных дел, которых я назавтра спросил о резонности такого промысла, просто за головы хватались. Оказалось, что "дуремаровская" дикая пиявка способна вместо излечения наделить кое-какими неприятными заболеваниями, а истинных целебных кровососиц растят в специальных лабораториях. Есть и другой трагикомичный пример, когда уверовавшее в слухи о целебности некой голубой глины народонаселение изрыло ямами едва не километры берегов речушки в пригороде Череповца. О такой "мелочи" как близкое соседство с гигантами металлургии и химии, за десятилетия протравившими почву энным числом элементов менделеевской таблицы, никто задумываться не спешил...

Зато с льняным маслом совсем другой колленкор. Болобан способен говорить о нем часами и, отвлекшись от предпринимательства, даже написал о нем небольшую брошюру, расставив в ней все точки над "i" с помощью многих остепененных специалистов, проверявших целебные свойства продукта. Секрет природного полибальзама в невероятном в сравнении с другими растительными маслами содержании альфа-линолевой кислоты, именуемой танке "Омега-3", и линолевой кислоты ("Омега-6"). Эти вот две "Омеги", вкупе с другими благотворными ингредиентами, и способны смягчать опасность атеросклероза, помогать при диабете, избавлять от аллергии, вырывать при болезнях желудка и уменьшать риск возникновения злокачественных опухолей. Автор уверяет, что масло избавляет его от нередких в почтенном возрасте бородавок на лице. А впридачу к тому кремы на основе масла, созданные в предприятии Болобана "Вера", омолаживают кожу, спасают от обморожений и ожогов... На мой вопрос, чем его фирма удивит на выставке-ярмарке будущего года, Леонид Григорьевич заговорщицки понизил голос и доверительно сказал, что готовит к испытаниям... интим-крем для мужчин. Словом, исцеляющее поле еще широко, жаль только, что масла на всех не хватает.

Да и как его будет хватать, если отечественных семян пока не наскрести даже для посевов! Аграрники рыщут за ними по всему свету, закупают в Китае, Польше, Бельгии, Литве. Сорты нерайонированные, многие из них на российских почвах не испытывались,

так что о высоких урожаях приходится только мечтать. Между тем об избавлении от семенного импорта речи пока нет. Сам Болобан прокомментировал мне это с военной прямотой, сказав, что кому-то, видно, очень уж надо, чтобы валютный ручеек тек за границу, принося при этом потайные комисси-

онные. Так это или нет — судить не берусь, но кое-какая "семенная" статистика поневоле печалит.

Сейчас страна вынуждена закупать за рубежом ежегодно 2-2,5 тысячи тонн семян. При этом речь порой идет о семенах сортов, которые Бельгия и Голландия в свое время переняли у нас. Глянем на одну только Вологодскую область. Сорок лет назад льном было занято 67,8 тысяч гектаров. Притом о нехватке семян речь тогда не заходила. В 1981 году льняной клин скукожился до 23,7 тысяч гектаров. Уж не знаю, какими усилиями правивший тогда область первый секретарь обкома Анатолий Дрыгин через четыре года довел площадь синего льняного цветения до 44,7 тысяч гектаров. А потом ускорение, перестройка, перекройка форм собственности с попутным выгнанием, так сказать, ребенка вместе с водой, и сейчас удается засеять лишь около 10 тысяч гектаров.

Тут и на простыни волокна не хватит, куда там масло из семени давить!

Парадоксам нашей экономики несть числа, но "льняной" и здесь не потеряется в бесконечном ряду других. Когда в середине 90-х годов запускалась федеральная льняная программа, речь шла в основном о неумении перерабатывать сырье, нехватке техники и технологий. Сырья в стране еще хватало, но промышленность на конкурентоспособные товары не тянула. Провисшую чашу весов принялись поднимать всеми имеющимися силами и добились того, что с желаемым ассортиментом трудностей не стало. Зато произвести этот самый ассортимент стало не из чего. На совещании в

день открытия нынешней выставки-ярмарки вологодский губернатор Вячеслав Позгалев озвучил мнение съехавшихся коллег из других регионов о необходимости продлить действие федеральной программы хотя бы на пять лет.

Вице-премьер тогдашнего Правительства РФ Владимир Щербак сказал в ответ, что области гарантирована поддержка в проекте, подобном тому, что был опробован в 1999-м году в Краснодарском крае на хлебных нивах. Там снабжение агрохозяйств всеми необходимыми удобрениями и средствами защиты растений взял на себя "Межрегионгаз" под залог собственности сельхозников. В итоге урожайность пшеницы в краснодарских хозяйствах, включившихся в эксперимент, превысила 60 центнеров с гектара.

Теперь же череповецкое ОАО "Аммофос", поставлявшее краснодарцам фосфорные удобрения,

подготовило комплекс препаратов для выращивания льна, способных заметно поднять урожайность. Самим аграрникам обзавестись ими вряд ли под силу. Председатель совета директоров ОАО "Аммофос" Валерий Бабкин и предложил при поддержке правительства убедить "Межрегионгаз" повторить краснодарский опыт в Вологодской области. Дело более чем серьезное, ведь для проведения сева на 10 тысячах гектаров льна нужно 80-90 миллионов рублей. К тому же льнокомбинаты Вологодской области заполнили панеты заказов из-за рубежа уже на 12 месяцев вперед и для их выполнения им придется ежегодно тратить около 4 миллионов долларов для закупки льноволокна за границей. Для полного удовлетворения потребностей текстильщиков областной льняной клин нужно увеличить до 20 тысяч га, и, стало быть, удвоить сумму затрат. При содействии газоминимум немалая часть этих денег могла бы остаться в России и работать на отечественную экономику. Владимир Щербак поддержал идею, сказав, что при удаче эксперимента схему можно будет перенести и на другие льносеющие регионы.

Вообще-то в те дни вице-премьер мог без риска поддерживать все, что угодно, ибо до президентских выборов, а, стало быть, и смены кабинета министров оставалось меньше месяца. Скепсис был резонан и потому, что слишком часто за последние годы мы внимали обещаниям, о которых высочайшие уста назавтра уже не вспоминали. На сей раз, впрочем, обещания не оставались только обещаниями. Заявленная схема сработала, так что все льносеющие хозяйства области получили к посевной

удобрения на деньги "Межрегионгаза" под гарантии администрации области.

А между тем полная реализация программы "Развитие льняного комплекса России" может увеличить валовой национальный продукт страны на 25 миллиардов рублей! Правда, общее число федеральных программ достигло уже 171-ой, а выполняются они в среднем лишь на 10 процентов...

Впрочем, что это я все о суетном да мимолетном, когда речь о растении, которое кое-кто из историков считает подлинной, а не легендарной целью путешествия Язона и его аргонавтов в Колхиду.

Стойкость льна перед натиском времени не просто выше всяких похвал, а в чем-то, пожалуй, зашкаливает за грань реального. Сколько льняную ткань в потонах столетий ни полощи, а она цела-целехонька. Не зря же достойные внимания живописные творения именуют просто холстами, словно подразумевая, что следы прикосновений талантливой или гениальной кисти, наносившей на туго натянутую поверхность грунтованной материи неповторимые мазки, ни за что не уцелели бы в чередующихся эпохах, не будь они нанесены на грубую, но вечную льняную основу. Недаром же русские иконописцы наклеивали на дерево льняную ткань и лишь потом левкасили гладь для будущих ликов или "праздников". Древесные панели, которые так любили художники средневековья, или сырая штукатурка, на которой создавались фрески, вроде бы незыблемей, а нет. Дерево бессильно перед жучками-точильщиками, в холодных стенах древних храмов охотно гнездится плесень, а лен со вре-

мен Возрождения, а то и с печальной години, когда Понтий Пилат умыл руки и послал Христа на казнь, и поныне не тронут тленом!

...Было дело, занесло меня в Италию в ту самую пору, когда в Турине многотысячные толпы коротали ночи у храма Джованни Баттисты, то бишь Иоанна Крестителя, дабы хотя бы мельком глянуть на легендарную льняную пелену, на которой, по преданию, отпечаталось тело Иисуса, завернутое в ткань после снятия с креста. Граду и миру плащаницу за последние сто лет показывали всего лишь трижды, так что второго такого случая на моем веку уже и не повторится. Заманчиво было рвануть в столицу "фиата" хоть на денек да с истинно российской сноровкой все же протиснуться в собор. Увы, нравы в те года были у нас строги — покинуть тургруппу без печальных последствий представлялось немислимым. А через десяток лет итальянский эпизод вспомнился при обстоятельствах, заставивших задуматься о мистических свойствах льна.

В начале 90-х я окаялся в столичном Барабанном переулке, где располагается одна из лабораторий НИИ реставрации. Завлаб Олег Владимирович Обельченко после моего вопроса о последних работах его сотрудников повел меня в соседнюю комнату, где я увидел на полу продолговатый кусок брезента с маркировкой, судя по которой эта дерюга когда-то принадлежала армии США.

— Присмотритесь, — сказал Обельченко пронзительным шепотом, — на этих носилках умер Че Гевара. Это отпечаток его лица!

Грубая зеленоватая ткань и впрямь хранила округлые и про-

долговатые бурые пятна. Мы подняли брезентуху поближе к свету. Я разглядел отчетливые следы волос, светлые овалы глазниц, наметки на искривленный страданием рот. Похоже было, что человек, положенный на брезент лицом вниз, собственной кровью оттиснул свои черты. Сходство с виденной на фотографиях туринской плащаницей было слишком разительным, чтобы я легкомысленно скользнул взглядом по жуткому следу трагедии и не заинтересовался происхождением оттиска черт знаменитого бунтаря.

Загадка объяснилась просто. Пламенный Фидель заполучил каким-то образом носилки из Боливии, где сложил свою мятежную голову команданте Че, и запросил "братский" ЦК КПСС на тему реставрации жутковатой реликвии. Там, понятное дело, не отказали, и носилки под охраной прибыли в Москву с пожеланием зафинсировать на века кровь героя и грязь горных дебрей. Для асов реставрации подобное задание не творчество, а тягомотина, всего и дел, что технологию консервации соблюсти.

Выслушав профессиональный комментарий к предстоящим процедурам, я рискнул все же спросить Обельченко о возможной зависимости таких разных святынь от качества материала, ставшего последним покровом и ложем двух разновеликих героев истории. Не хотелось считать случайностью уникальное обстоятельство, что именно льняная ткань каким-то чудом обрела свойства фотопластины, запечатлевшей трагические негативы. Олег Владимирович мягко уклонился от категоричного ответа, но сказал, что из всех расти-

тельных материалов лен куда лучше других пригоден для вечности.

...Где вечность — там и красота, а поскольку пишу эти строки на вологодской земле, то синонимом прелести здесь издревле понимают кружево. Сейчас мало кто задумывается, что вологодские кружева, как и северный лен, едва ли не самые древние экспортные товары Руси, двинувшиеся на запад морским путем вокруг Скандинавии. С тех самых пор, когда английские моряки под командованием Ченслера по ошибке заплыли в Белое море и через Вологду пробрались ко двору Ивана Грозного, а царь отправил в Лондон первое посольство во главе с вологжанином Непеей, и возник льняной "мост" между Британией и краем белых ночей. Понятно, что деловитых англичан больше интересовали холсты на паруса и канаты для корабельных шкотов, но к невесомому кружевному иneau европейцы тоже не оставались в равнодушии. Говорят, что самые тончайшие кружева, именовавшиеся на французский манер блондами, тнали из особого льна, волокно которого в современных единицах измерения следовало бы нумеровать от 30 до 40, подразумевая под этими цифрами возможную протяженность в нилометрах сверхтонкой нити, выпряденной из одного килограмма. Вроде бы блонды плели только в сырых подвалах, поскольку в просторной горнице нити пересыхали и легко рвались...

НЗoТa тогда не было и от профзаболеваний профсоюзы кружевниц не защищали. Это сейчас они работают на свету и без риска простудиться. Что же касается умения, то, право же, не прав будет

рискнувший уверять в угасании прежних традиций.

Чего стоит одна только скатерть "Снежинка", давшая в свое время название всей кружевной фирме. Плели ее специально для международной выставки в Пловдиве, там ее прямо со стенда купил заезжий западный турист. Пришлось воссоздавать кружева заново, но грянула другая выставка, и на "Снежинку" снова пал чей-то выбор. И так больше десяти раз. С каждой экспозицией очередная скатерть уплывала в неведомые дали. Хорошо еще, что одну из таких скатертей все же решили за стены фирмы не выпускать, оставив на вечное хранение в своем музее.

Там она всегда доступна для лицезрения и восхищения. А вот панно "Храм Христа Спасителя", сотканному к 850-летию Москвы, не так повезло. Отмеченный на юбилейной выставке первой премией кружевной храм купил "Автобанк" и украсил им свой зимний сад, где его мало кто увидит. Так и пребывать уникуму в почетном, но все же заточении для избранных. Зато последнее по счету масштабное панно "Утро на Воробьевых горах", завершенное в конце минувшего мая специально для выставки "Дорогая моя столица", какется, будет лить свой "кружевной свет" все же в музее. Московская мэрия нечто подобное уже посулила генеральному директору "Снежинки" Виктору Карманову. Над этим творением двух метров в длину и полутора в ширину мастерам пришлось корпеть больше трех месяцев. Впрочем, прежде на "Снежинке" выплетали уникумы и помасштабней. Абсолютный рекорд, достойный "Гиннесса", види-

мо, навсегда останется за панно "Россия", общая площадь которого 15 квадратных метров. Понятно, что достоинства шедевра габаритами не измерить, но север — край просторный, бесконечные его пространства словно подталкивают и к такому вот льняному безбрежью.

Если же обернуться на более аристократический — не по духу, а по бунве — интерес к вологодскому льну, то здесь любопытных проявлений гордости за предков долго искать не придется. Недавней весной вышивальщицам "Снежинки", владеющим изощренной техникой украшения белых тканей белыми же нитями, по заказу видного кинорежиссера Ниниты Михалова довелось наделять фамильными гербами рода Кончаловских 80 комплектов постельного белья и 20 столовых наборов. С легкой руки творца "Сибирского цирюльника" молва об уникальных талантах вологодских мастериц зашагала по Москве, и теперь фирма готовится к выполнению сходного

заказа некоего заметного политика.

Но каждому свое, и тем, кому интересен не щит с геральдическими символами, а сама история льняного ремесла, тоже есть на что посмотреть. На недавнем фестивале "Интермузей-2000" Вологодский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник представил под крышей столичного Манежа практически весь процесс превращения льняных стеблей в кружево, в ткани и коврики. На фестивале российские музейщики сразу договаривались о будущих обменах выставками, так что вологодской экспозиции еще путешествовать и путешествовать.

Как, впрочем, и самому вологодскому льну. И по России, и по планете. Традиций тому не перечсть. И ночи Дежнева, и панетботы Беринга, и панетботы Беллинсгаузена с Лазаревым — все отмеряли мили под льняными парусами. Такой уж это материал. Он и для времени, и для простран-

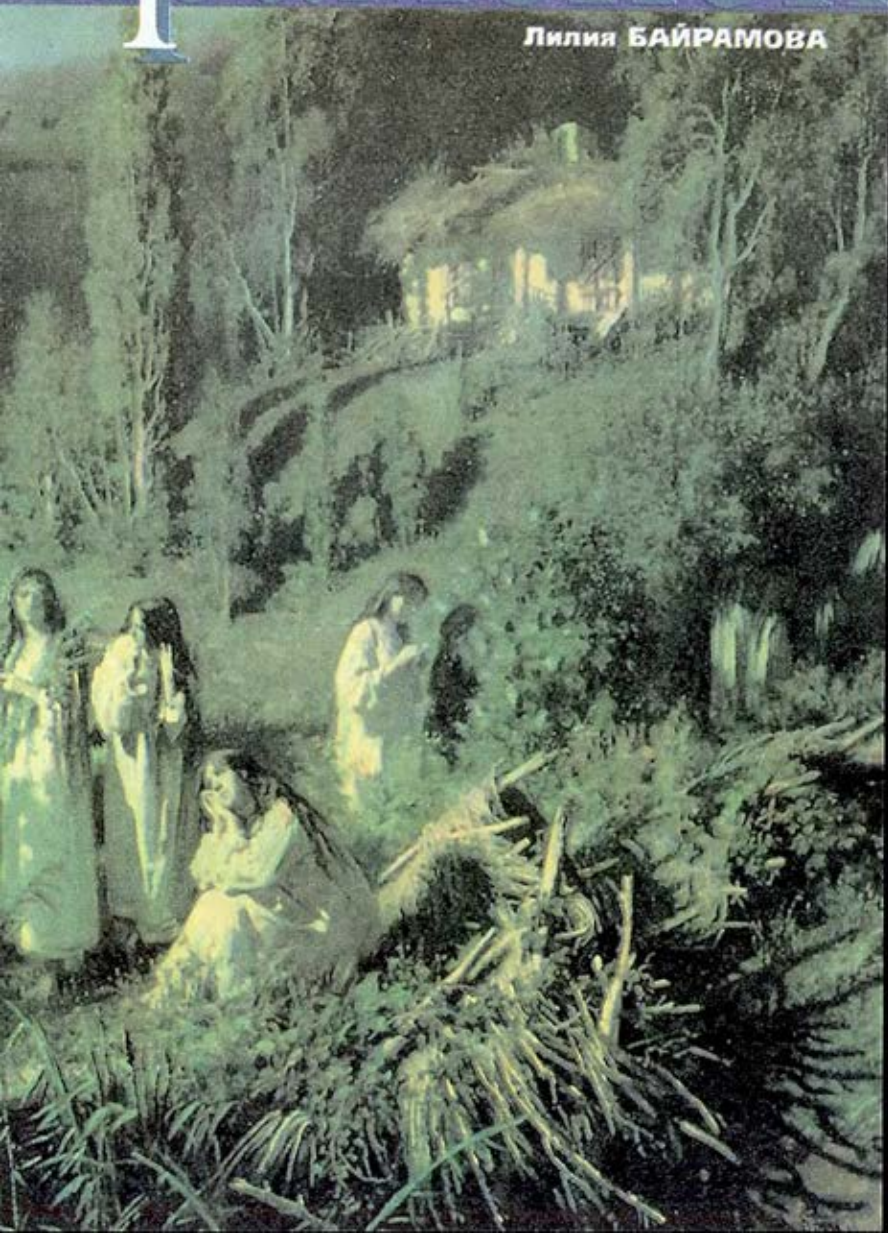
ИВАН

Рисунки

КРАМСКОЙ

Лилия БАЙРАМОВА

Родился Иван Николаевич Крамской в 1837 году в захолустном городке Острогожске Воронежской губернии, в городке, так бы и оставшемся неизвестным для русской истории, если бы не его счастливое там рождение. И дед и отец его были простые писари, мещане, и жили по-простому, как все — в казачьей хате с выбеленными стенами и с крышей из соломы. Перед окнами — пыльная улица и плетень, а за хатой — долгий огород и степные просторы.

С детства Крамской влюбился в живопись: видел в местном храме церковные росписи и восторгался. “Боже мой! — говорил он себе. — Если бы мне вполтину научиться так работать, я бы ничего в мире не желал!” Упросил отца отдать его местному иконописцу, но тот гонял его, словно мальчишку на побегушках, и Крамскому пришлось уйти.

Выручил его приезжий харьковский фотограф Яков Петрович Данилевский, который нанял его ретушером. Именно он научил Крамского пользоваться красками, лаком и обучил тонкому ретушерскому ремеслу. С фотографией Крамской объездил всю российскую провинцию, и она же привела его в Петербург.

В Петербурге он быстро завоевал себе имя. Местные фотографы называли его “богом ретуши”, и услугами Крамского пользовались лучшие мастера. За великолепно отретушированный им портрет покойного императора фотографу Александровскому дали орден и открыли перед ним двери императорского дома. Та же история повторилась впоследствии и с Денъером, который переманил Крамского к себе уже на лучших условиях.

Но не фотография была целью талантливого провинциала, а — недоступная живопись, именно ею он грезил и о ней мечтал. “Живопись! — романтически восклицал он в своем дневнике. — Я готов это слово повторять до изнеможения...”

С восторгом неопита он поступает в петербургскую Академию художеств, но она быстро охладила его восторженный пыл. “Я поступил в Академию в 1857 году, — вспоминал впоследствии Крамской. — До вступления моего в Академию я начитался разных книжек по художеству: биографии великих художников, разных легендарных сказаний об их подвигах и тому подобное, и вступил в Академию как в некий храм, полагая найти в ее стенах тех же самых вдохновенных учителей и великих живописцев, о которых я начитался... На первых же порах я встретил вместо общения и лекций об искусстве одни голые и сухие замечания, что вот это длинно или коротко, а вот это надо постараться посмотреть на антиках... Одно за другим стали разлетаться создания моей собственной фантазии об Академии и прокрадываться охлаждение к мертвому и педантичному механизму в преподавании...”

Произошла обыкновенная история: возвышенную душу стала давить казенная холодная обстановка и равнодушные, скучные профессора. Но тяжелее всего оказалась академическая тяга к ан-

тике и схоластике. Те же “вечные” и отвлеченные темы, что и сто лет назад. К концу обучения Крамской окончательно понял: “жить так нельзя”.

Бунт произошел осенью 1863 года. Четырнадцать лучших учеников подали прошение в Совет о разрешении им свободного выбора темы — вместо принудительной одной просили разрешения писать им любые. Однако в этой простенькой просьбе им отказали. В знак протеста они, в свою очередь, отказались от конкурса на золотую медаль и вышли из Академии. Во главе всего движения стоял Крамской.

Выход из Академии поставил перед протестантами чисто практические задачи: они лишились теплых академических мастерских и видов на будущее, и теперь им нужно было “выплывать” самим. И они “выплывали” — благодаря энергии и талантам Крамского. Он первым понял, что спасет их только единство, и объединил всех в свою знаменитую Артель.

Это было нечто вроде современного кооператива. Они вместе работали и вместе жили. Принимали любые заказы: делали копии с картин, писали портреты и образа, выполняли рисунки для журналов и даже модели для памятников. За четкостью, качеством и своевременностью исполнения следил Крамской. У него обнаружились практическая жилка и незаурядные способности организатора. Он умел сплотить вокруг себя слабых и нерешительных и дать им четкую цель, задание. К тому же он был честен и умел жертвовать собою ради других.

Именно честность и приносила свои результаты: Артель процветала и переехала с дальней 17-ой линии Васильевского острова в престижный центр. Теперь у артельщиков была просторная квартира с двумя большими залами, удобными мастерскими и жилыми комнатами. Жили артельщики дружно и весело.

Были в Артели и свои вечеринки, так называемые четверги, на которые собиралось до полусотни людей. Танцевали, балагурили, хохмили, остроумно высмеивали академистов и отдыхали душой.

Крамской вообще любил немного поважничать и приносил серьезный тон во все дела, за которые только брался. Известен его автопортрет того времени — с взлохмаченными длинными волосами, с “трепанной жидкой бороденкой” и вьедливыми глазами. Он хорошо и точно передает его тогдашний настрой: вечную серьезность и озабоченность, самолюбие разночинца и затаенное желание быть учителем и пророком. Типичный либеральный вождь шестидесятых годов.

Разумеется, в его честном идеализме было много хорошего, недаром Репин так тепло и благодарно вспоминает о нем. Крамской любил искусство и относился к нему серьезно, вместе со Стасовым приучил русское общество смотреть на искусство не как на пустую забаву, а как на служение, и видеть в художнике — учителя и строгого критика.

В Артели Крамской лидировал, а помогала во всем молодая жена. Кстати, даже история его женитьбы оказалась вполне в духе Гаршина и Чернышевского. Бедный, но честный живописец женится на "падшей", но неиспорченной девушке. Чем не сюжет для очередного нравоучительного романа!

С Софьей Николаевной Прохоровой Крамской познакомился в доме своего приятеля-художника: не то его возлюбленной, не то содержанкой. Приятель цинично рассказал ему историю ее соблазнения, и у идейного и честного Крамского встрепенулась совесть. Три года длился их роман, в конце концов любовь и чувство долга победили. Более трезвые приятели смеялись, а он с привычной риторикой отвечал им: "Я не очарован и не влюблен, а люблю просто и обыкновенно, по-человечески, всеми силами души, и чувствую себя только способным если не на подвиги, то, по крайней мере, на серьезный труд".

Жалел ли он о совершенном поступке? Неизвестно. Во всяком случае, он прожил со своей Софьей Николаевной всю жизнь. Правда, через несколько лет после свадьбы у него все-таки вырвалось нечто, похожее на сожаление: "Мне, стало быть, только и выпало в жизни — подбирать на дороге, что бросят для меня другие. Сколько *темного* и *страшного* мучило меня. Ведь я тоже человек, ведь я хочу любви чистой, а мне..."

А Артель все продолжала существовать... Правда, "зенит ее был пройден, — по признанию самого Крамского, — уже на пятый год, хотя дело по инерции шло еще несколько лет".

Прежде бедные и обездоленные художники встали на ноги и почувствовали себя самостоятельными, кое-кто стал даже академиком, а кто-то был на подступах к этому званию. Прежде необходимые рамки союза давно себя исчерпали... Теперь их связывали только дружба и привычка к совместному проживанию. И достаточно было любого повода, чтоб прежде монолитная Артель распалась. Повод нашелся.

Как-то один из артельщиков, Дмитриев-Оренбургский, надумал тайком от товарищей просить Академию отправить его за границу. Крамской усмотрел в этом крамолу и потребовал осуждения, но Артель от него лишь лениво отмахнулась: у каждого из артельщиков давно уже была своя особая жизнь. Расставание стало неизбежным: Крамской не простил ни "измены" Оренбургского, ни равнодушия Артели. Но ускорило их расставание создание нового объединения — Товарищества передвижных художественных выставок.

Инициатива его создания принадлежала москвичам, ее привез в Петербург Мясоедов, а Крамской активно поддержал. Для него это была долгожданная отдушина, та самая высокая идейная и просветительская цель, которую давно мечтал поставить перед своей Артелью. Он писал по этому поводу: "Я видел выход. Я призывал товарищей расстаться с душевной и курной избой и по-

строить новый дом, светлый и просторный. Потому что мы росли, и нам становилось тесно”.

2 ноября 1870 года утвердили Устав Товарищества, а через три недели Крамской заявил о своем выходе из Артели. Теперь предстояло готовиться к первой выставке. Поразительно, но, когда нужно было заявить о себе, обнаружилось, что у Крамского нет ни одной самостоятельной творческой работы, что, активно призывая к творчеству других, он сам оказался на мели, и к

Лунная ночь.

тридцати четырьмя годами еще никак не проявил себя как художник. Будучи великолепным организатором и теоретически болея всей душой за искусство, он оказался бесплоден, и все свои молодые годы потратил на бесконечную и нескончаемую "халтуру".

Вереницы, сотни заказных портретов, как правило, с фотографий прошли через его усердные и кропотливые руки. Для одного только Румянцевского музея, для "галереи русских исторических деятелей" он выполнил семьдесят девять портретов давно умерших людей — по старым живописным портретам или гравюрам. Нудную работу, требовавшую много точности, внимания и усердия, и слишком мало вдохновения.

И не эта ли серая, изнурительная казенщина выхолостила весь его талант, уничтожила его фантазию и воображение?

Только летом 1871 года, когда до первой выставки оставалось всего несколько месяцев и когда были выполнены все обязательства перед галереями, он, отправив жену и детей на дачу, вырвался в "творческий отпуск" — на Украину, в село Хотень. Въехал Крамской в село ночью, и его сразу же, со всех сторон окружили чудеса ночного сада: красивые лунные дорожки, призрачные тени, колыхание сонных деревьев. Вспомнилось знаменитое описание Гоголем украинской ночи... "Такое чувство охватило меня, — вздыхал он потом, — и хорошо-то здесь, и тяжело мне очень. Вот она, природа!"

И захотелось это странное чувство, охватившее его, выразить на холсте, передать другим. Так родилась известная картина "Майская ночь". Девушки на берегу в длинных белых рубашках — то ли русалки, то ли просто молодые хохлушки, лунный свет, окутывающий украинскую хатку.

И все же картина не получилась. Нет в ней ни фантастики, ни поэзии, ни волшебства, лишь одни холодные театральные декорации...

Так вышло и почти со всеми его главными работами: при всей всегдашней его старательности, добросовестности и желании прозвучать на свет нечто выдающееся, каждый раз выходило нечто мертворожденное, не сбрызнутое живой водой вдохновения и сильного чувства. Кажется, что именно его чрезмерно аналитический ум, рационализм и педантичность, вечная погруженность в халтуру и убили в нем творческое начало, не позволив до конца раскрыться его таланту и артистизму.

Следующей и самой главной работой Крамского стала хрестоматийная картина — "Христос в пустыне". Крамской работал и размышлял над этой вещью много лет. Даже Репин вспоминал, как, будучи еще совсем маленьким мальчиком, он приходил на квартиру Крамского и жадно слушал его вдохновенные рассказы о Христе. Скучные библейские истории, известные с детских лет, оживали сказочными картинами, наполнялись актуальным содержанием, а далекий и непонятный Хри-

стос становился дорогим и близким человеком.

Чтобы как можно лучше подготовиться к картине, Крамской даже отправился за границу — изучить наследие классиков по этому поводу, но подходящих примеров не находил. Даже Рафаэль с его Христом показался ему слишком отвлеченным и мифологическим, а ему нужен был живой и понятный Христос, “наш современник”.

Пять лет Крамской упорно работал над этой картиной, “пять лет, — писал он сам, — неотступно он стоял передо мной, я должен был написать его, чтобы отделаться...”

Картину выставляли на Второй передвижной. И это стало событием. Люди подходили, шушукались, восхищались. Картина словно иллюстрировала то, о чем писали передовые журналы: выбор пути, служение народу, народнические идеалы...

Потрясенный всеобщим вниманием Крамской отзывался: “Мне просто не верится, чтобы я, исполнявший всевозможные заказы, и я теперешний — одно и то же лицо. Я с ужасом думаю, как это я буду исполнять их, как прежде, а ведь нельзя без этого”.

И ведь действительно нельзя! Он, который так умно и долго умел рассуждать о живописи и служении человечеству, для которого искусство всегда было святыней и который призывал в своей главной картине к подвигу, сам оказался к нему не способен.

Все правильно и одновременно плоско, бескрыло. В результате — сотни портретов, и лишь единицы — сильных, талантливых и настоящих, на большинстве же лежит неизгладимая печать холода. Увы, сказалось слишком долгое общение с фотографами, работа с юности ретушером и писание многочисленных портретов по фотографиям. Ничто, как выяснилось, не проходит бесследно.

А в конце 60-х годов к Крамскому обратился сам Павел Михайлович Третьяков: и ему понадобилась помощь известного *заказного* портретиста. И снова потекли портреты по заказу и с фотографий: Грибоедов, Кольцов, Шевченко, Сергей Аксаков...

Правда, случаются в его подневольной жизни свободные редкие минуты, когда можно отдышаться и позабыть о заказах. Таковой “минутой” и стал известный портрет Толстого.

Крамской задумал писать его почти случайно: приехал с приятелями на дачу в Козловку-Засеку, недалеко под Тулой, и вдруг

Портрет С. И. Крамского, сына художника, в детстве.

Неизвестная.

узнал, что здесь же, рядом, в Ясной Поляне живет и великий Толстой. Ну, чем не повод для знакомства и его портрета?

Он полетел в Ясную, но первый визит оказался неудачным: Толстого не оказалось дома. Второй раз вышел долгий трудный разговор. Наконец великий писатель дрогнул. “Ведь ваш портрет все равно непременно будет в галерее”, — сказал ему Крамской. “Как так?” — переспросил Толстой. “Очень просто, — отвечал художник. — Я, разумеется, его не напишу, и никто из моих современников, но лет через сорок, пятьдесят он будет написан, и тогда останется только пожалеть, что портрет не был сделан своевременно”.

Такой аргумент решил все дело, и сеансы начались со следующего же дня.

Лев Толстой находился тогда как раз в зените славы и жизни, писал “Анну Каренину”, был счастлив в семье. О себе писал: “Я здоров, как бык, и, как запертая мельница, набрал воды”. И это ощущение здоровья, силы, мощи, уверенности в себе, расцвета жизни — отлично передано Крамским. В его Толстом есть и толстовская мужицкость (когда Крамской познакомился с ним, Толстой в сарае рубил дрова), и кряжистость, и упрямая сила. Незаурядный, честный портрет!

Крамской и сам понимал свою удачу и через несколько лет писал: “Конечно, портрет Толстого разителен... Он взят энергично и написан скоро, с огнем, так сказать...” Вот именно, с огнем — чего обычно не хватало Крамскому.

Да и для самого Толстого общение с Крамским не прошло бесследно. Он тоже в своем роде лепил его портрет. Известно ведь, художника Михайлова в “Анне Карениной” Толстой писал, главным образом, с самого Крамского. Недаром Репин в восхищении говорил, что Михайлов “страх как похож на Крамского”.

В то же лето и на той же даче Крамской написал едва ли не единственную свою лиричную вещь — “Осмотр старого барского дома”. Первоначально ее замысел вполне вписывался в тот же обличительно-петербургский дух, о котором и писал Толстой. Крамской задумал сделать нечто масштабное и обобщающее: приезд старого барина в свое разорившееся гнездо и продажа его “новому русскому” — толстому купцу.

Здесь должно было соединиться все: и старый, породистый барин, и неприятный, разжиревший купец, и характеристики, и сатира. Своего рода “Чаепитие в Мытищах” Перова.

Но вышло что-то неожиданное, совсем не похожее ни на Перова, ни на Крамского. Старый барский дом, опустевшие комнаты, тусклый зимний свет пробивается через высокое окно. Старый барин возвращается в свое родовое поместье. Встреча с детством, с юностью и давно прошедшим... Есть здесь и чувство, и минута задумчивости, что-то милое, чеховское и душевное. Потом у Крамского не будет ничего похожего — ни в его знаменитом “Не-

утешном горе”, ни тем паче в “Лунной ночи”. Хотя и очень старался, как всегда, выразить в “Неутешном горе” именно настроение страшной минуты, ужас потери, тем более, что и сам его пережил, когда потерял двух сыновей и среди них маленького и любимого Марка.

Несколько лет он проработал над картиной, испробовав несколько вариантов, но она по большому счету не удалась. Есть в ней что-то физиологически неприятное, отталкивающее, какое-то ощущение тлена и смерти, тот чересчур прямолинейный, не артистичный натурализм, на язык которого не следовало бы перехо-

дить. То же и в "Лунной ночи": почти фотографический натурализм, искусственное театральное освещение и ни грамма поэзии.

Но был в жизни Крамского еще один сюжет, над которым он думал и размышлял всю жизнь — продолжение темы Христа. Как и почти все так называемые передовые художники того времени, Крамской просто чувствовал себя обязанным написать что-нибудь глобальное и эпическое, что-нибудь такое, чтобы разом давало ответы на все вопросы. Так происходило и с Ге, и с Ивановым, и даже с лиричным Поленовым, который, изменяя таланту поэта, пытался писать большие ненужные картины на библейские темы. Увы, таковы были требования того слишком идеологизированного времени. Крамской им подчинялся, всю жизнь он мечтал написать свою единственную главную картину. Еще давно, в молодости, когда он "горел" своим Христом в пустыне, он думал над его продолжением, ему хотелось высказаться до конца. Ему мечталось показать Христа теперь в момент глумления, издевательства, хохота над ним грубой толпы, хотелось противопоставить героя-одиночку и страшную темную массу народа...

Наконец, через пять лет раздумий, сомнений и бесконечной рефлексии, летом 1877 года, Крамской решился. На него снизошло: он бросился в мастерскую и с упоением начал работать. Но радость творчества, вдохновения и полета, увы, длилась слишком недолго, прежние сомнения и рефлексия снова овладевают им. Слишком надуманная, искусственная тема не давалась. "По мере того как двигается картина, — делится он с Третьяковым, — я все больше и больше начинаю трусить. Когда она не реализовалась еще, уверенность в том, что *содержание ее стоит того*, чтобы работать, была несокрушима... Но теперь, когда эта решимость приводится мною в исполнение... мне становится жутко".

Однако Бог не дал ему этой картины. Как верно выразился Павел Михайлович Третьяков после смерти Крамского: "полет" оказался ему "не по силам". Прирожденный портретист, он надеялся обмануть себя и время: написать грандиозное полотно, которое соответствовало бы его общественному статусу. Не получилось. Слишком наивен, надуман и простодушен был замысел, слишком не соответствовал он его реальному дарованию.

Но такой скрытый драматизм и самообман длились едва ли не всю его жизнь. Он убеждает себя, что для продолжения работы ему не хватает большой, просторной мастерской и выстраивает "прекрасную, удобную" мастерскую в доме Елисеева. Но и тут работа не клеится, ему нездоровится, доктора запрещают оставаться летом в городе. И тогда "он покупает себе землю в живописной местности, на Сиверской станции, и устраивает там превосходную во всех отношениях мастерскую, особо от большого двухэтажного дома для семьи, чтобы не мешали работать.

Картина давно уже стоит в наилучших условиях верхнего света, материалы все давно собраны; необходимые костюмы, оружие для воинов давно готовы; сам он говорил не раз, что ему над кар-

тиной три хороших месяца работы; она у него окончательно решена, только написать, а пишет он быстро.

Но тут-то и начинается опять ирония злой старухи судьбы, — она ехидно улыбалась.

Картины он не показывал никому, даже жена и дети не видели ее и не знали, что там, за линиялой коленкоровой занавеской, за погнувшимся от времени железным прутком... Проходили годы, к картине он не прикасался... Писал этюды со своих детей на воздухе, на солнце, или какой-нибудь уголок дачи с балкона, или букеты цветов, и так до самой зимы, если не случалось летом уезжать куда-нибудь на заказные портреты. Зимой — опять портреты. Картину несколько зим уже не перевозил в город. Мастерская на Сиверской отапливалась на случай его приезда. Иногда он вдруг собирался туда работать: жил там по несколько дней совсем один. Но и в это время к картине он не притрагивался..."

Таковы воспоминания о Крамском Ильи Ефимовича Репина.

А потом и вовсе, по выражению Репина, с ним произошла "перемена". Всю жизнь, трудясь над многочисленными заказами, работая с богатыми и знатными клиентами, он сколотил себе, наконец, значительное состояние. Теперь у него была уже роскошная дача и великолепная мастерская. "Квартира его в городе украшена лучшей мебелью, дорогими портьерами, персидскими коврами, античной бронзой и великолепными троюм и ширмами. Кабинет внизу по внешности напоминал кабинет государственно-го человека, мецената или банкира. Мастерская могла конкурировать изяществом мебели, восточных портьер, бронзы с самой кокетливой аристократической гостиной. Дом был полная чаша..."

Но самого его теперь вы бы не узнали. Он сильно изменился за последние восемь лет. На вид ему можно было дать уже семьдесят лет, а ему не было еще и пятидесяти. Это был теперь почти совсем седой, приземистый от плотности, болезненный старик. О страстном радикале и помину не было.

Находясь постоянно в обществе высокопоставленных лиц, с которых он писал портреты, Крамской вместе с внешними манерами понемногу усвоил себе и их взгляды. Он давно уже стыдился своих молодых порывов, либеральных увлечений и все более и более склонялся к консерватизму. Под влиянием успеха в высшем обществе в нем сильно пробудилось честолюбие. Он более всего боялся теперь быть не комильфо".

Разительная, страшная перемена.

Последние годы Крамского, несмотря на внешнее благополучие и успех, прошли и вовсе мучительно, трудно: чтобы взбадриваться он вынужден был впрыскивать себе морфий.

Мясоедов вспоминал об этом так: "Жил он напряженно и болезненно, работал много и более всего портретов, семья привыкла к роскоши, деньги шли без счета, сам он, человек очень простых привычек, любил представлять и обстановку, которая и пожрала в нем художника... Вся эта гадкая неопределенность му-

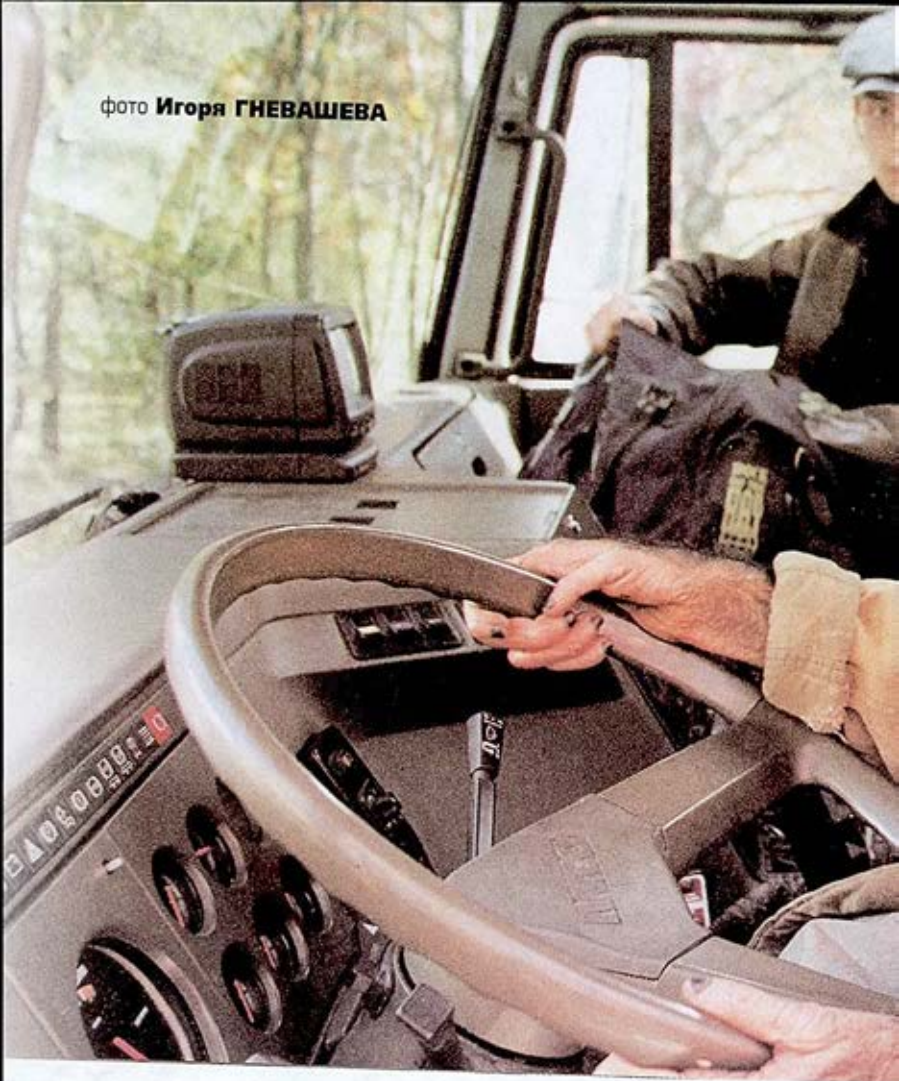

чает и терзает, а тут семья хочет веселиться, мальчики вино пить, дочь танцует и поет. Нужны деньги и деньги, нужно работать, нужно впрыскивать морфий, нужно умирать...”

Он и умер — прямо во время работы. 24 марта 1887 года. Писал портрет давнего знакомого, доктора Раухфуса, “точил” внимательно его лицо, поддерживал светскую беседу, и вдруг... “покачнулся и упал прямо на лежавшую на полу перед ним палитру...” Доктор Раухфус едва “успел подхватить его — уже тело...” ■

Ирридида.

фото Игоря ГНЕВАШЕВА

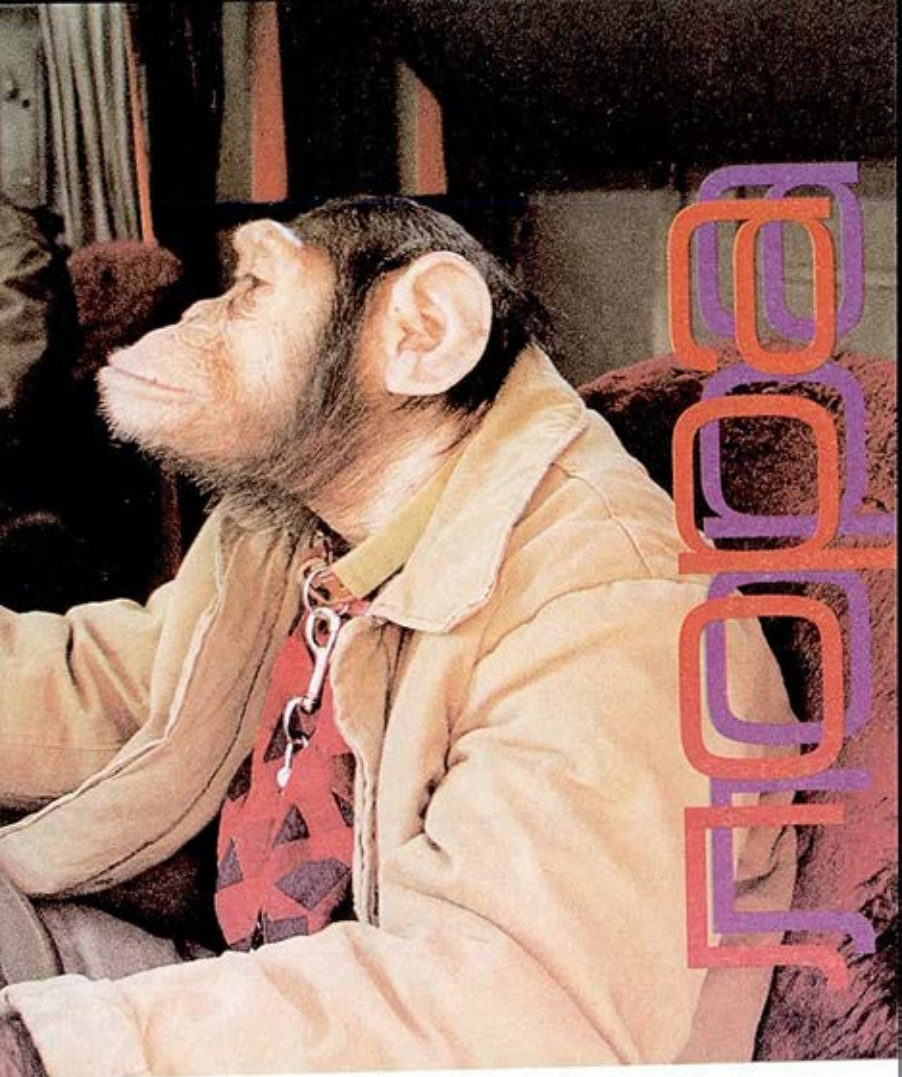

В

о время съемок фильма Сергея Соловьева "Нежный возраст" прошел слух: завтра будет сниматься Лора! Костюмер Танюша сообщила: "Ой, девочки, мы ей костюм примеряли, так она нас всех перецеловала. Ну, просто прелесть!"

Ничего себе, подумала я, напрягаясь. Перецеловала она их, фу, какая гадость. Ведь Лора... обезьяна.

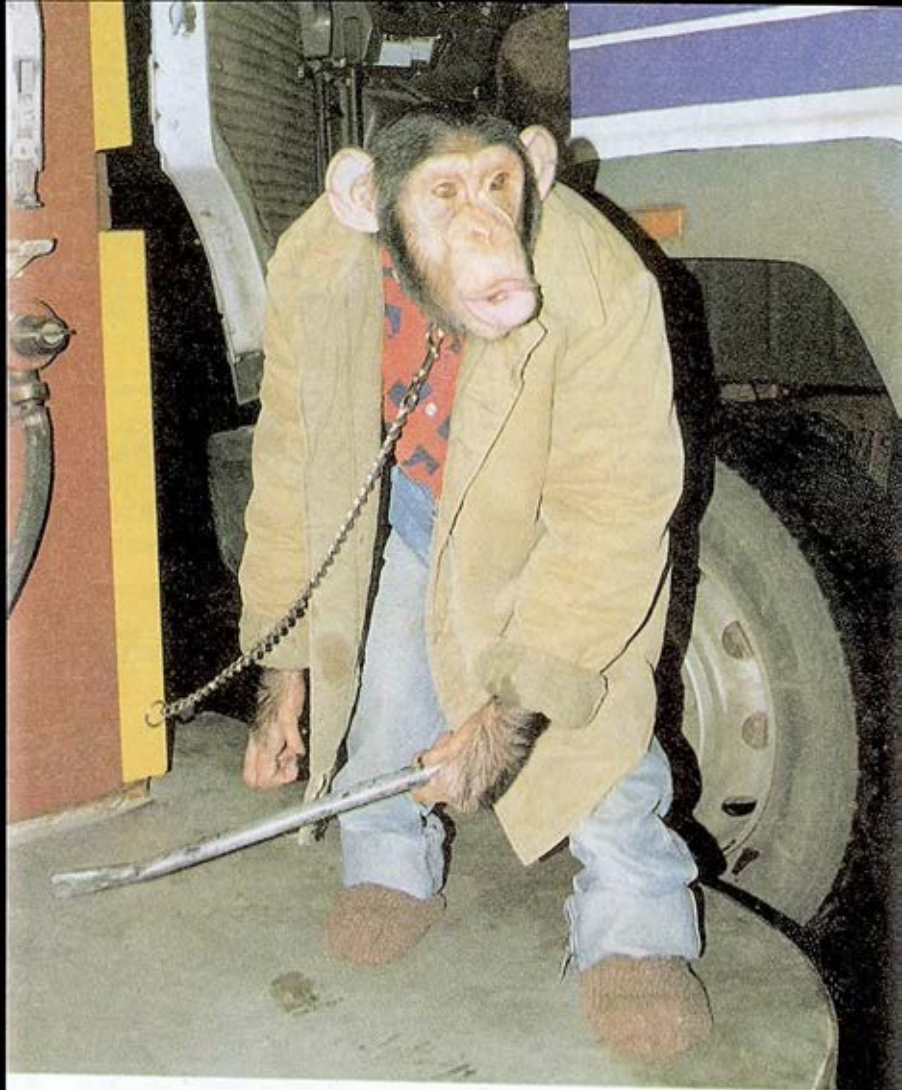
На следующий день, проходя мимо костюмерной, я услышала, как кто-то терпеливо, как ребенку, говорил: "Ну что ты сидишь? Одевайся!" В ответ — невнятное ворчание, и снова голос: "Как ты

носни-то надела, поправь! Все, молодец. Пошли!" Вышли двое: Он и Она.

"Знакомьтесь, это Лора", — представил мне свою воспитанницу дрессировщик Владимир Сапрынин. Ростом с восьмилетнего ребенка, серьезная шимпанзе Лора берет мою протянутую руку своей мягкой, но цепкой. Через се-

нунду я оказываюсь в ее объятиях и сообщаю ей на ухо: "Лора, нет, я не хочу целоваться..." И тотчас получаю свободу. Лора меня не только отпустила, но и потеряла ко мне всякий интерес. Чуть позже я попыталась повторить наши объятия, даже подлизывалась к ней, но в ответ — только вежливое внимание. Изумленная, я ни-

нулась к Владимиру Сапрынину: "Она, что, все-все понимает?" "Конечно, я ведь с ней все время разговариваю".

"А, — догадываюсь я, — она выросла в семье с маленькими детьми!" "Да нет, — смеется Сапрынин, — все не так". Лора попала к нему уже взрослой, трехлетней, злобной и неуправляемой.

Почему же так изменилась? Во-первых, она униальная, таких — одна на миллион. А во-вторых, любовь, ласка, интересная работа. То, что и нас, людей, делает вполне коммуникабельными и общительными.

Работает Лора в цирке. У нее есть такой номер: она что-то ворует у зрителя и пытается скрыться

от стража порядка — пса, который должен ее поймать. Вот они и носятся по арене, кувырняясь, на радость детворе. Во время съемок Лора не видела своего партнера целую неделю, а когда они встретились на арене, то вместо исполнения номера в обнимку то-

"Нежный возраст", Лора восприняла, как напарника, а все приказы дрессировщика выполняла сразу и точно. Ну не могу я до сих пор понять, как может обезьяна, сидящая рядом с актером, пересесть к нему на колени и обнять его, даже если слышу, как

пали, не в силах оторваться друг от друга.

В общении Лора — нежное и ласковое создание. Она обожает новые знакомства, любит, когда ей почесывают макушку, не прочь побеситься с ровесником, если на площадке оказывался ребенок. Актера Митю, исполнителя главной роли в фильме

ей велят это все сделать. При этом у Сапрыкина нет в голосе ни металла, ни напора. Кто-то сказал: "Надо же, она понимает словесные приказы!" Нет, не словесные приказы она понимает, а просто разговорную речь, обычные фразы, как может их понимать человек. Не верите? Вот пример.

В тот съемочный день, когда мы впервые увидели Лору, снималась сцена в кабине грузовика. Ситуация такая: Митя и Лора ехали всю ночь, под утро остановились на трассе, чтобы передохнуть и позавтракать, — завтрак и снимается. Режиссер спрашивает дрессировщика, когда тот будет работать с обезьяной? А Сапрыкин отвечает: "Вы снажите, что надо, мы сделаем". А это первый

съемочный день, еще никто из группы не видел их в работе. Соловьев, недоверчиво пожимая плечами, объясняет задачу: Лора наливает в стананы молоко из пакета, пока герой режет хлеб и колбасу на бутерброды. У Сапрыкина только одна просьба — чтобы пакет был уже открыт. А дальше он велит Лоре взять пакет и налить из него молоко в стакан. Лора берет пакет и льет молоко в

станан. При команде: "хватит", ставит панет, берет в руку станан и тянет его ко рту. Ей велят отдать станан Мите — она отдает. Велят налить второй станан себе. Наливает. Выпивает. Снято! С первого дубля!

Митя ей понравился. Похоже, она даже старалась ему помогать во время съемок. Однажды, когда после нескольких репетиций недовольный режиссер, добиваясь нужной игры, слишком громко на него закричал, Лора вдруг затопала ногами и пошла на источник криков угуная, пугая. Режиссер мгновенно стал тихим и ласковым. Та сцена была сложная. Герой приводит обезьяну в зоопарк, где работает его друг, тот согласился дать ей приют. В момент передачи Лора сообщает герою о смерти их одноклассницы. На первом дубле они просто помолчали, опустив головы, а на втором — один из актеров, как бы обессиленный от горя, медленно сполз по стенке на корточки и заплакал. И вдруг Лора подошла к нему, вытерла ему слезы и обняла. Мы все замерли. Ведь ее непосредственная реакция как нельзя лучше подходила к сцене. И я до сих пор сомневаюсь, а не было ли это отличной актерской игрой?!

У Лоры — абсолютное доверие к своему дрессировщику, ни разу не отказалась выполнить его распоряжение. Работала на совесть в самые сложные моменты съемок. Как бы вы отреагировали, если бы вас разбудили среди ночи

и потребовали взять в руки палку и кого-то там понолотить? Озверели бы, точно! Таким образом даже котенка можно превратить в тигра, да потом еще долго пришлось бы его успокаивать и приводить в прежнее состояние...

С Лорой все было иначе. Сцена такая: к бензоколонке подъезжает грузовик с нашими героями. Митя — за рулем, Лора спит. Надо заправиться. В этот момент подсакивает отвратительный тип из крутой иномарки, нагло отшвыривает Митю от шланга и вставляет заправочный пистолет в свой бак. Лора должна проснуться от шума, увидеть драку и, естественно, вступить за своего хозяина. Снимаем ночью. Лора и на самом деле спит. Когда пришло время, ее бесцеремонно будят, вставай, говорят, работать пора! Лора зевнула, но палку взяла, обругала обидчиков и даже отлошматила их — словом, защитила, как могла, своего друга. А уже в следующее мгновение целовалась со своим любимым Сапрыкиным, повертела головой на наши аплодисменты и ушла спать — на следующий день у нее был выездной концерт. Сейчас, когда я вспоминаю это, маленькая цирковая бригада колесит по дорогам Европы. Володя с Лорой уехали в длительное гастрольное турне. И я завидую всем европейским зрителям, которые смогут увидеть чудо, потому что, честное слово, это лучше увидеть самому. Хоть один раз.

Людмила БУРОВА

Валерий
БЕЛЯКОВИЧ:

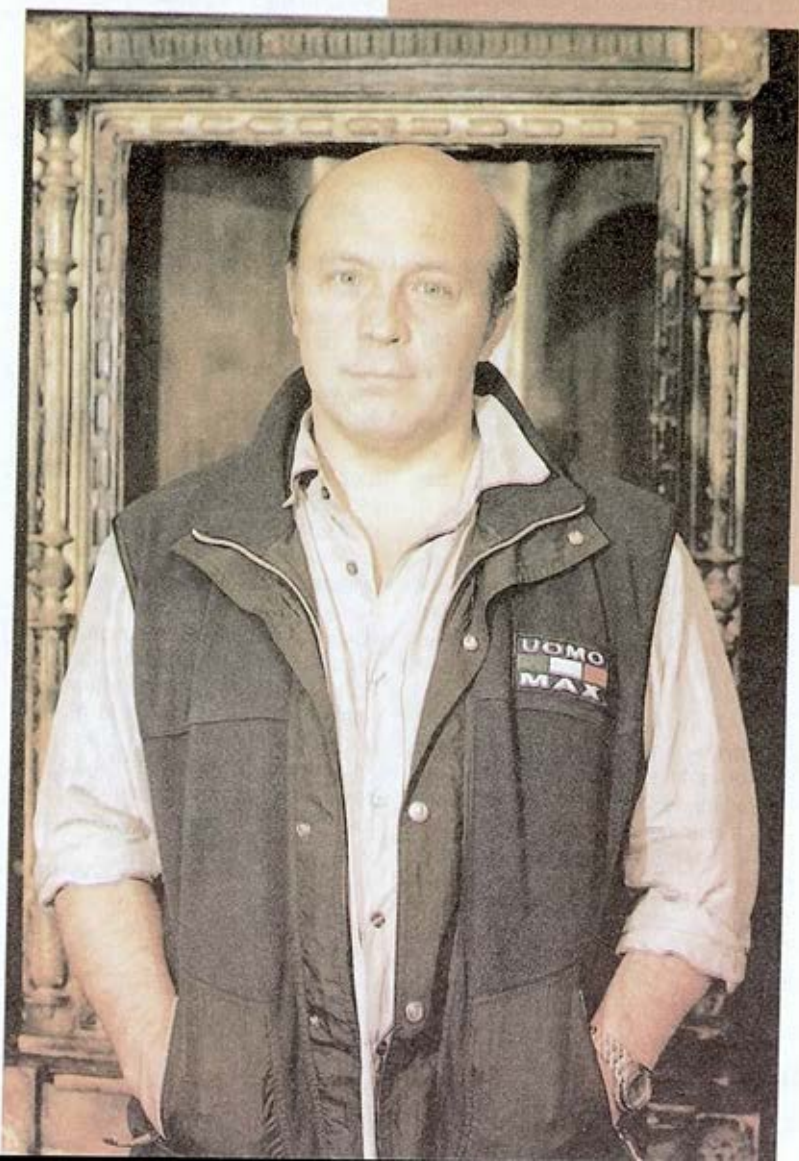

фото Михаила Гугермана

"Моя жизнь зациклена на театре"

Создатель и руководитель

знаменитого московского театра "На Юго-Западе"

Валерий Белякович отмечает свой неожиданно подкравшийся 50-летний юбилей. Он — из редкой породы людей с ярко выраженным театрообразующим началом, прирожденный лидер, неистощимый фантазер, генератор творческой энергии и художественных идей.

Человек-оркестр: и режиссер, и актер, и сценограф, и музыкальный руководитель, и писатель, и фантаст.

Для него нет ничего невозможного. Пьесы Гоголя, Булгакова, Шекспира в его руках обретают вторую молодость. Его личности тесно в рамках одного театра, одной страны.

Поэтому, кроме Москвы, он покорила Америку и Японию, два полюса культуры и цивилизации.

Он открыт всему человечеству.

Человек мира.

— Н едважно вы отметили двадцатилетие спектакля "Мольер" Михаила Буланова. Изменился ли за эти годы спектакль, рассказывающий о противостоянии художника и власти?

— Мне кажется, со дня премьеры не изменилось ничего. Виктор Авиллов, может быть, больше делал акцент на личности Мольера-художника, я играю этот спектакль про себя — про театр, про человека, на чьих плечах ответственность за целую компанию людей. С возрастом конкретнее понимаешь какие-то вещи. Иногда

думаю, какими мы были глупыми, когда поехали на Эдинбургский фестиваль со своим "Гамлетом". Плохо ли играли, хорошо ли — как посмотреть. Но мы были моложе, сильнее, энергичнее. Так и с "Мольером", на которого мы замахнулись по молодости. В том спектакле была первичность, незамутненная прогрессом, непосредственность, свобода. И неважно, что мы играли в нищенских кафтанах, найденных по костюмерным разным театров, собирали реквизит по крохам. Главное — было горение, желание, ис-

Валерий Белякович — "Мольер" М. Булгакова

кренность. Неизвестно еще, идет ли мастерство на пользу творчеству. Иногда наивность и простота производят более сильное и трогательное впечатление.

Главное же для публики — не фабула пьесы, а увлекательность самого спектакля. Почему Нижинский обладал магией и загадкой? Он выступал совсем недолго до болезни, лет десять, а шум стоит уже целое столетие. Потому что гений. "Талант — единственная новость, которая всегда нова". Меня радует, что вот уже двадцать лет мы привлекаем зрителей, которые съезжаются к нам со всех концов Москвы, всегда ждут наших премьер и остаются нашими настоящими поклонниками и верными друзьями.

— Что помогает вам бороться с усталостью и цинизмом, накапливающимися годами?

— Даже не знаю, что делать, чтобы глаз блестел. За 22 года устаешь изо дня в день приходиться в театр. Старшее поколение — уже, считай, пенсионеры. По полтиннику, как ни крути. Но много и талантливой молодежи. Иногда вижу, что артисты устали от меня — моего изнурительного метода работы, моего активного стиля режиссуры. Наверное, не должен 20 лет один и тот же руководитель мучить одних и тех же людей. Человек всегда хочет перемен, и даже если все идет по нарастающей — работа, успех, признание, актер может страдать от того, что в труппе, где он работает, все неизменно. В грядущем сезоне нам предстоят крупные гастроли в Америку и Японию. Это бодрит. Тем более, что мы уже бывали в этих странах и нам есть, что вспомнить.

— В старом зале вашего театра была совершенно непередаваемая, уникальная атмосфера. Почему вы решили реконструировать зал и не побоялись потратить на это целый сезон?

— Конечно, в том черном зале с шершавыми стенами сидели в тесноте сто человек плечом к плечу и ловили каждое слово, движение актеров. Но это уже из области легенд. Та наша сцена в цокольном этаже жилого дома (мы по-прежнему здесь, на проспекте Вернадского, но в несколько иных условиях) была технически совершенно безграмотна с точки зрения пожарных и санитарных норм. Конечно, в старом зале была своя энергия. Сцена была, что называется, "намолена". Но это дело времени. Наши премьеры, поставленные уже в современных условиях, — новая версия "Калигулы" Камю, "Щи" и "Dostoevsky-trip" В.Сорокина, чеховские "Чайка" и "Три сестры", — уже невозможно представить в других условиях. Я никогда не жалею о прошлом, мне не знакомо чувство ностальгии.

— По-моему, вы вообще живете настоящим, не позволяете ни вещам, ни обстоятельствам иметь над вами власть. И постоянно устремляетесь в будущее.

— Только на сезон. Это единица измерения моего времени. Что касается работы, буду ставить в Японии, в Нижнем Новгороде. Поеду в Пензу, в театр, который я курирую, чтобы ставить "На дне". Остальное — наши премьеры и гастроли. Но все время хочется перейти на большую сцену. Я испытываю настоящую тоску по большим пространствам. У большой сцены — другие приоритеты, воз-

действие и контакт с залом. Есть эффект коллективной эмоции восприятия. Другая энергия, другие реакции. Масштабы другие! Я жду 25-летия нашего театра, которое последует через пару лет после моего 50-летия. И верю, что грядут какие-то перемены.

Никогда не жалел и не копил денег, всегда отдавал на театр все, что зарабатывал. Всю зарплату дворника тратил на строительство и спектакли в первые годы. Все таскал с помойки. Театр еще не получил помещения (хотя я всегда верил, что оно будет), а подвал уже был забит — стульями, мебелью с окрестных свалок. На помойках можно было найти много чего хорошего и старинного. Удивительное дело, и сейчас тоже денег не хватает. Все, что зарабатываю на постановках в других театрах, трачу на свой. Но, как ни странно, они всегда возвращаются. Хотя меценатов, по настоящему благородных людей, мало, они на вес золота.

— Вы перемещаетесь по миру мощными бросками, от Америки до Японии. Где-то между ними лежит Россия. Чем вас привлекает Япония?

— Униальная страна. Когда там убили двух полицейских, все были потрясены: со времен второй мировой войны они не испытывали большего ужаса. Мы же с этим сталкиваемся каждый день. Вот сегодня утром я встал, а у моей "ранушки", где стоит ржавая "Нива", отогнута дверь. Ному это нужно! Япония — благословенная спокойная страна милых работающих людей. Там чудесный климат. Чувствуешь себя марсианином, так как там мало европейцев. Все смотрят на тебя с интересом,

*В. Авиллов — В. Белянович,
Э. Олби "Что случилось в зоопарке"*

ощущаешь, что ты сам по себе — подарок. Они предельно вежливы, постоянно кланяются, здороваются, улыбаются. Все удивительно располагает. Культура жизни такова, что на каждом шагу встречаешь отношение к жизни, как к искусству. На каждом сантиметре земли у дома делается садик. Их маленькие домики увиты плющом, рядом растут пальмочки. За стеной — бешеный Токио со скоростными трассами. А на крышах современных построек — все равные сады.

Отношение к искусству удивительное. В каждом городе есть

организация любителей театра (вроде нашего ВТО) во главе с председателем. Они изучают вкусы своей публики, ездят отбирать спектакли для гастролей, знают, что пройдет, что не пройдет. Они любят русских. В центре Токио есть бар "На дне", которому лет пятьдесят. В любой японской компании тебе тут же начинают подпевать по-японски русские песни — "На позицию девушка", "Ямщик, не гони лошадей", "Подмосковные вечера". Эта страна очень дружелюбна. Они живут в невероятной скупности. Однажды повез одного японца в Калуж-

скую область в гости к матери. Он не мог поверить, что все эти поля вокруг — просто поля, и все. Снимал бесконечно, чтобы потом показать дома эти просторы.

— Говорят, Анатолий Эфрос после работы в японском театре заболел, вернувшись в Россию. Н хорошему быстро привыкаешь.

— Я работал в том же театре "Тоуэн", что и Эфрос. Его помнят старые актеры, показывали мне столики в кафе, где он сидел. Я — продолжатель традиций русского театра. Они принимают мой стиль. Мне там очень комфортно. Мы поставили вместе русско-японский проект "Ромео и Джульетта", который играли вместе русские и японские актеры, "На дне" и "Мольер".

— Другая "ваша" страна — Америка. Нашли ли вы там взаимопонимание?

— Когда в американском университете объявляется запись на твои лекции, приходят индеец, араб, еврей, ирландец, индеец-инвалид (пришел на "Мирандолину" — танцевальный спектакль!). Страна интернациональная, раскованная, свободная. У них ярко выраженный комплекс полноценности. Жизнь устроена комфортно. Очень трудно было объяснять (я ставил там "Дракона") про Сталина. Им тошно слушать про тоталитаризм, это не их проблема. "Ревизор" тоже трудно шел — для них это антиквариат. А вот спектакль "Собаки" про бездомных собак им ближе. Все рыдают, хотя и не углубляются. Страна эта менее интересная, цельная, чем Япония. Они просто хорошо сориентировались и сделали себе рай на земле. Если у тебя есть немного мозгов, там ты будешь процветать.

Но американцы — "целлофановые" люди, а японцы — настоящие. Мне ближе не рай для обывателей, а таинственный мир Японии.

— Что вы имеете в виду, когда говорите, что вы — человек мира? Вы — космополит?

— Мне не нравится деление на национальности, национальный вопрос как таковой. Я с каким-то трепетом вспоминаю армию, которую все боялись и ненавидели. Меня тоже туда не тянуло, но я считал службу в армии своим долгом. Со мной служили грузины, таджики, москали, украинцы, чуваша, только что негров не было. А так — вся Россия была представлена в нашем взводе дальней связи в Нарпатах. Когда я позже поездил по миру, я понял, каной он маленький. И потому мне близко отношение к миру, как к чему-то, мне принадлежащему. Я приветствую объединение Европы, отмену таможи, введение "евро", пусть и в споре с долларом. Конечно, человеку нужно порой напоминать об его неидеальной сущности, чтобы он не забывался. Но ведь можно же жить спокойно, как в Японии, — хотя это и есть идеализм.

— Трудно воспитать честного человека в условиях нашего беспредела. Должно смениться не одно поколение.

— Недавно по телевизору показали офицеров-моряков, которые воровали торпеды, а в ящики вместо них подкладывали кирпичи. Но руки не должны опускаться. Тем более, русский театр всегда ценился, несмотря ни на что. Нас гнобят, а мы мужаем.

— Почему вы не хотите попробовать поставить в своем театре

спектакль по типу антрепризы с приглашенными звездами?

— У меня были такие опыты с Маргаритой Тереховой (она играла Мирандолину в "Трантирцице"), Стасом Садальским (он был Расплюевым в трилогии Сухова-Нобылина), Игорь Угольников сыграл у нас Хлестанова. Сейчас мы выпустили спектакль "Макарена" с Риммой Марковой по пьесе Надежды Птушкиной "Пока она умирает". Она знаменитая киноактриса старшего поколения, ей 75 лет. Это удивительный человеческий и профессиональный опыт. Но в приглашении звезд есть и трудность. Я не могу, как Сергей Проханов в "Театре Луны", платить звездам типа Певцова и Виноградова по 100 долларов за выход.

— Но ведь есть такие звезды, для которых простой губителен и они готовы играть бесплатно. Вот и с писателями — то же самое. Захотели вы поставить произведения Владимира Сорокина или Бориса Анунина — и вперед.

— Мы действительно поставили авангардные пьесы Сорокина "Ци" и "Dostoevsky-trip". Не думаю, что у кого бы то ни было это получится лучше и ближе к первоисточнику. Ждет своего часа и пьеса "Чайка-2" Григория Чхартишвили, больше известного под именем Бориса Анунина. На повестке дня — пьеса "Конкурс" Александра Галина. Мне хочется выйти за пределы проблемы продажи девушек в сарафанные шоу за границу. Мужики не в состоянии обеспечить бабам нормальную жизнь, поэтому каждая решает исправить свою судьбу сама. Тема проституции и продажности стара, как мир. Все гораздо шире: про-

даются мозги, нефть, газ, сырье, интеллигентная элита уезжает из страны, продаются женщины как таковые, — стремглав мелькает генофонд нации. Иссушается страна, утекают миллионы.

— Вы ведь и сами увлекаетесь литературным трудом, пишете рассказы...

— Ну, это громко сказано. Когда нужно писать? Когда не мо-

жешь не писать. Так же, как и ставить спектакль нужно, когда не можешь не ставить. Например, произошел со мной случай, глубоко меня потрясший. Я встретил свою любовь двадцатилетней давности. Тогда у нас ничего не получилось. И вдруг, когда мы увиделись спустя двадцать лет, произошел такой всплеск чувств, как будто все эти годы они копи-

лись. Я давно отошел от таких романтических переживаний. И вдруг — такой подарок. Я был в шоке, не знал, что делать. Сел и написал стихотворение в прозе, рука двигалась сама собой. Теперь эта часть моей жизни зафиксирована в литературном произведении.

Я описываю ту действительность, которая оставляет след в памяти, в душе. Как история с моим вторым сыном, родившимся, в сущности, случайно после моей службы в армии. Или анекдот о том, как у меня на пляже в Майами стащили сумку, и сразу вся роскошная курортная действительность превратилась из прекрасной в отвратительную. Этот рассказ "Куба, любовь моя" написан за час в аэропорту. Хочу научиться печатать на компьютере, чтобы располагать строчки на странице с определенной красотой и графичностью. О том, чтобы издаваться, не думаю, смущает мат. Я — не Соронин и вообще не писатель. Это путевые заметки моей жизни, как "Заметки психопата" у Ерофеева.

— *Чем занимается ваш сын?*

— Роман (не путать с героем рассказа — это второй сын) — режиссер монтажа на НТВ, ему 27 лет, он совершенно самостоятельный человек. Раньше мы общались не часто, в основном, когда ему были нужны деньги. Но поскольку теперь он стал зарабатывать больше меня, наше общение не ограничивается этой темой. Я не был ему хорошим отцом, не воспитывал его, как должно, с пяти лет он рос без меня. Я не рассчитываю на сыновние чувства и близость.

— *Вы — одиночна?*

— Я чувствую себя одиноним человеком. У меня нет тоски по детям. К тому же я испорчен своей профессией: публичность всегда требует уединения. Для баланса. Больше всего я люблю находиться один в своей квартире. У меня множество личных планов — продолжать рисовать картины, научиться, наконец, как следует, играть на аккордеоне, овладеть компьютером. На это может не хватить жизни. А я хочу много успеть.

— *Разве можно себя ощущать одиноним, будучи руководителем театра?*

— Суперодиноним. Раньше я жил иллюзией, что театр — это семья. Ничего подобного. Может быть, у артистов так получается, но не у меня. Невозможна дружба режиссера с артистами. Мой учитель, выдающийся режиссер Борис Иванович Равенских говорил: "Можно позавтракать с артистом, обедать с ним не надо и упаси тебя Бог с ним ужинать". Это театральная мудрость. Много раз я пытался "ужинать", но каждый раз дружба оканчивалась разочарованием. Я строго борюсь в театре против пьянства, во время работы у нас "сухой закон". Опыт показывает, что ни в коем случае нельзя идти на компромиссы и пить с артистами. Очень многие вычеркнуты мною из списка потенциальных партнеров по застолью навсегда. Вся моя жизнь зациклена на театре. В зрелом возрасте найти друзей, на которых можно опереться, уже нельзя. Могут быть коллеги, приятели. Но настоящие друзья — это наследство юности.

— *Поставив спектакль "Братья" по пьесе Мронена "Эмигранты", вы решили связать героев*

братскими узами (чего нет у драматурга) и сыграть его со своим братом Сергеем Беляновичем. Почему?

— Мне показалось, что герои пьесы более близки, чем просто эмигранты из одной страны и одного города. Я уловил кровное родство в этих разных людях: интеллигенте и простолюдине. Мы преподнесли "Братьев" в качестве подарка к золотой свадьбе нашим родителям. Всегда увлекательно наблюдать за родными людьми на одной сцене. Это бьет без промаха, дает любознательному зрителю дополнительный стимул для интереса. Когда в нашем театре играли Виктор и Ольга Авиловы, это было удивительно. Сейчас стал членом нашей труппы представитель младшего поколения Беляновичей Михаил, мой племянник, сын Ольги Авиловой и моего брата.

— Ваша репертуарная политика в последнее время выглядит зигзагообразно и интригующе: то Соронин, то "Три сестры" Чехова, то комедия "Манарена"... Но все спектакли объединены жесткой конструкцией режиссерской мысли и удивительной музыкальностью. Не хотите ли вы поставить мюзикл?

— Как мы ставим спектакль? Вот пьеса (я очень придирчиво выбираю драматургию) — через две недели премьеры. Зрители не любят часто смотреть "На дне" или "Манбет". Хотя "На дне" приносит мне только новые и новые заказы на постановку. Помимо Японии и МХАТа имени Горького, где он уже идет, буду ставить его

в Пензе. Так что свое 50-летие я встречаю в работе, не в Москве, а в Пензенском драматическом театре. Для своих устрою праздничную попозже, сделаю вечер, прочитаю рассказы.

Мюзикл же — моя мечта. Это самый демократичный вид театрального представления — и музыка, и драма, и танец. В Америке, на своей исторической родине, мюзиклы — это нечто. Я смотрел там все. И очень хочу сделать мюзикл, тем более, что в опере я уже поработал: ставил в "Новой Опере" у Евгения Колобова "Бориса Годунова" Мусоргского. Кстати, один композитор, приходивший к нам на спектакль "Братья", был так потрясен, что мы уже практически договорились делать мюзикл на тему спектакля "Последняя женщина сеньора Хуана". Это история последней любви Дон Жуана. Я знаю все: где должны быть арии, где дуэты. Многие наши спектакли сделаны уже на грани драмы и мюзикла, тот же "Сон в летнюю ночь", например. Но для настоящего мюзикла обязательно нужны большая, технически оснащенная сцена, оркестр и беспримышленная музыка со шлягерными мелодиями, которые завтра запоят все. Удивительно, что нет продолжения у шинарного спектакля "Юнона и Авось" и у отличного мюзикла "История лошади" в БДТ. А Эндрю-Ллойд Уэббер, который постиг законы жанра, ставит свои мюзиклы по всему миру. Так что, как ни крути, нужен большой театр. И он будет! ■

Беседу вел
Наталья КОЛЕСОВА.

Александр ЭКШТЕЙН

рисунок **Алексея Остроменцкого**

тибетские качели

Глава первая

Белоснежная громадность Гималаев, переплетение ущелий, неожиданное появление и такое же неожиданное исчезновение внутри отрогов чистых, как влажное дыхание Бога, рек, изумрудные вспышки растительности, уходящие в неведомую глубь пещеры и скрывающиеся за неприметной расщелиной входа, который невидим для непосвященных. Холодный, ярко-синий свод небес, беспристрастный и недоступный, как истина, сотворенная не для человека. Бескрайние, смиряющие любую гордыню каменные плато, бездонные пропасти. Воздух разряжен до игольчатости. Все это — сгусток непроходимой горной тайны Гималаев, внутри которых находится страна-храм, со своим народом, цивилизацией, многоступенчатыми, уходящими в глубь земли городами и непривычными, почти вертикальными, кольцеобразными дорогами, ведущими лишь в сторону, где находится цель, но никогда прямо к ней. Мудрость подземной страны гласит: "Ко всему нужно идти круглым путем. Если бы все шли самой короткой дорогой, то к цели пришел бы только один". Нет на поверхности земли государства, оружия или научной мысли, способных проникнуть в тайны подземного мира Гималаев. Тибет — это своего рода служба безопасности подземного государства. Он абсолютно непонятен миру. Да и как можно понять по специально оставленному на поверхности антуражу глубинно-подземную, уже давно использующую живую энергетику центра земли, цивилизацию, которая возникла для того, чтобы сохранить землю от гибели, которая контролирует и использует в своих целях поверхностную цивилизацию, поставляет магическое сырье и людоеобразных статик-рабов для опытов великих ученых подземного государства. Одним словом, подземный мир людей за людей не считал, но с великой неохотой считался с ними...

Председатель совета МОАГУ Поль Нгунтанба почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев, шум в ушах и лишь затем благоговейный ужас. Такое случалось с ним всегда перед встречей с кем-нибудь из представителей глубинной страны. Никогда не было известно, кто явится оттуда и с чем. Поль Нгунтанба как бы впадал в оцепенение и просто ждал. В штате МОАГУ были разные люди, в том числе и ламы высшей степени посвящения из храмов Тибета. Поль неоднократно беседовал с далай-ламой, он сам исповедовал и познавал ламаизм, но это ни на миллиметр не приближало его к пониманию существ и цивилизации, находящихся внутри Гималаев, а если быть точнее, внутри земного шара. Более того, сами ламы всегда обходили это молчанием, и Поль Нгунтанба отчетливо видел, что молчание лам обусловлено лишь одним — незнанием. Он задал вопрос о подземном мире далай-ламе, тот вздрогнул, пролил не-

много чая на пол и, глядя в глаза Полю, ответил странной фразой:

— Весь буддийский мир, а тибетцы особенно, возник тысячи лет назад лишь для одной цели: не отвечать на такие вопросы и пресекать их возникновение. Тысячи лет мы с этим справлялись, но сейчас тибетские качели вздрогнули, планеты уже выстроились в один ряд и разошлись для нового отсчета времени. Новая звезда уже зажглась, и все скоро изменится до неузнаваемости. Конца нет ни в чем, есть лишь неуправляемое, неповторяющееся и бесконечное видоизменение Бога в совершенствовании... — Далай-лама замолчал, а затем сказал совсем уже неожиданное и касающееся лично Поля: — А ты обыкновенный клерк, долженствующий понимать, молчать, повиноваться и выполнять свою работу с естественностью коровы, жующей траву на лугу. Но у тебя, к сожалению, нет этой священной естественности. — И далай-лама, не попрощавшись, ушел.

Поль Нгунтанба сидел внутри огромной странно-стеклянной сферы и во весь голос возмущался:

— Я не клерк, далай-ламе лишь бы свою варезку разевать. Я честный суперпрофессиональный чиновник высокого ранга. Немного любопытный, но не болтливый, и я уже десять лет исполняю свои обязанности хорошо, а этот реинкарнационный тибетский чудила разговаривает со мной как с мальчишкой, а самого китайцы гоняют уже пять лет по Гималаям как зайца.

— Успокойтесь, Поль, где ваше бесстрашие? Вы же приверженец ламаизма. Помните: “Сядь возле реки, и через некоторое время увидишь, как по ней плывет труп твоего врага”. В данном случае далай-ламы.

— Не надо мне его трупа, — возмутился Поль Нгунтанба. — За кого вы меня принимаете?

В ответ он услышал лишь добродушный смех. Председатель МОАГУ знал, что он разговаривает с представителями подземного государства, посредниками между внешним и внутренним мирами, ламами лазурного посвящения. Это были настоящие ламы — без дураков. Как всегда, разговор проходил не на равных, лазурные видели его хорошо, а за стеклянной сферой был мрак.

— Поль, успокойтесь, — услышал он голос невидимого собеседника. — Мы выбрали вас на этот пост, и мы отлично знаем все ваши слабые и сильные стороны. На далай-ламу не сердитесь, у него и без этого жизнь тяжелая...

Внутри сферы, где находился председатель совета МОАГУ, был разлит чистый благородный свет, который как бы льнул к телу Поля Нгунтанбы, вливался внутрь, и председатель совета МОАГУ буквально чувствовал, как этот свет убирал внутри него зародыши будущих недомоганий и обливал сердце благодатным бальзамом.

— Внутри чего я нахожусь? — спросил Нгунтанба непроницаемую темноту, приникшую к сфере с той стороны. — Не разобьется? Больно уж хрупкая в сравнении с темнотой вокруг нее, — не удержался и съязвил глава МОАГУ.

— От нашего света можно ослепнуть, — ответили “лазурные”, — а находитесь вы внутри одного из крепчайших веществ мира. Перед вашими глазами и вокруг вас идеально отшлифованная трехметровая толщина природного алмаза самого высокого качества, он называется “Родниковая безмятежность”, такие многометровые красавцы рождаются лишь в центре земного шара, в самой раскаленной части его нежного, пульсирующего ежесекундно рождающимся огнем, сердца. Вот вам и степень нашего доверия. Так что пока вы с нами разговариваете, он вас обновляет и лечит. А если вас оставить внутри этого алмаза навсегда, вы всегда и будете пребывать в нирване.

— Вот это бриллиантик! — Поль Нгунтанба оглядел сферу диаметром около десяти метров. — А вы на меня смотрите, видимо, так, как люди на поверхности рассматривают янтарь, внутри которого креветка.

— Креветка не живая, Поль, — парировали “лазурные”, — а янтарь не драгоценность, в древности им иногда растапливали печи, он превосходно горит. Давайте лучше о деле. Что там происходит с нашей структурой в России?

— А-а, — отмахнулся Поль Нгунтанба. — России не знаете, что ли? Наш “УЖАС” где-то там на курорте в Сочи выгуливал Чебрака, ну и целая гора криминала в итоге. Силовики России взъерепенились и теперь интригуют против “УЖАС”а, хотят его свалить и растоптать.

— Ну-у, — удивилась “темнота”. — И что же?

— Ничего они не сделают, — ответил Поль Нгунтанба. — У наших восемь “солнечных” и целая толпа суперсолдат, я уж не говорю об агрессивных мистиках. Но выговор Марущаку я сделаю, и это будет строгий выговор. Нельзя тревожить государство пребывания и тем более нарушать его законы без особой надобности. Хотя, — глава МОАГУ покачал головой, — у них все беды от этого идиота, в смысле Чебрака, он даже “солнечных”, сволочь такая, умудрился из шизофреников сотворить, но надо отдать должное, сотворил великолепно.

— Понятно, — ответили “лазурные”. — Но Чебрак и этот английский ученый, что в компьютерном кресле сидит в параличе, гений-паук, они неподсудны и...

— Да все я знаю! — обиделся Поль Нгунтанба. — У меня за десять лет хотя бы одна ошибка произошла?

— И мы рады этому, — успокоила его “темнота”, — нам греет это сердце. Кстати, вы можете съездить в отпуск на месяц или, как вы любите выражаться, “слинять в Нью-Йорк”.

— Это у меня нервное, — хохотнул Нгунтанба. — Далай-лама забодал.

— Где это вы так образно научились выражать свои мысли, Поль? Индийская и французская лексика не предполагают таких оборотов живописности в алогизмах личностных характеристик.

— Пообщайтесь с русскими столько же, сколько общаюсь я, и выпуклая живописность речи вас не минует. Вы станете похожи на принцев крови, воспитанных в тюремно-уголовной среде. — У Нгутанбы вдруг затуманились глаза, и он равнодушным голосом спросил: — Вы мне покажете ваш мир?

— Нет, Поль, не покажем. Вы и так один из немногих, знающих о нашем мире достаточно много. Больше знать нельзя, дальше начинается территория запредельного, разум и взгляд человека на той территории самоустраняются.

— Извините, — обиженно произнес председатель МОАГУ.

— Никогда не извиняйся, не имея на это достаточно веских оснований, — посоветовали ему из “мрака”.

— Не буду, — серьезноотреагировал на эти слова Поль Нгутанба.

Председатель совета МОАГУ вдохнул полной грудью чистой воздух предгорий Тибета и поморщился. В сравнении с воздухом внутри гигантского алмаза, горный воздух явно страдал загрязненностью. Тем не менее самочувствие у Поля Нгутанбы было великолепным. В свои пятьдесят шесть он чувствовал себя двадцатилетним. Впрочем, его это не удивляло, а радовало, лазурные ламы вновь предоставили ему алмазный кокон для переговоров с ними. Это говорило о том, что в глубинной стране его ценят, а на мнение далай-ламы не обращают внимания.

Французско-индийская кровь Поля Нгутанбы делала его похожим на молодого Жана Марэ, двадцать лет подряд загоравшего на берегу Ганга и чудом избежавшего нападения хищников, а оксфордское образование, репутация непревзойденного специалиста по биоэнергетике, знание семи языков, десять лет научной работы в неологии делали его если и похожим на Жана Марэ, то в гораздо улучшенном и полезном варианте. Поль Нгутанба любил женщин, это была его ахиллесова пята, но представители подземного мира лишь посмеивались над его пристрастием. “Лазурные” ламы избегали сурово судить слабости поверхностного люда. Лишь изредка они подтрунивали над слабостями Поля Нгутанбы какими-то заворачивающими шутками, которые были настолько серьезны в своей шутливости, что Поль воспринимал их как доброжелательную лекцию по анатомии человеческих удовольствий.

— Вам хорошо, — возмутился как-то глава МОАГУ в ответ на очередную шутку. — А мне нравятся женщины.

— Нам действительно хорошо, — ответили тогда “лазурные”. — Потому что “плохо” вне нашего понимания...

Над головой Поля раздался стрекот двухместного вертолета, который вначале завис в воздухе, а затем с завидной точностью плюхнулся рядом с ним.

— Поль, что за привычка уходить без предупреждения к черту на рога? — возмущался член совета МОАГУ и лучший друг Поля англичанин Клосс Воргман.

— Ну да, — согласился Нгуганба, садясь в вертолет. — В следующий раз оставлю тебе записку “Клосс, я у черта на рогах. Предупреждаю”.

Вертолетик взмыл вверх, сделал наклон влево и, словно большая стрекоза, скрылся среди морщинистых склонов, поросших вечно юной изумрудной растительностью тибетских предгорий.

Здание МОАГУ удобно расположилось неподалеку от Лхасы, между холмом Марпори, на котором стоит Потала, место обитания далай-ламы, и холмом Понгвари, где жили лари буддизма Манджушири — победители смерти. Это была изящная постройка в виде стоящего на земле холма, поросшего густой растительностью и ничем не отличающегося от других холмов, кроме мощно развитой и современной инфраструктуры для работы и жизни внутри него, то есть техническая мощь внутри холма превышала в несколько раз возможности хьюстоновского космического центра, Пентагона и ЦРУ вместе взятых, а места для отдыха были гораздо комфортабельнее номеров-люкс в “Президент-отеле” и полезнее для здоровья курортов Сочи, Адриатики и прочей популярной морской помойки. Среди лари-холмов Лхасы и холма МОАГУ дыбились и исчезали вершинами за облаками вечно белоснежные и вечно грозные горы Гималаев.

Само по себе МОАГУ не являлось силовой организацией, хотя все подразделения класса “УЖАС” находились в его беспрекословном подчинении. Но если в России это был “УЖАС”, то во Франции такая же структура имела название “Гугеноты Варфоломея”, в Англии это были “Веселые кельты”, в Германии “Ребята, ненавидящие пиво”. Латинскую Америку контролировала организация “Пикник”, в США аналогией “УЖАС”у была представлена структура “Оса”, она распространяла свое влияние на Канаду с Севера и на Мексику с юга. Структурой, не подчиненной МОАГУ, обладал лишь Израиль, да и то по той причине, что еврейские контакты с глубинным миром были столь древними и замасонизированными, что Поль Нгуганба иногда без всякого раздражения думал: “Далай-лама — это еврей, без сомнения”.

Он вызвал своего заместителя и сказал:

— Сегодня будем заниматься российским “УЖАС”ом. Хорошие ребята, но время от времени у них срывает башню. Это ж

надо, суперзасекреченная организация, с глобальными возможностями, начала притеснять и устраивать потасовки со своими спецслужбами. как встретившиеся в одном баре английские и немецкие моряки.

Клосс Воргман хмыкнул:

— Мы в таких потасовках всегда бивали англичан.

— Клосс, — усмехнулся Поль Нгутанба, — вы ученый Божьей милостью и поэтому все путаете. Вы же англичанин.

— Да? — смутился Клосс и, выходя из положения, объяснил: — Я тибетский лама, плевать мне и на англичан, и на немцев.

— О да, — снова усмехнулся председатель МОАГУ. — Тогда созови на четверг весь совет и пригласи этого варвара, Ивана Селивёрстовича, я его отругаю и организую ему по приезду встречу с далай-ламой, вполне возможно, Иван Селивёрстович захочет ему слегка наругать.

Глава вторая

Алексей Васильевич Чебрak трепетал от восхищения перед самим собой. “Вполне возможно, я новое воплощение Кришны”, иногда представлялось ему. Кроме того, что он был великим генетиком, он был еще и великим полифоничным ученым широкого профиля. Мало того, что он научился выращивать клоны, добротные копии людей полуфабрикатного типа (клоны, обладающие интеллектом, пока еще были подвержены быстрому старению), он еще далеко продвинулся в разработке симфонического препарата антимутационного действия “Полнолуние”, создаваемого в рамках ужасного напряжения сил им же сконструированной программы. Этот препарат должен был окончательно разделить человечество на избранных и чернь. Предполагалось, что препарат “Полнолуние” будет применяться, по решению ЛПЛ — Людей Полной Луны, для тех особей человечества, которые несут в себе творческий и нравственный потенциал, подтвержденный генетическим кодом (Алексей Васильевич уже составил технологию прочтения этих кодов), своего рода рекомендательным письмом от предков на протяжении 100 поколений. Применяя этот препарат, “рекомендованные” люди будут как бы фиксироваться в своих лучших проявлениях, не подверженных дурному влиянию современности, напротив, они привнесут в нее незамутненную чистоту духовности, радости и доброты. Таких людей, по приблизительным подсчетам Алексея Васильевича на тридцатимегабайтной — независимой — “глобал ОМ” системы “XXX”, было на земле не более миллиарда, а остальные... Остальные должны мутировать, что уже и происходит, а со временем, при необходимости, должны подвергнуться киборгизации “путем вживления в мозговую ткань биологических чипов, выращенных на основе брусчатых хрусталиков в синтезе с последними достижениями

генной инженерии". Киборгизированные люди более работоспособны, выносливы, более счастливы в сравнении с теми, кто сейчас проходит под определением "маргиналы", потому что не ведают сомнений, генетической памяти, ответственности, секса и дум о будущем. Численность киборгизированных людей будет контролироваться эскомпьютером "Норма". Те, кто станет принимать препарат "Полнолуние", на определенном этапе развития будут использованы для создания новой формации разумно-духовных людей. Их растворят в лемурианской генетике, которая в виде белых, гибких и странных человекоподобных существ обитает в срединных храмах и городах внутреннего мира...

— А как же я? — поинтересовался Алексей Васильевич у председателя МОАГУ. — Я же абсолютно безнравственен, а вслед за мной тянется шлейф уголовных преступлений. Это что же, я не получу дозу своего "Полнолуния"? В таком случае, я сегодня же проглочу килограмм.

— Еще не известно, что получится из этого эксперимента, — отмахнулся от его претензий Поль Нгунганба. — Зачем вам, неглупому, разгневчиваться лемурианцами и входить в бессознательный комок нулевых неогенов? Живите, любите, творите, ешьте, пейте, радуйтесь и умрите как положено. Понимаете, Алексей Васильевич, — Нгунганба пристально посмотрел на Чебрака, — во-первых, еще неизвестно, чью генетику хранят лемурианцы, а во-вторых, вспомните Евангелие: "Блаженны умершие, ибо живые будут просить смерти, но не дана она им будет".

— Понятно, Евангелие, — презрительно усмехнулся Алексей Васильевич. — Я напишу другое, точнее, доходчивее и для меня выгоднее.

— О, да! — загадочно засмеялся в ответ Поль Нгунганба. — О, да!

Глава третья

— Подонки — это как навозные черви, без них нельзя, гумуса не будет, — сообщил Слава Савоев ошарашенному его познаниями напарнику по дежурству, прапорщику Севостьянову. Произнося эти слова, Слава думал не о плодородии, а о переполненности камер КПЗ, куда полковник Самсонов все-таки устроил его дежурить на три дня, сразу же после получения звездочки капитана за раскрытие кладбищенских преступлений. А всего-то и делов, что Слава, принимая от комиссара Кияшко, которого как-то сразу и неожиданно покинул инфаркт, новые погоны, вдруг заявил:

— Да за такое раскрытие впору монашеский сан принимать.

— Не понял! — опешил Кияшко.

— Я все понял, — успокоил его Самсонов. — Это у них шутка такая гуляет перед повышением.

— А-а-а, — удовольствовался объяснением комиссар и протянул Славе погоны, почетную грамоту и благодарность от командования, то есть от себя лично — командирские часы.

— Безумие — словно река, в нем нужно так двигать ногами и разводить руками, чтобы оно не вынесло тебя на стремнину. Лучше всего искать в нем тихую заводь, утыканную лилиями при полном отсутствии непредсказуемого течения... — говорил главный врач загородной психиатрической больницы Дарагановки, а про себя думал: “На стремнине хотя бы есть шанс получить бревном по голове и расчитаться с жизнью полностью, а вот из заводи с лилиями, дорогие мои, никуда не денешься, это полное забвение, здесь всегда бродят любители лилий и спасают вас, одним словом, это моя лечебница, которую в народе грубо называют дурдомом”.

“Дорогие мои” относилось к Софье Андреевне Сычевой и к новенькому, прибывшему в распоряжение главврача Мурада Версалиевича по решению суда, Лене Светлогорову. Если в первом случае Мурад Версалиевич Левкоев еще не пытался отказываться от увядающих, но все еще демонстративных форм Софьи Андреевны, то во втором случае ему было до скуки все ясно после произнесенного Самвелом Тер-Огонесяном предупреждения: “Если Лене будет плохо, то тебе, Мурадик, будет в три раза хуже, а если ему будет хорошо, то и у тебя, Мурадик, будет не плохо”. С этим все было ясно, выбирать не из чего, и Ленья Светлогоров чувствовал себя в психиатрической больнице хорошо, свободно и в меру нетрезво...

Дело в том, что Ленья Светлогоров совсем и не повесился в обычном понимании, а применил старый, как мир, трюк. То есть Ленья, пропустив веревку под мышками, надел куртку, затем соорудил петлю и без опасности для жизни зафиксировал ее на шее. Прорекламировав Вийона: “И сколько весит этот зад, об этом завтра скажет шея”, он выбил из-под ног табуретку и повис. Иллюзия полная. Посмертная записка, пришпиленная булавкой к рубашке, эту иллюзию окантовывала достоверностью.

Ленья был шутник с шизоидным уклоном и, увидев в окно Славу Савоева, сразу же понял, что его эстетически-некрофильские атаки на кладбище с целью сохранения ведомой только Лене Справедливости разоблачены настолько, что пора “повеситься”. И он это сделал. Когда один из экспертов, Эльмир Кречугин, став на табурет, хотел срезать с петли “труп”, “труп” открыл глаза и громко произнес:

— Ааа!

— Бээ! — услышал Ленья в ответ и, опустив глаза, увидел смеющихся Славу, Игоря и Степана.

Савоев сразу же сообщил:

— Ленья, я столько висельников самопальных за службу видел, но с таким лицом, как у тебя, вижу первый раз.

— Лицо как лицо, — меланхолично огрызнулся Ленья и снова закрыл глаза, жалея о том, что не повесился по-настоящему.

— У тебя лицо отображало муки похмелья, даже фантаст их не назвал бы предсмертными...

Ленью сняли с петли и незлобливо, хотя и долго, били. Затем было шестимесячное следствие. Во время следствия настроение горожан изменилось с точностью до наоборот, и стали раздаваться возгласы общественности: "Отпустите больного художника!" и "Ленья прав, у нас отшибло память!"...

— Интересно, — ворчал Самсонов. — Как это "отпустите", а Уголовный Кодекс псу под хвост, что ли?

— Ну, не под хвост, конечно, — неуверенно отвечал Мионов, — он же сумасшедший.

Этот разговор происходил в кабинете главы города, где кроме Самсонова и Миронова присутствовали главный редактор газеты "Таганрогская правда", директора основных заводов города и все остальные, осуществляющие управление им.

— Ну, тогда давайте его отпустим, — предложил Самсонов.

— Нельзя, — думая о чем-то своем, откликнулся Мионов. — Тогда выходит, что Уголовный Кодекс можно и впрямь псу под хвост выкинуть.

Самсонов досадило сплюнул в пепельницу и, не рассчитав силу плевка, весь окутался пепельной пылью...

Ленью судили. Во время суда его признали больным, отменили уголовное преследование и направили в психиатрическую больницу общего типа для бессрочного лечения.

— Но пасаран! — крикнул на прощание судьям Ленья Светлогоров.

— Брось орать как придурок, — буркнул Самвел Тер-Огонесян, который все это время опекал Ленью.

— А за что они меня в "дурку" запихали без срока?

Ленья считал, что выкапывание трупов — это где-то на втором месте после выкапывания моркови.

— Дурак ты, Ленья, — попытался столкнуть Светлогорова с истиной Самвел.

Глава четвертая

Неопределенность — это еще не самая большая неприятность в жизни человека. Самая большая неприятность для него он сам. Николай Стромов открыл шкаф и вытащил из него черные колготки своей жены. Уже бывшей. Она ушла от него две недели назад к местному браконьеру, зажиточному и бедовому парню Виктору Найденову. У него был огромный дом, дом за городом, два автомобиля — "Волга" и "Нива", быстроходный катер, моторная лодка и рыбацкий баркас с дизельным двигателем. Найденов был высоким, широкоплечим, веселым и хамоватым тридцатилетним мужчиной с устоявшимися представлениями о жизни, принятыми в среде людей, зарабатывающих на жизнь физическим и

опасным трудом. В нем жила прямолинейная и эффектная плутоватость, настоянная на необоримой тяге к материальному достатку и чувстве превосходства над людьми, которые зарабатывают на жизнь другими способами, с другой точкой зрения и другим отношением к окружающему их миру. Виктор Найденов ненавидел без причины богатых, банкиров, казнокрадов, владельцев нефтяных компаний и презирал бедных, живущих на одну зарплату, то есть завидовал первым и боялся стать похожим на вторых. Это наиболее распространенный вид трудового человека, который на многое способен, но еще большего боится...

Николай Стромов прижал колготки бывшей жены к лицу и громко, с тоскливым подвывом, всхлипнул. Он страдал по-настоящему. Они прожили с женой, ее звали Валя, всего три года, и за эти три года его любовь к ней стала глубже, отчетливей, она дополнилась привыканием, привязанностью со стороны Николая, а привычка, как известно, сильнее любви. Живут два человека, он и она, много лет вместе, любовь прошла, а они этого и не заметили, продолжая любить друг друга. У Николая Стромова все было гораздо больнее. Он любил знобкой, острой любовью и уже был окутан мягкой и уютной "веревкой" привычки к постоянно и готовно присутствующему рядом любимому человеку. Поэтому ему было так плохо. Он шумно высморкался в колготки и стал злобно, с глубоко скрытым и еще до конца непонятным решением, рвать их на куски...

В конце концов трое суток прошли. Слава Савоев покинул свой пост дежурного по КПЗ и вернулся в уголовный розыск.

— Ну как? — спросил его Степа Басенок и, не дожидаясь ответа, протянул солидную стопку бумаг. — Это все тебе, для разминки.

— Что здесь? — поинтересовался Слава, принимая бумаги и вручая их в руки только что вошедшего в кабинет Игоря Баркалова. — Степан велел тебе передать, — объяснил он Игорю.

— Да? — удивился Игорь, разочарованно рассматривая кипу рутинной работы, которую он вчера вечером навязал Степе Басенку для того, чтобы тот властью старшего группы поручил заниматься делами Славе Савоеву. В этот момент в кабинет заглянул оперативник из отдела по борьбе с наркотиками и спросил у Игоря:

— Для нас есть что-нибудь?

— Есть, — отстраненно проговорил Игорь, протягивая оперативнику тяжеленькую стопку бумаг. — Самсонов строго-настроено приказал это передать вам, как лучшему отделу, чтобы вы вникли, разобрались, а о результатах сообщили ему. — Он кивнул в сторону Степы Басенка.

— И-их! — огорчился оперативник, у него была смешная фамилия Подпрыжкин, и, взяв бумаги, ушел. В коридоре управления он столкнулся с полковником Самсоновым.

— Что это? — кивнул Самсонов на бумаги.

— Несу для работы в отдел по вашему приказанию, — бойко отчитался оперативник.

— А ну, дай сюда, — потребовал Самсонов и, взяв бумаги, стал их просматривать. — Та-ак, — задумчиво произнес он, перебирая заявления и ориентировки. — Иди, — махнул рукой оперативнику, — приказ отменяется.

Степа, Игорь и Слава весело смеялись и ели бутерброды с сыром, принесенные из дома Славой. Дверь в кабинет открылась, и вошел озабоченный Самсонов с кипой бумаг в руках.

— Вот, — он протянул бумаги Степе. — Поработай с ними. У вас пока ничего серьезного нет, кроме возвращения в отдел Савоева, а по наркотикам завал. О результатах работы доложите на пятиминутке в понедельник. — Самсонов строго оглядел оперативников и, хмыкнув, покинул кабинет.

— Что? — спросил Слава у Степы.

— Ничего, — сунул ему в руки бумаги Степан. — Это все тебе, для разминки.

Роберт и Арам Рогоняны сидели на мелкой гальке анапского пляжа и пили пиво. И у того и у другого было плохое настроение. Они не смогли организовать сутенерский бизнес ни в Анапе, ни в неподалеку расположенном Геленджике, ни в Новороссийске, а в Сочи, — да не будет упомянуто оно к ночи, — после первых организационных попыток к ним на арендованную пятикомнатную квартиру вошла увешанная золото-алмазными изделиями дама семидесяти лет в сопровождении шести мощных молодых мужчин с выглядывающими из-под пиджаков пистолетами. Дама вошла, судя по неожиданности появления в ее окружении были специалисты по замкам, и сказала, взглянув на часы десятитысячнодолларовой стоимости:

— У вас, ребятушки-козлятушки, остался час. Через час перед вашими глазами должны простираться пейзажи, не имеющие к Сочи никакого отношения. Можете посетить степные районы Калмыкии во время засухи. — Она сунула в рот сигарету с золотым мундштуком и прикурила от услужливо протянутой одним из сопровождающих зажигалки. — Как говорил мой папа, знаменитый одесский часовщик, если вам дают час на сборы, то желательно уложиться в двадцать минут. Если через пятнадцать минут вас увидят в городе, то через пять минут после этого у вас в этом месте, — дама энергично потрясла ширинку Роберта, — будет пусто. А в этом, — она отпустила Роберта и, подойдя к Араму сзади, похлопала его ниже спины, — будет густо. Понятно?

— Понятно! — в один голос ответили "братья".

— То-то, — усмехнулась криминальная старушка. — Меня все понимают.

...Роберт и Арам смотрели, как волны, равнодушные к человеческим проблемам и порокам, накатывались на берег и вновь возвращались к морю. "Братья" почти одновременно подумали о Таганроге, молчаливо переглянулись и, с пренебрежением отвернувшись от Черного моря, с рождающейся надеждой посмотрели в сторону Азовского.

Глава пятая

Там, где Дон впадает в Азовское море, образуется дельта из десятков рукавов, каждый из которых полноводен, насыщен рыбой, чистотой и тайной. Сотни затерянных в плавнях островков и простирающиеся на многие и многие километры камышовые плавни. Сколько людей в них заплутало и сгинуло, никто не считал. Вода и суша, бездонные бочаги и плавающие топи, зыбучие пески и волшебной красоты огромные заводи. В них не видно воды, так как все пространство покрыто огромными белыми лилиями, на широких листьях которых греются смертельно ядовитые болотные гадюки "козюли", огромные безобидные ужи и целые колонии маленьких, недавно вылупившихся из яиц, черепашат, которые при первых признаках опасности быстро исчезают в воде и прикипают к тем же листьям, но с другой стороны. Лилии, кувшинки и совсем крошечные, но многочисленные водяные колокольчики могут обмануть неопытный глаз сухопутного человека, он примет эту заводь за праздничный и радостно расцветенный цветами луг. И беда настигнет его, если он войдет или вбежит в этот праздник. Лилии разойдутся в стороны, и под ними обнаружится черная гнилая вода, корневая, на глубине одного метра, трясина, которая сплетет человека и вберет в себя. И не за что будет обманутому красотой ухватиться. Чем сильнее он будет протягивать руки и барахтаться, тем шире вокруг него водное пространство и тем гуще поднимется со дна чернильно-всасывающая трясина. Уйдет бедняга в подводное странствие, выскочат на поверхность пузырьки, оставленные убегающей в небо душой, и вновь все утихнет. Лилии и кувшинки постепенно сомкнутся, закроют черный провал гнилой для человека и плодородной для цветов воды, и вновь предстанет перед глазами радостный и многоцветный луг жизни.

Совсем другое дело, когда сквозь чашу камыша, словно рассекая его саблей, несет свои стремительно-вольные, разделенные на множество "донцов", воды великий Дон. Это праздник изобилия, рай для браконьеров и головная боль для рыбнадзора — линия фронта, война за азово-донские богатства. Где-то здесь, неподалеку, на взморье, катится по дну осетр, разбрасывая икринки, высаживая ростки будущих царских рыб. И чаще всего именно в это время и в этих местах в него впадают протянутые по дну на тростике каленые кручья браконьеров. Где-то здесь плавают и полутонные белуги, и небольшие бесте-

ры, гениальное открытие генетиков, скрещивание белуги и стерляди. Бестер не обладает потрясающе-смачной жирностью и "балыковатостью" белуги и не дотягивает до нежной и золотисто-восторженной вкусовой гаммы стерляди. Творение ученых, одним словом.

Виктор Найденов, тот самый, к которому ушла жена Николая Стримова Валентина, был из той категории людей, которые всего добиваются собственным трудом, то есть руками, горбом, смекалкой и полным пренебрежением к статьям Уголовного Кодекса. Такие люди часто оказываются в тюрьме или становятся уважаемыми хозяевами жизни на определенном, кондово-маргинальном уровне. Виктор Леонидович Найденов имел за своими плечами опыт преступления. Где-то там, на дне соединяющегося с Доном Азовского моря, лежат два горе-друга, не известные Виктору, но посягавшие на его сети, с любовью им сплетенные и с трудом установленные в добычливом, известном только ему, заповедно-рыбном месте, где рыбнадзор и не думал их искать. Виктор не любил воров, да и браконьерско-рыбачий кодекс обязывал. Он убил этих молодых искателей чужой добычи острой для накалывания крупной рыбы, лежащей по левому борту баркаса. У них не хватило силы и ловкости, чтобы противостоять его флегматичной и расчетливой ярости. Он взял на буксир их моторку, отбуксировал на течение, а трупы, привязав к ним якоря с их же лодки, сбросил под обрывистый берег Донца, для раков. Они любят питаться утонувшими людьми и животными. Виктор помнил, как он и его сосед и друг по промыслу искали тело утонувшего рыбака по просьбе властей приморского рыбсовхоза и нашли его через неделю. В глазницах утонувшего глаз не было, лишь торчали кончики щек всосавшихся в глубь черепа раков, а когда тело доставили к берегу, они посыпались из дыр десятками: крупные, чуть ли не омарного дизайна. Такие на рынке стоят две сотни десятков.

Виктор Найденов, который рассчитывал только на самого себя и не брал, а вырывал из окружающей жизни необходимые куски благ, вскоре разочаровал Валентину Стримову. Дело в том, что, покидая своего негромко обеспеченного мужа, она думала о новой жизни с Виктором Найденовым с неоправданным и в какой-то мере идиотским оптимизмом. Ей представлялось, что вот он, сильный, широкоплечий, веселый, возвращается с моря, а она, в легком платьице, подчеркивающим ее фигурку, встречает его на берегу. Он берет ее на руки и несет в дом, где она кормит его ужином, они пьют легкое вино, глядя друг другу в глаза, затем занимаются всю ночь любовью, а по воскресеньям посещают что-нибудь красивое и дорогое, и вся она этим красивым и дорогим окутана... Но, как известно, ограничен лишь ум, идиотизм безбрежен. Когда Валентина сожгла за собой мосты первого замужества, забрала ребенка и ушла туда,

где “золотистой и вкуснее”, она не знала, что ей нужно будет содержать в идеальном порядке дом, потрошить, разделять, пластать, коптить, вялить рыбу, готовить ее к продаже и реализовывать по субботам и воскресеньям на рынке. Она не знала, что нужно будет содержать в порядке еще и сельский дом и огород при нем, кормить гусей, кур, готовить пойло для двух поросят. Нужно будет вставать в два часа ночи, чтобы накормить мужа горячим, затем, слегка вздремнув, вновь закружиться в хозяйстве и готовке обеда. Вино они по вечерам не пили, Виктор пил водку, но не часто, а лишь после особо зябкой и мокрой погоды. В глаза они друг другу не смотрели в томлении, Виктор называл это “слюняжкой”. Сексом они занимались редко, да и то лишь тогда, когда Виктор этого желал. Однажды это случилось даже в птичнике, лишь была слегка спущена и слегка вздернута одежда. По выходным она стояла на рынке, а у него выходные были лишь в дни непогоды и шторма на море. Да, он покупал ей дорогие одежды и золотые украшения, но относился к ней с любовью и заботой того качества, с которым хороший хозяин относится к сильной и работающей лошади. Уже через несколько месяцев нового брака Валентина именно это и чувствовала — усталость лошади. Отрицательные качества и мягкость характера своего первого мужа ей уже не казались плохими. И она, Виктору Найденову стоило бы обратить на это внимание, призадумалась. Нет ничего опаснее, чем думы обманутой в своих лучших ожиданиях женщины. И это тоже следовало бы знать Виктору Найденову.

Глава шестая

Москва — один из самых городских городов, в котором проживает восемьдесят пять процентов жителей с психологией людей, созданных для жизни в сельской местности. Поэтому Россия на бытовом уровне считает жителей столицы обыкновенными выскочками. Впрочем, оно и понятно. Стоит только бывшему туляку или космодемьянцу, правдами или неправдами, получить московскую прописку, как он так “омосквичивается”, что даже коренному москвичу, ведущему свою родословную с пожара Москвы 1812 года, хочется уехать в Сан-Франциско или еще куда подальше, лишь бы не наткнуться на супермосквича из Космодемьяновца. Впрочем, бывали случаи, когда коренные москвичи так подчеркивали свою столичную исключительность, что уже космодемьяновцы и прочие провинциалы разочаровывались в Москве и, плюнув на нее, уезжали в Париж, Лондон или куда-то наподобие Рио-де-Жанейро, где так опариживались, олондонизировались и ориодежанейривались, что даже трудно представить, что при этом чувствовали парижане и прочая зарубежная сволочь. Вот о чем думал про себя коренной москвич полковник Хромов, когда ровно в 11 часов утра входил в приемную кабинета министра внутренних дел

России. Он вошел, а из кабинета министра стали выходить руководители московской милиции.

— А, Хромов. Пришел по вызову? — доброжелательно, но с легкой настороженностью спросил у полковника его непосредственный начальник, глава МУРа генерал Градов. И не дожидаясь ответа, посоветовал: — Ни от каких предложений не отказывайся, я тебя рекомендовал как лучшего сыщика Москвы. — Градов неопределенно хмыкнул: — Но не знаю, не знаю, хорошо это или плохо.

— Хорошо, по всей видимости, — неуверенно предположил Хромов, приблизительно понимая, что имел в виду генерал. — Может быть, и повышение сейчас будет.

— Ты что этим хочешь сказать? — не на шутку встревожился Градов. — Думаешь, тебя на мое место поставят?

— Я бы не прочь, — не стал отрицать такого предположения Хромов, — но с условием, если вас тоже повысят.

— Ну да, — согласился Градов. — В этом случае и я был бы не прочь...

— Полковник Хромов! — раздался хлесткий, как звук бича, голос адъютанта. — К министру.

Хромов кивнул головой Градову, одернул мундир и вошел в кабинет министра.

Кабинет министра внутренних дел, во-первых, был большим, даже очень, а во-вторых, даже если бы вы не знали, что это кабинет руководителя одного из самых сильных ведомств государства, все равно, войдя в него, почувствовали бы легкий, а возможно, и сильный, до мурашек, трепет. Длинный совещательный стол из алтайского кедра, полки с книгами слева от входа. Книги толстые, солидные, дорогие, из тех, которые читают только в силу служебных обязанностей, фанатичной любознательности и при бессоннице. Стоит взять такую книгу в руки, лечь в постель и открыть ее, как уже в середине первого предложения она выскользнет из ваших рук и съедет на пол, а вы погрузитесь в глубокий и благодатный сон, что само по себе хорошо для здоровья и плохо для честолюбивых замыслов. Справа от входа два больших окна, дневной свет попадает в кабинет радостными и большими дозами. За спиной министра, естественно, карта СНГ, испещренная разноцветными и непонятными для непосвященных знаками. Где-то здесь, рядом с картой, дверь другого выхода, но ее не видно в силу потаенности.

Министр встал, пошел навстречу Хромову, пожал ему руку, усадив его за небольшой стол, сел напротив и коротко предложил:

— Рассказывайте, Леонид Максимович, все, от и до.

Хромов непонимающе напрягся и вопросительно посмотрел на министра.

— Все об “УЖАС”е, о том, как вас отстранили от расследования убийства Сергея Васильева в Сочи, о “Хонде”, в конце концов, о Тассове.

“Понятно, — подумал Хромов, — новая метла”.

Министр был только что назначенный. Хромову он импонировал своей жесткостью и, самое главное, тем, что был до мозга костей ментом. И Хромов стал рассказывать. Все, с его точки зрения.

— Здорово! — восхитился министр, когда Хромов закончил свой рассказ. — Это получается, значит, что ГРУ, всякие там “УЖАС”ы, и всякие там генетики, вкуче со своими покровителями, ведут себя так, будто МВД — это что-то наподобие вневедомственной охраны, выше сторожей не поднимающейся, так, что ли?

— Ну да! — грустно и досадливо отвечивал Хромов. — Именно так и считают.

— Зря, — огорчился министр. — Непростительная глупость с их стороны. Вас это задевает, полковник?

— Еще бы! — вскинулся Хромов, тот еще артист, и уже спокойней и поэтому убедительней повторил: — Еще бы.

— Ну, тогда, значит, так, — с загадочно-одобрительной усмешкой проговорил министр, — слушайте меня внимательно...

Глава седьмая

После того, как от полковника Хромова ушла жить к родителям жена, не простив ему пущенные на ветер деньги, предназначенные на покупку “Жигулей” и норковой шубы, он стал относиться к женщинам скептически. Хромов как-то вдруг и сразу осознал, что жизненный фактор по имени “женщина” это что-то среднее между приятным досугом, божьим наказанием и постоянной нехваткой денег.

— Ты меня не осуждай, конечно, — говорил он приехавшему в отпуск сыну, — но твоя мама все ноты перепутала. Дура, одним словом.

— Отец, — возмущенно воскликнул сын и машинально добавил: — Мама хорошая.

Двадцатипятилетний сын Хромова Олег был старшим лейтенантом флота и служил на линкоре “Верный” в заграничном русском городе Севастополе.

— Мама хорошая, — согласился с Олегом Хромов, — но жена с выкрутасами. Посуди сам, сынок. — Хромов стал загибать пальцы: — Во-первых, мужик я хоть куда, иду по улице, так на меня восемнадцатилетние глазками стреляют. Но я-то не пиджон сексуально-озабоченный, я на них не реагирую, тем более, что восемнадцать лет — это еще не женщина, а свисток, я предпочитаю “мастерицу на все руки”.

— И много на тебя таких мастеров работает? — рассмеялся Олег.

— Молчи, не перебивай. — Хромов увлекся и продолжал загибать пальцы: — Во-вторых, пьяный с топором домой не приходил, руки распускать, тем более на женщину, ни в коем случае. Всегда с нею любезен и даже в какой-то мере нежен. В-третьих, дом полная чаша, — он обвел рукой трехкомнатную квартиру. — В гости, в театр, на выставку, на дни рождения в ресторан всегда ее водил. В-четвертых, я начальник, крупный, можно сказать, поднимаюсь по карьерной лестнице, аки конь резвый...

— Конь? — удивился Олег.

— Не перебивай! В-пятых, — Хромов потряс в воздухе сжатым кулаком, — я сыщик, и это главное, а она мне претензии. Зачем, где и с кем, видите ли, я деньги на “Жигули” пропил? — Он укоризненно посмотрел на сына, будто тот и был главным виновником загула. — Надо было, и пропил, какое ей дело, тем более меня начальство, министр наш, машиной премировал, и, к тому же, меня служебная стала возить, то есть рост карьеры налицо!

Старший лейтенант военного флота, уже не сдерживаясь, рухнул на диван и, уткнувшись в подушку, захохотал.

— Смешно?! — гремел Хромов. — Шубу, видишь ли, норковую ей подавай, словно я взяточник какой-то. Чтоб была она царицей морской и был сыщик МУРа у нее на посылках, так, что ли? Я деньги на шубу тоже пропил, но не как попало, а по службе, с другом, для пользы дела. Интересно, — вдруг озадачился полковник, — куда только “Гринпис” смотрит? Зверьков на шубы убивают, жены зажираются в массовом порядке. Нет, Олег, мама она хорошая, конечно, но как жена нуждается в воспитании розгами. У нее две новые дубленки, канадская и итальянская, курток зимних три, все фирменные, а она из-за шубы ушла к маме своей и папе, завхозу из ЦДЛ. Это что, по-твоему?

— При чем тут дедушка и бабушка? — возмутился Олег. — Лучше скажи, что дальше делать будете?

— Знаешь что, Олег. — Хромов взял из угла комнаты тридцатидвухкилограммовую гирию и отжал ее сорок раз. — Я тебе скажу, — он поставил гирию на место, — пускай месяца три проживет у мамы, вернется, мы же все-таки любим друг друга. А я за три месяца кое-чем займусь по службе. Более того, ты ее зазиви в Севастополь погостить на эти месяцы, ради безопасности.

— А что? — Олег сразу же стал серьезным. — Это твое “кое-чем по службе” слишком опасно?

— Оно тебе надо? — усмехнулся Хромов. — Я по бабам ударюсь. У меня определенный план имеется.

Полковник Хромов умел отделяться шутками, скрывая то, что он обязан был скрывать по долгу службы. Старший лейтенант Хромов знал эту особенность отца и поэтому ленивым голосом произнес:

— Никуда мама не денется, поедет со мной в Севастополь внука помянуть.

— Эх, — размягченно вздохнул Хромов, вспомнив о внуке Егорке, и строго предупредил сына: — Ты смотри, о том, что у меня есть внук, помалкивай. Это может помешать мне и моим планам...

Глава восьмая

У МВД, как и у всех в России, от частного лица до руководителя государства, от бригады строителей до могучего министерства, случаются закидоны. “Закидон” — слово и понятие сугубо южнорусское, а если точнее, оно появилось в Ростове, мимо которого несет свои воды Дон. “Закидон” — нечто среднее между придурью, талантом и желанием возвыситься над обыденностью. В МВД как-то вдруг и сразу задался вопросом: “А что это “УЖАС” хулиганит на всех, включая и нашу, территориях?” Самым первым этим вопросом задался замминистра, руководитель антикриминальных подразделений генерал-майор Егоров, а задавшись, прямым ходом пошел к министру и поделился с ним своими сомнениями. Рассказал, как при раскрытии убийства Сергея Васильева и убийства ученого Тассова МВД не дали довести дело до конца, как сотрудники “УЖАС”а, даже в отставке, ведут себя по отношению к сотрудникам министерства.

— Я все это знаю, — сердито сказал министр, — сам недавно накричал на полковника Хромова из МУРа за то, что он грамотно и почти вплотную подобрался к “УЖАС”у. Но дело в том, что это управление под такой невообразимой международной крышей, что, если мы на них насядем, и я, и вы, Семен Александрович, сразу же превратимся в безработных, а то и вообще... — министр замолчал, не став пояснять свое “вообще”.

— Ну-у, — недовольно засопел Егоров. — Даже неинтересно в МВД стало служить, ужас какой-то.

Министр посмотрел на Егорова и загадочно улыбнулся.

— Наседать на это управление мы, конечно, не будем, но, как министерство внутренних дел, мы обязаны владеть полной информацией о его деятельности на благо нашего государства, как владеем полной информацией о деятельности ФСБ и ГРУ. Это только на пользу стране. Тем более что собирать информацию мы будем тихо, мягко, можно сказать, любовно и уважительно, с использованием всех средств и возможностей нашего министерства.

— Ничего себе, любовь и нежность, — восхищенно помотал головой Егоров, — с использованием всех наших средств и возможностей. Это как на войне, что ли?

— Генерал! — повысил голос министр. — Война ни при чем, здесь врагов у нас нет, и поэтому мы должны выработать такую изящную, высшего профессионального исполнения, опе-

рацию. Нужно создать группу. Кого бы вы рекомендовали на роль ее руководителя?

— Хромова бы и рекомендовал, — ответил Егоров. — Он очень не доволен этим “УЖАС”ом и настоящий профессионал.

— Одобряю, — кивнул головой министр. — Завтра же побеседую с ним.

“Ох уж, это МВД”, — подумал Иван Селиверстович Марущак и кивнул головой оператору из отдела номер “ШЕСТЬ”:

— Выключай.

Оператор щелкнул тумблером, над которым горела надпись “МВД”, рядом с ней находились другие надписи: “ГРУ”, “ФАПСИ”, “ФСБ”, “Генеральная прокуратура”, “Генштаб”, “Министр обороны”. Под каждой надписью — тумблер и вращающееся, как на радиоприемниках 30-х годов, колесико “настройки волны”. Точно такие же колесики и тумблеры находились под большой надписью “Правительственные структуры”. “УЖАС” был действительно ужасным по своим полномочиям и компетенции.

По простоте душевной и в силу неумного норовистого характера, МВД, не спрашивая ни у кого санкций, решило бросить вызов управлению по жизненно-актуальным ситуациям, расположившемуся под крышей ГРУ и абсолютно игнорирующему эту крышу...

— У вас, у эмвэдэшников, крыша съехала, видимо, — доверительно говорил Хромову его приятель из ГРУ, генерал-лейтенант Эппель Артур Саркисович и столь же доверительно объяснил: — Это хорошо, что съехала.

Дело в том, что ГРУ, не спрашивая ни у кого санкций, решило бросить вызов “УЖАС”у, ГРУ оскорбило пренебрежение “УЖАС”а к их собственным научным разработкам. Их возмутило убийство Тассова Анания Сергеевича, работающего с брусчатыми хрусталиками надмолекулярно-атомного уровня. На основе его разработок ГРУ хотело создать гипнотический препарат, с помощью которого можно было завербовать для агентурной работы любого, даже самого высокопоставленного человека, даже главу ЦРУ, если исхитриться заставить его принять биоэлектронную таблетку, которая, растворяясь, присасывается к стенкам кишечника. На таблетку воздействуют направленным и заряженным информацией крез-лучом, который не поддается пеленгации: эта информация внедряется в мысли препаратоносителя, и тот делает то, что ему приказывает ГРУ — Главное разведывательное управление России. И вот — Тассова убили. Это заденет кого угодно, даже коллектив мастерской по выделке кроличьих шкур. ГРУ провело расследование и решило, что все следы ведут в “УЖАС”.

— Мы змею на груди пригрели, — шепотом сказал директор ГРУ Эппелю и приказал ему создать автономную группу по противодействию деятельности “УЖАС”а.

— Нам же за это так всыпят, что не только погоны с плеч, а и кокарды с фуражек вместе с головой слетят. Вы хоть понимаете, Николай Олегович, на что толкаете своего зама? — так же шепотом спросил Артур Саркисович у начальника.

— Да черт с ними, с этими кокардами. Нельзя позволять какому-то “УЖАС”у вмешиваться в дела российской разведки.

ГРУ есть ГРУ. Эппель начал свою деятельность против “УЖАС”а с того, что дал приказ своим подчиненным из созданной им автономной группы “Ухо Дионисия” всадить подслушивающие устройства в кабинете министра внутренних дел и директора ФСБ. “Погибать, так с музыкой”, плюнул Артур Саркисович на свою противозаконную деятельность...

— А ведь я доложу министру, что ты, Артур, всадил-таки жучок в его кабинете, — сразу предупредил Эппеля Хромов, выслушав его рассказ о том, каким образом он узнал, что Хромову поручено, так же как и ему, создать автономную группу по противодействию “УЖАС”у.

— Доложи, если польза от этого будет, — согласился Эппель и огляделся вокруг себя. Он и Хромов стояли возле парапета Москва-реки, склонив головы к воде. Позади них проходила шоссе́нная магистраль, и поэтому брюки, пальто Эппеля и длинный кожаный плащ Хромова были густо заляпаны сзади грязью, брызгавшей из-под колес проезжающих мимо автомобилей.

— Будет — не будет, а доложу обязательно. Это, в конце концов, мой министр, а я, как тебе известно, служу в МВД, — злобно предупредил Хромов, ибо увидел, во что превратились сзади его брюки и плащ из-за нахождения в выбранном для разговора месте.

Ни Хромов, ни Артур Саркисович не знали, что жучки в кабинете министра внутренних дел были обнаружены в первый же день их появления. И в этот же день выяснили, что они ГРУшные. Именно поэтому министр беседовал с Хромовым в своем кабинете. Он понимал, что лучше всего выйти на сотрудничество с ГРУ неформально. И еще понимал, что с “УЖАС”ом силами одного МВД не справиться.

ФСБ тоже было не лыком шито и обнаружило подслушивающее устройство в кабинете своего директора не менее оперативно, чем сделали это в МВД.

— С ума сойти! — возмутился директор ФСБ, рассматривая жучок, только что найденный службой внутренней безопасности в стакане с остро отточенными карандашами на его столе. — Как прикажете это понимать?

— Это ГРУ, — охотно доложил начальник службы внутренней безопасности. — Такая модель жучков только у них. Мне приятель, мы вместе в школе учились, сейчас он в техническом отделе ГРУ служит, точно такие как-то показывал. У него дома их штук пять в ящике стола валяется.

— С ума сойти! — Возмущенный директор ФСБ позвонил на Хорошевское шоссе, в ГРУ.

— Приемная... — начали говорить на том конце трубки, но директор оборвал прелюдию:

— ФСБ, быстро соедините с вашим шефом, срочно!

Но на том конце трубки сидел опытный и настырный секретарь. Не меняя интонации и ни на секунду не замешкавшись, он повторил:

— Приемная информатики и маркетинга фирмы "Айсберг" вас слушает. Вы хотите сделать заказ?

— Черт! — швырнул трубку директор. — Ошибся номером.

В этот момент на его столе зазвонил другой телефон, правительственный.

— Директор ФСБ у телефона.

— Это из ГРУ, здравствуй, Анатолий, — услышал он голос шефа ГРУ. — Понимаешь, мы тут по ошибке партию карандашей с подслушивающими устройствами отправили твоей канцелярии вместо военного атташе Германии. Ты там обнаружь их и верни, а то, как говорит моя жена, "на базаре все так дорого".

— Фу, — изумленно выдохнул директор ФСБ и с восхищением спросил: — У вас что, все такие виртуозы, что сами себя за задницу укусят могут, не нагибаясь?

— А у вас? — не стал вдаваться в подробности глава ГРУ. — Ну что, вернешь инвентарь?

— Слушай, зачем вам это надо?

— Давай лучше встретимся, — предложили на том конце, — поговорим.

— Давай.

Конечно же, генерал-лейтенант ГРУ, Эппель Артур Саркисович, предпринял попытку внедрить подслушивающее устройство и в блоки аналитической проверки оперативной информации ФАПСИ. Он вызвал в свой кабинет в здании "Аквариума" на Хорошевском шоссе четырех лучших специалистов по установке "жучков" в учреждениях, которые активно противодействуют этому, и сказал:

— Ребята, надо внимательно и объемно выслушать федеральное агентство правительственной связи и информации. Необходимо узнать их мнение обо всем, происходящем в мире, и о роли в нем очень интересной и ужасной организации.

Как только Артур Саркисович произнес непронизносимое слово ФАПСИ, четыре лучших специалиста ГРУ стали беззвуч-

но жестикулировать, делать страшные глаза и прижимать па-лец ко рту: "Тише, молчи, командир, ты что?"

— Что вы задержались, как ужи на сковородке?! — возмутился генерал-лейтенант. — Вы что, забыли, где находитесь? Это наша территория, я вас сейчас на гауптвахту отправлю, в виде исключения из правил.

Четверо специалистов почти синхронно схватились в отчаянии за головы, и тут на столе Эппеля зазвонил телефон.

— Генерал-лейтенант Эппель слушает, — раздраженным, но тихим и вежливым голосом представился Артур Саркисович, подняв трубку. Телефон был без цифрового диска.

— Генерал-лейтенант, вы несколько преувеличиваете свои возможности, — услышал Артур Саркисович, — я уже не говорю о полномочиях. Будьте любезны, отпустите ваших действительно хороших специалистов, они же вам давали понять, что кабинет в "Аквариуме" не лучшее место для инструктажа по столь щекотливому вопросу. Пусть они лучше занимаются настоящей работой. Если вас интересует наше мнение об "УЖАС"е, то оно двойное, но большей частью отрицательное. Через двадцать минут к вам придет наш координатор, и вы обсудите с ним суть проблемы. До свидания.

Эппель осторожно положил трубку на место, медленно встал из-за стола и, огорченно помотав головой, сказал четверым специалистам из отдела внедрения:

— И подслушали, и подсмотрели, вот какие дела, ребята. Наврал все Суворов в своей книге. "Аквариум", "Аквариум", а на самом деле дырявое корыто, шарага...

Вновь зазвонил телефон и не дал Артуру Саркисовичу насладиться своим разочарованием до конца.

— Генерал-лейтенант Эппель слушает.

— Суворов предатель, — сообщили ему тем же голосом, — а мы, как и вы, правительство, особенно мы. Отпустите все-таки подчиненных, координатор уже в пути, а вам еще нужно пропуск выписать или встретить его на проходной. Еще раз до свидания.

"Ох, уж, эти силовые ведомства, — сокрушенно покачал головой Иван Селиверстович, внимательно прослушав записи разговоров между МВД и ФСБ, ГРУ и ФАПСИ. — Все-таки смелые ребята там служат". Соединившись по внутренней связи с отделом "ПЯТЬ", он приказал:

— Разберитесь, кто убил ученого Тассова, и наведите на них ГРУ.

— Есть! — ответили ему из отдела "ПЯТЬ".

Полковник Самсонов читал сводку суточных происшествий и одновременно пил чай. Сводка была насыщенная, а чай слишком сладкий. Полковник с отвращением отодвинул стакан и уг-

лубился в чтение. За сутки произошло одно убийство, три ограбления, восемь изнасилований, из них два с применением огнестрельного оружия, десять квартирных краж, пять хищений с госпредприятий, шесть угонов автомобильного транспорта, два нанесения тяжких телесных повреждений, двадцать случаев злого хулиганства и восемнадцать мелкого, два пожара и один взрыв неустановленного взрывного устройства на городской свалке. “Всегда в полнолуние у меня бессонница, а в городе в два раза больше совершается преступлений”, — подумал Самсонов и, отодвинув сводку в сторону, задумался. Ему не нравились квартирные кражи. Был в них один неприятный для полковника момент. Чаще всего, вот уже на протяжении трех месяцев, кражи происходили у состоятельных граждан, квартиры которых были подключены к централизованной системе вневедомственной охраны, и это наталкивало на мысль, что в них замешаны сотрудники милиции. Полковнику были неприятны такие подозрения, и он пытался избавиться от них, придумывая другие версии. В дверь постучали и, не дожидаясь разрешения, вошли. Секретарша органически не выносила звонить по телефону, она всегда стучалась в дверь.

— К вам Басенок, впускать?

— Впустите, — задумчиво отмахнулся от секретарши Самсонов и, спохватившись, добавил: — Конечно, Любовь Антоновна, впускать, что за вопрос?

Вошел Басенок, с недовольным видом оглядел кабинет и спросил:

— Вызывали, господин полковник?

— Я? — удивился Самсонов, но, снова спохватившись, строгим голосом произнес: — Конечно, вызывал. Вот, — он постучал по сводке пальцем, — опять кражи из квартир, которые находятся под охраной милиции.

— В Америке даже банки государственные грабят, — привел неожиданный аргумент в защиту милиции Степа и снова замолчал, сердито хмурясь. У него болел зуб, и он в такие минуты не любил никого, включая самого себя.

— Это, во-первых, брехня, а во-вторых, в Америке! — рассердился Самсонов. — Не забывай, что мы живем в России.

— Ну да, — хмуро согласился Басенок. — Я сегодня прочитал в газете, что в Москве за одну ночь обворовали два отделения милиции, вынесли все компьютеры и сейф с получкой из бухгалтерии.

— Да ты что? — приятно удивился Самсонов. — Дай почитать.

— Я газету Савоеву отдал, — буркнул Степан.

— Опять Савоев! — возмутился Самсонов. — Но Москва нам не указ.

Басенок мрачно смотрел в окно, мрачно ожидал продолжения разговора и мрачно думал: “Вы подарите, как в детстве,

шар мне воздушный, большой. Чтоб я на нитке повесился и воспарил над Землей". Поэзия, как всегда, явилась не вовремя. Басенок еще пристальной стал смотреть в окно. А за окном крадущимися, но уверенными шагами в южную весну уже врвалось постепенно южное лето. Такое возможно лишь на юге России. Еще белая акация только-только собиралась явить миру свои "листья-семейки на одной скамейке", а яблоня уже отпустила на землю лучезарную белоснежность своего цветения. Еще небо было пронзительно юным и лазоревым, но уже где-то в его глубине появились первые намеки на грядущий зной.

— Во-первых, — Самсонов начал перечисление, и это говорило о том, что он стал на путь конкретного разговора, — сгони с лица мрак и нервозность или сходи к стоматологу. Твой зуб у меня уже в печенках сидит. Во-вторых, я отправляю Баркалова в Москву на курсы повышения квалификации при МВД России. Так что будешь работать с Савоевым, и дам вам одного новенького. У него среднетехническое образование, неграмотный, одним словом, но молодой, настырный, злой и служил во внутренних войсках. От него жена недавно ушла. Пусть у вас салагой побудет, приглядись. Если все нормально, будет работать, нам кадры нужны. Зовут его Николай, фамилия Стромов. Пока никто в городе и управлении, кроме нас, не знает, что он к нам пришел. Его только в области кадровики оформили на испытательный срок, он дома пока сидит. Зайди к нему и проведи инструктаж, познакомься, и пусть оформляется во вневедомственную охрану. Посмотрим, что там у них такое. Ясно?

— Да, — ответил Басенок. — Конечно, ясно.

— Ну и хорошо, — похвалил его Самсонов. — А теперь иди к стоматологу. Еще раз увижу тебя с больным зубом, точнее с такой физиономией, отправлю на пятнадцать суток в КПЗ, баланду задержанным будешь раздавать.

Николай Стромов был обескуражен силой, толкнувшей его пойти работать в милицию. Дело даже не в том, что ему нравилась деятельность уголовного розыска. И не в том, что его приятель, Игорь Баркалов, с которым они жили по соседству, как-то сказал:

— Колек, у тебя после ухода Валентины в лице появились черты сухого алкоголика.

— Это как? — опешил Стромов.

— Как сало вприглядку, — объяснил Игорь. — На одном конце хлеба кусочек сала, хлеб ешь, а на сало поглядываешь. До него докусываешь и убираешь на следующий раз.

— Ну и что? — не понял Николай.

— А то, что в конце концов сало становится смыслом жизни. Сало — цель, любовь, признак благополучия и мерило успеха, — рассерженно проговорил Игорь. — Становишься шизо-

нутым, в смысле помешанным на сале, и в один прекрасный день докусываешь до него, жадно впиваешься, глотаешь, давишься и умираешь со счастливой улыбкой на лице, как человек, достигший своей цели.

— Ты когда успел таким умным заделаться? — разозлился Стромов. — Сало-мусало, я любил ее, и мне сейчас тошно.

— Да и черт с тобой, раз дурак, — махнул рукой Игорь, — лучше поработай у нас, посмотри на любовь и ревность с точки зрения Уголовного кодекса. Насмотришься такого, что потом при воспоминании о своих нынешних переживаниях самому противно будет.

— Сам знаю, что делать.

— И то верно, — согласился Игорь и, попрощавшись, ушел.

Но не этот разговор с Игорем Баркаловым привел Николая в милицию. Привел его туда терпкий, юный и пахнущий просыпающимися травами и листьями апрельский вечер. Николай проходил мимо ДК кожевенников и вдруг увидел впереди себя Ее. Во всяком случае, походка, волосы, ноги — все так напомнило Валентину, Николая аж холодный пот прошиб. Девчонка, услышав спешащие за ней шаги, оглянулась и с интересом посмотрела на Стромова. Это была не Валентина. Напустив на себя равнодушный вид, Николай прошел мимо и услышал, как позади него презрительно фыркнули.

На следующий день он позвонил Игорю и спросил:

— Как попасть к вам на службу?

— Дозрел вэвэшник, — иронично произнес Игорь. — Сиди дома, жди. Я все разузнаю и зайду к тебе.

Так Николай Стромов, не появившись среди оперативников, съездил в Ростов-на-Дону, и там с ним провели беседу кадровики управления. Затем он вернулся в город и устроился работать во вневедомственную охрану, став агентом под прикрытием в операции "Домушники".

Глава девятая

— Не надо быть умным и образованным, чтобы понять: история прогресса, которую ошибочно называют историей развития человечества, бред. Это история деградации человечества. Нужно обладать изысканным инстинктом, определенным варварством природы, диковатым, внекультурным хамством, чтобы понять это. Только необразованные люди, стоящие далеко от широких трактов культуры, могут слегка улавливать ход событий. Потрясающих высот проникновения в истинность, в настоящий ход земных и небесных событий иногда достигают врожденные дебилы, бесповоротно и ярко-клинические шизофреники всех видов, дети до пяти лет, после пяти они начинают терять этот дар, некоторые святые, точное число неизвестно, талантливые люди, в смысле те же шизофреники, хрониче-

ские алкоголики в состоянии жуткого похмелья или в активной фазе белой горячки, женщины с характерными ведьминскими данными и все остальные люди, обычные, за секунду до смерти. Их, — внушительно подняв палец, объяснял Леня Светлогоров, — в эту секунду прошибает пот откровения Божьего, они глубоко вдыхают воздух от изумления и забывают выдохнуть — конец. — Леня Светлогоров с величайшим изумлением перевел дыхание, с таким же изумлением посмотрел на сидящего перед ним Мурада Версалиевича Левкоева и продолжил: — Все же остальные, не названные мною категории людей, которым еще пилить и пилить до предсмертного познания истины, в истине ничего не понимают. Это умные, образованные, культурные, здравые, уважаемые производители материальных ценностей, в смысле всякой херни, наподобие телевизора, атеисты, фанатики всех религиозных течений, литературные критики, ненавидящие литературу до изжоги, то есть все без исключения. Вот, можете записать в моей истории болезни: “И так говорил Светлогоров”.

— Да, — уныло произнес главврач психиатрической больницы, — конечно. Это кстати. Мании величия нам как раз и не хватает. Ты кто, реинкарнация Ницше или Заратустры?

Леня подумал и вполне серьезно, хоть и коротко, произнес: — Хуже.

Мурад Версалиевич хотел развить тему, но в кабинет с испуганным лицом заглянула старшая медсестра и позвала его.

— Ладно, — закрыл тему главврач, — иди, Светлогоров, прогуляй по парку, мне работать надо.

Леня ушел, а старшая медсестра Екатерина Семеновна Хрущ, известная среди больных под кличкой “Хрущев”, заговорила:

— Ой, Мурад Версалиевич, — она показала пальцем в окно на небольшое, стоящее в стороне от лечебного корпуса здание приемного покоя, — там чудовище привезли! Плечи — во! — Екатерина Семеновна развела руки, слегка наклонилась и встала на цыпочки, словно хотела обнять слона сзади. — Глаза завязаны, сидит как Чингисхан. Его так и вынесли из психовозки на носилках. Бывший десантник, офицер! — При слове “офицер” в Екатерине Семеновне как бы пробежали волны истома. — Что делать? Наши санитары с ним не справятся, он такой большой, сильный и страшный.

Екатерина Семеновна даже слегка закатила глаза от ужаса, но в ее ужасе было столько чувственности, что Мурад Версалиевич хмыкнул и поинтересовался:

— А санитарки справятся?

— Да! Я им помогу. Но сейчас он в приемной и пока спокоен.

— Ладно, — зевнул главврач, — пойдемте. — Он вытащил из ящика стола стетоскоп и нацепил на шею. — Посмотрим на вашего Чингисхана.

Леня Светлогоров, выйдя из кабинета главврача, начал бесцельно шататься по всем отделениям двухэтажного корпуса больницы. "А у психов жизнь, так бы жил любой, а хочешь спать ложись, а хочешь песни пой...", напевая песню Высоцкого, Леня заглядывал то в одну, то в другую палату на втором этаже, где находилось отделение для тихих, буйные содержались на первом этаже. В их палатах были крепкие, закрывающиеся снаружи двери, а коридор в двух местах перегороден металлической решеткой. Но Леню пускали везде. Его уважали и побаивались по нескольким причинам: во-первых, он был знаменит благодаря тому, что его имя долгое время не сходило со страниц местных газет, во-вторых, выкапывание трупов в ночное время создало вокруг него некий зловещий и мистический ореол, в-третьих — и это самое главное, — неусыпная забота "нового русского", армянина Самвела Тер-Огонесяна, который к этому времени уже успел приобрести два магазина по улице Гоголевской в районе центрального рынка и ряд мини-булочных в районе вокзала под названием "Новый", который был старым, делали Леню на территории психбольницы личностью уважаемой, опасной и неприкосновенной. Все его как бы стеснялись. Такое случается. Живет, живет человек, все его считают никчемным, серым, лишним. Его равнодушно презирают, иногда небрежно сплевывают в его сторону или несильно, походя, пинают от нечего делать, а затем этот "презренный" подъезжает к своему дому на новенькой иномарке, с длинноногой "куклой", и окружающие начинают понимать, что они уважали этого человека всегда. Нечто подобное случилось и с Ленией, но он не обращал на это внимания. Он заглянул в палату к олигофрену Петровичу, который, как всегда, лежал на кровати, с удовольствием разглядывая что-то на потолке.

— Привет, Петрович! — поздоровался с ним Леня.

Петрович быстро сел на кровати, достал из-под подушки большой ломоть хлеба, намазанный сливочным маслом, и произнес:

— Ты в меня камнем, а я тебе хлеба! — швырнул его в Леню.

Светлогоров едва успел отскочить и захлопнуть дверь.

— Что случилось? — спросил у него проходивший по коридору санитар.

— А-а, — беззаботно отмахнулся Леня. — Олигофрен завтракает, называется.

В приемной, куда решительным шагом вошел Мурад Версадиевич, на кушетке, скрестив ноги по-азиатски, сидел высокий, широкоплечий, стройный молодой человек, глаза которого были завязаны черным платком.

— В чем дело, лейтенант? — властным голосом произнес главврач.

Молодой человек мгновенно сорвал с глаз повязку, вскочил и, вытянувшись по стойке "смирно", доложил:

— Я вернулся, комбат.

— Зря, — скорбным голосом поведал ему Мурад Версалиевич, — тебе придется выдержать курс голопиридола и посидеть под шквальным огнем стелазина.

— Я готов, — мужественным голосом произнес лейтенант. — Надеюсь, в этом бою мы обойдемся без сульфазина?

— Посмотрим по ситуации! — рявкнул Мурад Версалиевич и, повернувшись к санитарам, приказал: — Проводите лейтенанта к месту службы в третью палату и поставьте на вещевое довольствие.

Санитары переглянулись, тоже вытянулись по стойке "смирно" и в один голос ответили:

— Есть поставить на вещевое довольствие!

Когда молодого человека увели, Мурад Версалиевич обратился к старшей медсестре:

— Екатерина Семеновна, вы правы, это действительно бывший офицер. Он у нас уже четвертый раз с интервалами в полгода. У него блочный психоз, вызванный тягой к уединению, то есть каждые полгода он видеть никого не хочет и завязывает себе глаза. У него есть три достоинства: миролюбив, силен и неизлечим. Это хорошие качества для нашей больницы, через десять дней после курса инъекций мы сделаем его старостой над буйными, и они будут ходить у него по ниточке три месяца, которые мы имеем право держать его на стационаре.

— Три месяца?! — воскликнула Екатерина Семеновна и почему-то зарделась.

Глория Ренатовна Выщух улыбалась. Она стояла возле окна и смотрела на город. Ей почему-то представлялось, что она не в Таганроге, а в Мадриде, хотя эти два города не идут между собой ни в какое сравнение. Если Мадрид был, всего-навсего, в Испании и ничего в себе не нес, то в Таганроге было все: Россия, море, русский язык, непредсказуемость, юг, живописная провинциальность и замаскированная под жителей города талантливость.

Глория Ренатовна отошла от окна, подошла к зеркалу и осмотрела себя. В каждой женщине есть нечто инопланетное, нечто, не поддающееся расшифровке, смутная тайна тщательно замаскированных чудес еще не известной человечеству религии. Глядя на Глорию Ренатовну, в это мог бы поверить каждый. Она отошла от окна и подошла к разобранной постели. В глаза ей бросилась открытая посередине книга, лежащая на полу, и она взяла ее в руки. Книга называлась: "О стервах и кошках". Глория Ренатовна улыбнулась. Неожиданно ей попал в нос луч солнца, прорвавшийся в комнату сквозь неплотно за-

двинутую шторку на окне, и она чихнула, успев подумать: “За чем Самвел подарил мне эту книгу?”

В загородной психиатрической больнице Дарагановке два раза в неделю разрешалось посещение больных родственниками. В эти дни рейсовый автобус то и дело выгружал возле центральных ворот посетителей. Родственники привозили огромные сумки с провизией и скорбное выражение на лицах. Психическое заболевание в народе считается не столько болезнью, сколько действием, достойным всяческого порицания, насмешки и наказания. Поэтому родственники содержащихся в тюрьме заключенных и родственники содержащихся в психбольнице больных имеют на лицах одинаково затравленное и одинаково печальное выражение.

Медперсонал больницы считал дни посещений днями Божьего наказания. Хронические больные в эти дни возбуждались и начинали плести всякую ахинею, подкрепленную немотивированными поступками, излечивающиеся “белогорячки” напивались, потому что кто-нибудь обязательно приносил им во время посещения спиртное. Уследить за этим было почти невозможно. В таких случаях, когда обнаруживался пьяный “белогорячник”, Мурад Версалиевич выходил к его родственникам и говорил на прощание:

— Надеюсь, что вы не забудете приносить и цветы на могилу усопшему, как не забываете приносить ему в больницу водку.

Из-за спины главврача сразу же появлялся лейтенант, подверженный блочному психозу, и обращался к нему:

— Разрешите уничтожить противника, комбат?

На этом все и заканчивалось. “Противник” самоуничтожался, исчезал вдали, быстрым шагом покидая территорию больницы.

— Какой вы смелый, лейтенант! — порхала вокруг больного офицера влюбленная в него Екатерина Семеновна Хрущ.

— Комбат, я ликвидирую эту тетку?

— Нет, она нужна нам в этой операции, — строго обрывал лейтенанта Мурад Версалиевич.

— Ясно! — сникал исполнительный служака.

— Что вы такое говорите? — обижалась Екатерина Семеновна.

Но в этот весенний день в загородной психиатрической больнице посещение выдалось необычным. К десяти утра сюда должны были прибыть представители администрации и культуры города Таганрога, чиновники областного Союза художников, сопровождающие двух итальянцев, одного американца и трех экспертов французского Лувра. В этот день с пяти часов утра санитары начали производить генеральную уборку всей больницы, водить больных, попалатно, в баню и переодевать в

новые, подаренные Самвелом Тер-Огонесяном, красно-зеленые атласные пижамы. Мурад Версалиевич прибыл в больницу к семи утра. В хрустящем белоснежном халате, в сопровождении такой же хрустящей и белоснежной Екатерины Семеновны, он сделал незапланированный и придирчивый обход своих владений. Весь медперсонал волновался. Такого в истории больницы еще не было.

В десять часов утра делегация международной богемы и местной администрации вошла в вестибюль больницы, и сразу же иностранцы восхищенно закивали головами и зацокали языками, а местная власть горделиво вскинула вверх подбородки. На выкрашенной в синий казенный цвет стене вестибюля висели две картины, написанные Леней Светлогоровым. Одна представляла из себя абсолютно белый квадрат, обрамленный в золоченую рамку, и называлась:

“Черный квадрат К. Малевича — вид сзади”.

А на другой, такой же квадратной и обрамленной в золоченую рамку, был изображен таганрогский яхт-клуб, кусочек Азовского моря и небольшой участок Пушкинской набережной. Картину ровно посередине делила на две половины, сверху вниз, черная полоса и картина называлась:

“Черный квадрат К. Малевича — в профиль”.

Рядом с картинами стоял скромно потупившийся виновник торжества, Леня Светлогоров, одетый в новенькую атласную, не как у всех, черно-серебристую пижаму. Рядом с ним в смокинге, с гладко причесанными волосами, победным носом и видом, стоял великолепный Самвел Тер-Огонесян, а с другой стороны, в модифицированном под современность миди-хитоне “Афродита”, с вплетенной в волосы рубиново-жемчужной ниткой, словно обращенная в плоть эротическая фантазия, стояла Глория Ренатовна Выщух, и иностранцы, не переставая восхищенно кивать головами и цокать языками, смотрели на нее.

Глава десятая

Начальник отдела аналитических инсинуаций ФСБ Тарас Веточкин позвонил полковнику Хромову:

— Давай встретимся, возникла проблема.

— Неужели у вас на Лубянке опять бухгалтерию обворовали? — удивился Хромов. — Я вам давно советовал сменить внутри здания навесные замки врезными, а навесные вешайте на дверях подъездов, сколько можно их проволокой закручивать?

— Все гораздо серьезнее, Леонид Максимович, — отказался от шуток Веточкин. — ЧП, можно сказать.

— Когда и где?

— У Стефана Искры через час, я его туда отвез.

Московское начало апреля в корне отличается от такого же начала в Таганроге. Во-первых, еще ничего не ясно, а во-вторых, полно снега. Апрельская Москва абсолютно нездоровое

место, горожанам чаще всего и в голову не придет расстаться с теплой одеждой. Им иногда даже в мае это не приходит в голову. Поэтому москвичам был не понятен человек, который шел в сторону Генеральной прокуратуры от станции метро "Охотный ряд" в странной, хотя и достаточно дорогой одежде. Человек был зрелого возраста, высокого роста, со спортивной выправкой, с черным раскрытым зонтом в одной руке и портфелем из желтой кожи в другой. На глазах у него были солнцезащитные очки "Сахара". Апрельский ветер распределял вдоль улицы очередную порцию снежной крупы, неожиданно вывалившейся с пасмурного неба. Мужчина с зонтом и портфелем был одет в черный пиджак от костюма, то есть верхняя часть туловища у него была классической: белая рубашка, строгий галстук, шляпа "клерк из Сити". Странности начинались ниже: австралийские, песочного цвета, шорты, белые гольфы и летние сандалии "я в отпуске". Милиция хотя и нервно вздрагивала при виде мужчины, но все-таки не останавливала его. Во-первых, мало ли что, Москва всегда была с "чудинкой", а во-вторых, у мужчины было такое солидное, даже властное выражение лица, что патрульные невольно думали: "Черт разберешь это начальство", — и проходили мимо. Тарас Веточкин, матерясь в душе, ехал к зданию Совета Федерации, когда увидел вышагивающее по пешеходной дорожке "чудо в перьях". Узнал он его мгновенно. Миронов нисколько не изменился с их последней встречи. Веточкин мигнул задними подфарниками и остановился, отлично понимая, что сзади сразу же образуется затор из автомобилей, значительная часть которых была с проблесковыми маячками.

Миронов недоуменно, с высокомерием английского джентльмена, остановился и оглянулся, тотчас же сменяя высокомерие на радостный возглас:

— Здравствуй, Тарас!

— Здравствуй, здравствуй, прокурор пришибленный.

Веточкин торопливо схватил Миронова за руку и потащил к машине, ибо вся улица уже наполнилась звуками клаксонов, требующих движения.

— Куда ты меня тащишь? — удивился Миронов, едва поспевая за Веточкиным. — Мне к Генеральному нужно.

— Ага, щас, — сердито сказал Тарас, запихивая Миронова в салон, — алкаш таганрогский, только у Генерального прокурора тебя и не видели.

Он с силой захлопнул двери, от потрясения не обратив внимания, что "срубил" дверцей верх зонта, который Миронов пытался в незакрытом виде втянуть в салон. Веточкин быстро сел за руль и тронулся с места. Проехав порядочное расстояние, чтобы успокоиться, он заехал на стоянку и уже там, обернувшись к Миронову, спросил:

— На знойную Москву приехал посмотреть?

Миронов сидел на заднем сиденье, выпрямив спину и держа трость погибшего зонта, словно солдат карабин во время торжественного парада.

— Да черт его знает, — вдруг сник он, — как я здесь оказался. У меня после падения в кабинете Самсонова, нашего главы УВД, все перепуталось.

— Ясно, — сказал Веточкин, заводя машину, — не переживай, распутаем.

Он выехал на Тверскую и решил доставить Миронова к Стефану Искре, позвонить Хромову и посоветоваться, как действовать дальше.

От подъезда Стефана Искры отъезжал грузовик, наполненный стеклянными бутылками разной конфигурации. Стефан Искра сделал генеральную уборку. Он ничуть не удивился Веточкину и Миронову, доброжелательно распахнув перед ними двери.

— Вот... — начал было Тарас, указывая на Миронова.

— Не объясняй, — бросив короткий взгляд на прокурора, оборвал его Стефан Искра, — лучше действуй.

Я хожу по Москве и рассматриваю ее витражи, вижу вспыхивающий свет в ее окнах. Если бы я захотел, то заглянул бы в любое окно и улыбнулся бы при виде подсмотренной мною жизни. Во мне живет томительное умиление перед беззащитностью Москвы. Для меня в ней нет закрытых дверей, нет силы, которой я должен опасаться. Хотя, конечно, сила, равная моей, в Москве есть, но я ее не опасаясь. Это мои братья, "солнечные убийцы", это моя родина "УЖАС", это мой Бог Иван Селиверстович Маруцак. Что? Ах да, документы. Какие симпатичные ребята милиционеры. Такие юные и грозные, с оружием. Да, я проживаю в Москве, а Москва во мне. Неужели у меня такая внешность, которая заслуживает постоянной проверки документов? Я по-доброму улыбаюсь. А вот и Лубянская площадь, а вот здание, наводящее необоснованный ужас на весь мир, но это было когда-то. Мне кто-то говорил, что в этом здании работают умные и вполне добродушные люди. Я не знаю, но, на мой взгляд, у них не хватает фантазии и осторожности. Что это за название, ФСБ? Звучит как аббревиатура материцыны. В мире столько поэтических и грозных образов. Впрочем, фантазия — это чепуха, а вот потеря осторожности серьезней. Я улыбаюсь. Иван Селиверстович тоже усмехнулся, когда сказал мне, чтобы я походил по Москве и повеселился, глядя на здания силовых ведомств. Он сказал, что все они бросили вызов "УЖАС"у, и скоро мне и моим братьям предстоит работа. Мне что-то не верится. Я думаю, что Иван Селиверстович шутит, я преклоняюсь перед своеобразием его юмора. Это же надо, "Бросили вызов "УЖАС"у"! Мне еще никто не говорил, что там служат окончательные идиоты. Я

улыбаюсь. Я могу захватить в одиночку здание "Аквариума" на Хорошевском шоссе, перед которым сейчас стою. Захватить, разбить у них всю оргтехнику и уйти на поиски ночной женщины, хотя я бы не отказался и от утренного мальчика.

Москва ошарашила Игоря Баркалова своей клубящейся и непредсказуемой энергетикой. К нему подошел заметного вида паренек и представился:

— Оперуполномоченный Ласточкин, но зови меня просто Лёшей. А ты Игорь?

Игорь молча кивнул головой.

— Ты в курсе событий, и я не буду объяснять, что никакие мы не опера сейчас, а обыкновенные работяги. Я, например, водитель маршрутного такси, а тебя приказали устроить учеником официанта в ресторан "Первая скрипка", это самый дорогой и самый закрытый ресторан Москвы. У меня там земляк, тюменский, друг юности, старшим официантом работает. Подойдешь к нему и скажешь, что от меня, Лёшки-шоферюги, пришел. Мол, в армии вместе служили, в десанте под Новочеркасском, хочешь денег заработать. Я с ним уже разговаривал насчет тебя. — Ласточкин отошел от Игоря на два шага и повертел головой. — Запомнил внешность?

— Да что там запоминать? — сердито сказал Игорь. Его до глубины души возмутило "приказали устроить учеником официанта". — Пальто серое, фуражка мятая, руки грязные и лицо глупое.

— Точно, — миролюбиво кивнул головой Ласточкин, — высший класс. Пальто, фуражка, грязные руки и лицо незапоминающееся. Что может быть лучше для опера? А ты, Игорек... — лицо Ласточкина вдруг стало хулиганистым, — немного приутихни. Тебя работать сюда прислали.

— Конечно, — ответил Игорь, — только у меня аллергия на слово "официант".

Они стояли на пятой платформе Курского вокзала, и Игорь увидел, что к ним направляются двое патрульных.

— Менты, — шепнул он Ласточкину, и тот, скосив глаза, тоже шепнул:

— Линяем вправо, вон электричка подходит, прямо перед ней.

Игорь мгновенно схватил сумку, а Ласточкин его рюкзак, и, прыгнув с платформы перед самым носом электрички, успев избежать соприкосновения с ней, они помчались через путевые линии к уже близким московским улицам четвертого уровня престижности.

Через некоторое время Игорь и Ласточкин сидели в каком-то кафе с ярко выраженным интерьером совковой забегаловки-ретро.

— “Первая скрипка” находится возле гостиницы “Минск”, я тебя подвезу к этому месту, — объяснял Ласточкин. — Обслуживающий персонал туда набирается только из провинции, как в президентский полк, москвичей не берут. В общем, Колька тебя устроит и с жильем поможет, а ты работай от всей души, вживляйся, одним словом. Придет время, тебя найдут и скажут, что делать дальше. Самое главное, не веди себя как мент, убей в себе эти задатки на время.

— Ага, — буркнул Игорь, — убить на время невозможно...

Перед отъездом в Москву Самсонов, смахнув с глаз несуществующую слезу, объяснил Игорю:

— Едешь на курсы повышения квалификации, но сразу по приезде будешь участвовать в какой-то операции, я не знаю, у москвичей все с вывертом, будешь внедренным агентом некоторое время. Им нужны люди из глубинки, хотя если Таганрог глубинка, то Москва вообще чаща дремучая. Но ты внедряйся и покажи, что такое оперативник из глубинки, пусть утрут свои сопли столичные. Тебя встретят на вокзале и проинструктируют. А теперь иди, не терзай мою душу, я буду беспокоиться о тебе, сынок.

Самсонов явно преувеличивал свое беспокойство. Беспокоиться-то он беспокоился, но не до такой же отцовской степени. Он Игоря рекомендовал, и его рекомендацию приняли. Если Игорь эту рекомендацию оправдает, то, глядишь, и он, Самсонов, еще покрасуется в генеральских лампадах.

— Иди, сынок, — отпустил он Игоря, — там тебя ждут, — и неопределенно махнул в сторону двери.

За дверью действительно ждали Савоев и Басенок... Даже сейчас, разговаривая с Ласточкиным, Игорь еще чувствовал остаточные явления этого ожидания в голове. Она побаливала.

Глава одиннадцатая

Все мое тело — лицо, погода не имеет для меня никакого значения. Я восхищен своим совершенством. Надо же, в районе Садового кольца я попал в автомобильную пробку без автомобиля, как в анекдоте. Я пошел к цели по прямой, по крышам автомобилей. Порхал как Нижинский и Петипа в одном лице, даже усугубил это движение пассажирами спидоносца Нуриева. А что в ответ? Черная неблагодарность автомобилизированных кентавров. Они меня раздражают. Милиция машет руками и грозит. Водители матерятся и тоже грозят. Закон не на моей стороне и поэтому тоже грозит. В конце концов я иду в гости к брату, вот, у меня в руке торт. Зачем мне эти обходы автомобильных заторов, когда можно пройтись по крышам их салонов? “Чайники”, “подснежники” и владельцы скромных автомобилей молчат, делают вид, что ничего не происходит. Владельцы “джипов”, “ауди”, “мерседесов” и других хамова-

тых автомобилей пытаются схватить меня за ноги и даже ранить какими-то инструментами для ремонта. Я не люблю самоуверенность извне. Спрашивается, что они выиграли от своей агрессии? Валяются на грязном шоссе и воют от боли, ждут, когда к ним пробьется "Скорая помощь". Я вижу, не скоро. Врачи бегут пешком, одним словом, двигаются медленно. Ну, и скорая помощь, хотя, если разобраться, куда спешить? На той стороне улицы уже три патрульные группы недвусмысленно демонстрируют мне наручники и буквально умирают от смеха, увидев, как выскакивающая в гневе из салона "Сонаты" дама, прическа 150, валится в салон обратно. Я не хотел оттолкнуться для прыжка от ее головы, но так получилось. Я иду к брату в гости, у меня в руке торт и десантный нож за поясом, тот самый, что я забрал у парня с прекрасным именем Сергей в Сочи. Пусть Стефан сам сошьет этому ножу чехол-тельняшку, белое и голубое. А вот и другая сторона улицы, а вот и бегущие ко мне со всех сторон патрульные, а вот и прыжок "Раздраженная пантера", и я уже с балкона второго этажа, как предусмотрительно он оказался открытым, машу удивленным милиционерам, злым автомобилистам и центру Москвы. Вручаю коробку с тортом хозяйке квартиры, со страхом наблюдающей, как я иду к выходу из ее, казавшейся до сих пор защищенной, "крепости". Стефану торт не нужен. Я куплю ему по дороге в магазине военных сувениров каску, пусть сделает из нее рюмку для запоздавших гостей. Он любит грубые шутки. Я улыбаюсь.

У Стефана Искры собрался своеобразный консилиум. Полковник Хромов, делая несколько шагов по огромной, после уборки стеклотары, квартире Стефана, останавливался, задумчиво смотрел в глаза Миронова и вновь начинал вышагивать по комнате. Миронов сидел на поломанном компьютере с видом чиновника, сидящего на совещании у руководства.

— Все, — пришел к выводу Хромов, — едем в Таганрог, идем к Самсонову и... — он неожиданно умолк. — Возбуждаем уголовное дело по факту падения и удара головой о сейф городского прокурора во время попытки полковника Самсонова завязать с ним дружественные отношения путем пожимания руки, — подхватил мысль Хромова Веточкин, а затем поинтересовался у Стефана Искры: — Выпить есть?

— Да, — кивнул Искра, — кубинский ром в кладовой.

— У меня водка домашняя есть, — готовно вскинулся Миронов и вытащил из портфеля литровую бутылку красноватого цвета.

— Перцовка неклиновская! — в один голос вскричали Веточкин и Хромов и тут же объяснили обескураженному Искре: — Этот самогон кубинским ромом можно запивать как компотом.

— Да ты что?! — изумился Искра, с интересом поглядывая на бутылку. — Там, — он махнул рукой в глубь квартиры, — если есть желание, стаканы и закуска.

— Что с прокурором делать будем?

— Вот сейчас выпьем первачка неклиновского, закусим и все спокойно решим, — успокоил Хромова Тарас Веточкин.

В это время дверь в квартиру Искры распахнулась, и вошел хрупкий, улыбающийся человек с военной каской в руке, из которой выглядывала бутылка французского коньяка. Он был похож на Пьера Ришара.

— О, французы, силь ву пле! — обрадованно воскликнул Миронов.

Искра обвел строгим взглядом почему-то напрягшегося Хромова и задумавшегося Веточкина, сложил ладони возле груди и сурово-нежным голосом произнес:

— Здравствуй, мой солнечный брат.

Видимо, автору придется сделать небольшое отступление и кое-что объяснить.

Алексей Васильевич Чебрак создавал "солнечных" супертелохранителей не только из хронически неизлечимых шизофреников. Стефан Искра вошел в разряд "солнечных убийц" тридцатисемилетним майором десантных войск. Пуля душмана сделала его мертвым в агонизирующем состоянии, без пяти минут груз "200". На его агонию обратил внимание Алексей Васильевич Чебрак, радостно воскликнув: "Какая колоритная картина умирания, немедленно ко мне в нейрооперационную. Если спасу его в походных условиях, то заберу к себе в лабораторию". Военным ничего не оставалось, как выполнить приказ. Этот мартыщечного роста ученый с кривоватым носом носился по Афганистану, как ненасытный сборщик грибов по Подмосковию. Он появлялся вслед за войсками первым среди дымящихся руин Кандагара, в сопровождении двух рот элитного десантного спецназа, он обшаривал все щели дворца Амина после захвата, топал и визжал в истерике, заставляя вместо убитых вывозить на "большую" землю собранные им книги и древние манускрипты Афганистана. Убито-раненого он спас от смерти, но жизнь майора превратилась в непрекращающуюся трясущую боль. "Великолепно, чудесненько!" — выплясывал Алексей Васильевич среди военных хирургов, которые с негодованием смотрели на воющего в бреде от боли майора.

Этим же вечером Алексей Васильевич приказал со всеми предосторожностями переправить майора в свою подземную лабораторию. Майор еще не долетел до Москвы, а его родители, родственники и жена, живущие в деревне Астапово Алтайского края, уже получили тщательно запааянный цинк "200" и уведомление командования: "Ваш сын, Корнеев Василий Иванович, героически погиб в бою и посмертно награжден орденом Ле-

нина". Семье был передан орден, выплачена денежная компенсация, а на могиле "погибшего" за счет края был установлен памятник из черного мрамора. Так исчез Василий Корнеев, а через десять лет лечения и обучения в подземной лаборатории и классах "УЖАС" появился Стефан Искра, у которого за время обучения было одно взыскание. Он иногда догонял мчавшийся на полном ходу легкий быстроходный танк "Ра-2", хватал его за задник и боковым рывком "взлет" переворачивал на бок. В те времена ГРУ и "УЖАС" жили мирно.

— Что это за танки вы делаете для разведчиков?! — кричал руководитель ГРУ на конструкторов.

— А что это за монстры у вас по полигону бегают? Таких не бывает, — оправдывались конструкторы.

— Иван Селиверстович, — просил Марущака ГРУшник, — покажите нам это привидение.

— Уже поздно, — отнекивался Иван Селиверстович, — я его в одиночный марш-бросок на пятьдесят километров бросил.

Таким был Стефан Искра, один из первых "солнечных убийц". Но совершенно другим, пришедший в "солнечные" другими путями, был тот, кого мы называем "улыбчивым", "хмельным Пьером Ришаром"...

"Улыбчивый" кличка наживная, а где-то там, в прошлом, где, как уверяют знающие люди, всегда "цветет жасмин", его звали Григорием, Гришкой Волчанским, а еще короче, Волчком. Беда станицы с юных лет. Его отец, похожий на разъяренного грача казак, до тринадцати лет лупил его от всей души. А в тринадцать лет, отбросив кнут в сторону, сказал рядом находящимся старикам и председателю сельсовета:

— Все, время кнута кончилось. Я его больше пальцем не трону, не хочу во сне получить нож в горло.

— Да, — почесал затылок председатель сельсовета, — хоть бы в армию скорее забрали.

Даже взрослые парни старались обходить Григория стороной, было в нем что-то странное и страшное, выразившееся в его стеснительной, как бы изнутри выплывающей улыбке. Эта улыбка ничего хорошего не обещала, никакой лучезарности в ней не было, лишь какая-то запланированная и даже благоговейная жестокость. Когда пришло время становиться на воинский учет, получать приписное свидетельство, психиатр военкомата целых два часа беседовал с Григорием Волчанским, а затем сказал Прохору Волчанскому и бывшему председателю сельского совета, который уже переквалифицировался в атамана:

— Можно, конечно, призвать его в армию, но это убийца. Пока его нельзя признать психбольным, он как бы на грани, синдром подростка, посмотрим, что будет дальше.

— Что же делать? — растерянно проговорил Прохор.

— Ждать, — пожал плечами психиатр, — может, пронесет...

Не пронесло! В семнадцать лет Григорий Волчанский стал портить станичных девок и молодок с той скоростью, с которой они желали этого. Молодые казаки хотя и помалкивали, но чувствовали, что больше чем у половины из них головы оттягивают ветвистые рога. В станице с таким хобби долго не проживешь. В один из летних вечеров семнадцатилетний Григорий Волчанский остался лежать, избитый яблочными слегами, на проселочной дороге в Тимашевскую. Вместо головы у него как бы образовался кровавый шар, ноги вывернулись носками в землю с обычным изяществом ног, перебитых в коленях. Но сердце у Волчонка продолжало биться. А тут еще и чудо подоспело, которых, как известно, на земле много, только мы не обращаем на них внимания. В микроавтобусе “форд” по проселочной дороге возвращались с места отдыха в городе Геленджик Иван Селиверстович Марущак, Алексей Васильевич Чебрак и два обычных телохранителя по охране главы государства.

— Покойник, что ли, на дороге лежит или пьяный? — заметил лежащего Григория шофер.

— А ну-ка, давайте посмотрим, — сразу же заинтересовался Алексей Васильевич Чебрак. — А вдруг в нем еще живые органы есть, мне запчасти нужны, да и все необходимое при мне.

— Смотрите, — флегматично согласился Иван Селиверстович.

Водитель осветил фарами лежащего, и Алексей Васильевич закрутился вокруг него.

— Да, почти покойник, — сообщил Алексей Васильевич, — но с уникальным сердцем, еще часов восемь работать будет, и глаза у него живые, но все равно почти покойник. — Алексей Васильевич Чебрак иногда изрекал парадоксы, но особого значения им не придавал. — Я беру его в Краснодар, если вылечу, то воспитаю, и он будет “солнечным” нового вида.

— Забирай, если нужно, — добродушно согласился Иван Селиверстович, который за время дороги уже выпил четыре бутылки настоящего “Киндзмараули”.

Так в команде “солнечных убийц” появился “Улыбчивый”. Человек, ненавидящий яблоневые сады и присутствие на земле Бога.

Как-то так получилось, что инициативу в руки взял несколько эксцентричный гость, пришедший с подарком: каской и французским коньяком. После того, как Стефан познакомил его со всеми, представляя под именем Григорий, совершенно ему не подходящим, он подошел к Миронову и, обойдя вокруг, вдруг резко обхватил его голову руками и слегка надавил в затылочной части большими пальцами.

— Ой! — вскрикнул Миронов и побледнел.

— Понятно, — широко улыбнулся Григорий, — голова. Болит или просто заклинивает?

— И болит, — слабо отозвался Миронов, — и заклинивает время от времени.

— Ха-ха-ха, — залился в смехе странный гость, — оригинально получилось. Это же надо так точно выразиться, “время от времени”. Звучит как колокольный звон, бом-бом, а в итоге “время от времени”, сломанные часы, одним словом, ха-ха-ха... — Прервав смех, он вновь участливо спросил: — А почему вы побледнели, больно?

— Да нет, — добродушно ответил Миронов, — просто взбледнулось.

— Как я вас понимаю, — печально произнес Григорий и вдруг, резко повернув голову, острым взглядом обвел Веточкина и Хромова. И у того, и у другого создалось ощущение, что в миллиметре от их лиц прошла бешено вращающаяся циркулярная пила. “Явление “УЖАСа” в народе”, мысленно усмехнулся Хромов, сразу же догадавшийся, какого рода к ним явился гость.

— Что будем делать? — спросил Стефан Искра, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Нужно без шума, по-тихому, проконсультироваться с психиатром, — предложил Тарас.

— Да что он даст, твой психиатр? — огрызнулся на его слова Миронов. — Я что, дурак, по-твоему? — После этих слов он с недоумением посмотрел на свои шорты и разочарованно уставился в окно, за которым густо валил отрицающий ношение шорт мокрый снег.

— Может, само все пройдет? — неуверенно предположил Хромов, имеющий весьма смутное представление о медицине.

— Покажите его опытному и талантливому нейрохирургу, — предложил улыбающийся Григорий.

— Нейро, чего? — переспросил Миронов и добавил: — Вообще-то я с Хромовым согласен, само пройдет.

— Точно! — не обращая внимания на Миронова, воскликнул Веточкин. — Нейрохирург, Мишка из Склифа, Лутоненко, мой двоюродный брат.

— Да будет так, — поставил точку Стефан Искра. — Нейрохирург. А сейчас давайте выпьем вашего неклиновского.

— Я не пью крепкие напитки, — отказался от протянутого стакана Григорий, — они бессмысленны, безрадостны и слишком жестоки к людям.

— Это да, — согласился с ним Миронов, опрокидывая в себя стакан, — это я согласен.

Йоги, знающие о возможностях тела все, после того как достигнут духовного совершенства, уходят из жизни добровольно, как бы отпускающая свой дух в космическую нирвану, а тело отбра-

сывая за ненадобностью. Имеются в виду настоящие йоги, а не шуты гороховые, пляшущие на битых стеклах перед публикой. Достоверно известно, что до этого расставания с телом йоги держат его в состоянии жизни более трехсот лет. После себя они оставляют множество рекомендаций по охране тела, но основной массе людей легче "откинуть копыта" в пятьдесят лет, чем напрягаться до трехсот. Естественно, что спецслужбы не пропустили мимо внимания эти рекомендации. Многие из них были заложены в систему обучения "УЖАС", впрочем, ими не пренебрегало и ГРУ. Одним словом, спецслужбы всех стран уважали индийских йогов. Если бы не спецслужбы, человечество так бы и прозябало в невежестве. То, что йоги использовали во имя духовного совершенства, сберегая тело от неуместно-раннего умирания в сто лет, спецслужбы использовали в ином ракурсе, хотя и не возражали против духовного очищения.

Стефану Искре в программу кодированно-цифрового обучения заложили одну из йоговских рекомендаций под названием "Утренняя роса". Человек, освоивший эти упражнения, был неуязвим для ядов. В его организме нейтрализовался и снижал даже цианистый калий, что уж там говорить об алкоголе. Стефан Искра пил вместе со всеми водку, а его желудок, печень и почки воспринимали ее как экологически чистую, родниковую воду. И Хромов и Веточкин почти одновременно поняли, что Стефан Искра водит их за нос, но виду не подали, хотя не заметили, что их понимание уже схвачено улыбчивым гостем, который через некоторое время и отвез их на "жигуленке" Веточкина в Склиф. Михаил Лутоненко, выслушав суть проблемы, оставил Миронова в больнице, а Веточкину сказал:

— Обследую и позвоню.

После Склифа Григорий подкинул домой усталого Хромова и самого Веточкина. Покидая водительское место, он широко улыбнулся и сказал:

— Будьте осторожны при въезде в гараж. До свидания.

— А вы куда? — проявил заинтересованность Тарас.

— В путь, — вежливо ответил Григорий и растворился в московском вечере, который неохотно начал превращаться в ночь.

Глава двенадцатая

Ресторан "Первая скрипка" был единственным рестораном Москвы, который соответствовал своему названию, там иногда музицировал оркестр Вивакова "Танцующий смычок". В России это редкость, в России ресторан — нечто среднее между мечтой и желанием разорвать на груди рубаху с криком "Воли хочется!". Название особой роли не играет. Если вы идете в ресторан "Стая пескарей", где в самом названии существует намек на умеренные цены "пескарик, мелочишка, какие деньги?", то пескарей вы там не увидите, днем с огнем не найдете.

Вам всуруют, если самолюбие не позволит убежать, клешнястого омара, разделают его, обольют умопомрачительным соусом, дадут бутылку с хорошим для Москвы вином и предъявят счет, имеется в виду, что выгребут весь кошелек, а могут и перстни с пальцев посдергивать, если в кошельке будет недобор. Затем проводят до двери с улыбочивым предложением "Приходите еще", а вы с вежливой улыбкой, по-другому нельзя, престиж и репутация обязывают, скажете: "О да, конечно!". И лишь позднее, за баранкой автомобиля вы разбудите свою искренность мыслью: "Ни хрена себе пескарник!" Такова основная часть московских ресторанов: или дорого и плохо кормят, но зато девушки-топлес обслуживают, или очень хорошо кормят, готовят блюда на высшем уровне любой мировой кухни, пригласят понравившуюся девушку, подмигнут и призовут мальчика, но пускают не всех, только избранных. Сам черт в этих ресторанах ногу сломит. Написано "Китайская кухня", а там подают поджаренную на краснодарском масле лапшу московского мукомольного комбината № 1, перемешанную с креветками, которыми торгуют бабушки возле входа в метро. Ресторан "Первая скрипка" был не таким, он был настоящим и колоритным, как парижский "Мулен Руж", но свой, московский, бзик все равно сохранил — в "Первую скрипку" вообще никого не пускали, кроме специально приглашенной публики. Видимо, в расчете на то, что остальные смогут попробовать ресторанные деликатесы во время революционных погромов. Игорь Баркалов иногда удивлялся этому факту, этому избранничеству людей, которых сблизила и повязала кровными узами родства качественная и дорогая пища, употребляемая ежедневно из года в год. До того, как Игорь стал работать в ресторане "Первая скрипка", он не замечал за собой тяги к философским размышлениям и сам любил хорошо поесть, но после того, как в свободное от работы время завел знакомство с чудаковато-фанатичными московскими диггерами, философия то и дело обрушивалась на него с вопросами. Однажды в компании своих новых друзей они изучали подземный, околофундаментный мир Москвы. Старший группы указывал ему то на одну, то на другую дыру, образовавшуюся в результате провала почвы в неведомо откуда взявшиеся пустоты, и говорил:

— Очень скоро с поверхности московские дома все чаще и чаще будут опускаться в наши владения, и мы будем общаться с жителями на уровне третьего этажа.

Он рассмеялся, но в его смехе было мало веселого, он любил Москву. Далее они пошли вдоль какой-то бурлящей зловонной реки в бетонном русле.

— Канализация, — объяснил ему Давид, московский диггер. — Несет отходы посетителей трех ресторанов, включая твой, элитный, четырех гостиниц, ста жилых домов и двух правительственных учреждений.

Группа была в специальных ароматизированных респираторах, и поэтому Игорь пошутил:

— Река с шанельным запахом.

— Точно, — согласился Давид, — настоящий шинельный запах.

Уже на поверхности, после душа и переодевания на базе диггеров, идя по улице, Игорь вспомнил канализационную реку и подумал: “Бомж, съевший беляш с собачатиной, клиенты ресторана, вкушающие бутерброды с икрой морского ежа за сто долларов, встречаются своим содержимым в канализационной подземной реке под названием “Дерьмо”. Дерьмо и Смерть не разделяют человека на царя и раба, все равны перед ними”.

— Курить хочешь? — Вдруг услышал он голос Ласточкина, притормозившего на своей маршрутке возле тротуара, по которому шел Игорь.

— Нет, — сурово отказался Игорь, увлеченный парадоксами философии.

— Молодец, — похвалил его Ласточкин, — завтра тир, Каширское шоссе, восемь, подвал, назовешься Карагановым, новым слесарем. В девять утра как штык. Ага?

— Буду, — проворчал Игорь и, достав из кармана парагвайскую сигару, закурил.

— Смотри, на экологическую милицию с такой сигарой не наткнись, а то мигом штраф заработаешь, — засмеялся Ласточкин и уехал.

Поль Нгутанба ходил по светлым залам МОАГУ и переживал. Причин для этого было много. Пророки глубины уже произнесли сакраментальное, то, ради чего существовало МОАГУ. Они сказали: “Пришел час, тибетские качели вздрогнули”. Конечно, Поль Нгутанба знал, что “час” в районе Поталы, то есть всего Тибета, означает век. “Пришел век тибетских качелей”. Именно об этом сказали пророки.

Где-то там, в недоступной для Поля Нгутанбы глубинно-недосягаемой стране, в самом центре, существует биотектонический механизм, приводящий в движение “тибетские качели”. Поль Нгутанба печально усмехнулся. “Да, — подумал он, — век пришел”. Он удивлялся некачественному любопытству людей, собравшихся в преддверии 2000 года на Святой земле, с телескопами, телекамерами и прочей дребеденью, чтобы зафиксировать парад планет. Для них это всего лишь очередная штучка для шоу. Поль Нгутанба вспомнил разговор с лазурными ламами: “Планеты выстроились в ряд, — говорили они, — и вспыхнула новая звезда, которую вы стереотипно сравнили с Вифлеемской звездой, но название этой звезды, “Огненная крыса”, не меняется вот уже пятьдесят тысяч лет. Впрочем, вы не знаете об этом, тогда мир не принадлежал людям нынешней формации, он был не вашим”.

Еще во время посвящения в Президенты членов совета МОАГУ Поль Нгунтанба был укутан (это умеют делать лишь глубинные люди) в центр огромного совершенного алмаза и погружен в кипящее озеро из расплавленного изумруда, где на него спроецировали память лемурианцев, и он видел, как действуют "тибетские качели". Это живой стержень в центре Южного полюса. Стержень не был прямым, молниеобразными зигзагами он проходил через весь земной шар и упирался в Северный полюс. Поль Нгунтанба, находясь в цельной, не раздробленной магии алмазной Каббалы, был погружен в еще не сформировавшуюся душу расплавленных изумрудов, глубинные люди называют не затвердевшие изумруды "Асия" — не до конца продуманное наслаждение Бога. И Поль, сквозь защитное поле драгоценных магий, видел время, "когда раскачиваются тибетские качели"... В огромные воронки втягивались мировые океаны, суша и вода менялись местами. Поль Нгунтанба видел, — и верил! — что была Атлантида, он видел, что жили на Земле рогатые люди-демиурги, почти что боги в познаниях, но не боги, потому что уже было Время, и они не владели им. Он видел, как какие-то странные, лазорево-зеленоватые, явно искусственного происхождения, протуберанцы вычищали Землю и что-то уносили в глубь распахнувшейся Земли. Это собирались качественные энергии всего живущего (позже это назовут душой), и ни одна энергия, в силу таинственной связи с протуберанцами, не могла пропасть втуне. Забракованные энергии были выброшены, — Поль назвал бы это ураганом-монстром, — в какой-то сероватый сгусток пространства, и Поль почему-то отчетливо понял, что это граница между Временем и Безвременьем. Он видел, как отброшенными энергиями начали заниматься странные и неторопливые существа, и понимал, что именно в честь этих существ тибетские монахи стали называть себя ламами. Он почему-то точно знал, что отброшенные души лечат, и знал, что это лечение будет ужасным, но благотворным в итоге. Многого пришлось увидеть тогда Полю Нгунтанбе, но описывать все не имеет смысла, как не имеет смысла насвистывать знатоку музыки кантаты и фуги Баха.

Поль Нгунтанба оторвался от воспоминаний и вызвал к себе Клосса Воргмана и секретаря-координатора МОАГУ. Секретарь ему был нужен для получения полной информации о том, почему в российском филиале МОАГУ Алексей Васильевич Чебрэк требует аудиенции с лазурными ламами, и можно ли ему не дать ее. А Воргмана он позвал просто так, позлословить о неприятном и высокомерном характере далай-ламы.

МОАГУ — мировое охранное агентство гениальных ученых, вместе с силовыми филиалами было создано по инициативе глубинных пророков, обитающих в пунктирном состоянии

нирваны, которую они могли прерывать для активных действий...

Племя глубинных пророков, непосредственных выходцев из южной части Атлантиды, которую глубинное государство просто-напросто конфисковало с поверхности за высокую и чистую энергетику помыслов, обитало в областях, расположенных неподалеку от центра земли. Несмотря на высокую температуру, пророки предпочитали это место другим.

В принципе, атланты, и южные, и северные, были демиургами, рогатыми людьми-богами, не ставшими богами лишь из-за того, что не владели тайной времени. В глубинном государстве они были хранителями генетического фонда будущего человечества, запечатленного в лемурианцах, которые из-за своего роста, более трех метров, и нежной, не созданной для функционирования, физической структуры, содержались внутри алмазов "чистой воды", которые во внутреннем земном государстве достигали величины огромных пещер. Собственно говоря, это и были алмазные пещеры, и чем ближе к многослойному центру земли, тем обширнее и чаще они попадались. Не только, конечно, алмазные, ближе к защитной оболочке перед поверхностью земли были и нефритовые пещеры-города, агатовые плато, гроссуляровые (из группы гранатов) горы, сапфировые доломиты, остывшие озера некогда кипящих изумрудов и т.д. и т.п.

...Пророки провозгласили, что на поверхности земли развитие науки приняло опасный для всего живого, включая земной шар, оборот. Эта поверхностная наука, генетика, синтезировалась с достижениями других областей и вышла на недопустимо гибельный уровень. В скором времени генетики могут овладеть энергией (душой) человека и погубить ее. Погубить не по злонамеренности, а по глупости, способствуя киборгизации человечества. Ученые, как и все поверхностные люди, обыкновенные дилетанты, нашедшие знания путем тыка и применяющие его тем же манером. Дальше усовершенствования чайника и велосипеда их нельзя допускать. Пророки провозгласили, что перед началом смены человечества на более качественное, в "час тибетских качелей", поверхностную науку нужно взять под контроль. Ранее в этом не было необходимости — так провозгласили пророки, а правители глубинной страны-ЛПЛ (Люди Полной Луны), приняли решение о создании своих силовых и аналитических структур под солнцем. Это означало: если МОАГУ придет к выводу, что деятельность поверхностной науки приняла бесповоротно опасный уровень развития и грозит генофонду и гармонии мира, то науку, как и ее основосоставляющих представителей, нужно безоговорочно уничтожить. Пока же МОАГУ не пришло к столь радикальному решению. Его эмиссары подкидывают человечеству отвлекающие от цели иг-

рушки в виде компьютеров, на которые всегда можно воздействовать со стороны космических путешествий, тупикового клонирования и тяги к удовольствиям мистикообразного характера. Пока еще МОАГУ берет под свою опеку самых перспективных и значительных ученых. Правда, МОАГУ отлично понимает, что на поверхности земли есть могучая оппозиция глубинному государству. Хотя она и действует под видом людей, но к людям не имеет никакого отношения*.

— Титапури, древнее название Тибета. В переводе это означает “обитель голодного черта”. Где-то здесь, неподалеку от горы Кайлас, есть место, куда приходят умирать йоги. Там из подземной страны бьет источник тонкой энергии, который якобы будит ген смерти, но его в природе не существует, я уверен. Смерть провоцируется жизнью, и то, и другое — суть одного явления. Видимо, глубинные люди являются авторами его. Подумаешь, — пренебрежительно произнес Алексей Васильевич, — при такой информации и возможностях я бы придумал что-то получше, чем тантрические пассы и тотальный контроль за человечеством. — Он уткнулся в иллюминатор самолета и стал смотреть на величественное пространство Гималаев.

— Сейчас вот китайские силы ПВО как нагрянут, так будет нам и черти и свисток, никакие тантрические силы не помогут, — хмуро проговорил Иван Селиверстович. Он с подозрением относился к полетам и свое присутствие в самолете считал досадным недоразумением.

— Ха-ха-ха, — вежливо посмеялся Алексей Васильевич, не желающий ссориться с начальством, — свисток. Это же надо так придумать.

Иван Селиверстович ничего не ответил, пристегнулся дополнительным ремнем безопасности, прикрыл глаза и подумал: “Сам ты свисток, козел огениаленный”.

Они летели на ежегодную конференцию-сбор МОАГУ. До этого Иван Селиверстович всегда добирался в Лхасу наземным транспортом, а последний отрезок пути на лошадях. Самолетом он воспользовался впервые и жалел об этом. Он не любил летать, точнее не любил так конкретно и безнадежно зависеть от кого-то, тем более от бездушной машины.

Через несколько минут маленький четырехместный самолет коснулся колесами шасси бетона, а еще через несколько минут остановился и затих. Выйдя из самолета, Иван Селиверстович увидел по бокам посадочной площадки стены ущелья, вздымающегося на полкилометра ввысь. Вокруг не было ни одного строения, ни одного человека, полная безжизненность, но они давно уже привыкли к загадочности и непредсказуемости этих мест и знали, что сейчас кто-нибудь появится, что-то

* Об этом пойдет речь в третьей книге.

подъедет или подлетит, и все вокруг зашевелится. Иван Селиверстович, продолжая смотреть то на стены ущелья, то на крылья самолета, издавал какие-то непонятные, похожие на восхищение, звуки. Затем подошел к пилоту и крепко пожал ему руку.

Буквально через минуту в пятидесяти метрах от носа самолета посадочная полоса стала раздвигаться во всю ширину. Из открывшегося проема выехал армейский джип и лихо подкатил к прибывшим. За баранкой сидел Клосс Воргман.

— Я вас приветствую! — жизнерадостно прокричал он и кивнул головой на джип: — Садитесь.

Клосс Воргман очень хорошо, правда, с легким акцентом, говорил по-русски. Впрочем, Иван Селиверстович и Алексей Васильевич могли говорить на английском, французском, немецком, на хинди и японском, да еще и без всякого акцента. Они сели в джип.

— Клосс, — вдруг живо заинтересовался Алексей Васильевич, — вы где русский язык изучали?

— Там, — махнул Воргман в сторону невесть откуда взявшегося ишака, — далеко на Западе, в городе Ростове под Таганрогом.

— Чучело, — еле слышно буркнул Иван Селиверстович, откинувшись на спинку сиденья.

— Что вы говорите? — повернулся к нему Воргман.

— Я чихнул.

Джип с большой скоростью неся по широкому ровному подземному шоссе. Чрез два часа они прибыли в раскинувшуюся на огромной площади штаб-квартиру МОАГУ, которая, если разобраться, была самой властной, самой неуязвимой и самой грозной штаб-квартирой на поверхности земного шара. Никто из высшего эшелона власти великих держав не догадывался об этом, а если кто-то что-то узнавал, то ему приходилось разделить судьбу убитого президента Кеннеди и выбросившегося из окна отца-основателя ФБР Гувера. На земле всегда существовали тайны, которые нужно обходить стороной. Лазоревые ламы иногда корили Поля Нгутанбу за такие методы, но не вмешивались в дела неполноценной цивилизации.

У драгоценных камней плохая репутация. За ними тянется шлейф интриг, войн, кровавых преступлений. На самом деле все драгоценные камни, попадающие в руки людям, — мусор, отходы глубинной страны. Люди никогда не видели настоящих драгоценных камней. Разница между алмазами (осаннами) глубинного государства и алмазами, которыми обладают люди поверхности, огромная, как между денатуратом и шотландским виски. Настоящий алмаз не поддается огранке, из него не сотворишь бриллиант, на земле не было и нет такого металла, сплава, абразива, способного воздействовать на алмаз (осанн)

“чистейшей воды”, да и воды такой нет на земле. Ювелиры земного шара не знают, как выглядят драгоценности из камня. Изумруды глубинной страны в застывшем виде действительно зеленые, но с обязательной и пульсирующей синевою в глубине, а многочисленные озера расплавленного, кипящего изумруда (ассия), разбросаны по обширным агатовым (тотиновым) плато. К такому озеру можно подойти спокойно, это не расплавленный чугун, кипящий изумруд не отпускает жар на поверхность, хранит его в себе, но если бросить туда жаростойкий сплав, применяемый на поверхности для космических кораблей, то он не успеет “пшикнуть”, настолько мгновенным будет его исчезновение и адаптирование к изумрудной среде. Настоящие драгоценные камни в глубинном государстве считаются живыми, имеющими душу, существами высшего порядка. Так что обладатели “драгоценностей” под солнцем, должны отчетливо понимать, что они украшают себя и свою жизнь забавными, но бросовыми стекляшками. Кроме так называемых “алмазов”, к отходам деятельности глубинных людей относятся нефть, газ, уголь, всевозможные, включая уран, руды, соль и прочее. То, что мы называем “богатыми месторождениями”, на самом деле удачно устроенные глубинным миром мусорные свалки. К какому именно виду деятельности относятся эти отходы, речь пойдет в следующей книге. Сейчас лишь нужно сказать, что глубинный мир живет в среде тонкой энергии и тантрических сил. Что это такое, можно понять, изучив религию йогов. Эти “идиоты” с невероятным усилием, напрягшись до самоотречения, пробуждают в себе толику этой энергии и этой силы и тут же, “достигнув духовного перевоплощения”, умирают. И правильно делают. Не обратив внимания на жизнь и привязавшуюся к ней смерть, они сосредоточились на вечности и получили ее в виде нескончаемого и постоянно обновляющегося потока удовольствий. То, чего индийские йоги достигают невероятными усилиями, у глубинных людей существует само собой, без всякого напряжения, у них есть дела поважней, совершенство лишь тогда совершенство, когда оно недостижимо. Впрочем, не стоит забивать себе голову прежде времени. В подземной стране были и свои диссиденты, перебежчики, покинувшие все ради сомнительного удовольствия помощи людям подсолнечного мира.

Иван Селиверстович Марущак внимательно осмотрел номер, в который его поместили на время консилиума и удовлетворенно хмыкнул. МОАГУ не жалело средств для своих подчиненных. В номере из трех больших и светлых комнат, не считая ванной комнаты бассейнового типа и комнаты с шарообразным душем, было все для того, чтобы человек, даже избалованный, чувствовал себя комфортно.

— А вот фаллоимитатор мне не нужен! — вслух вознегодовал Иван Селиверстович, увидев за дверцей застекленного

шкафчика на стене ванной комнаты названный предмет. — Сволочи, совсем извратились!

Громко выражая свое возмущение, Иван Селиверстович вытащил фаллоимитатор из шкафчика вместе с коробкой презервативов, держа их перед собой, открыл двери номера и выглянул в коридор. Увидев шедшую по нему молоденькую, японистого вида, горничную, позвал ее.

— Вот, — протянул он ей фаллоимитатор, как букет цветов, — заберите эту гадость.

Он сунул в левую руку девушки сексприбор, а в правую презервативы и захлопнул перед нею двери номера. Девушка осталась в коридоре, прижимая к груди победно устремленный ввысь фаллоимитатор и разнузданно-яркую коробку предохранительных средств.

— Ой-ля-ля! — воскликнул проходивший мимо датчанин, начальник отдела транзитной информации МОАГУ. И взяв из рук горничной и то, и другое, удалился, весело напевая.

Поль Нгутанба поднялся с кресла и стал прохаживаться по огромному кабинету, изредка бросая взгляд в сторону Ивана Селиверстовича, который стоял возле стенки бара в дальнем углу кабинета и рассматривал бутылку с анжуйским вином.

— Мы должны уважать законы страны, в которой базируемся, — продолжал Поль Нгутанба давно начатый разговор. — Зачем вам нужна, точнее, зачем нам нужна конфронтация с вышшими силовыми учреждениями?

Иван Селиверстович поставил бутылку на стойку и, неопределенно пожав плечами, ответил:

— Это не мы, это они на нас наехали. Вы, господин Нгутанба, плохо знаете Россию. У нас спецслужбы, если им вожжа под хвост попадет, могут и на танк с топором броситься.

— Я понимаю, — ничего не понял Поль Нгутанба, — топор оружие пролетариата, но, тем не менее, вы должны прекратить свару внутри страны. Она неуместна, вредна и антипрофессиональна.

— Господин Нгутанба, — потер подбородок рукой Иван Селиверстович, — я все понимаю, но вы же знаете, что у меня на балансе Чебрак. У него хроническая предрасположенность к уголовщине. Он оставляет свои преступные следы на каждом шагу. Ведет себя так, что "солнечным" приходится убивать кого-то, чтобы спасти его. Это не человек, а монстр какой-то. В другом месте его пристрелили бы.

— Это в другом месте!

Лицо Поля Нгутанбы стало властным и надменным. Он подошел к стене кабинета и открыл потаенную дверь. Молча вошел в комнату за ней и через десять минут вышел обратно в ярко-лиловой мантии посвященного и с широким агатовым обручем на голове. Лицо Ивана Селиверстовича вмиг стало со-

средоточенным, он подобрался и склонился в глубоком поклоне.

— Смею вас заверить в своей преданности. Командор.

— Властью, данной мне высшим миром, — в голосе преобразившегося Поля Нгутанбы преобладал металл, — повелеваю немедленно прекратить распри внутри государства Российскойского, а также выражаю свое неудовольствие и повелеваю прекратить выпады и оскорбительные высказывания в адрес великого ученого и врача Алексея Васильевича Чебрака. Он не может совершать преступления, ибо он вне их.

Иван Селиверстович преклонил одно колено и с глубочайшим уважением произнес:

— Слушаю и повинуюсь, командор.

Полю Нгутанба вновь скрылся за дверцей в стене и через некоторое время вернулся в обычном одеянии.

— Послушайте, — заинтересованно спросил он у Ивана Селиверстовича, — а зачем этот ваш монстр лезет на аудиенцию к лазурным ламам?

— Не знаю, — хмуро ответил Иван Селиверстович, вновь начиная вертеть в руках бутылку с вином, — он мне не докладывал.

Глава тринадцатая

“Братья” Рогоняны с определенной ностальгией рассматривали свой город. “Своим” его можно было назвать с большой натяжкой. В их отсутствие уже все поделили чужаки.

— Ну что, вернулись, суки? — задал им деликатный вопрос Степа Басенок. — В город юности потянуло?

Оперативники отнеслись к возвращению “братьев” с благосклонностью, им не нравилась компания шумных и лукавых греков, заправляющих в городе сутенерским бизнесом. С “братьями” легче, и поэтому Степа Басенок, продекламировав свой очередной спич “Грекам лучше через реку, а у нас свои дела”, сразу же “взял быка за рога”:

— Братишек Констанди и Петонди за наркоту уже пора прятать. Девушкам платят копейки, совсем их жадность одолела, сервиса никакого, полчаса перепехнина, и в море иди купайся. На берег выходишь, а в штанах лишь мелочь на трамвай и сигарета на перекур. Я уже троих в зону отправил.

— Но это же греческий беспредел! — вскинув головы, как боевые кони при звуке трубы, возмутились “братья” и отчетливо слышали запах удачи.

— Ну, и вы, допустим, не аленькие цветочки, — меланхолично сообщил им Степа, — так что с вас пятьдесят процентов на усиление пенсии для работников МВД, а мы греков гоним хотя бы куда, хоть в Афины магаданские.

— Было же двадцать пять, Степа? — жалобным голосом произнес меркантильный Арам Рогонян.

— Так когда-то и солнце ярче и небо выше было, а сейчас без войны не обойтись, в городе восемь сутенерских групп, в каждой гуляет наркота. Кроме греков, есть еще азеры, есть и наши, но у них, по-моему, с башней туговато, им не сутенерством, а осеменением коров заниматься.

— Хватит разговаривать, — вдруг разозлился Степа, — будете бизнес брать или нет? Можно подумать, у нас в городе проблема самая основная проблема.

— Да! — в один голос рявкнули “братья”.

— Оружие есть?

— Так, это, как его... — начал объяснять Роберт.

— А никак и без как, выше газовика не прыгать, азеров и греков мы сами разгоним, узнаю, что у вас боевой ствол есть, голову оторву. Ясно?

— Да! — опять в один голос рявкнули “братья” Рогоняны, прислушиваясь к приятным и родным накатам азовской волны на таганрогский берег.

Чем ближе подходило время свадьбы с Самвелом Тер-Огонесяном, тем больше Глория Ренатовна Выщух ощущала внутреннее беспокойство. Она хорошо знала свой город, его мистическую силу, непредсказуемость людей, вместивших в себя слишком сложный кровавый коктейль. Она любила и одновременно боялась Таганрога и его жителей, которые, несмотря на свое бросающееся в глаза грубоватое мещанство, могли в одно мгновение стать экспансивными и маниакальными... Глория Ренатовна выпила три таблетки снотворного и легла, мечтая о желанной и так ее пугающей свадьбе с Тер-Огонесяном. Она уснула вместе с городом, но, вполне возможно, ей так только казалось. Таганрог никогда не спал, у него была трехсотлетняя бессонница.

Опасения Глории Ренатовны подтвердились на следующий день. Все началось со странностей. Самвел вот уже три дня находился по делам в Ростове, и Глория Ренатовна, спасаясь от духоты и зноя, приехала в его загородный дом. Ключи у нее были, а сторож и садовник встретили ее словами восторга: “О! К нам мадам явилась!”

Войдя в большую прихожую-зал, Глория Ренатовна неожиданно наткнулась на два больших раскрытых картонных ящика с одеждой. В этом не было ничего удивительного, Самвел баловал ее красивой одеждой. Но не такой же! В одном ящике она обнаружила пять новеньких и упакованных комбинаций французского производства, это ее поразило. Во-первых, они не подходили ей по размеру, во-вторых, она не любила красное, и Самвел знал об этом, а в-третьих, поверх комбинаций лежал изящный, весь в клепках, кожаный хлыст. Глория Ренатовна кое-что о таких атрибутах слышала. Во втором ящике оказалась кожаная одежда из Испании. В комплект входили муж-

ские шорты с характерным вырезом сзади. “Неужели Самвел — извращенец?”, с ужасом подумала она и, поднявшись на второй этаж, увидела на прикроватном столике фотографию. На ней был изображен Самвел в компании с двумя странными на вид личностями кавказско-азиатского типа. Самвел, сонно закатив глаза, стоял между ними в красной комбинации, которая не могла скрыть его могучие мужские достоинства. “02”, сразу же решила Глория Ренатовна, и телефон в спальне Самвела, по воле ее пальцев, нажимающих кнопки, именно так и соединил загородный дом с “02”.

— Дежурный по УВД Савоев слушает! — раздался разгневанный голос Славы.

— Слава, не ори, пожалуйста, тут такое дело, что я даже не знаю.

— Глория Ренатовна! — обрадовался Савоев. — Это мое дело. Я уже о нем всем рассказал. Эй, Подпрыжкин, сюда срочно, стой здесь, я на Хрипатого вышел, три года уже пасу его.

— Какой Хрипатый, Слава? — пыталась вмешаться Глория Ренатовна в разговор Савоева.

— Это вы точно заметили, говорите адрес, мчусь. Подпрыжкин, стой до конца дежурства. Я тебя при случае тоже зимой как-нибудь заменю.

— Вы неисправимы, Савоев, — недовольным голосом проговорила Глория Ренатовна и продиктовала адрес загородного дома.

— Мы не исправляемся, а исправляем, и в основном чужие ошибки.

Слава Савоев от радости, что избавился от дежурства, заговорил как диктор милицейской программы на телевидении.

Глава четырнадцатая

— Интересный город Москва и жители ее, москвичи. Город тихих и значительных перешептываний, город для своих. Киллер в Москве — не наемный убийца, нет, это хранитель порядка в нишах, человек, посвятивший себя служению негласному закону больших денег. Москва выделяется из всех столиц мира тем, что в нее стягиваются люди со всей страны не для служения, а для впадения в какую-нибудь нишу. Впавший в нишу становится москвичом. — Леня Светлогоров сглотнул слюну и внимательно посмотрел на врача загородной психиатрической больницы Мурада Версалиевича Левкоева.

— А что, Светлогоров, Тер-Огонсян действительно голубой? — прервал его Мурад Версалиевич.

Леня задумался и, как бы не слыша вопроса главврача, проговорил:

— Елки-палки, до чего же мне надоела эта провинциальная психиатрия, слов нет. Хочу в Москву, в институт Сербского, глотнуть свежего воздуха, незапятнанного обыденным

интеллектом, хочу встреч с высокой маниакальностью духа, а то у нас, в этой дыре, кроме мясника Чикатило да хохла Овсиенко, больше никого не встретишь. В Москву, только в Москву.

— Так голубой или нет? — продолжал спрашивать взволнованным голосом Мурад Версалиевич, который совсем не слушал Леню. Он достал из другого кармана халата закомпостированный талон на троллейбус и нервно порвал его на мелкие кусочки.

Леня с интересом уставился на карманы халата Мурада Версалиевича, восхищенно помотал головой и, показывая пальцем на них, поинтересовался:

— Переносная урна? Оригинально.

— Светлогоров, я вас спрашиваю или кого? — сорвался на крик Мурад Версалиевич и приподнялся, склоняясь в сторону Лени, над столом.

— Сам ты голубой! — возмутился Леня и, глядя на врача, врезал ему в челюсть, отбросив на место, в кресло.

— Да, я голубой! — вдруг неожиданно и гордо признался Мурад Версалиевич. — Хотя и не чужаюсь контакта с женщинами, но уже давно понял, что женщины не в состоянии обеспечить меня духовностью. А сейчас меня оскорбляют гнусные насмешки в адрес голубизны Самвела Оганесовича.

— Дурной ты какой-то, первый раз встречаю такого психиатра, — огорчился Леня. — Шизофреников среди вас навалом, почти все, но дурак ты первый. Причем тут голубизна Самвела? Речь идет о конкуренции. Это когда у тебя ничего нет, кроме честного имени и рваных штанов, то тебя называют дураком или святым человеком, разницы нет, а если у тебя что-то материально весомое появляется, то ты уже просто благородный человек, без дураков. — Леня вдруг погрузился и продолжил: — Но когда ты, кроме своего, начинаешь, как Самвел, оттыпывать куски у других, то тебя начинают втихаря компрометировать всякие падлы. А если ты начинаешь внаглую расширять производство за чужой счет, то тью-тью, в деревянный бушлат и не рыпайся. Понятно?

— Да, — судорожно кивнул Мурад Версалиевич. — Так голубой Самвел или нет?

— Он армянин, — устало ответил Леня. — Может и голубого приголубить.

— Я все понял, — взволнованным голосом прервал его Мурад Версалиевич, — я знал, что он благородный человек. — Главврач встал и заходил по кабинету, то опуская, то вскидывая голову. — Я знал это! — дрожащим голосом произнес он. — Я знал!

— Во дает! — Леня уважительно посмотрел на Левкоева. — Вот ведь как прет человека, тяга сильнее, чем у реактивного самолета.

В это время на столе Мурада Версалиевича зазвонил телефон.

— Главный врач Левкоев слушает, — по-военному отозвался Мурад Версалиевич и сразу же приветливо поздоровался: — А, Мишель, здравствуй, в чем дело? — Он долго и внимательно слушал, что ему говорят на другом конце междугородней связи. — Нет, конечно, — уверенно сказал невидимому собеседнику. — Ни в коем случае, Мишель, нем как могла. Ну ладно, спасибо, нашим привет, целую, до свидания.

Мурад Версалиевич положил трубку на место и, с восторгом потерев руки, сказал Лене:

— Представляешь, мне звонит коллега, Мишель, он в Склифе психиатр-консультант. Так вот, нашего прокурора привезли на осмотр к нейрохирургу Лутоненко, а Мишель при этом осмотре присутствовал. Есть такое предположение, что моим пациентом вскоре может оказаться наш городской прокурор.

— Миронов, что ли? — равнодушно спросил Ленья Светлого-ров.

— Да! У меня скоро больница превратится в respectable-ную клинику.

— Миронов, — не обращая внимания на лепет главврача, повторил Ленья. — Да его сразу после рождения надо было сюда устраивать, тоже мне новость, голубая сенсация по голубой связи.

Ленья презрительно сплюнул в стоящую на столе главврача фарфоровую чайную чашку и чуть не лопнул от негодования. Чашка была его собственностью, он зашел в кабинет Мурада Версалиевича по пути из столовой и лично, своими руками, поставил ее на стол.

Степа Басенок и Слава Савоев сидели в кабинете полковника и пытались осмыслить целый ряд обрушившихся на город странных обстоятельств. Самсонов, сидя за столом, с некоторым изумлением рассматривал фотографию, на которой был изображен Самвел Тер-Огонесян в красном садо-мазохистском одеянии в компании двух мужчин, один из которых был похож на корейца, а второй явный кавказец.

— Во-первых, он невменяемый. Даже не упитый, а обколотый, — медленно, чуть ли не по слогам, произнес Самсонов. — Во-вторых, эти двое его явно поддерживают, чтобы он не упал. — Самсонов покачал головой и вопросительно посмотрел на оперативников.

— Да, дела голубые, дела темные, — невпопад брякнул Слава Савоев и сразу же выдвинул версию: — Это не Самвел. Уже два дня как он вернулся из Ростова и молчит, ни у кого не спрашивает насчет фото и ящичков с одеждой для секс-шопа, которого нет у нас в городе. Это не он, одним словом.

Степа Басенок с трудом оторвался от созерцания раскаленного лета за окном и с таким же трудом высказался:

— Надо вызвать самого Тер-Огоняна и напрямую спросить, что это за фотография.

— Дельно, — согласился Самсонов, — дельно. — Он поднялся из-за стола и подошел к холодильнику. Открыл его. Вытащил из морозилки большой кусок льда, подошел к Степе и, оттянув ему воротник, кинул лед за шиворот. — Продолжай.

Слава Савоев на всякий случай отодвинулся от Басенка и с интересом посмотрел на него.

— У меня все. Вызвать Тер-Огоняна и, показав фотографию, спросить о ее происхождении. — Степа замолчал и, вытащив из-под рубашки лед, протянул кусок Славе: — На, проглотить и взгляни, кто на фотографии, Самвел или Ашот из-под Адлера? Его или обкололи, или супермастерский фотомонтаж, творение фотохудожника, скорее всего. Самвел недоверчив, как Штирлиц в засаде, его так просто не обколешь, и с наркотой он не имеет дело.

— Ну ладно, ладно, — замахал рукой Слава, — ты не забывай, что я эту фотографию и два ящика с секс-одеждой фактически выкрал, без всяких санкций прокурора, Глорию Ренатовну чуть не подставил.

— А у нас нет прокурора, — недовольно заметил Самсонов, — он ушел в самоволку, вроде бы по делам, а на самом деле в Сочи, если не на Кипре, загорает. Я согласен с Басенком, вызовем Самвела и спросим, мне кажется, он только благодарен за это будет.

В дверь кабинета заглянула секретарша:

— Семен Иосифович, в приемной командированный, подполковник Абрамкин из Сочи. С разбитым лбом. Утверждает, что в него кинули куском льда из вашего кабинета. По-моему, он ненормальный, — предположила секретарша, — кто в такую жару льдом будет разбрасываться? Вообще-то, я читала в газете, что есть ледяные метеориты, особенно...

— Все! — успокаивающим жестом руки остановил секретаршу Самсонов. — Зовите сюда раненого. Эти подполковники из Сочи, я смотрю, ранимые такие, что даже и не знаю, как они себя под пулями поведут.

Бывший майор, а ныне подполковник Абрамкин из сочинского УВД вошел в кабинет Самсонова с вопросом:

— За что?

На лбу его набухла приличных размеров шишка с небольшой ссадиной. Неумоимо тающий, но все еще значительных размеров кусок льда Абрамкин держал в руке и время от времени демонстративно прикладывал к шишке.

— Да вот, — начал объяснять Самсонов, смущенно переворачивая то в одну, то в другую сторону взятую со стола фотографию с непотребно разодетым Самвелом, — хотел как лучше.

Промах, одним словом. Взгляните. — Он протянул фотографию Абрамкину.

— Вот! — Абрамкин оставил заботу о лобовой травме и машинально сунул лед в руки Славы Савоева. — Это родной брат покойного Ольгерта “Резаного”, Лорик. И тот и другой наркоманы и законченные негодяи, один, к счастью, хвоста навил. Оба сочинцы. — Абрамкин ткнул пальцем в мужчину, поддерживающего Самвела слева. — Этого китайца не знаю, а этого я сейчас видел внизу возле дежурного. — Он ткнул пальцем в самого Самвела.

Слава Савоев, с интересом слушая Абрамкина, встал и потихоньку подошел к форточке, чтобы выбросить в нее не желающий исчезать кусок льда. У него был вид человека, избавляющегося от улики.

— Самвел внизу, — сразу же озаботился Самсонов и, кивнув Степе, приказал: — Давай вниз, узнай, зачем пришел, поговори и сделай, как мы решили, спроси о ящиках и расскажи о фотографии, а попозже поднимайтесь ко мне, поговорим все вместе.

— Он у нас, между прочим, в розыске, — сообщил Абрамкин, указывая на изображение брата покойного Ольгерта. — На нем куча дел, от убийства до неуплаты налогов.

— Да и лицо у него какое-то деловое, — решил поддержать разговор Слава Савоев.

Самсонов сидел молча и мрачно. Он уже давно заметил, что если в портовом городе завязывалась криминальная интрига с участием представителей другого города у моря, будь то Сочи, Одесса, Владивосток, непременно на горизонте возникает всюду сующая свой нос Москва.

— Вот ведь гадство какое! — громко огорчился Самсонов.

— Что поделаешь, деньги, — невозмутимо пожал плечами Абрамкин, — всюду деньги.

В кабинет снова без стука вошла секретарша:

— Вполне возможно, что это точечный град или, я вам говорю, в газете читала, ледяные метеориты...

— Что? — устало перебил ее Самсонов.

— Там внизу наш сотрудник, участковый, ваш отец, кстати, — кивнула Славе секретарша, — утверждает, что кто-то из кабинета над нами кинул в его “Жигули” кусок льда и разбил лобовое стекло. Но над нами крыша, кабинетов нет, зачем он так странно утверждает?

— Сходи, — с неприкрытым ехидством приказал Самсонов Славе, — объясни отцу природу этого точечного града.

Спускаясь вниз по лестнице, Слава поспешно пытался сформулировать объяснения и еще пытался вспомнить, есть ли в гараже запасное стекло. Проходя мимо кабинета оперативников, он заглянул в него и увидел Степу, беседующего с насупленным Самвелом. Он молча закрыл дверь и, пройдя по коридору дальше, вышел во двор управления. Солнце, жара и южное лето тот-

час же набросились на него, и он мгновенно растерял все готовые объяснения и уже не мог вспомнить о наличии запасного лобового стекла в отцовском гараже.

— Понимаешь, батя, — начал врать он с ходу, — этим куском льда подследственный во время допроса, его утром из СИЗО привезли, хотел разбить Самсонову голову, но я отбил его руку, а лед, — Слава покачал головой, — у него из руки прямо в форточку вылетел, но видишь, как неудачно. — Слава с любовью и безграничным огорчением погладил разбитое стекло “жигуленка”.

— Кто?! — гневно пророкотал Иван Максимович Савоев, участковый Орджоникидзевского района, капитан и отец Славы.

— Что кто? — опешил Слава и на всякий случай отошел от отца по другую сторону автомобиля, делая вид, что ищет следы других повреждений.

— Кто хотел разбить голову Самсонову? — с подозрением глядя на Славу, спросил Иван Максимович. — Я сегодня как раз сопровождал на допрос подследственных из СИЗО, женщину-бухгалтера лет пятидесяти и пацана-малолетку, его только что домой под подписку о невыезде отпустили.

— Я! — Поняв, что дальнейшая ложь бессмысленна, Слава решил признаться во всем.

— Да ты что, сынок? — испугался Иван Максимович и даже слегка побледнел. — За что ты хотел ему голову разбить?

— Стекло я разбил, а не голову, — потупился Слава. — Смотрю, кусок льда на столе лежит, думаю, зачем он тут лежит, взял и выбросил в форточку.

— Значит, так, — удовлетворенно хмыкнул Иван Максимович, — сегодня приходишь в гараж и заменяешь стекло, у меня есть запасное.

Слава готовно кивнул головой и расслабился. Иван Максимович, не замечая его готовности, продолжал:

— Завтра часика в четыре утра поедешь на дачу, польешь участок и к восьми успеешь на службу.

Слава без особой готовности кивнул головой и вновь сосредоточился.

— А после службы, вечером или ночью, — сделал участковый поправку на специфику службы, — поможешь мне в гараже уборку сделать. Добро?

— Добро, — уныло кивнул Слава, хорошо представляя всю тяжесть действия “в гараже уборку сделать”, которую Иван Максимович намеревался произвести вот уже пять лет, да все руки не доходили.

— Можешь идти, — отпустил отец сына, — вот ключи, сам и пригонишь машину в гараж.

Слава взял ключи от “жигуленка” и, терзаемый унынием, жарой и думами о несправедливости, направился в здание УВД.

Глава пятнадцатая

Конечно, Самвел Тер-Огонесян хорошо понимал, что в бизнесе нельзя переходить границы дозволенного, как в футболе нельзя подыгрывать рукой. Сразу же последует наказание, а то и удаление с поля. В бизнесе, вполне возможно, что и в могилу. Самвел рассматривал фотографию и думал: "Это все результат моих последних действий". Дело в том, что Самвел был не только владельцем самого популярного в городе ресторана "Морская гладь", а и владельцем целого ряда мини-булочных, разбросанных по всему городу. Пользуясь связями и местными корнями, он выиграл конкурс, предложенный городскими властями, у сочинских армян. Мало того, Самвел застал участок в районе Морского вокзала на строительство нового ресторана и небольшого кафе попроще, на который тоже претендовали сочинские земляки. Самвел всегда избегал криминала и поэтому отказался участвовать, на паях с сочинцами, в производстве самопального спиртного, более того, предупредил их, что товар у них брать не будет и предложит таганрогским предпринимателям сделать то же самое. С этого момента все и началось. Самвел испугался, но не за себя, а за Глорию Ренатовну. Он понял, что при его характере и образе жизни ему нельзя обзаводиться "слабостями и уязвимостями", то есть нельзя любить. Именно тогда он решил, что Глорию Ренатовну нужно отвлечь от себя полным безразличием к сексу, прикинуться импотентом...

— Я сам с этим разберусь, — мрачно произнес он и вернул фотографию Самсонову. — Где вы ее взяли?

— У тебя в доме за городом, в спальне, на столике, к вазе была прислонена. — А это, — Слава двумя пальцами, брезгливо, извлек из ящика, который приволок в кабинет Самсонова, кожаные шорты с недвусмысленным и добротным разрезом сзади, — это у тебя в прихожей было, вот в этих ящиках. Ты кому дорогу перешел, Самвел?

— Я сам разберусь.

— Киллера наймешь? — насмешливо поинтересовался Самсонов.

— Сам во всем разберусь.

На столе Самсонова зазвонил внутренний телефон. Он взял трубку и выслушал доклад дежурного.

— Два трупа, — сообщил он Степе и Славе и, кивнув в сторону Самвела, добавил: — У него на даче, убиты сторож и садовник.

— Ну все, — взвился до этого молча сидевший подполковник Абрамкин, — началось. Это он, Лорик, брат Ольгерта.

— Мы пошли? — спросил Степа у Самсонова, поднимаясь со стула. Слава Савоев поднялся вслед за ним.

— Да, идите, — кивнул головой полковник и тут же спросил у подполковника: — А вы куда?

— Я тоже поеду, — сказал Абрамкин, но, взглянув на Самсонова, добавил: — Разрешите?

— Нет, — резко ответил Самсонов, — у нас с вами и здесь работы хватит.

Слава и Степа покинули кабинет, при этом вид у Славы Савоева был такой, словно он выиграл в лотерею крупную сумму. Его можно было понять. Два трупа, завязка криминальной интриги — это говорило о том, что какой там полив участка на даче, какая там уборка гаража, если нет времени даже на замену разбитого стекла в “жигуленке”!

Расследование двойного убийства началось, как обычно, с осмотра места преступления. Степа и Слава посмотрели на убитых, и у одного, и у другого смерть наступила в результате огнестрельного ранения в голову, и спросили у эксперта-криминалиста:

— Что?

— Пистолет Макарыч.

Затем они подошли к зампрокурора Катаеву, топтавшемуся возле микроавтобуса экспертов.

— Ну что, нашелся Миронов?

— А он и не терялся, — удивленно взглянул на них Катаев. — Он в Москве, звонил недавно. Сейчас в больнице, сердце схватило. Повезло, что в Москве схватило. Если бы у нас, то уже похоронили бы.

— Ну и славно, — не слушая Катаева, озабоченно произнес Степа и, взглянув на Славу, добавил: — Делать здесь нечего, проверим сараи в окрестностях, может, там что завалилось.

“Сараями” они называли осведомителей. У каждого оперативника была своя методика работы с ними.

— Как это, делать нечего? — возмутился зампрокурора. — Вы должны тщательно осмотреть место преступления, собрать улики, выяснить личности убитых и...

— Молчи, Катаев, — перебил его Слава Савоев. — Думаешь, я не знаю, что ты с женой председателя областной думы по четвергам встречаешься на базе отдыха в “Морской”?

— Прекрати шантаж, — неохотно остановил Славу Степан и объяснил Катаеву: — Мы здесь все собрали еще до преступления.

— Ну, — пожал плечами Катаев, — вам виднее.

Раскрытие убийства не казалось сложным, в деле были весьма весомые зацепки, даже фотография, обнаруженная в доме Самвела, с предполагаемыми убийцами. Сейчас оперативники пытались выяснить место нахождения Лорика, брата покойного Саркиса Ольгерта. Они не знали, что жестокая и кровавая интрига, закрутившаяся вокруг Самвела Тер-Огоняна, в орбиту которой, естественно, был вовлечен уголовный розыск,

приведет к необычным и даже фантастическим событиям в городе.

В то время, пока Степа и Слава работали на месте преступления, Самсонов и Абрамкин готовили обоснование для объявления в федеральный розыск Лорика и неизвестного азиата, фотографии обоих прилагались. Если по Лорику имелось достаточно данных, то азиат представлялся полнейшей загадкой, о нем ничего не было известно. После составления обоснования Самсонов вновь приступил к беседе с Тер-Огонесяном.

— Ты сам больше не будешь разбираться, Самвел, — строго проговорил Самсонов. — Мы с этим будем разбираться, и вот, — он протянул Самвелу бланк допроса, — распишись об ответственности за дачу ложных показаний.

Но, как известно, кто-то там, наверху, располагает, а кто-то здесь, внизу, предполагает. Лорика нашли очень быстро, в дощатом подсобном здании рыболовецкой артели, со следами удушья на шее, мертвым.

Степа Басенок смотрел на море и выслушивал обстоятельный и спокойный рассказ старосты Виктора Найденова о том, как он увидел взломанные двери “сарая для складирования ветхих сетей”, как вошел и как увидел труп.

— Смотрю, хачик придушенный лежит, — объяснял Виктор. — Ну, думаю, точно из-за баб придушили, допрыгался. Так что если это наши мужики придушили, то правильно сделали. Вы лучше никого не ищите, все равно у всех алиби будет стопроцентное.

— Вы часто к помещению подходите? — спросил Басенок.

— Каждый день по несколько раз, — потряс ключами Виктор. — Мне люди имущество доверили.

Степа записал данные Виктора и, предупредив, что он будет вызван в качестве свидетеля, его отпустили. Дело недвусмысленно стало усложняться.

Со стороны дачного поселка показался микроавтобус с криминалистами, за ним следовали “труповозка”, старый РАФ. Они направлялись к повороту на шоссе Таганрог-Мариуполь. Степа махнул рукой, останавливая микроавтобус.

— Придется вам на корточках сидеть, все места заняты, — предупредил водитель в форме сержанта милиции.

— Главное, чтобы там место было. — Степа кивнул в сторону покорно остановившейся “труповозки”.

— Так-так, — грустно и вместе с тем невозмутимо произнес Эльмир Кречугин, — многовато будет для нашего города.

Эксперты уже полностью завладели местом преступления. Водитель “труповозки”, полный мужчина лет сорока, с лицом несправедливо обманутого плута, пинал ногой колеса вдавшего в глубокую старость РАФа и предупреждал всех:

— Не выдержит машина трех жмуриков, развалимся по дороге, весь товар растрясем.

— Хорошо, — мечтательно произнес Степа, — трупы на ДТП списали бы. Откуда можно позвонить? — спросил он у Кречугина, меланхолично попыхивающего папиросой.

Кречугин пожал плечами, но, увидев, как один из экспертов извлекает из кармана скрывшегося на том свете Лорика сотовый телефон, кивнул головой:

— А вот и телефон, звони. Только перчатки надень, чтобы пальчиков своих не оставлять. — Он протянул Степану резиновые перчатки.

— Вы их сразу и снимите, — предупредил его Степан, — я мобильник к себе в карман положу, может, кто позвонит убиенному.

Степа брезгливо взял в руки мобильник и набрал номер Самсонова.

— Интересно, — выслушав его, сказал Самсонов. — Еще бы труп азиата найти, и готовый “висяк”.

— Я бы не удивился, — попытался успокоить его Степа, — если скоро и Самвел жмуриком окажется.

Когда Слава Савоев, еще не зная о том, что обнаружен труп Лорика, встречался со своей агентурой, Степа начал допрос Самвела без всяких экивоков в сторону его уважаемости.

— Я вас посажу в КПЗ и буду держать до тех пор, пока вы не вспомните о причинах и действиях, при которых возникла эта фотография, люди, изображенные на ней, и ящики с одеждой для извращенцев. — При слове “извращенцы” по лицу Степана пробежало облачко ничего не значащего предположения: — Скажите, может, вы действительно того, голубой?

Тер-Огонесян вскинулся и с холодной яростью, полыхающей во взгляде, посмотрел на Басенка.

— Ясно, не голубой, — резюмировал Степа. — Тогда что это за фотография, что за одежда, что за люди рядом с вами? Вы совсем ничего не знаете?

— Послушайте, — Самвел говорил с легким, почти несуществующим акцентом. — Я, конечно, кое-что предполагаю, но это очень сложно объяснить. Мне нужно съездить к брату в Мокрый Чалтырь и уточнить некоторые детали. Я веду с вами честный разговор, отпустите меня без вопросов. Я съезжу, выясню и тогда приду к вам.

— М-да, — скептически отнесся к этому предложению Степа. — На мой взгляд, лучше в КПЗ. Желаете посмотреть на ваших рабочих и одного из присутствующих на этой фотографии? Лежат они в морге рядком и шевельнуться даже не желают. У двоих пуля башку продырявила, а третьего придушили. Вы хотите быть четвертым?

Пока в допросе Самвела присутствовало вежливое “вы” со стороны допрашивающего. Это, конечно, ни о чем не говорило, но знающие люди утверждают, что когда во время допроса следователь плавно переходит с “вы” на “ты”, это не означает, что вы сдружились с ним, напротив, вы из свидетеля или пострадавшего столь же плавно становитесь подозреваемым.

— Я все буду делать осторожно, — продолжал настаивать Самвел. — Буду вести себя, как мент на опасном задании.

— Прямо-таки? — недоверчиво посмотрел на него Степан. — Не думаю, чтобы вы знали это, но все же ладно, верю, но, естественно, все зависит от решения Самсонова.

Дверь в кабинет оперативников неожиданно распахнулась, и в ее проеме предстала Глория Ренатовна Выщух. На ней было темное и длинное, закрывающее даже щиколотки, платье. Голову, несмотря на жару, покрывал черный платок, повязанный в манере “Верность”, а на ногах, — о Боже! — были открытые черные туфли на высоких каблуках. Глорию Ренатовну, метр девяносто, нужно только видеть на высоких каблуках, представить невозможно, настолько она была лучезарно-монументальной. За Глорией Ренатовной чуть выше поясницы и чуть ниже шеи, проглядывало плечо полковника Самсонова, пытавшегося заглянуть в кабинет, но у него это плохо получалось. Не мог же он подпрыгивать или нагибаться за спиной женщины на глазах у подчиненных? Глории Ренатовне пришлось наклониться, чтобы войти в кабинет, проем двери был стандартным, рассчитанным на обыкновенного человека.

— Вот, — наконец-то проник в кабинет полковник Самсонов, — навязалась на мою голову. — Он выглядел запуганным, но обратился к Степе со всей строгостью: — Долго ты еще будешь задерживать человека? Он у нас уже шесть часов прохлаждается.

— Нет, — уверенно ответил Степа. — Уже отпускаю, ему срочно нужно в Чалтырь на семейное торжество. — Бросив многозначительный взгляд в сторону Самвела, он добавил: — Можете идти, Тер-Огонесян, и будьте осторожны, как вы мне обещали.

Самвел понимающе кивнул головой, встал и подошел к Глории Ренатовне:

— Пойдем, дорогая.

Глория Ренатовна с нежностью взглянула на него, опустила глаза в знак согласия, и они покинули кабинет.

Слава Савоев, расставшись с оперативной машиной, сидел на лавочке в городском парке, ел мороженое и лениво рассматривал прогуливающихся по аллее молодых мам с колясками. После встречи с пятью осведомителями у него было ноль информации, последняя надежда оставалась на шестого. Мимо Славы, устремившись к только ему ведомой цели, прошел Ни-

колай Стромов, но Слава не знал его и потому не обратил на прошедшего внимания, лишь мельком подумал: "Ну и рожа".

— Привет, Савоев, — присел на лавочку Роберт Рогонян, — вот и я. Зачем звал?

— Да ты совсем страх потерял, — возмутился Савоев, — не привет, а здравствуйте, во-первых, а во-вторых, — Слава избразил на лице великодушие, — считай, что я этого не заметил, в последний раз, вот... — Он протянул Роберту недоеденное мороженое: — Освежись немного.

Роберт покорно стал доедать мороженое, неловко держа его в руке, на указательном пальце которой сверкал платиновый перстень пошлых размеров.

— Ты в Сочи когда-нибудь был? — спросил Савоев.

— Был.

— А, случайно, Лорика-армянина не знал?

— Знал.

— Насколько хорошо?

— Плохо.

— А здесь не встречал?

— Встречал.

— Короче, я тебе сейчас морду разобью, — разгневался Савоев. — Что за неуместная, я бы сказал, похабная, лаконичность?

— Первый раз видел две недели назад с каким-то китаезой, а позавчера — одного, сидел в "Чайке", пил "сушняк". Я к нему не подошел. — Роберт напустил на себя вид человека, всю жизнь проработавшего на тяжелом производстве в качестве ударника труда.

— Ну, и харя у тебя, — удивился Савоев. — А почему не подошел? Мне информация нужна, а не морда твоя увядшая, козел. Ты должен был разузнать, по какой причине сочинский уголовник находится в Таганроге. И что это за китаец с ним был две недели назад? Где ты их видел?

— Они девочек брали на ночь. Китаец платил, я его не знаю. Знаю только, что в тот раз у них были номера в центральной гостинице, вот и все. — Роберт задумчиво повертел на пальце перстень и добавил: — Китаец, на мой взгляд, серьезный мужик, а Лорик шалупень, на игле сидит плотно.

— Все, — благодушно кивнул головой Слава. — Иди. Если узнаю, что ты знаешь больше, чем рассказал... — Он вдруг резко оборвал свои угрозы, осклабился в улыбке и дружелюбно пожал руку Роберта. — Спасибо, Роберт, до свидания и до встречи.

Выходя из парка и окунаясь в зной, Слава озабоченно думал: "Если китаец действительно серьезный, а Лорик шалупень, то, видимо, Лорика уже нет в живых". Он остановился возле бочки с квасом и, протягивая деньги молоденькой продавщице, поинтересовался:

- Такая жара, а очереди нет?
— Квас закончился, — приветливо ответила ему девушка.

Глава шестнадцатая

Николай Стромов, в противовес Савоеву, хорошо знал его. Впрочем, Славу и его нестандартное восприятие мира в городе знали многие, в том числе и те, у кого за плечами был тюремный опыт, и даже те, у кого этот опыт присутствовал в перспективе. Стромов чуть не поздоровался с ним в парке, но вовремя спохватился и прошел мимо с равнодушным видом. У каждого свое дело.

В среде “домушников” Таганрога преобладали шниферы, профессионалы самого высокого уровня, для которых не существовало неприступных квартир. Они всегда действовали нетрадиционными методами, всегда наверняка и всегда артистично. Шнифер не какой-то позорный скокарь-взломщик или альфонизированный маравихер, вор на доверии. Нет. Шниферы никогда не идут на убийство и никогда не обворовывают одиноких женщин с обыкновенным материальным достатком. К тому же, женщина с высоким материальным достатком не может быть одинокой. Жертвами шниферов становятся лишь люди, умеющие зарабатывать хорошие деньги, то есть серьезные люди. В деятельности шниферов есть элементы сектантства и автономной самодостаточности. В их группу непременно входят мастер по сигнализации, мастер по всем видам, включая сейфовые, замков, специалист по строительству, знающий все слабые и сильные стороны жилого здания, на случай внеочного и внедерного проникновения в него. Редко какая богатая квартира устоит перед натиском шниферов. Кроме Таганрога, шниферское искусство традиционно развито в Ростове-на-Дону, Тамбове, Одессе, Тбилиси, Ереване и украинском городе с русскоговорящим населением Луганске. В Москве они не произрастают, а лишь работают во время гастролей. Многострадальная Москва больше всех страдает от шниферов, впрочем, как и от других, менее щепетильных и менее привередливых преступных профессий: “балконных верхолазов”, воздухопроводчиков, проникающих в квартиры в новостройках через вентиляцию, маравихеров, скокарей, “ряженных” (врач, милиция), форточников, чаще всего подростки и дети, подборщиков, работающих с отмычкой, и прочее, прочее, прочее.

Николай Стромов не знал об этом, и поэтому ему, как новичку в казино, повезло. Более того, повезло в самом неожиданном для него смысле.

После того апрельского вечера, когда на Николая нашел странный и жуткий морок, которому он до сих пор не мог дать оценку, в нем многое изменилось. “А ведь еще секунда, и я бы задушил ту девчонку в черных колготках, — иногда со страхом

вспоминал Стромов. — Что же это было со мной?”. Он хорошо запомнил то мгновение и до сих пор боялся признаться самому себе, что почувствовал в душе тягостный и одновременно прекрасный, даже в какой-то мере возвышенный, восторг. Николай Стромов не мог знать, что такой восторг, только в тысячи раз ярче и сильнее, испытывают все маньяки и гении. Если Николаю повезло, и он смог совладать с собой, то для маньяка это уже невозможно. Николай иногда ловил себя на мысли, что где-то в глубине души ему хочется повторения этого состояния, и он не мог даже предположить, что в этом желании и заключается самое страшное. Но, видимо, у Николая Стромова был сильный ангел-хранитель, который подталкивал его к благотворным догадкам и лечебным поступкам. Николай стал каждый день, утром или вечером, в зависимости от того, в какую смену дежурил, приезжать в Петрушино. Он обнаружил холм с густым кустарником на вершине. С этой вершины, как на ладони, был виден дом и двор Виктора Найденова, а если смотреть в сильный бинокль, создавалась некоторая иллюзия личного присутствия. В темное время суток это ощущение было даже полнее. Свой двор Найденов освещал, не жалея электричества. Вечером и часть ночи шли основные работы по ремонту сетей, подготовке рыбы к продаже и прочее, связанное с морским промыслом. Опасаться закона не имело смысла. В Петрушино браконьерами были почти все, а рыбнадзор, словно санитар моря, вылавливал лишь неопытных и чужих рыбаков, сильных местных и, само собой, денежных он в упор не видел.

Эти ежедневные наблюдения за женой как-то успокоили Николая и даже подарили некоторую надежду. Во-первых, он заметил, что в лице Валентины появилась разочарованность и склонность к принятию радикального решения. Во-вторых, однажды вечером, когда Валентина уже ушла в дом отдыхать, а Николай ради интереса наблюдал за своим врагом во дворе, туда вошли двое мужчин. Один был похож то ли на китайца, то ли на корейца, второй был русским и держал в руке большую сумку. Виктор Найденов встретил их приветливо, они сели за стол под навесом и долго разговаривали, смеялись, немного выпили. Затем Виктор вошел в дом, вернувшись, протянул пачку денег русскому и взял у него из рук сумку. Китае-корейского вида мужчина протянул Найденову нечто похожее на кольцо, Николай не успел разглядеть, так как Найденов сунул его в карман. Вскоре мужчины ушли, и через некоторое время Стромов поспешил к последнему автобусу в город.

На следующий день, в субботу, Николай пришел на рынок и в рыбном ряду разыскал торгующую вяленой таранью и рыбцом Валентину.

— Здравствуй, Валя, — поздоровался он. — Как жизнь?

— Хоть ложись, — ответила ему бывшая жена, но улыбнулась хорошо, не отстранилась.

Впрочем, Николай уже не слышал ее, он во все глаза смотрел на средний палец левой руки Валентины. На нем было колечко с явно не стеклянным камушком.

— Муж сегодня утром подарил? — ткнул он пальцем в кольцо и улыбнулся.

— Откуда ты знаешь? — удивленно распахнула глаза Валентина.

— Да я от фонаря, — равнодушно произнес Стромов, подмигнув жене и ушел, сказав на прощание слова, от которых она осталась в полной растерянности: — Ты скоро вернешься ко мне.

Николай Стромов узнал кольцо по ориентировке на “изготовленные из драгметаллов изделия, похищенные в квартирах граждан”. Но не это было главное, а то, что одного из ночных посетителей Найденова, русского, он знал. Это был выпускник радиотехнического института Вячеслав Ратушев, превосходный знаток и изобретатель сигнализационных и специфически-охранных систем. Его часто приглашали в ВОХР для консультаций. Безупречная биография, красный диплом, прекрасное будущее, но теперь, и Николай Стромов это знал, как никто другой, все это надо будет выбросить псу под хвост. Впрочем, Россия такая страна, что в ней даже действительные академики РАН могут попасть в тюрьму за карманные кражи.

Глава семнадцатая

— Что это означает? — спросил Веточкин у Михаила Лутоненко.

Нейрохирург встал из-за стола, подошел к окну и, глядя в него, ответил:

— Смерть в течение пяти-шести месяцев.

— Эх! — сокрушенно выдохнул Хромов. — Надо же, гадство какое.

Разговор происходил в ординаторской нейрохирургического отделения больницы имени Склифосовского.

— И ничего нельзя сделать? — бесстрастно, что говорило о его огорчении, спросил Тарас.

— Не знаю, — неуверенно пожал плечами Лутоненко. — Опухоль прогрессирует. Это затылочно-теменная часть, ни один нейрохирург не возьмется за удаление опухоли в этом месте. Разве только... — Он замолчал и, оторвавшись от окна, вернулся к столу. — Есть человек, нейрохирург от Бога, хотя мне иногда кажется, что все-таки от черта. Вполне возможно, что он может что-то сделать, но я не знаю, не знаю.

— Да хотя бы от Змея Горыныча, нельзя, чтобы вот так, за просто, взял и умер хороший человек! — воскликнул обнадеженный Хромов. — Что за человек, где? Я сейчас за ним смотаюсь, вызову служебную и смотаюсь.

— Успокойся, Леонид Максимович, — остановил его Веточкин, внимательно глядя в лицо двоюродного брата. — В чем дело, Михаил, что за проблема?

— Странный он, — неохотно ответил Лутоненко. — Может сутки оперировать, а может спокойно смотреть на умирающего и пальцем не пошевелить. Исчезает иногда надолго. Главврач делает вид, что так и надо.

— А я зачем? А Уголовный Кодекс для чего? — вскинулся Хромов.

Во время обследования у Миронова обнаружилась в затылочно-теменной части опухоль, которую Михаил Лутоненко определил как злокачественную. Сам он эту операцию провести не мог, он никогда не брался оперировать, если чувствовал в себе неуверенность. А сейчас он именно это и чувствовал.

— Ладно, — вдруг решительно произнес Лутоненко, — пока говорить не о чем. Я сегодня попытаюсь переговорить с этим человеком. Если он возьмется, то шанс есть, но, повторяю, его реакция непредсказуема, предугадать невозможно.

— Да кто это такой, черт побери?! — возмутился Хромов. — Он должен как врач отреагировать быстро и положительно, деньги мы достанем.

— Он не врач и к деньгам равнодушен, — задумчиво проговорил Лутоненко и замолчал.

— А кто? — осторожно спросил его Веточкин.

— Алексей Васильевич Чебрак. — Лутоненко немного помедлил и решительно добавил: — Бог.

Опухоль в голове Миронова, поломка в дороге служебной машины, пасмурная погода и вынужденная поездка к месту службы в метро испортили Хромову настроение настолько, что, войдя в свой кабинет на Петровке, он сразу же поручил секретарю:

— Дайте мне все ориентировки на злодеев, объявленных в федеральный розыск за последнее время.

Ему хотелось выловить кого-нибудь из этих гадов и набить морду. А что еще оставалось делать? Настроение было паршивым еще и потому, что никак не получалось наступить на хвост "УЖАС"у. Если раньше они как-то, то есть вполне нагло, обозначались, то сейчас превратились в какой-то робкий призрак, исчезли. ГРУ, в лице Эппеля, лишь пожимало плечами: "Помоему, они все застрелились". Но Эппель играл в свою игру. Это понятно, ГРУ не та организация, которая позволяет своим генералам играть в чужую игру. Хромов не знал, что руководство ГРУ и "УЖАС"а "слегка" договорились. "УЖАС" дал понять, что убийц Тассова они отыщут и передадут разведчикам, и вообще, "давайте жить дружно". И то, и другое устраивало ГРУ.

— Пожалуйста, Леонид Максимович. — Секретарь положила перед Хромовым папку с ориентировками. — Злодеи месяца.

Хромов молча кивнул, и секретарь поспешно вышла. Она была опытной и понимала, почему начальник не сказал обычное “спасибо”. Судя по его лицу, если он и мог что-то сказать в данный момент, это “что-то” было бы матерным. Секретарь села за свой стол и закурила длинную сигарету-гвоздик. Через десять минут из переговорного устройства последовала команда:

— Уважаемая Нинель Александровна, разыщите, пожалуйста, старшего оперуполномоченного Старикова и срочно ко мне, где бы он ни был, пусть это будет даже Рио-де-Жанейро.

“О, Бразилия”, вздохнула Нинель Александровна и позвонила для начала в “убойный отдел”. Могучего и высокого Сашу Старикова она могла бы, бросив все, разыскать и в Рио-де-Жанейро.

Старший уполномоченный Саша Стариков нашелся на удивление быстро. Обычно его в отделе не было. Оперативника кормят ноги, интуиция и риск, ему некогда сидеть за столами. Через пять минут он уже входил в приемную Хромова.

— Что там? — спросил он у Нинель Александровны.

— Гром и молния, — нежно ответила ему секретарь.

Стариков вошел в кабинет и увидел, что вместо “грома и молнии” по лицу Хромова лишь пробежали тучки сосредоточенной заинтересованности.

— Я прибыл, — доложил Саша. — Вызывали?

— Взгляни, — сразу же приступил к делу Хромов, протягивая фотографию. — Узнаешь?

— Геи? — неуверенно спросил старший оперуполномоченный, ибо своеобразное одеяние Самвела Тер-Огоняна бросалось в глаза в первую очередь, но тут же его неуверенность сменилась радостью узнавания: — Мыонг, гадам буду, Хонда!

— Да, — торжественно подтвердил Хромов. — Объявлен в розыск как “неизвестный корейской национальности” таганрогским УВД, по подозрению в убийстве трех человек.

— Ну вот, — огорчился Саша, — зачем мы его тогда отпустили? Тассов и Блудов на нем. Я уверен. — Он оборвал свои сетования и молча посмотрел на Хромова.

— Не продолжай, — посоветовал ему Хромов. — Я сам разберусь с кем надо и спрошу что надо, а ты оформляй командировку в Таганрог, встряхни этот город у моря как следует.

— Таганрог, — воодушевился Саша Стариков и сразу же сник: — жаль, что не Сочи.

— В командировку, — предупредил его Хромов, — а не в отпуск.

Михаил Лутоненко, после того как Веточкин и Хромов покинули больницу, вытащил из кейса мобильный телефон и на-

жал на не свойственную для обычных мобильников синюю кнопку. Если бы посторонний человек нажал на эту кнопку, то мобильник бы самоуничтожился. Кнопка обладала отменной памятью на тепло и узор пальца нажимающего, чужих не допускала.

— Слушаю вас, Лутоненко, — раздался скрипучий голос координатора “УЖАС”а. — Надеюсь, вы помните, что можете соединиться лишь в экстренных случаях?

— Не то что бы экстренный, — замылся нейрохирург, — но мне нужно переговорить с Алексеем Васильевичем, есть интересный экземпляр, он просил позвонить при наличии такого.

— Объявляю вам устный выговор за необоснованное соединение, — опять проскрипел голос, но в нем исчезли строгие интонации. — Я сообщу Чебраку. Он, если захочет, позвонит, а вы больше не соединяйтесь без экстрема. Все.

Михаил Геннадиевич Лутоненко, блестящий нейрохирург и диагност, был сотрудником отдела “ЧЕТЫРЕ”, имеющий пунктирный допуск в святая святых “УЖАС”а, подземную лабораторию Алексея Васильевича Чебрака. Он ассистировал ему во время опытов над людьми. Пунктирный допуск был у всех допущенных в лабораторию. Только Иван Селиверстович и Алексей Васильевич имели постоянный. Остальные были “специалистами по вызову”. Им сообщали время и место и уже оттуда доставляли в лабораторию. Михаил Лутоненко был призван в “УЖАС” еще будучи студентом первого мединститута имени Сеченова, но приступил к работе в нем лишь после того, как стал ведущим нейрохирургом Москвы и России в целом, до этого он проходил обучение по системе “Иезуит”. Во время обучения он был допущен к присяге, а после обучения зачислен в штат отдела “ЧЕТЫРЕ”.

Михаил Лутоненко был предан “УЖАС”у, как “УЖАС”у были преданы все присягнувшие. Потому что каждому, сразу же после присяги, в мозг вживлялся биочип. Это был безобидный чип, он не мешал жить и мыслить, никуда не отсылал информацию о неблагонадежности носителя, нет, он просто тихо и надежно заставлял человека быть верным присяге.

Алексей Васильевич позвонил глубокой ночью. Михаил Лутоненко не спал, он был “совою”.

— В чем дело? — сухо поинтересовался Чебрак у Лутоненко.

— Опухоль в затылочной части. Развилась в результате травмы от падения. Очень удачная опухоль, небольшая и смертельная, на нужном месте. Не желаете спасти человека от смерти?

— Спасу, — лаконично согласился Алексей Васильевич. — Мне нужно испытать принципиально новый вид саморазвивающегося чипа. К 21 часу завтра готовь операционную. Никаких медсестер, для помощи я захвачу кого-нибудь из лаборатории. Кстати, кто он, твой пациент?

— Провинциальный прокурор, из Таганрога.

— Из Таганрога? — почему-то удивился Алексей Васильевич и с усмешкой добавил: — В окрестностях Азовского моря провинций нет нигде, даже одинокий домик в степи — центр мира. Со слов далай-ламы, Азовское море двухуровневое, генератор тонкой энергии, в тибетском табеле о рангах для не проснувшихся катаклизмов оно на первом месте.

— Это как? — заинтересовался Лутоненко.

— Если оно проснется и начнет выходить из берегов, то Тихий океан соединится с ним водами.

— Интересно, — зевнул Лутоненко. — А прокурор наш при чем?

— Надеюсь, если, конечно, выживет, после операции и он на что-нибудь сгодится.

После разговора Михаил Лутоненко отправился спать, а Алексей Васильевич подошел к большому зеркалу, двумя пальцами сильно оттянул вниз кожу под глазами, высунул язык и, глядя на свое изображение, стал медленно и ритмично прыгать с ноги на ногу, левая-правая, правая-левая, и хрипло издавать балабонящий звук:

— Бо-бо-бо-боооо, бо-бо-бо-боооо.

Глава восемнадцатая

Опухоль в голове Миронова не беспокоила, он не знал о ее существовании. Разрастающиеся клетки рака сразу же блокировали участок мозга, отвечающий за присутствие боли в теле, и боли не было. Периоды здравого сознания у Миронова сменялись провалами. Все было гулким и отстраненным. Страшно становилось лишь тогда, когда Миронов был в здравом уме и памяти, но он не понимал природу этого страха. Ему казалось, что он попал в больницу из-за переутомления, и вот-вот все пройдет. Сегодняшним утром его неожиданно перевели из двухместной палаты в одноместную. Ему это понравилось, сосед по двухместной палате ночью храпел, а днем громко разговаривал. Вечером этого же дня к нему заглянули Хромов и Веточкин.

— Самому, что ли, в больницу лечь, отдохнуть, — “позавидовал” Миронову Хромов.

— Все нормально, прокурор, — сказал Веточкин. — У тебя обнаружили опасную болезнь, так что, хочешь — не хочешь, а ровно через шестьдесят лет помирать придется.

Веточкин и Хромов знали об операции.

В 20.00 — Миронова постригли наголо и выбрили голову до блеска.

В 20.45 — дежурная медсестра сделала ему укол.

— Успокаивающий, — прощепетала она и добавила: — антибиотик.

В 20.50 — Миронову стало наплевать, что с ним делают, за чем и почему. Он погрузился в безразличие.

В 20.55 — Миронов лежал на операционном столе и мерз. К нему подошел Лутоненко уже в маске и резиновых перчатках, руки он держал перед собой поднятыми вверх.

— Сейчас спать будете, крепко и сладко, — пообещал он Миронову.

Из-за спины Лутоненко вышли еще два человека в масках, тоже державшие руки в перчатках перед собой. Один из них, Миронову он почему-то казался главным, маленький, с насмешливо-равнодушными глазами, подошел вплотную к операционному столу, склонился к лицу Миронова и спросил:

— Вы знаете, что такое смерть?

— Это когда в гробу лежишь, — не стал вдаваться в подробности Миронов.

— В гробу — это еще жизнь, — непонятно выразился маленький с горящими глазами, — а смерть... — Он прервал себя и кивнул напарнику головой.

Второй незнакомец обошел стол с другой стороны, держа в руке шприц с золотистой жидкостью. Мгновенно попал иглой в вену Миронову и медленно стал вводить содержимое шприца в кровь.

— Смерть — это общий наркоз, — вновь склонился к Миронову горящеглазый философ, — чтобы не было больно при отделении души от тела.

Какая-то мысль посетила Миронова, но тотчас же и покинула. Ему стало легко и радостно, как в детстве. Он будто бы мчался на велосипеде с горки, быстрее, быстрее; перед его глазами вдруг закружилась круглая клумба с яркими цветами, и вот это уже не клумба, а бешено вращающийся разноцветный круг пространства, в центре которого проклюнулась сочно-красная точка, выросла до размера вишни, больше, больше, и вдруг красное прорвалось синим, и синева бросилась на Миронова и поглотила его.

...Чебрак, Лутоненко и еще один сотрудник отдела "ЧЕТЫРЕ", доктор медицинских наук, директор НИИ усовершенствования и моделирования человеческого тела, Роберт Аксенович Петров, приступили к операции. Алексей Васильевич Чебрак, со свойственной для него широтой натуры, взял Петрова в качестве операционного медбрата, подавать инструменты и вытирать пот со лба нейрохирургам.

— Значит так, Тарас, — заявил Хромов, как только они вышли из больницы, — ругаться будем до пены у губ. Я тебе сейчас кое-что скажу и покажу. Уверен, ответить ты не сможешь.

— Давай, полковник, — невозмутимо согласился Веточкин, — расскажи, как ты обнаружил, что "Хонда" в федеральном розыске по подозрению в тройном убийстве, что видел его на фото с ярко разодетым геем в обнимку. Все рассказывай, Леонид Максимович, ничего не скрывай.

— Значит так. — Хромов вежливо покашлял. — О чем это я? Я хотел сказать тебе, и показать, кстати, о новом, с качественной кухней, ресторане. Обнаружил я его недавно, в смысле давно, да и ресторан не новый; — Хромов умел ясно и четко объяснять ситуацию, — туда только по приглашению допускаются, но можно и без него, только дорого очень. У меня два таких приглашения есть. Мой человек, внедренный в службу, где-то достал, украл или дали, я так и не понял толком. Ресторан называется “Первая скрипка”, относительно недорогой для приглашенных, и у меня к тому же с собой... — Хромов показал бутылку армянского коньяка тридцатилетней выдержки во внутреннем кармане пиджака. — На день рождения коллеги подарили, — объяснил он Веточкину. — Деньги есть, нам премию дали и зарплату, а жены нет, у родителей живет, так что хватит. Кстати, что ты там насчет “Хонды” говорил? Я не понял. Он что, в розыске? Я не знал. А что случилось?

Хромов был так естественен в своем искреннем недоумении, что Веточкин ни на грамм не поверил ему и поэтому не мог сдерживать улыбки:

— Ладно, у нас оперативники могут убедить свое начальство, что кирпич на самом деле не кирпич, а теплоход, но откуда у вас, дуболомов эмвэдэшных, такая изощренность?

— Да, тяжелый случай, — вздохнул Хромов. — Я, конечно, знаю, что вы информацию, глядя в окна своих кабинетов, собираете, но ведь даже из окна видно, что МВД не соответствует твоим представлениям о нем. А “Хонда” разве гей? Как же он тогда в авторитете на Черкизовском?

— И что, действительно, это твоя “Четвертая гитара” — хороший ресторан?

Они подошли к обочине шоссе и стали высматривать такси.

— Да, “Первая скрипка” — хороший ресторан, — уверенно ответил Хромов. — Вот ты говоришь, “Хонда” за тройное убийство разыскивается, это на самом деле?

— У меня, кстати, тоже есть. — Веточкин распахнул пиджак и показал бутылку шотландского виски, одновременно отрицательно помахав рукой “Запорожцу”, вознамерившемуся остановиться рядом с ними под видом такси. — И деньги найдутся, но жена дома сидит, ждет.

— Коньяк и виски это круто, — серьезным голосом предупредил его Хромов. — Очень круто. А помнишь, тогда ты просил “Хонду” отпустить. Он ваш агент?

— Вот, — Веточкин удачно остановил частника на “Волге”, — и машина. Поехали, Леонид Максимович, в твою гитару, выпьем, чтоб у Миронова удачно операция закончилась, мне Михаил позвонит по окончании, ну и поговорим заодно о японских машинах, убийцах и геях.

— Вы гей? — настороженно спросил у них водитель “Волги” со слегка подкрашенными глазами.

— Мы мордобои, — строго оборвал его Хромов, располагаясь на заднем сиденье. — Давай на Тверскую быстрым ходом, а то на сходку опоздаешь. — Он повернулся к Веточкину и сокрушенно заметил: — Вот жизнь пошла раскрепощенная, женщины женятся, а мужики замуж выходят.

— Да, — согласился с ним Веточкин и произнес старую как мир истину: — Лучше переспать, чем недоесть.

Между кинотеатром “Россия” и рестораном “София”, за железными раздвигающимися воротами с неброской для глаз табличкой “АО Фарминмет”, находится обширный заасфальтированный двор, в глубине которого стоит необлагодетельствованное внимательным ремонтом здание. Деревянно-массивная обшарпанная дверь с замутненным глазком-окошком закрывает единственный вход в здание. На двери еще одна табличка с надписью “Экспедиция”. Табличка столь не нова, что первые три буквы плохо прочитываются: “...педия”, но на это не стоит обращать внимания. Сбоку обшарпанной двери, в стене, видна забрызганная известкой кнопка звонка. Нажимаете ее, и через минуту дверь открывается, из нее выходит молодой, атлетического сложения, человек и выжидательно смотрит на вас. Вы протягиваете ему небольшую, с одной стороны золотистый, с другой зеленый, титановый кружочек чуть больше пятирублевой монеты. Он его забирает, проводит по нему электронным щупом, зажатым в руке, и, получив сигнал, вежливо произносит, широко распахивая двери: “Добро пожаловать”. Вы оказываетесь в небольшом тамбуре перед другой, из красного дерева, дверью. Ее перед вами распахивает с той стороны гардеробщик. Он в классическом смокинге. Розовый мрамор, весь в сиреневых прожилках александрита, оформляет стены действительно роскошной гардеробной. Отдаете верхнюю одежду, если таковая имеется, гардеробщику, и перед вами распахивается эрмитажной высоты и оформления третья дверь. Вы видите перед собой большой, с фонтанами, пальмами, зелеными вьющимися растениями вокруг столиков, с эстрадой на возвышении, ступенчато-каскадный зал. Это ресторан “Первая скрипка”, самый лучший, самый изысканный ресторан Москвы категории “Герцог”. Добро пожаловать, господа!

Хромов, вместо того, чтобы нажать на кнопку звонка, он ее не увидел, пинал обшарпанную дверь ногами. Веточкин его отговаривал:

— Слушай, Хромов, пошли в “Савой”. Тебя неправильно информировали, за такой дверью только тройной одеколон с бодуна пить.

— Ага, как же. — Не обращая внимания на увещевания Веточкина, Хромов еще раз пнул дверь ногой. — Сразу видно, у кого есть информация, а у кого нет.

Веточкин, наконец, заметил звонок и стал жать на него, не отпуская. Дверь поспешно открылась, охранник несколько ошарашенно посмотрел на экспансивных посетителей.

— Что смотришь? — возмутился Хромов, но, что-то вспомнив, слегка смутился: — Ах да, я и забыл. — Он сунул руку в карман и вытащил два титановых кружочка. — На, — сунул их в руку охранника, — смотри, не потеряй.

— Добро пожаловать, — растерянно пробормотал охранник и распахнул перед ними двери, даже и не помыслив проверить кружочки электроникой.

Конечно, Хромов и Веточкин были приятно удивлены тем, что нежного возраста поросенок, сваренный в молоке и подрумяненный на медленном огне, стоит двести рублей, виноградные улитки под соусом "Ришелье" триста, а блюдо нежной и тонизирующей рыбки октавия всего-навсего восемьсот рублей. Меню было подано специальное, оно предназначалось лишь для тех, кто попал в ресторан по золотисто-зеленому титановому приглашению, разница в цене доплачивалась какой-то неизвестной, но явно не бедной организацией. Те же, кто попадал в ресторан с парадного входа, то есть через гостиницу "Минск", получали другое меню, где сумма оплаты, за утонченность и качество блюд, имела какое-то отношение к астрономии. "Первая скрипка" пользовалась популярностью в среде сильных людей денежной ориентации. Здесь заключались грандиозные сделки, обсуждались планы всевозможных переустройств в политике под умопомрачительную закуску и уникальную, эксклюзивную, выпивку.

— Куда мы попали? — спросил Веточкин Хромова, после того как им принесли поросенка и два бокала с минеральной водой.

— Оперативная тайна, — отсек вопросы Хромов и, вылив минеральную воду в кадку с пальмой, разлил по бокалам коньяк. — Совсем ты от жизни отстранился в своем аналитическом отделе. Тут ваших оперативников полно, а ты не знаешь.

— Ты прав, не знаю, — согласился с ним Веточкин, отрезая кусок поросенка и перекладывая себе на тарелку. — А как вы рискнули взять в разработку такое место? Вас же съедят вместе с министром.

— А вас? — забрал себе оставшуюся часть поросенка Хромов. — Не съедят?

— Будут пробовать, конечно.

— Жаль, что людей не видно, — Хромов обвел рукой декоративный кустарник вокруг столика, — а то бы я тебе показал, какие тут лица можно увидеть, сплошь одухотворенные.

Они выпили коньяк, и Хромов поставил на стол бутылку, вытащив ее из-под стола.

— Да, атмосфера здесь утонченная. — Веточкин приподнял в восхищении брови. — Хороший коньяк, и ресторан хороший. А теперь послушай меня, Леонид Максимович. “Хонда”, как тебе и мне известно, бывший офицер вьетнамской армии Шон Тинь. В свое время он был завербован КГБ, к нам, как говорится, перешел по наследству. Сейчас в Таганроге действует самостоятельно, без прикрытия. Ему нужно достать устав, но я не буду, ты меня должен понять, вдаваться в подробности. Он должен был попасть в квартиру одного человека и взять кое-какие бумаги и предметы. Этот человек прикинулся овцеватым провинциалом, а на самом деле он один из руководителей международной мистико-религиозной организации с не ясными пока для нас целями. “Хонда” воспользовался своими связями с уголовным миром, благодаря тебе, у него эти связи обширны, и примкнул к группе квартирных воров, стал работать с ними, воровать, одним словом, — объяснил внимательно слушавшему Хромову Веточкин, — надеясь таким образом попасть в дом нужного человека. Я пока не знаю, удалось ему это или нет. “Хонда” исчез. В таком деле бывают, и часто бывают, непредвиденные досадности. “Хонда” убил лишь одного, какого-то наркомана из Сочи, Лорика, который убил двух ни в чем не повинных людей просто так, из любви к искусству. Фотография, которую ты, Леонид Максимович, видел, но утверждаешь, что не видел, к нашему расследованию не имеет отношения. “Хонда” помог уголовной братии скомпрометировать какого-то местного бизнесмена, армянина, и все. Ну, ты знаешь, с волками жить. К стати, фотография получена методом тройного сканирования с применением фотохудожественных достижений. Армянина “одели”, “опоили” и “поставили” в середину экспозиции. “Хонда” получит втык за то, что сам сфотографировался. Тем не менее, я прошу тебя, бросьте разыскивать “Хонду”, ему и так тяжело.

— Ну да, — покачал головой Хромов. — Ты меня, Тарас, с министром спутал. Сейчас вот приеду в МУР и дам команду об отмене федерального розыска в отношении некоего Шон Тиня, отзывающегося на кличку “Хонда”, так, что ли?

— Да, ты прав, Леонид Максимович, и поэтому давай выпьем.

Веточкин к бутылке армянского коньяка на столе присоединил свое шотландское виски. Хромов с удовольствием рассмотрел бутылку, скрутил пробку с печатями, разлил виски по бокалам и предложил тост:

— За здоровье болящих.

И, как бы в ответ на этот тост, в кармане Веточкина запищал мобильник.

— Михаил, наверное, — выхватил он телефон из внутренне-го кармана. — Ну, с Богом... — Он стал слушать сообщение, и по мере разговора его лицо расплывалось в улыбке: — Опера-

ция прошла успешно. Миронов будет жить и полноценно работать, — сообщил он Хромову, засовывая мобильник на место.

— Вот это чудесно! Давай выпьем, заберем свои бутылки и пойдем из этой скрипки куда-нибудь в светлое место, мне здесь не нравится.

— Конечно, пойдем, — поддержал его Веточкин. — Устал я от этой хамской утонченности. Кстати, Хромов, а как достал твой человек эти приглашения? Подскажи, все-таки поросенок за двести рэ впечатляет.

— А, — отмахнулся Хромов. — Говорит, что ему какой-то пьяный физик, лауреат Нобелевской премии, на чай дал.

Игорь Баркалов и Алексей Ласточкин сидели на лавочке Тверского бульвара возле памятника Сергею Есенину и курили. Некурящий Игорь пристрастился к парагвайским сигарам, а курящий Алексей никак не мог отвыкнуть от “Явы”.

— Хорошие у меня курсы по повышению квалификации полового в трактире, хотя, конечно, я понимаю, в этом кабаке очень даже легко работать под прикрытием, все ясно как Божий день, — весело попыхивая сигарой, разглагольствовал Игорь.

— Что тебе ясно? — хмуро спросил у него Ласточкин и с отвращением выбросил сигарету.

— То, что и тебе, — с насмешкой взглянул на него Игорь. — Одна половина официантов — осведомители МВД, вторая ФСБ, а в зале боссы сидят и цвет научной мысли. Интересно, что я там, такой маленький, делаю?

— Скоро узнаешь, — уверил его Ласточкин, — ты оперативник, а не осведомитель, это две большие разницы. И вообще, дело опасное. Хромов предупредил, чтобы готовились, скоро жарко будет.

— Ну, допустим, и сейчас не холодно, — вяло отреагировал Игорь, — лето все-таки.

В это время они увидели идущую по аллее высокую гибкую даму в черном. Она подошла к скамейке напротив и села. Черные волосы, черная шляпка, черный деловой костюм, длинные ноги в черных чулках и черных изящных туфлях на высоком каблуке. Темные глубокие глаза, в обрамлении черных, усиливающих эту глубину, ресниц, и выразительные губы, отредактированные темно-сливовой помадой. Женщина достала из черной элегантной сумочки длинный, сантиметров пятнадцать, белый мундштук, вставила в него сигарету, прикурила и стала с рассеянным видом созерцать умиротворенность Тверского бульвара.

— Богиня ночи, женщина-вамп! — потрясенно, не спуская с женщины глаз, проговорил Игорь, чувствуя, что теряет голову. От женщины исходил ровный магический и необоримый магнетизм сексапильного шарма.

— Да брось ты, — ленивым голосом одернул его Ласточкин. — Я ее знаю. Она здесь часто ошивается. Сними с нее парик, умой, стащи с тела американский корректор фигуры пролонгированного действия, и я посмотрю, как ты от этой богини в ужасе убегаешь будешь.

— Гад ты, Ласточкин, — жалобным голосом произнес Игорь, — ты меня как будто унитазом по голове стукнул.

Женщина словно поняла, что обсуждают ее, нервно выбросила сигарету вместе с мундштуком в урну, резко поднялась, подошла к урне и стала копаться в ней в поисках мундштука.

— Ладно, пошли, — сказал Веточкин, — что глаза выпали? Ни разу не видел, как люди в урнах ковыряются?

Они поднялись и направились в сторону Тверской.

— И вот еще, — остановил Игоря Ласточкин, — с завтрашнего дня ходи на работу с оружием, Хромов приказал.

На краю обрыва, спиной к стене, сидел, по-азиатски скрестив ноги, человек с бесстрастным, как у каменного хазарского идола, лицом. Степь. До ближайшего населенного пункта более шестидесяти километров. Море, степь, небо, ветер и человек:

— АОМмм, АОМмм, ВаВаВааа...

Мелодия неизвестного заклинания. Неожиданно в этой мелодии что-то нарушилось, в двухстах метрах от берега появился яркий светящийся круг пяти метров в диаметре. Как будто бы кто-то из глубины, всего-то два с половиной метра в этом месте, посветил в сторону неба большим фонариком. Человек на обрыве легко поднялся и, пройдя вдоль него, спустился к воде по более удобному для этой цели склону. Человек подошел к невесте как оказавшейся здесь весельной лодке и, столкнув ее, начал грести к светящемуся кругу. Это был "Хонда", Шон Тинь, агент ФСБ, вор-"домушник", в прошлом и настоящем — мьянг. За поясом брюк у него был приторочен небольшой герметично закрывающийся контейнер, в нем находился древний пергамент, настолько древний, что даже время вычеркнуло этот период из своей памяти. Подплыв к светящемуся кругу, "Хонда" бросил контейнер в самый центр света, и свет исчез. Он вернулся на берег, вновь поднялся, цепляясь за кустарник по склону, вернулся на старое место к обрыву, сел в позу Будды, и переменявшийся ветер, уже не в море, а в глубь степи, унес магические звуки:

— АОМмм, АОМмм, ВаВаВааа...

Степа Басенок в полном одиночестве сидел в кабинете оперативников, глубоко задумавшись. В этот утренний час его неожиданно посетили мысли о вечности: "Ох, как пьяно, ох, как рьяно нам играло фортепьяно". Думал он о вечности в неожиданном ракурсе. Такое настроение посетило его вчера вечером. Вчера Слава Савоев, сконцентрировав волю, все-таки поехал в

гараж, дабы вставить лобовое стекло на оскорбленный им “жигуленок”. Степа Басенок, взяв двух внештатников, решил навестись в молеальный дом местных кришнаитов, чтобы навести там очередной шорох. Он делал это регулярно, раз в два месяца, чтобы там не забывали, “кто есть ху”. Степа Басенок не любил кришнаитов, кришнаиты не любили Степу Басенка. В этот раз у него было веское основание для вторжения на территорию лысоголовых медитационщиков, все-таки разыскиваемый уголовным розыском убийца был “неизвестным китае-корейской внешности”.

У кришнаитов в этот вечер был гость, продвинутый московский йог, прошедший двадцать лет в Индии и получивший высокую степень посвящения в таинство. Одним словом, ему был голос свыше, и он ему внял. Степа, хотя и неохотно, тоже внял мольбам кришнаитов отложить проверку до окончания транса, в который впал йог, и стал с любопытством смотреть на него. Йог сидел в позе лотоса в самом центре цинкового корыта с водой. То, что Степа увидел затем, так потрясло его, что он ушел, даже не стал доставлять неудобства кришнаитам. И вот сейчас, ранним утром, он думал о вечности. Его думы прервало шумное появление Славы Савоева.

— Басенок, — начал Савоев с комплиментов, — у тебя лицо, в гроб краше кладут.

— Слушай, Савоев, — медленно оторвался от вечности Басенок, — тебе клизму когда-нибудь ставили?

— Спрашиваешь, — удивленно посмотрел на него Слава, — почти каждую неделю Самсонов вставляет.

— Да, нет, — Степа даже поморщился, — медицинскую.

— Это туда, что ли? — Слава показал куда. — Было дело, в детстве, кишечник чистили, когда я чем-то, кажется, цианистым калием, отравился, целый пузырек выпил на спор. До сих пор помню, неприятная штука. А ты что, клизму хочешь?

— Понимаешь, — Степан испытывающим взглядом посмотрел на Савоева, — я вчера кришнаитов пришел трясти и встретил там йога в корыте. Так вот, он, сидя в этом полном воды корыте, путем напряжения воли, втянул в себя всю воду из него и не ртом, заметь Слава, не ртом.

— Неужто этим?! Не может быть!

— Может! — твердо и решительно поставил точку потрясенный буддизмом Басенок. — Я сам видел.

Полковник Самсонов был слегка сконфужен. Областная экспертиза установила, что фотография, превращающая Самвела Тер-Огонесяна в гея, на самом деле шедевр фотомонтажного искусства. “Да, — подумал полковник, — усложнили жизнь армянина”. Дело в том, что слух о голубизне Самвела уже распространился по городу. Лучшие подруги Глории Ренатовны удовлетворенно вздохнули, по их мнению, восторжествовала спра-

ведливость. В конце концов, почему это Выщух, а не они понравились Самвелу? Бог, конечно, за такие ошибки наказывает. Они вполне искренне стали выражать свое сочувствие Глории Ренатовне и не понимали, почему она прервала с ними все отношения, даже при случайной встрече на улице не узнавала, в упор не видела.

“Не в газете же объявление давать, — недоумевал Самвел, — мол, так и так, уважаемые граждане, наш предприниматель Самвел Тер-Огонесян совсем не педераст, а даже очень наоборот, так, что ли? Интересно все-таки, почему, если человек совершает подвиг, слух об этом не распространяется, надо каждый день сообщать об этом в газете, ставить человеку памятник после смерти, в официальном порядке предписывать чтить этот подвиг, и все равно не то? А если человек известный вдруг провалится в канализацию во время прогулки, то, сколько бы он затем не совершал подвигов, в памяти народной так и останется на всю жизнь “человеком, который во время прогулки провалился в канализацию”...”

На этом месте размышления Самсонова прервали. Без стука, без вызова, с шумом распахнув двери, в кабинет ворвался Степа Басенок, остановился посередине и радостными глазами посмотрел на Самсонова.

— Ну? — Самсонов почувствовал, как эта радость передается ему. — Не тяни, Степан, а то накажу, будешь баланду...

— Стромов, — не дал ему договорить Степан и во всех подробностях рассказал о скупщике краденого Найденове, о выпускнике радиотехнического института Ратушеве и о “неизвестном человеке корее-китайской внешности”.

Самсонов откинулся на спинку кресла, облегченно выдохнул и тихим, даже слегка ленивым голосом проговорил:

— Ну, с Богом, сынки, в атаку. Я сейчас распоряжусь, чтобы освободили камеры от балласта, а остальных увезли в СИЗО. Уверен, к вечеру вы их заполните новыми постояльцами.

Этот день стал черным днем для профессиональной группы воров-“домушников” высшего “шниферского” разряда. Первым взяли Вячеслава Ратушева. У оперативников был богатый опыт и продуманная тактика в отношении задержаний, и поэтому Ратушев был взят первым. Высшее образование, незаурядные способности, принадлежность к хорошей интеллигентной семье с традициями способствуют проявлениям искренности в арестованном. С выходцами из рабоче-крестьянского сословия слишком много хлопот, даже приходится применять нетрадиционные методы допроса. С интеллигенцией легче. В Ратушеве совесть и раскаяние проснулись сразу же после того, как он почувствовал на своих руках наручники. Еще по дороге в УВЖ он сказал Савоеву и Басенку:

— Делаю чистосердечное признание, если вы оформляете мне явку с повинной.

— Оформляем, — легко согласился Степа, — можешь начинать признаваться.

В течение дня были задержаны: слесарь авторемонтной мастерской, четырежды судимый, тридцатитрехлетний Александр Новиков по кличке “Лобастый”, двадцатипятилетний безработный, дважды судимый Клим Билибин по кличке “Калифорния”, шестидесятилетний несудимый слесарь-инструментальщик завода “Гидропресс” Андрей Петрович Полуянов по кличке “Комбат”, был изъят с любовного ложа на квартире любвеобильной Сильвы Кировой Николай Степанович Лири́н, прораб СМУ-2, несудимый, по кличке, — без дураков, — “Паскуда”. В доме Виктора Найденова обнаружили многие из украденных вещей, и он также был задержан. В этот же день все, кроме Комбата и Калифорнии, они молчали как партизаны во время допроса, дали показания. Выяснилась кличка “неизвестного” — “Хонда”, определена и национальность: “кажется, вьетнамец”, уточнился социальный статус: “грамотный вор”, но где он находится в данный момент, даже приблизительно, никто не знал.

В то время, когда в городе изымалась из свободного обращения и упаковывалась в камеры группа воров-“домушников”, Самвел Тер-Огонесян снимал с Глории Ренатовны Выщух одежду. Когда она предстала перед ним во всей своей грандиозно-грациозной наготе, Самвел, воскликнув “Ооо!”, зарылся лицом в ее груди, при этом его макушка слегка доставала до подбородка Глории Ренатовны, и возложил на постель, упав на нее сверху. Через мгновение Глория Ренатовна вскрикнула, радостно застонала и поплыла в неизъяснимом блаженстве.

В это же время в загородной психиатрической больнице Дарагановке обострилось состояние больной Сычевой Софьи Андреевны. Она вскочила на свою кровать ногами и, подпрыгивая на панцирной сетке, радостно кричала:

— Ты ко мне вернулся, она тебя забыла, ты мой, мой, мой!

Затем обессиленно упала на кровать, разорвала на груди ночную рубашку, блаженно улыбнулась и в истоме закрыла глаза. Когда в палату вбежали два санитаря, медсестра со шприцем в руке и Мурад Версалиевич, то в их присутствии уже не было необходимости. Софья Андреевна умерла счастливой и любимой.

И в то же время, когда закрывали в камеру последнего вора из далеко не последней воровской группы, когда Глория Ренатовна, уткнувшись лицом в подушку, вскрикивала от наслаждения, когда Софью Андреевну Сычеву, накрытую с головой простыней, на носилках внесли в подвал для ожидания “труповозки” из городского морга, именно в это время на городском

вокзале “Таганрог-2” сделал двадцатиминутную остановку пассажирский поезд “Москва-Новороссийск”. Из пятого плацкартного вагона вышел высокий атлет со спортивной сумкой на плече. Саша Стариков оглядел вечерний вокзал и мысленно хмыкнул: “Приехали”. Мимо него, выйдя из шестого купейного вагона, прошел мужчина, тоже высокий и мощного телосложения. Несмотря на летнюю духоту, он был в длинном легком плаще, шляпе и темных очках. Саша Стариков не был знаком с Мироновым, и поэтому не обратил на мужчину внимания. Мужчина вышел на привокзальную площадь, огляделся и направился к стоянке такси. Вскоре он уже находился в многолюдном и праздном центре города. Миронов смешался с толпой, войдя в нее словно грозный, неуязвимый и до поры до времени законсервированный вирус, внедренный в программу компьютеров, обеспечивающих отсутствие хаоса на земле.

Алексей Васильевич Чебрak посмотрел на умирающего и отстраненно улыбнулся. Его всегда немного забавляло отношение людей к своей смерти. Глупое и вредное отношение. Разве можно оскорблять действие, которое дает тебе счастье, страхом? Страх перед смертью, что может быть противоестественней, разве что любовь к жизни?

Алексей Васильевич вышел из бокса “Ч” в своей подземной лаборатории и спросил у отвечающего за боксовый блок доктора медицинских наук, специалиста по танатологии, вот уже двадцать лет занимающегося изучением людей, находящихся в промежуточном состоянии “жизнь-точка-смерть”.

— Как там наша роженица в боксе “У”? Вы уверены, что она умрет при родах, а ребенок через два часа после рождения?

— Да, Алексей Васильевич. — Доктор медицины Сергей Юрьевич Калининчук снял очки и стал протирать их извлеченной из кармана бархоткой. — Приборы показали интенсивную мобилизацию иммунной системы, начался процесс сгорания в крови глюкозы, организм уже испытывает панический стресс, сознание как всегда в неведении, но это хорошо, меньше хлопот будет. Ну, а ребенок, что ж, ребенок обречен. Мы, конечно, могли бы не дать ему умереть в условиях нашей лаборатории, в любом другом месте это невозможно, но нет смысла. Нельзя оставлять в живых уже фактически умерших в утробе матери.

— Хорошо. — Алексей Васильевич кивнул в сторону бокса “Ч”. — А этот когда?

— Бомж-то, ну-у, — Сергей Юрьевич засмеялся, — этот парень сопротивляется по полной программе. Еще бы, жил в теплотрассе, а тут такие условия, да пора умирать приспела. — Увидев, что Алексей Васильевич не склонен шутить, Калининчук оборвал свою веселость и доложил: — Агония начнется через два часа, роды тоже. Я проверил, совпадение агонии и рождения идеальное.

— Я у себя. Когда оттранспортируете материал в операционный сектор и подготовите к работе, доложите.

— Слушаюсь, Алексей Васильевич, — почтительно склонил голову Калининчук.

Войдя к себе в кабинет, Алексей Васильевич сел в кресло и положил ноги на стол. В душе у него росло волнение, смешанное с торжественной уверенностью. Он чувствовал, что сегодня подойдет к черте запретно-сокровенного, он знал, что эту черту переступит без колебаний и, переступив, рассмеется в лицо человечеству, со всеми его нелепыми поисками, его историей и религией, он рассмеется в лицо Бога и вытрет ноги о коврик бесконечности.

Алексей Васильевич вскочил и стал ходить по обширному кабинету. “Интересно будет услышать, что по этому поводу скажут лазурные ламы, еще интереснее увидеть их лица. Вот загадка, взглянуть бы одним глазком на их глубинную страну. Чертов Нгунтаба, вредоносный индус французской выделки, отказал мне в аудиенции с “лазурными”, сволочь, секретаришка, вахтер при входе в преисподнюю. Мысль, кстати, интересная, вполне возможно, что глубинная страна это и есть ад, не зря же в древности Тибет именовали обителью голодного черта — Титапури. Впрочем, мне все равно, я буду смеяться и перед лицом ада. Тем более, что не вижу разницы между Богом и Дьяволом”.

Предавшись размышлениям, Алексей Васильевич Чебрак не заметил, как пролетело время. Взглянув на часы, он увидел, что уже прошло полтора часа, щелкнул клавишей связи и требовательно спросил:

— Ну?

— Все готово, я только что хотел сообщить вам об этом, — доложил Калининчук.

— Околоплодные воды уже отошли, хорошо, важно совпадение агоний, та-ак, плод пошел, хорошо пошел, но мы его попридержим и сделаем кесарево сечение, как будто бы это внематочная беременность. Ага, бомжик освятился, в глазах нарастает понимание неизбежности, ну-ну, родимый, сейчас я заставлю тебя родиться обратно, соединю тебя с роженицей. Вскрываем брюшную полость у бомжа, так, отделяем плод у роженицы, пусть плывет куда хочет, соединяем роженицу с бомжем, аккуратней! Все — пуповина к пуповине, теперь акцентатор, гибче, гибче! Так-так! Агонии совпадают! Включаем акцентатор, нарастает всплеск! Экран, быстро! Переводим в минус, соединяем с вакуумом, усилить, еще, еще! Все! — Алексей Васильевич, не обращая внимания на две облоочки, роженицы и бомжа, кинулся к экрану Стетфорда и вдел руки в огромные сетчатые перчатки, они были соединены толстым кабелем с вакуумно-поглощающей биосферой в

защитной оболочке из антивещества, адаптированного к окружающей среде. Он почувствовал, как ровный, мощный, нарастающий и необычный трепет наполнил пространство между его руками в энергоперчатках. Чебрак, не отрываясь, смотрел на экран и увидел, как на нем появилось клубящееся свечение, оно пульсообразно расцветилось, и Алексей Васильевич понял: свершилось! Он держит в руках ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДУШУ!

В этот день все сейсмические станции планеты зафиксировали необычное колебание почвы на всей территории Земного шара, как будто бы Земля глубоко и угрожающе вздохнула. Впрочем, все скоро успокоилось. Само собой, никто на это не обратил внимания. Были дела поважней: выборы нового президента США, непонятные процессы в политике непонятной России, скандал в Букингемском дворце, новый диск рок-группы "Униженный рай", угрожающее мутирование вируса СПИД, компьютеры нового поколения, разработанные в Японии, волнения в Косово, полная победа медицины над импотенцией, фестиваль высокой моды в Париже — "баскетболистки тоже женщины", открытие форума в Давосе. И лишь только высоко в горах Тибета, среди заснеженных грозных нагромождений, в небольшой холодной пещере, высохший как мумия лама-отшельник, застывший в длящейся десятилетия медитации, открыл глаза и посмотрел на выдолбленную в стене пещеры нишу. Там стояла на деревянной подставке древняя примитивная игрушка, изображающая качели для двух, стоящих по краям, маленьких монахов-лам из раскрашенной глины. Один был наряжен в желтое, а другой в лиловое одеяние из лоскутков. Качели слегка подрагивали, как будто бы глиняные дети-монахи пытались их раскачать, вверх-вниз, вверх-вниз, тик-так, тик-так. Ничего не отразилось в лице отшельника-анахорета, он медленно закрыл глаза и вновь застыл — на десятилетия...

■
Конец второй книги

СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ

“Кто строит дом высокий, тот ищет падения”
Библия

11 сентября 1727 года жители Петербурга наблюдали поистине впечатляющее зрелище. По улицам северной столицы, растянувшись едва не на версту, двигался пышный кортеж одного из самых именитых российских вельмож того времени. Сам он вместе с супругой (отчего-то безутешно рыдавшей) ехал впереди в золоченой карете, запряженной шестеркой лошадей. Сквозь стекло окошка виднелось его суровое, исполненное величия и надменности лицо. Чуть далее следовала карета с его детьми (тоже чем-то сильно опечаленными), еще дальше — коляски и кибитки с домоправителями, экономами и секретарями, по бокам кортежа ехали грозные гайдуки с нагайками, пешими двигались повара, портные, певчие, гребцы и даже два карлика. Остальную (и наибольшую) часть кортежа составляли телеги и арбы с сундуками, ящиками, тюками, набитыми разнообразным добром. Говорят, одной золотой и серебряной посуды было на миллионы рублей.

Завидев эту великолепную процессию, одни прохожие вытягивались в струнку, другие почтительно кланялись в сторону кареты, третьи просто ломали шапки. Еще бы! Ведь ехал не кто-нибудь, а граф, герцог Ижорский, светлейший князь Римской империи, рейхсмаршал, президент Военной коллегии, генералиссимус, адмирал красного флага, Санкт-Петербургский губернатор Александр Данилович Меншиков! Дорогу ему! Прочь! Геть!..

К месту назначения — имение под названием Раненбург, расположенное в Воронежской губернии — кортеж прибывает лишь через несколько недель... А мы пока мысленно перенесемся в те времена, когда молодой русский царь Петр I, путешествуя по Европе, потрясет Запад своей простотой, почти дикарской непосредственностью, умом и ненасытным любопытством. “У вас есть друзья?” — спросит он одного из своих собеседников — наследника французского престола. “Да!”, — с готовностью ответит тот и назовет имена самых влиятельных министров двора. “Я спрашиваю вас про друзей”, — уточнит свой вопрос путешествующий монарх

и при этом с благожелательной улыбкой посмотрит на стоявшего поодаль своего денщика — высокого красивого русского парня Александра Меншикова, обладавшего, по словам одного биографа, столь “счастливой физиономией”, что она сама по себе внушала людям доверие и симпатию...

Между прочим Петр I станет первым из русских царей, кто среди людей незнатного происхождения приобретет не просто горячих приверженцев, но и друзей в самом прямом смысле слова. И наиболее близким из них окажется — кто бы мог подумать! — Алексашка Меншиков, в юности торговавший пирожками у стен Кремля, где его и приметит юный Петр, задыхавшийся от скуки среди степенных, полусонных бояр и дядек. Устраивает ли не-

угомонный юный монарх потешные баталии в Преображенском, хаживает ли в Немецкую слободу к Лефорту и Анне Монс, пропадает ли на лесах первых российских верфей, кутит ли по случаю первых побед русского оружия — повсюду рядом с ним находится бойкий, веселый, сметливый Алексашка Меншиков. Никто так как он не понимает и не сочувствует замыслам Петра преобразовать страну, ни с кем царь так не откровенен и доверителен в государственных и личных делах как с ним, что вызывает злобу у сторонников старых порядков и ревность у других членов Петровской команды. Исполнителей царевой воли много, но Меншиков, чем особенно радуется Петра, всегда впереди всех и обязательно придумает что-нибудь свое. Надобно хоть маленько, но поколотить северного соседа? Вчерашний пирожник переодевает русских солдат под шведских и благодаря этой военной хитрости овладевает прежде неприступной Нарвой! Кто удумал и подготовил стрельцов на бунт против молодого царя? Алексашка днями и ночами не спит, допытывается, находит и казнит зачинщиков. Многих — собственноручно.

И Петр не остается в долгу. Он осыпает “майнхерценкинда” (“дитя моего сердца”) Александра всевозможными наградами и милостями, повышает его статус до такой степени, что Меншиков в конце концов становится первым (!) лицом после царя в огромном государстве. “Меншиков второй по рангу, но первый по значению, — докладывает один иностранный дипломат своему королю. — Его влияние на гражданские и военные дела безгранично, так как царь обыкновенно следует его решениям, подчас даже вопреки собственному мнению”. Конечно, эта оценка страдает сильным преувеличением — последнее слово Петр всегда оставляет за собой. Однако если у него возникает необходимость на время покинуть страну, своим заместителем по всем главным вопросам управления государством он почти всегда назначает Меншикова.

История знает немало примеров, когда фаворитами монархов становились наглые и в умственном отношении ничтожные люди. Нет, этого не скажешь про Меншикова. Он — наглядный пример того, что, если к человеку отнестись с доверием и надеждой, он может проявить столько и таких талантов, каких в самом себе отродясь не подозревал. (Здесь как не вспомнить Наполеона и его победоносных маршалов, набранных им из числа бывших конюхов, бондарей и т. д. Но и о другом не стоит забывать: первым в Европе это начал делать Петр Первый.) Начав с небольшой виктории под Нарвой, вчерашний лотошник в скором времени наголову разобьет целый корпус шведов под Калишем, что сразу выдвинет Меншикова в ряд лучших полководцев той эпохи. Довершить разгром шведов под Полтавой царь поручит своему любимцу (сам от перенапряжения сил впадет в прострацию), и он сделает это по всем правилам высокого военного искусства, за что Петр присвоит ему звание фельдмаршала... А Петербург?! Задуманный царем необыкновенный город с его дворцами, садами и каналами с само-

го начала и в течение многих лет создается под руководством первого Санкт-Петербургского губернатора Меншикова...

Одну особенность личности Александра Даниловича поначалу воспринимаешь как исторический анекдот: талантливый полководец, выдающийся администратор, самый рьяный сторонник Петровых реформ был... неграмотен. "Князь Меншиков говорит порядочно по-немецки, — пишет о нем один его современник, — но ни по-каковски ни буквы не умеет ни прочесть, ни написать". И это — сущая правда! Высший в государстве чиновник, через которого проходят тысячи важных бумаг — договоров, прошений, жалоб, утверждает или отклоняет их, что называется, на слух. Даже письма своей горячо любимой жене со всеми их нежностями и трепетом Александр Данилович сочиняет, пользуясь услугами писарей... Но и это еще не все! Неграмотный Меншиков будет избран членом Французской академии, а также членом английского Королевского общества, о чем его уведомит сам сэр Исаак Ньютон, который в сопроводительном письме назовет его "человеком величайшей просвещенности". Что это? Злая ирония? Нет, о Меншикове за рубежом судят по его делам и по тому, с какой настойчивостью он помогает царю прорубать окно в Европу. Да и видом своим, манерами и поведением Меншиков вполне отвечает тогдашним представлениям о просвещенности. "Никто из приближенных царя не усвоил в такой степени лоск западной цивилизации, никто не походил в такой степени на европейца, как бывший уличный торговец, — замечает по тому поводу его биограф. — Иностранцы, постоянно жалующиеся на грубость и несокомерие с ними русских вельмож, с большой похвалой отзываются о вежливости и предупредительности князя и особенно о его приятности — качество, очень редкое между русскими тогда. И дом у него поставлен на более европейскую ногу, чем у других вельмож... Недаром, когда нужно принять иностранца, угостить его на славу, блеснуть перед ним умением жить, Петр поручает это своему неопенимому Данилычу..."

Что же следует из вышесказанного? Наверное, Меншиков, этот настоящий русский самородок, оставил бы в истории более заметный след, имей он хоть какое-то образование. Но можно выразиться иначе: сделанное им лишний раз доказывает его поразительную природную даровитость...

К сожалению, далее придется сказать о том, что Меншикову не делало чести. "Счастья баловень безродный", как называет его Пушкин, был трагикомически тщеславен. Он не только с ликованием в сердце принимает награды и титулы, но и чуть ли не силой вырывает их из рук благоволящего к нему царя. Видимо, низкое происхождение (по одним сведениям сын маркитанта, по другим — конюха) ржавым гвоздем сидит в Александре Даниловиче: сочинив легенду о себе как о потомке литовских дворян, он и сам хочет забыть о своих плебейских корнях (хотя перед лицом

достигнутого им мог бы гордиться) и в других истребить память о том, что попал в князи — из грязи. Или взять другое. Стремясь доказать свою преданность патрону, Меншиков временами необузданно жесток — при подавлении стрелецкого мятежа, во время допросов и пыток царевича Алексея. Да и руководя постройкой северной столицы он, сам вчерашний смерд, не щадит жизнь и здоровье тысяч русских, украинских, чухонских мужиков и баб, согнанных, чтобы на топких болотах Финского залива воздвигнуть один из самых красивых городов мира.

И уже не просто пороком, а родом душевного заболевания выглядит корыстолюбие светлейшего князя. Тут и откровенные взятки, и присвоение чужих земель и имущества, и проделки с поставками провианта и т.п. (Справедливости ради надо заметить, что первые искры алчности в душу своего любимца занесет сам царь — отмечая заслуги любимца, он дарит ему в собственность то волости, то уезды, то даже целые города.) Но что толкает и без того богатого вельможу хватать все подряд, не брезгуя, как случалось, ни бочкой сельдей, ни подношением в виде... маленьких калмычат? Возможно, сознание в душе, что никакие легенды не прибавят ему родовитости, бывший пирожник стремится обойти кичливые боярские роды строительством роскошных дворцов, загородных имений, скупкой драгоценностей и т.п. Да что боярские роды! По этой части Меншиков вступает в негласное соревнование с самим царем, самым богатым помещиком России. Дотошные архивисты установят, что когда казна для нужд двора заказывает за границей парики, дорогое голландское полотно и пр., на потребности Петра денег уходит намного меньше, чем на его денщика Меншикова. Мелочь? Тогда укажем на факт повесомее: по числу принадлежащих ему крепостных душ светлейший уступил только царю!..

Генеральный прокурор Ягужинский (еще один любимец Петра) много раз заводит дела на князя, но почти ни одного не может довести до конца: неграмотный Меншиков с дьявольской изобретательностью уходит от ответственности. (Так хочется сказать: и плутом-то был незаурядным!) Когда светлейший уж совсем зарывается, в дело вступает царь. Он то мягко укоряет любимца ("Прошу не оскорблять о том, что первая брань лучше последней"), то грозит разжаловать его обратно в пирожники ("Ты мне отвечаешь головой при малейшей жалобе на тебя"). А светлейший? Он то ловко отшучивается, то артистично кается, и Петр, при всей своей импульсивности в то же время мудрый и расчетливый человек, в конце концов прощает его, здраво рассуждая, что для него и России все-таки выгоднее иметь умного, энергичного, хотя и с заблуждающей рукой Меншикова, чем посадить его в тюрьму...

Петр I на два года младше своего фаворита, но умрет значительно раньше. С кончиной царя со всей остротой встанет вопрос, по какому пути идти России: довершать дело Петра или ос-

тановиться и в чем-то даже пойти вспять? Воспрянут, воспламятся надеждой занять прежнее положение те боярские роды, которые были оттеснены на задний план Петром. К ним присоединятся перебежчики из лагеря реформаторов. Верными идеями Петра останутся немногие, и первым среди них окажется Меншиков.

Кто наследует русский престол — вопрос жизни и смерти созданной Петром огромной империи. “Могла ли она и после Петра удержаться на прежней высоте? — размышляя о судьбах страны, задается вопросом отечественный историк. — Ведь, в сущности, Россия — государство бедное, необразованное, едва только вкусившее европейской культуры, была несравненно более обширна, чем действительно сильна: главный источник ее силы заключался в гении государя...” Кто остановит сплотившиеся ряды сторонников отката назад? Только другой, не менее решительный и столь же преданный реформам, как Петр I, государь. “Отдайте все...” — выведет на бумаге последние слова рука находившегося в агонии первого императора России. Но что — все? И кому — все? Ревнители старых порядков решат, что вторым императором должен объявить Петра Алексеевича, сына несчастного царевича Алексея, внука Петра I. Уж он-то, сев на престол, припомнит всем этим напудренным шаркунам навроде Меншикова, перенесет столицу обратно в тихую стоглавую Москву, восстановит древние обычаи...

Меншиков, не только умом, но и кожей чувствующий опасность, грозящую России и лично ему (шкурный интерес, как мы увидим далее, у светлейшего всегда переплетен с государственным), тем не менее прекрасно сознает, что у внука Петра прав на престол куда больше, чем, к примеру, у Анны и Елизаветы, дочерей Петра от второго брака. Но какой из внука император? Ему всего девять лет. И это значит, что до его совершеннолетия страной будут править Долгорукие, Голицыны и другие фамилии, известные своей ненавистью к покойному императору, и уж они постараются за это время до основания разрушить все его наследие... Придется этим, ничему не научившимся господам, решает Меншиков, преподнести урок. (Недаром Петр I любил его за смелость, доходившую до дерзости!) Пока Голицыны, Долгорукие и прочие высматривают, по какую сторону они сядут рядом с новым императором, Меншиков рассылает по гвардейским полкам своих единомышленников и верных людей. Когда наступит, как бы сказали сегодня час “Ч”, brave гвардейцы с барабанным боем окружают царский дворец и криками выразят свою волю: “Хотим на царство матушку-императрицу!” Так впервые в истории России на престол взойдет женщина под именем Екатерина — вдова скончавшегося императора.

Хорошо это или плохо, что петровская Россия вновь не станет боярской Московией? Логика истории говорит: хорошо. Откат назад мог вызвать недовольство новых народившихся сословий,

---

вызвать в стране потрясения и кровопролитную гражданскую войну. А так старинные роды, поворчав, до поры до времени смирятся, и в стране воцарится спокойствие...

В самом большом выигрыше в результате воцарения Екатерины I окажется светлейший. Она благоволит к нему с тех пор, как именно он сосватает ее, бывшую прачку Марту Скавронскую, впоследствии нареченную Катериной Трубачевой, к Петру I. Теперь, приняв корону фактически из его рук, она, не отягощенная заботами о государственных делах, вручает ему бразды правления Россией. Верно, при ней создается Верховный тайный совет, в который войдут и представители старой знати, но светлейший и в нем займет господствующее положение. Заседания же совета часто будут проходить у Меншикова на дому.

Вот он, звездный час бывшего пирожника! Вслед пушкинскому Годунову светлейший может сказать: "Достиг я высшей власти". (Кстати говоря, в подметных письмах того времени враги и сравнивают его с этим царем.) Какая разница, что корона не на нем? Он составляет указы, а императрица, почти не глядя, подмахивает их. За два года своего правления она, кажется, лишь в одном откажет светлейшему: посчитав, что это уж чересчур, не присвоит ему звание генералиссимуса. А в остальном все делается по его хотенью и веленью.

И что же? Россия, как и при Петре Великом, год от года обновляется, укрепляет свое могущество на суше и на море? Легче становится жить простому люду, меньше совершается беззаконий? Увы, правление Екатерины I (читай — Александра Меншикова) не отмечено никакими особо яркими событиями. Страна, выражаясь современным языком, находится в застое, а один иностранный дипломат об этом времени выразится и того резче: "Россия похожа на корабль, у которого кормчий и матросы покоятся глубоким сном".

Куда денутся многочисленные таланты и бурная энергия царедворца? Какая метаморфоза с ним произойдет? Пока он живет и действует рядом с гениальным Петром, находясь в его ауре, пока, борясь за наследие царя-преобразователя и устраняя со своего пути одного за другим соперников, Меншиков, многими как выскочка и узурпатор ненавидимый, все же внушает своим врагам и завистникам уважение и почти священный ужас. Но вот цель достигнута, власть в его руках — и он, по словам одного историка, не знает, как ею распорядиться. Что-то парализует его волю и способности. Перед современниками предстает как бы другой Меншиков, совершенно не похожий на прежнего с его "счастливой физиономией". Теперь это стареющий на глазах (хотя ему лишь немногим за пятьдесят), медлительный, надменный вельможа, разговаривающий со всеми, кроме императрицы и домоладцев, через губу, озабоченный, кажется, лишь тем, чтобы его почитали наравне с царствующей особой...

В истории это не первый случай, когда обладание огромной, не одухотворенной высокой целью властью губительно действует на человека. Страдает не только его душа, но и умственные, творческие способности. (Не о том ли говорит библейская мудрость, вынесенная нами в эпиграф?) Пожалуй, именно это и делает Меншикова не похожим на себя. Если гениальному Петру ничем не ограниченная власть помогает совершить великий переворот в отсталой стране, то Меншикова (увы, не гения) она то и дело ставит в невыгодное, а порой просто в глупое положение. К случаю со званием генералиссимуса для наглядности добавим пример с претензией светлейшего получить корону правящего герцога Курляндии, небольшого, но формально независимого государства в Прибалтике. Православного по вероисповеданию Меншикова не смущает, что он хочет стать монархом в стране, где преобладают немцы-лютеране. А когда сейм Курляндии откажет ему в этой претензии, князь введет в нее пятнадцатитысячное войско. Правда — и это станет первым, всем очевидным поражением нашего героя — он все равно не сломит упрямых курляндцев...

Выходец из простого народа, Меншиков наверняка знал пословицу "Не по Сеньке шапка". Но одно дело знать и совсем другое — понимать, что она к тебе имеет прямое отношение. Кровно обидевшись на курляндцев, светлейший снова и снова преумножает свое состояние, расставляет на ответственные посты верных ему людей. (Особенно он благоволит к умному обрусевшему немцу барону Андрею Остерману.) Застой в делах он воспринимает как примирение и сотрудничество сословий. А если кто-то и проявляет с ним несогласие (к примеру, тот же Ягужинский), реакция Меншикова напоминает поведение льва, насытившегося до такой степени, что он равнодушно взирает на пробегающую около его носа дичь. Но и шутки со светлейшим плохи. За помехи в обретении курляндской короны он, не моргнув глазом, отправит в сибирскую ссылку собственного зятя, мужа родной сестры, и та напрасно будет, стоя на коленях, умолять Александра Даниловича пожалеть несчастного...

Но вернемся к впечатляющему отъезду светлейшего из столицы. Ничто не мешает поступательному движению карет и телег, толпы пеших слуг. Значимость события усиливает отряд императорских драгун во главе с капитаном Пырским, сопровождающий кавалькаду Меншикова. Время от времени часть драгун обгоняет кортеж и, не заметив ничего подозрительного, возвращается обратно. Иногда это делает и Пырский. Но странно, что, проезжая мимо золоченой кареты, он не изъявляет светлейшему никакого почтения, более того, нагло заглядывает вовнутрь, словно желая убедиться, что князь никуда не сбежал. Сторонние люди, глядя на поведение капитана, могли подумать, что он либо изрядно пьян, либо на него нашло затмение...

Нет, все же сравнение Меншикова с насытившимся до отвала львом, как и всякое, хромает. Власти-то он забирает все больше и больше, потому что боится ее потерять: матушка-императрица тяжело больна. И когда она умрет, снова возникнет треклятый вопрос о престолонаследии. Призвать на царство Анну Петровну? Но она замужем за голштинским герцогом, а князю не хочется, чтобы немцы вплотную подошли к русскому престолу. Вручить скипетр цесаревне Елисавете? Редкий случай, но она (пока) не проявляет интереса к власти.

И Меншиков делает поворот на сто восемьдесят градусов: он встает на сторону внука Петра! Так в России появляется Петр II. Но светлейший не был бы самим собой, если бы не предусмотрел какой-то выгоды для себя: он устраивает помолвку императора со своей дочерью Марией. (Новому монарху России еще нет двенадцати, а дочери Меншикова — уже шестнадцать.) Сторонники князя в шоке от его политического маневра, противники — в ярости.

Едва помолвка состоится, светлейший, словно вещь, перевезет императора-мальчика в свой дворец. Там или где-то в другом месте Петр II подпишет указ о присвоении князю звания генералиссимуса. Кажется, дела у Меншикова опять идут как нельзя лучше. Он по-прежнему на вершине власти. Через четыре года станет тестем императора, породнится с династией Романовых и, чем черт не шутит, может основать свою!..

В свое время недавний простолюдин, опираясь на природой данные ему интуицию и смекалку, быстрее многих найдет дорогу к сердцу такой сложной натуры, как Петр I, поразительно точно вычислив его предпочтения и слабости. И тот же самый Меншиков, оставшись без патрона, быстро утрачивает чувство реальности. Приведа к престолу Петра II, светлейший ничего не поймет в нем как в личности. Он постоянно поучает подростка, обставляя его жизнь запретами. При этом преследуется благая цель — воспитать его вторым великим императором России. Но как это делается! Петру II богатые люди Петербурга дарят крупную сумму денег. Меншиков под видом заботы о рачительности юного монарха отнимает у него эти деньги. Петр II делает родной сестре дорогой подарок. Князь требует забрать подарок обратно. Но сильнее всего императора-мальчика угнетает то, что князь заставляет его подолгу заниматься с учителями. С малых лет нерасположенный к учебе, Петр II предпочитает побольше играть в войну, ездить верхом на лошади...

Несколько раз навлекши на себя гнев юного монарха, Меншиков сочтет за благо отойти чуть в сторону. Главным наставником Петра II он назначит Остермана. Барон умен, весьма образован, но — беспринципен. Заполучив в свои руки царствующего, но ленивого подростка, Остерман целенаправленно потакает его капризам, чем быстро завоевывает его любовь и доверие. (В то же самое время, усыпляя бдительность Меншикова, хитроумный барон берется писать труд, доказывающий, что бывший пирожник

будто бы ведет свой род... от Рюрика!) Еще более неосмотрителен светлейший, когда дозволяет своим давним недругам Долгоруким войти в свиту Петра II...

Кончится все тем, что император-мальчик топнет ножкой и прикажет взять Меншикова под арест. Узнав об этом, светлейший потеряет сознание: настолько неожиданным для него окажется такой поворот дел. Буквально в одночасье власть перейдет в руки Остермана и Долгоруких. И как же отзовется на этот переворот огромная многомиллионная страна? Она — даже не кольхнется. Никто из россиян не встанет грудью на его защиту. Да и многие из них еще не скоро узнают, что некогда всесильный князь теперь уже никто, а что пышный выезд светлейшего из столицы был ничем иным, как его удалением в ссылку. Но таков характер Меншикова: свой крах он обставит как триумф. Дескать, гляди, русский народ, на какого человека замахнулись разные там остерманы! Да и то сказать: князь, пожалуй, еще до конца не осознает, что проиграл окончательно и бесповоротно, случившееся воспринимает как дурной сон. В отличие от него его супруга Дарья Михайловна своим женским умом понимает, что им уже никогда не вернуться в Петербург — оттого и рыдает безутешно. Понимают это и дети, в особенности, Мария. Ее, можно сказать, силком помолвили с совершенно чуждым ей Петром II, и вот как суженый обошелся с ней...

Сначала переворотчики не обращают внимания на грандиозный спектакль, устроенный свергнутым Меншиковым. Они еще сами себе не верят, что им удалось свалить его! Но когда придут в себя, тотчас начнут ущемлять и унижать побежденно, как только могут. Вдогонку кортежу скачут порученцы. У светлейшего отнимают ордена и награды, чуть не на ходу выпрягают и уводят лошадей, положенных ему по прежнему статусу. У дочери Марии отнимают обручальное кольцо. Все это похоже на то, как коршуны раздирают свою жертву прямо на лету...

Говорят, за все надо платить. В особенности, за несправедливости, коих князь, мы знаем, совершил немало. Но и его заслуг перед Россией — не убавить! И вот если сопоставить одно с другим, получится, что Меншиков заплатит сполна, а в чем-то даже сверх меры... Его не оставят в покое и в Рененбурге. Приставят часового. Из столицы начнут приезжать чиновники (один из них когда-то служил в канцелярии Меншикова и возникал в кабинете чуть ли не ползком), устраивают ему допрос за допросом с пристрастием и грубой руганью. Не понадобится князю штат поваров, портных, гребцов, золотая и серебряная посуда — болезни одна за другой навалятся на него. За малейшее послабление домашнего ареста капитан Пырский дерет с князя крупные взятки. По указам императора Меншиков лишается практически всего состояния. И многое из отнятого — о времена, о нравы! — перетечет в карманы его врагов и обличителей.

Однако расстояние, отделяющее Раненбург от северной столицы, Остерману и Долгоруким скоро покажется опасно близким. Они уговорят Петра II (ставшего совсем ручным) услать Меншикова на край света — в Березовский острог Тобольской губернии, туда, куда в те времена (в том числе и по указке князя) ссылались самые опасные государственные преступники...

Когда кортеж светлейшего, теперь куда как скромный, следуя по этапу, выедет за пределы Раненбурга, командир конвоя согласно предписанию, поступившему из столицы, заставит Меншикова выйти из кареты, снять с себя княжеские одежды и переодеться в простое платье. То же самое будет проделано с княгиней и детьми, затем всех пересадят в телеги и повезут за тысячи километров — по знаменитому русскому бездорожью, через темные леса и болотистые равнины, на баржах и плотках по рекам...

В пути, длившемся около года, не выдержав физических и душевных мук, скончается княгиня. И вот тут князь, забыв про все свои титулы и звания, зарывает как ребенок: кого-кого, а Дарью Михайловну, по отзывам современников, умную и добрую женщину, он любил превыше всего на свете. Не в день ареста, не после того, как у него отнимут все, а теперь — кончится светлейший. Отныне он — и об этом свидетельствуют воспоминания оставшихся после ссылки в живых младшей дочери и сына князя — вновь станет Александром Даниловичем Меншиковым. Он резко переменится, полностью смирится с судьбой и теперь будет беспрестанно молиться Богу о прощении грехов. По прибытии в Тобольск (где губернатором в ту пору был один из Долгоруких) его снова станут унижать, отнимут уже совсем последнее, но он ни словом не станет возражать. Лишь когда кто-то из ссыльных бросит в его детей ошметок грязи, князь печально и резонно заметит: "Они ни при чем. В меня бросайте..."

Еще несколько месяцев уйдет, прежде чем семейство доберется до Березова, представлявшего собой в ту пору одно из самых страшных мест ссылки. Оторванность от остального мира была ужасающей: на многие сотни верст простиралась глухая безлюдная тайга, перемежаемая непроходимыми болотами. Зимой в этих краях температура часто зашкаливала за минус пятьдесят. Но и летом здесь тяжело: высокая влажность воздуха, гнус, болотная лихорадка...

Словом, Меншикову, столько лет купавшемуся в роскоши, придется хлебнуть лиха выше головы. Однако ж странно: здесь он, пусть ненадолго, окрепнет душой и телом. Несмотря на скудное питание и экстремальность климата, он деятелен, стремится, что называется, тряхнуть стариной: ухаживает за огородом, плотничает и столярничает. Местные жители диву даются, глядя как бывший правитель России ловко орудует топором. Возможно, одни из них забыли, другие вообще не знали, что этот высокий, с надломленной переносицей старик в пору своей невозвратной счастливой молодости учился плотницкому делу не где-ни-

будь, а на корабельных верфях голландского Саардама, причем вместе со своим лучшим другом — Петром I. Ненавидимый многими в пору своего могущества, Меншиков в остроге своей терпимостью и трудолюбием завоеует уважение ссыльных и караула. Часть положенных ему денег он из месяца в месяц откладывает на приобретение строительного леса. А когда соберет необходимую сумму, собственноручно возведет на берегу местной реки церквушку. “Когда постройка была окончена, — говорится в одной из его биографий, вышедшей в свет в конце прошлого века, — он принял на себя должность дьячка, пел на клиросе... “Благо мне, Господи, — повторял он беспрестанно в своих молитвах, — что смирил меня еси...”

Он умрет на 56 году жизни и будет похоронен поблизости от построенной им церквушки. В скором времени за ним последует дочь Мария...

Изменится что-нибудь в России с падением и смертью Меншикова? Да, изменится — в еще более худшую сторону. Переворотчики скоро начнут интриговать друг против друга, не брезгуя ничем, бороться за влияние на Петра, а в злоупотреблениях властью иные из них превзойдут предшественника. За внезапной смертью несовершеннолетнего императора последует ряд дворцовых переворотов, в результате которых Россия окажется под пятой чванливых временщиков, в основном иноземного происхождения.

Но называть и ставить рядом их имена с именем нашего героя — кощунство. По сравнению с ними Меншиков представляет собой целую эпоху. Да, его жизнь является горьким историческим уроком непомерных амбиций, новым грозным напоминанием о том, что власть — обоюдоострый меч. В то же время взлет Меншикова при Петре I и после знаменует собой блестящий прорыв в русской истории: впервые выходец из простого народа столько лет вершит судьбами страны. И сколько бы вопиющих противоречий ни гнездились в его личности, он — истинный сын своего народа со всей его талантливостью и родимыми пятнами.

Со временем забудутся его грехи, а в памяти потомков останется удалой весельчак и умница Алексашка Меншиков. Только вот где его могила? Через сто лет после смерти князя один из тобольских губернаторов, историк по образованию, предпримет попытку найти ее и вскрыть гроб с прахом. Он не найдет ее, но даже за попытку потревожить прах великого деятеля России царь Николай I, который у нас проходит обычно как холодный самодержец, сделает губернатору строгое внушение, написав ему: “Любопытство ваше было, по крайней мере, неуместным...” Позднейшими исследованиями будет установлено, что могилы Меншикова давно нет в помине: во время одного из страшных наводнений ее смел и унесет с собой местная разбушевавшаяся река. А вот церквушка, построенная Меншиковым, устоит. Как знак того, что последние усилия князя были замечены свыше?.. ■

Майор Пронина

Михаил КАЗОВСКИЙ

1

Когда в Москве несмело брезжит утро, а под окном гудит мусоровоз, и на стекле игривый Дед Мороз цветы рисует цвета перламутра, и дворники с ведёрками с песком асфальты посыпают матерком, когда из парков сонные трамваи по рельсам выезжают дребезжа, и спать бредут ночные сторожа, как бегемоты, широко зевая, а у станков стоит рабочий люд и думает: “Когда же нам нальют?” — вот в этот самый предрассветный час встает с постели наша героиня, изящна и прелестна, как богиня... Позвольте с нею познакомить вас!

Она зовется Пронина Людмила. Ей минуло недавно тридцать лет. Я нарисую вам ее портрет и расскажу, что с нею в жизни было, и где она вращалась до сих пор, и как случилось, что она — майор. Итак, портрет: природная блондинка, глаза — как драгоценный лазурит, румянец нежный на щеках горит, — короче, не девчонка, а картинка! Грудь высока и талия узка, зато округлы попа и бока... Но главное, конечно, это ноги! Идущие буквально от ноздрей, они безумной долготой своей всех повергают в ступор или в грогги!

При этом у Людмилы нет желанья косметикой шокировать народ, и слепо подражать журналу мод, и голодать до самоистязанья. Нет, Пронина милей своих подруг без разных там помад и узких брюк! А потому, что правил очень строгих, характер — не помадка, а кремень, “качается” в спортзале каждый день и мужиков заткнет за пояс многих, из пистолета бьет не в бровь, а в глаз, и как водитель — настоящий ас! Но для друзей смешлива и мягка, и, отдыхая от своей работы, поет, танцует, травит анекдоты и любит выпить светлого пивка.

Родители ее: полковник Пронин — был в молодости очень знаменит, словив десятки подлецов и гнид — убийц, бандитов и воров в законе (тогда он был майор, и Лев Овалов его в романах воспевал немало); а мать Людмила, в прошлом — стюардесса, летала в Занзибар и Гондурас, но, выйдя замуж, стала сей же час домохозяйкой крепкого замеса: варила вдохновенно щи да кашу и пестовала рьяно Люду нашу... Родители на пенсии давно, сидят на даче и растят крыжовник; доволен жизнью отставной полковник, и мама Люды — с папой заодно.

Окончив школу, с одного приема их дочка поступила на юрфак и все семестры занималась так, что не было красней ее диплома! Даешь аспирантуру! Но Людмила в милицию служить пойти решила. И вот уже она сидит в погонах на должности инспектора Угро и вынимает самое нутро из жуликов матерых и зеленых; на задержанья ездила нередко, а было надо — и стреляла метко. Но чаще за столом вела допросы и ковырялась в пыльных накладных, чтоб преступленья выудить из них и уличить воруе во всех вопросах!

Сходить успела замуж — лет на пару — и в результате с мужем развелась. Потом имела небольшую связь с начальником своим, еще не старым, но при чинах и жутко пробивным, и перешла в итоге вслед за ним — из МВД в одно из управлений налоговой полиции Москвы. Там их роман расстроился, увы, но оба разошлись без поношений (взаимных), и теперь они друзья, — а в общем, Бог ему и ей судья! Живя одна, Людмила не страдает — она в работе днями напролет и в звании майора бой ведет, чтоб жизнь у нас была не воровская!

Итак, чуть свет она встает с постели. Зарядку сделав, принимает душ, пьет кофе и накладывает тушь — чтоб подчеркнуть реснички еле-еле, нос пудрит, облачается в дубленку и к своему несется “жигуленку”. Летит стремглав по утренней столице, у светофоров резко тормозит... Сегодня ей на службе предстоит в очередное дело погрузиться, — но героине нашей невдомек, что на часах уже подходит срок начала необычного сюжета, который жизнь ее перевернет... Остался миг... какой-то поворот... Сейчас и вы узнаете про это!

2

А кто же для допроса к ней приехал? Сам Аркебузов Павел — президент издательского дома “Интер-Вент”, добившийся обвального успеха на рынке детективов. И теперь он к Прониной распахивает дверь.

Зловещим вепрем вырос на пороге: в клыках сигара, как труба, дымит, насуплен и по-модному небрит, одет в костюм двубортный, синий, строгий, пальто из кожи черное до пят, и туфли тупорылые блестят. А за спиной маячат два амбала — такие здоровенные быки — на шеях необхватных две башки, в которых мысль, увы, не ночевала.

Но Прониной пугаться нет резона. Она вошедшим предлагает сесть и говорит, что Павел должен шесть внести в казну “зеленых” миллионов. Тот кашляет, смеется и острит, но весь его довольно бледный вид свидетельствует о душевной смуте. Людмила разъясняет не спеша: мол, есть закон — с любого барыша платить налог, уж вы не обессудьте. А если не внесете, мол, налог, схлопочете тогда приличный срок. И достает из папочки бумаги: все тиражи, мол, Павел занижал и получал за это “черный нал”, и нет прощенья хитрому делегае.

Тут Аркебузов закурил нервозно, полез в карман и положил на стол компакт-кассету “видео”. Повел бровями и сказал майору грозно:

— Ну что ж, вот эта пленка, может быть, умерит в одночасье вашу прыть!

— А что на ней?

— Забавная картина: начальник ваш, полковник Турухтан, резвится в койке с парочкой путан — как говорится, с удалью былинной... Но мы б сочли, что нет у нас кассеты, когда б вы сняли все свои наветы...

Теперь уже задумалась Людмила: а по какому двинуться пути? Сказала сухо:

— Можете идти, — и дверь за Аркебузовым закрыла.

Потом по “видаку” смотрела пленку — как Турухтан, ее любовник-экс, практиковал в постели группен-секс — с азартом переростка-жеребенка; ругалась еле слышно: “Сукин кот! Козел! Придурак! Сволочь! Обормот!” Придя в себя, с кассетой к Турухтану влетела без доклада в кабинет. Полковник был упитанный брюнет, слегка похожий даже на цыгана, а может — молдаванина. Усы имел он фантастической красоты! Увидев Люду, резво встал со стула и весело приветствовал:

— Бонжур!

Она сказала:

— Ты в дерьме, Артур, — и пленку перед ним на стол метнула.

Узнав детали, сел ее любовник, стал бормотать:

— Какие подлецы!.. Я им гожусь практически в отцы... Им наплевать на то, что я полковник и человек семейный, в орденках... Ах, негодяи! Ах, мерзавцы! Ах!.. Конечно, я порой бываю вздорен, безудержен — ты знаешь ведь, Людок... Но чтобы так попасться на крючок?!.. Я посрамлен! Раздавлен! Опозорен!.. Но ты ведь, Люд, мне настоящий друг? Меня не бросишь в лапы этих сук?

— Так что, на “Интер-Вент” закроем дело? — произнесла досадливо майор.

Артур замаялся и потупил взор, потом спросил:

— А как бы ты хотела?

Она уселась в кресло для начала, в стаканчик “Пепси-колу” налила, отпив, листок бумаги со стола взяла и схему действий начертала; проговорила:

— Вот примерный план...

Его прочтя, полковник Турухтан едва не зарыдал от восхищения; но, поразмыслив, дернул головой:

— Прости, дружок, но такой ценой я не могу купить свое спасенье. Уж лучше мне испить позор до дна, чем рисковать тобою. Ты должна ответить Аркебузову отказом. Не запугает нас его шантаж. Гражданский долг не продается наш! И действовать не вздумай без приказа!

— Нет, риска никакого, право слово, — ответила Людмила горячо. — А если что — подставите плечо, на выручку примчитесь — и готово! Мы жуликов как миленьких сдадим, а ты же будешь цел и невредим!

— Но кто тебе на нынешнем этапе поможет в эту мафию попасть?

— Реализует основную часть супруг мой прежний, обратившись к папе. Мы это дельце провернем втроем и мафию до нитки оберем!

Артур на Люду посмотрел в упор, усы разгладил, вынул сигарету и, прикурив, пройдясь по кабинету, сказал с улыбкой:

— Действуйте, майор!

3

Теперь я расскажу о бывшем муже. Его зовут Сосновский Алексей. Он сух и строг в учености своей и холоден, подобно зимней стуже, не терпит кумовство и плутовство, а из коллег Алеши большинство считает: "Он — обыкновенный гений". Алешу Люда полюбила за... красивые зеленые глаза и парадоксы всех его суждений! Они учились вместе на юрфаке, дружили и не думали о браке — до двадцати пяти своих годов; она уже в милиции пахала, а он — обозревателем журнала по всем аспектам правовых основ.

Но вот однажды, встретившись случайно, придя на факультетский юбилей и веселясь в компании друзей, взаимно были рады чрезвычайно. Подумала Людмила: "Это ОН!" Подумал Алексей: "Да я влюблен!" — и оба отдались безумствам страсти. Их был невероятен жар и пыл, и вскоре молодых соединил бог Гименей — на радость и на счастье! Полгода пронеслись, как чудный миг. Потом настали будни. И возник какой-то холодок непониманья. Она ему кричала:

— Самодур!

А он ей:

— Ты строптива чересчур, тебя я не пойму при всем желании!

— Видали? Он понять меня не может! — смеялась сардонически она. — Я просто идеальная жена, тебе в угоду лезу вон из кожи, тяну хозяйство, создаю уют, а ты, сухарь, зануда из зануд, как фон-барон, вещаешь тут с дивана: мол, я глупа и действую не так! Да на черта мне нужен этот брак?!

— Ты говоришь, по меньшей мере, странно, — ей возражал, насупясь, журналист. — Семейный путь — нелегко и тернист, а ковка счастья — трудная работа. Имей терпенье! Не руби с плеча!

Она стихала, сумрачно бурча о женской доле горестное что-то...

Так продолжалось месяцев семнадцать. И вот итог: очередной скандал собою как бы ознаменовал, что больше им нельзя не разбежаться.

— Тебе я не покорная раба! А значит, нам с тобою не судьба прожить в благополучии до гроба, — сурово подвела она черту.

— Да, видимо, жену себе не ту я взял. А впрочем, виноваты оба: два лидера не могут жить без боя, и тщетно примирение любое, — вздыхал Сосновский, теребя манжету. — Но, несмотря на всё, надеюсь я, мы разойдемся, в целом, как друзья?

— Да, в этом у меня сомнений нету!

Развод прошел спокойно. И немало Алеше вскоре в жизни повезло: он был, своим соперникам назло, назначен зам. редактора журнала. Строчил в другие органы статьи, плюс к этому, познания свои он применял в киношных детективах — по правовым вопросам консультант; еще один открыл в себе талант — сюжеты строить лихо и нелживо, однажды смеха ради сочинив довольно хитроумный детектив. В кино отдал сценарий, и вначале был встречен на "ура". Но вслед за тем возник вагон финансовых проблем, и фильм его пока снимать не стали. Но тут как тут — Людмила на пороге:

— Привет!

— Привет!

— Я слышала, что ты достиг невероятной высоты как сценарист?

— Ты шутишь?

— Видят боги, я говорю серьезно. Есть одна идея-супер. Помощь мне нужна в серьезном и ужасно трудном деле. И без тебя я, право, как без рук.

— Ага! — сказал отставленный супруг, и у него глаза повеселели.

Она ему о замысле своем поведала в деталях, но при том о видеокассете умолчала...

— Ну, что ж, — сказал он твердо, — я готов помочь разоблачить твоих врагов из круга теневого капитала!

Короче, бывший муж без промедленья, ее реализовывая план, сценарий переделывал в роман, приемлемый для массового чтения, взяв консультантом Пронина-отца — по детективам давнего спеца. А Пронина, по собственному плану, должна была внедриться в "Интер-Вент" как их сверхполномочный лит. агент и составлять протекцию роману... Конечно, обратившись к Алексею, чтоб повернуть опасную затею, она вернуть обратно мужика, признаться, даже в мыслях не имела... Хотя могла бы попытаться смело!.. Но я об этом промолчу пока.

Визит ее обставлен был шикарно: манто из норки, шапка из бобра, и кожаная юбка в полбедр, и сапоги сияли лучезарно, жилетка, кольца, темный лак ногтей — всё гармонично сочеталось в ней! А макияж был просто высшей марки — “Кензо”, “Макс Фактор”, “Л’ореаль”, “Диор”... Сказать по правде, Пронина-майор впервые так нафабривалась ярко (ее подруги, в моде мастерицы, ей помогли в секс-бомбу превратиться). Она смотрелась краше всех на свете! И Аркебузов, словно идиот, застыл, открыв от удивленья рот, ее в своем увидев кабинете.

Пролетел:

— Мадам, да это вы ли? — вскочил, расплылся, взял ее манто, подвинул кресло и, спросивши: — Что... хотите выпить? — предложил Людмила на выбор: водку, “Скотч”, “Наполеон”...

Она кивнула:

— С коньяком лимон приятные приносит ощущения...

Разлив, отпили, изучая вкус... И Аркебузов промурлыкал:

— Ну-с... к какому вы склоняетесь решению по делу господина Турухтана?

— Я, Павел, вам отвечу без обмана: решение это нам давалось трудно... Мы офицеры... существует честь... Но в компромиссах тоже выход есть, чтоб наше счастье было обоюдное!

— Итак?

— Итак, пожалуй, в данном споре мы можем плавно отрулить назад... когда бы вы, забыв про компромат, подумали о книжном договоре...

— Каком?

— Что вы беретесь издавать мой детектив “Призвание убивать”.

Он засмеялся:

— Значит, вы писатель? Маринина-вторая? Что ж, о’кей! Мы вашу книгу выпустим быстрее полета пули! — заключил издатель.

— Спасибо, Павел. Сразу проясним другой момент: возьму я псевдоним — на всякий случай — не “светиться” чтобы.

— Какой?

— Мужской — Сосновский Алексей.

— Вполне нормально, хоть и без затей.

— К чему оригинальничать особо?

Пришли к согласью, в общем, полюбовно. А через день, решителен и спор, издатель подготовил договор, где гонорар был назван баснословный! В глазах рябило от числа нулей! И сразу же “Сосновский Алексей” (иначе говоря, сама Людмила), опять приехав лично в “Интер-Вент”, отважно подписала документ, чем Павла совершенно покорила! Да, он в нее влюбился, как пацан, и пригласил на ужин в ресторан. Она сказала:

— Это против правил моих моральных. Но, боюсь, для вас я исключенье сделаю сейчас и соглашусь на встречу с вами, Павел!

...Сверкал "Пекин" рекламными огнями, шуршали иномарки у дверей... Швейцар встречал поклонами гостей, лампасами слепа и галунами. В ковре тонул приятно каждый шаг, и пах дурманно дорогой табак... Людмила с Павлом ужинала чинно, изысканно пила "Вдову Клико", и светский разговор вела легко, и улыбалась часто беспричинно. А он курил сигару, кушал вяло и говорил ей:

— Ты околдовала меня буквально. Хочешь, я охрану теперь же отпущу, и мы с тобой ко мне поедем?

Люда головой качала томно:

— Возражать не стану...

О, этот их бросок на джипе черном — за город, в трехэтажный особняк, где снова пили кофе и коньяк, в гостиной сидя теплой и просторной, у круглого зажженного камина, и Павел, заведенный, как пружина, хватал ее за платье дорогое, слюнявил ухо, нагло тискал грудь и был готов ширинку расстегнуть, — но клофелин, подсыпанный в спиртное, издателя мгновенно отключил! Тогда она взяла его ключи, неторопливо и уже без риска, на уровне полов и потолков по дому понатыкала "жучков", а уходя, оставила записку:

"Ты спишь сурком, и я бегу отсюда. Прощай навек. Мне очень жаль, поверь".

Очнувшись, он рычал, как дикий зверь, и в ярости предельной бил посуду. Потом звонил ей и просил пощады. Она сказала, что была бы рада ему поверить, но пока что злоба в ее душе всех милостей сильней:

— Перезвони мне через пару дней — перекипеть и усмириться чтобы...

И он отполз, готовый есть с руки... А Пронина через свои "жучки" подслушала, что Павел сейф имеет на вилле, где издатель-неофит бумаги все секретные хранит, — и поняла, как выкрасть их скорее...

5

А между тем, роман ее супруга был выпущен благополучно в свет. О нем писало множество газет, перебивая ревностно друг друга, сходясь во мнении — Алексей Сосновский как детективщик одарен чертовски! Людмила получила кучу "гринов", где 50% — "черный нал". Но этот очевидный криминал в ее глазах был в общем-то невинным, и Пронина считала: "Слишком мало на Аркебузова я "компры" накопила! Мне нужен сейф! И все его секреты! А к ним еще — оригинал кассеты с проделками разгульного Артура... И сбудется заветная мечта: издателя отправить в те места, где тучи над Амуром ходят хмуро!"

Тем более, что слепки всех ключей в тот раз она сумела сделать ловко — ей помогли природная сноровка и стаж большой в милиции своей! И вот, презрев опасности и страх, майор уже летит на "Жигулях" — за город, к Аркебузову на виллу. Сгуща-

лась темень, нисходя с небес, и кронами качал сосновый лес, а Люда без конца на "газ" давила... Зачем ты лезешь, девка, на рожон? Конечно, каждый должен чтить Закон, но надо ль за него идти на муки? Вопросы нет! У Прониных в крови идея-фикс: "Преступников дави!" — а прочие слова — пустые звуки!

Вперед, вперед! Не отвратят майора ни ночь, ни темный трехэтажный дом... Все уголки Людмила помнит в нем и "мертвые" пространства у забора, где теленаблюденье не ведут, — продуман десять раз ее маршрут!.. Гостиная с камином, лак паркета... Ступеньки вверх, перила, коридор... Ее кроссовки тихо мнут ковер и на палас выходят кабинета... Стена, картина — а за нею сейф! Смелей, родная, действуй и не дрейфь! Заранее подслушан код замка — "жучки" ее устроены на славу! Колесико вращаем влево, вправо... Сработает запор наверняка!..

О, Боже! Вспышка света! Топот ног! Ее схватили, придавили к полу, и Аркебузов, наглый и веселый, над ней склонившись, со смешком изрек:

— Ай-яй, нехорошо, когда майор в дома чужие лезет, будто вор!.. Что мафия бессмертна — знает каждый. А кто не с нами — погибает вмиг. И ты попала сразу же в тупик, решив перехитрить меня однажды!.. На стул ее, ребята, посадите: я потолкую с этой Нефертити.

Он сел и выдал, закурив сигару:

— Ну, значит, все права, едрена мать, на детектив "Призвание убивать" ты мне уступишь, сука, без базара!

А помолчав, добавил мрачновато:

— Уступишь — буду вежлив я с тобой, и целой ты отправишься домой. А не уступишь — я велю ребятам тебя утюжить так усердно, чтоб твои глаза повылезли на лоб! Ну, что, согласна?

Пронина в ответ вздохнула тяжело, пожав плечами:

— Само собой, что с этими "быками" тягаться у меня желанья нет. Но как мне быть? Ведь я же не имею на книгу прав! Они у Алексея Сосновского — у мужа моего... Он — автор, я — фигура подставная... Ты удивлен? Конечно, понимаю... Но не могу поделаться ничем!

Издатель не смутился:

— Значит, мужу звони и вызывай его сюда. Никто не причинит ему вреда — до той поры, пока не обнаружу, что вы ведете новую игру. Тогда я вас по стенке разотру!

Пришлось звонить. И бывший благоверный по тону Люды понял, что она в беду попала и окружена злодеями; короче, дело скверно. Сказал:

— Держись! Я тестя озадачу, — и принялся звонить ему на дачу.

Рассказ Алеши Пронин легендарный прослушал нервно и ответил так:

— Да этот жулик — попросту сопляк. Людмилку мы спасем элементарно!

Полковник, озорно ругнувшись матом, продолжил:

— Ты звони-ка побыстрее Артуру Турухтану. Пусть людей, специалистов штурма и захвата, нам выделяет — человек пятнадцать, чтоб с мафиози жестко разобраться. У Триумфальной арки — место сбора. Он состоится ровно в пять ноль-ноль. “Майор Людмила” — будет наш пароль. В известность мы поставим прокурора, поскольку четко и определенно всё совершим, не преступив Закона! Ну, в общем, действуй. Встреча ровно в пять. Мы не имеем права опоздать!

И Пронин-старший начал разудало на дело собираться, как тогда, — в его лихие, прежние года, — а мама папе, плача, помогала...

6

Зимой рассветает где-то в восемь. Курчаво поднимался белый дым на вилле из трубы. А вслед за ним всходило солнце из-за шапок сосен. Полицией обложен был забор. Папаша Люды, стрелян и матёр, не выглядел замшелым ветераном: “Узи” и маска, серый камуфляж — всё выглядело круто! Пронин наш смотрелся как ровесник Турухтана! Сам Турухтан щипал роскошный ус и повторял:

— На штурм идти боюсь, поскольку жизнь Людмилы под угрозой.

А за сосной, поднявши воротник, стоял Сосновский, бледный, как старик, и наблюдал за дачей мафиозо. И тесть ему сказал проникновенно:

— Ступай, Алешка! Вроде твой порыв — скорей отдать права на детектив, чтоб вызволить любимую из плена, не ставя будто жизнь свою ни в грош. Тем самым ты охрану отвлечешь, а мы с Артуром согласуем здесь совместный план, как подобраться к даче и жуликов скрутить к чертям собачьим, и развалить их мерзкий бизнес весь!

Кивнув, Сосновский двинулся к воротам. Звонок пропел высокой звонкой нотой, затем возник в динамике мужик:

— Ты кто?

— По делу. Я супруг Людмилы.

— Ну, проходи. — И сквозь ворота виллы Алеша к Аркебузову проник.

Пока издатель занимался гостем, а гость отказ подписывал от прав, папаша, полицейским приказав: “Меня через забор вы перебросьте”, — перелетел на дачу голубком. На дерево взобрался он потом, с него — на крышу и по черепице ползком к печной приблизился трубе и, по своей природной худобе, в нее сумел спокойно углубиться. (Конечно, дым полковника душил, но ветеран терпел, что было сил!) Прыжок! Полет! И он уже в камине — стоит, весь в саже, целит автомат, кричит: “Ложись!” — довесив жуткий мат, как подобает русскому мужчине.

В ответ на это начала охрана шмолять в папашу изо всех стволов, и был бы Пронин вряд ли жив-здоров, когда бы не ребята Турухтана: пойдя на штурм, полезли в окна, двери и, понеся ничтожные потери, охранников сразили наповал. А Пронина, воспользовавшись схваткой, издателю влепила по лбу пяткой — да так, что он, как скошенный, упал. Хотел вскочить, но диким хуком в ухо его добила наша молодуха. Ура! Победа! Мафиози — швах! Но тут Людмила на полу узрела Сосновского распластанное тело, пробитое навывлет в трех местах.

Она пред ним свалилась на колени, воскликнула:

— Не умирай, Алеш! Поверь мне, зайка: если ты умрешь, умру и я — от страшных угрызений, что не смогла любимого сберечь...

На миг один к нему вернулась речь, и он ответил шепотом, но ясно:

— Не плачь, цыпленок, я еще живой... Мы снова станем мужем и женой, когда поправлюсь... Или не согласна?

— Согласна, киса! Главное — живи! — и без конца клялась ему в любви.

Тут Лешу положили на носилки и понесли к машине. А майор стояла у окна и из-за штор смотрела вслед — взволнованно и пылко.

Ну, что ж? Финал: издатель уличенный в наручниках был с дачи уведен. Теперь перед судом предстанет он и вряд ли избежит тюремной зоны, поскольку в сейфе Пронина нехило полпуда “компры” на него нарыла! Зато у Турухтана всё в ажуре: Людмила честь полковника спасла — в камине, подпалив, сожгла дотла ту самую кассету об Артуре; а за успех в разгроме криминала начальство их двоих премировало! И папа Пронин доблестно отметил рождение второе: двадцать пять сумел он пуль потом отковырять, застрявших у него в бронежилете!

И вот вам долгожданный хэппи-энд: Сосновский, не успевший долечиться и только-только выйдя из больницы, главой был избран дома “Интер-Вент”. Какой успех! Теперь он сможет яро романы с Людой издавать на пару. Но это — позже. А сейчас Алеша роман *любовный* закрутил с женой своею бывшей! Позднею весной они сошлись, знакомых огороша, а летом поспешили под венец. Совет! Любовь!..

А Прониной отец? На даче сидя, пьет чай с вареньем... Но если снова криминальный сброд родных его и близких допечет, он ринется в атаку — без сомненья!..

Но где ж мораль? Скажу без лишних слов: активной покупайте детективы — простое развлекательное чтиво, прибежище скучающих умов! Леонова когда читаем все мы, тушуются серьезные проблемы, покоем наполняется душа — и снова жизнь как будто хороша!..

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Обращаем ваше внимание на то, что и во втором полугодии 2000-го года купить "Смену" в розницу будет почти невозможно — основной тираж журнала традиционно распространяется по подписке. Если вы не хотите расстаться со своим любимым изданием, советуем продлить подписку.

Цена за один номер журнала — 30 руб., за три — 90 руб., полугодичная подписка — 180 рублей (по каталогу «Распечата-ти» без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Подписной индекс — 70820.

Оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции. Цена одного номера тоже 30 рублей, но такая подписка все-таки дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции (по предъявлении удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 25 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, онаяваясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-07, 212-15-17.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

**Звоните, пишите, приезжайте —
мы всегда рады вам.**

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

вниманию рекламодателей!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"**

по телефонам

257-30-55,

257-39-45.

**Приглашаем к сотрудничеству
региональные рекламные
агентства и менеджеров по
рекламе.**

Ч

то общего между кабинетом психотерапевта и так называемыми экстремальными видами спорта? Между экзотическими видами туризма и туалетной комнатой ресторана? Между профессией "охотника за головами" и любителем принурить от олимпийского огня?

Ответим сразу: никакого аромата "армянского радио" в этих вопросах нет. Все более чем серьезно. Общее между всеми перечисленными вещами — неудовлетворенность жизнью. Чувство ее пресности. Или пустоты. А то и ничемности.

Все мы знаем, как пресыщает однообразие. Замечательно, когда жизнь благополучна, но бесконечное благополучие утомляет не меньше, чем бесконечная цепь неудач. Иначе говоря, жизнь без

перца и горчицы — и пресна, и пуста, и ничемна.

Как сделать, чтобы ощутить жизнь если и не праздником, то радостью? Чтобы она исполнилась смысла и вдохновения? Чтобы в ней постоянно был аромат "перца" и "горчицы", которые мы — говоря о реальной еде — так любим добавлять в пресные блюда, чтобы "расцветить" их вкус?

Западные психологи, которые много занимаются проблемами психического качества жизни современного человека, утверждают: нужно с определенной регулярностью становиться на край жизни. Как бы протянуть руку небытию. Заглянуть в него. Заглянуть — и отпрянуть, вернувшись в обычную оболочку существования. Гарантия стопроцентная: ваше обычное существование тот-

Николай АЛЕКСАНДРОВ

НА КРАЮ

час делается осмысленнее и внятнее.

Занятие спортом — вот лучший способ придания жизни желаемой остроты. Но спортом не простым, а особым, который получил название экстремального. У нас смерти, через что непременно проходит человек во время занятия экстремальным видом спорта, недолго придает потом жизни феерически пряный вкус. Такой спорт рождает в человеке, занимающемся им, острое, победное чувство счастья, восторга и той оныренности, что может возникнуть только на границе жизни и смерти (когда, разумеется, эта граница уже пересечена и ты остался жив).

Прародителем всех современных экстремальных видов спорта считается "free climbing — свободное карабканье", бум которого

пришелся на 70-е годы. Необычайное увлечение им пережили США, Европа, Австралия. Free climbing — это альпинизм, не использующий абсолютно никакого снаряжения, никакой страховки. Основа его — натренированное до последнего сухожилия тело. Особенно важны твердые, как камень, мышцы рук, кистей и ног. Цепляясь за малейшие выступы на скале и трещины, альпинист взбирается вверх только при помощи собственной мускульной силы. Вместе с Райнхольдом Месснером, самым знаменитым альпинистом столетия, признанным гуром этого вида спорта является и баварец Штефан Глован. Он сумел покорить сложнейшие вершины мира, тренировал Сильвестра Сталлоне для фильма "Скалолаз". При росте один метр восемьдесят сан-

ЖИЗНИ

тиметров в Гловане всего 64 килограмма веса. 11 ноября 1996 года он повис на одной руке на выступе австралийской скалы Mount Agariles; сделанный во время этого фотоснимок обошел впоследствии газеты и журналы всего мира.

Можно сказать, что для фрирайминистов страшна не высота, а, предположим, полиция. Два года назад 35-летний француз Ален Робер на глазах ошарашенных парижан и туристов взобрался на вершину знаменитого 20-метрового обелиска на площади Согласия. Поднимался он, как и положено фрирайминисту, не используя никаких приспособлений, — только при помощи мышечной силы рук и ног, которые время от времени для лучшего сцепления с камнем припудривал тальком из мешочка. Подъем и затем спуск заняли всего какие-то полчаса.

Но у подножия обелиска скалолаза задержала полиция — для выяснения вопроса, не нанес ли он своими действиями вреда памятнику, стоящему здесь с 1836 года. До этого Ален таким же образом уже покорила нью-йоркский небоскреб Эмпайер стейтс билдинг, за что также был арестован полицейскими. Однако, сидя во французской каталажке в ожидании освобождения, человек-паук, как его прозвали журналисты, сообщил прессе, что на обелиске Согласия он не остановится, и пригласил всех на покорение обелиска в египетском Луксоре.

Со времени появления free climbing любители балансирования на краю жизни изобрели множество других разновидностей экстремального спорта. Один из наиболее доступных видов — "Спуск по отвесной плоскости на роликах".

Именно такую "забаву" предлагают всего за девяносто марок любому желающему в Германии. Для спуска используется стена высотного дома. Человек преодолевает семьдесят метров "дистанции" под прямым углом к земле, держась руками за тонкий трос и сам контролируя темп движения. Этот трос — его единственная страховка, разожми руки — и конец. Во время молниеносного спуска — считанные секунды! — адреналин в кровь смельчана выбрасывается литрами.

У кого не просто крепкие нервы, но и толстый кошелек, для тех вполне доступна "ныряющая ставрида". Для того, чтобы ощутить себя этой самой ныряющей ставридой, нужно подняться на вертолете и выпрыгнуть из него в прикрепленную к нему внизу огромную сетку. Семьдесят метров свободного падения абсолютно без всякой страховки обеспечивают "ныряльщику" переживания поистине убийственной остроты.

Из Флориды пришла "кильватерная доска". Это своего рода водные лыжи, но на всем известном сноуборде — специальной доске, применяемой для катания на волне прибоя. "Уэйкбордеры" упражняются на волнах, образуемых скоростными моторными лодками, за которыми они несутся на скорости 35 километров в час. Различные петли, сальто и прочие фигуры "пилотажа", что выделывают "уэйкбордеры", — занятие далеко не безопасное. При той скорости, что движутся лодки, удар о воду в случае падения равносителен удару о бетонную стену.

"Небесный серфинг" — вид экстремального спорта, известный многим. Он необычайно кра-

сив, и его часто показывают в телерекламах. Небесный серфинг включает в себя прыжок с самолета на высоте более четырех тысяч метров и фигурную акробатику со сноубордом на ногах. Обычный прыжок с парашютом не идет ни в какое сравнение с небесным серфингом. Единственная техника безопасности при небесном серфинге — абсолютное владение собственным телом. Полет к земле занимает пятнадцать минут. Тот, кто во время него делает слишком много всяких фигур и пируэтов, рискует потерять сознание и, как следствие, не раскрыть вовремя свой парашют. Этот вид спорта — исключительно для профессионалов.

Однако для любителей острых ощущений и смертельной опасности хватает и других развлечений. Некоторые, на первый взгляд, не требуют специальной подготовки, а только собственной смелости и упорства. На деле, правда, это оказывается далеко не так.

Вот "марафон в пустыне". Марфонская дистанция — 42 километра 195 метров — по песчаным дюнам в Маронно. Температура достигает 60 градусов по Цельсию. Все снаряжение марафонца — компас, платок на голове, крем для губ и рюкзак с аптечкой. Песчаные горы до начала пути выглядят безобидно и, кажется, готовы стелиться спортсмену под ноги. Но при каждом из 80 тысяч шагов, которые необходимо сделать, нога погружается в тончайшую сыпучую массу, вязнет в ней и вытащить ногу для следующего шага становится все трудней. Мышцы на ногах перестают сокращаться, превращаются в куски гранита; их пронзает невероятной

болью. Губы трескаются, и уже не помогает никакая крем. В глазах вместо одного солнца — несколько десятков. Стрелка компаса исчезает с его циферблата...

А вот "ледяное путешествие". Пожалуй, среди экстремальных видов спорта нет более одинокого. Он предназначен для таких героических одиночек, как Райнхольд Месснер. Возможный маршрут — на лыжах из Сибири в Канаду. Две тысячи километров из Старого света в Новый. Опасности: морозы, ледяной ветер, торшешение и разломы льдин, белые медведи. Тут просто смелости и даже обычного упорства явно мало. Но Месснер говорит: "Мы — искатели пограничных сфер, мира хаоса. Обыденный мир слишком нам известен, он слишком скучен и упорядочен".

В стремлении к необычному любители экстремального спорта придумали "плавание подо льдом". Во льду прорубается лунка, в которую ныряет — с топором в руках — одетый в утепленный костюм аквалангиста пловец. Под сталактитовой толщей льда — сумеречное сияние и бесконечная тишина. Когда настает пора выбираться наружу, снизу топором прорубается новая лунка. Разумеется, плавание в четырехградусной, наглухо замурованной ледяным панцирем воде — занятие в равной степени захватывающее и опасное.

"Реактивные лыжи" — это "Формула-1" на воде. Двухсотильные скутеры за четыре секунды выходят на скорость сто километров в час. (Рекордная скорость, достигнутая у побережья Флориды, — 160 километров в час). Никакой страховки, вся дистанция — на пределе возможностей челове-

на и техники, преследование ведется буквально с миллиметровым разрывом. Победитель соревнования "Superstock Race" возвращается домой со ста тысячами долларов в золотых слитках.

Конечно, настоящие спортсмены относятся к экстремальным видам спорта с определенным высокомерием. Тот же фринлайминист Райнхольд Месснер считает, что амбиций тщеславия тут зачастую гораздо больше, чем собственно мастерства. Нильватерная эквилибристка на сноубордах, говорит он, требует лишь элементарной сноровки. "Ныряющие сардины", так те вообще просто прыгают вниз, и все. Участники марафона в пустыне должны обладать феноменальной выносливостью, и только. Из всех прочих Месснер выделяет один небесный серфинг, предполагающий у спортсмена большую предварительную подготовку.

Возможно, в его словах есть своя правда. Но любители экстремальных видов спорта хотят прежде всего остроты ощущений. Главное — почувствовать на лице дыхание смерти. И, вместе с тем, только дыхания.

Однако, случается, что человеку, дабы ощутить вкус жизни, даже занятия каним-либо экстремальным видом спорта недостаточно. Ни эпизодического, ни регулярного. Ему нужно заглядывать за край жизни не время от времени, а постоянно, ежедневно, ежесекундно. Во всяком случае, знать, что в любой миг под его ногами может разверзнуться пропасть.

Таким нужно выбирать специальные, особые профессии. Нет, вовсе не пожарного или спасате-

ля. Профессии, в самой своей сути чем-то напоминающие фринлайминство. Одна из таких, например, — профессия "охотника за головами", так называют этих людей в Америке.

Бобу Бертону — пятьдесят три, он ветеран Вьетнама, в прошлом профессиональный каратист и мотогощик. Он полностью разделяет мнение, как-то однажды высказанное Хемингуэем: "Ничто нельзя сравнить с охотой на человека. И те, кто достаточно долго занимался тем, что преследовал вооруженных людей, всегда будут думать только об этом".

Бертон возглавляет службу по розыску людей, скрывающихся от юстиции. В его Национальной ассоциации агентов по поимке залоговых беглецов работает тысяча сто человек. Штаб-квартира Ассоциации расположена в Томбстоуне, легендарном городе, вошедшем в историю американских вестернов: здесь в 1881 году шерифы Уайт Эрп и Дон Холлидэй понесли с бандой Клентона.

Бертон с коллегами разыскивает людей, отпущенных во время следствия под залог и скрывшихся. Их заначки — так называемые бондсмены ("поручители", если дословно), своего рода страховые агенты. Бондсмены подписывают залоговые гарантии за клиента в размере 10-15 процентов от общей суммы залога. Если подследственный исчезает, на них возлагается обязанность доставить его в суд. В Калифорнии — в течение 181 дня, в Нью-Йорке — в течение года. Если этого не происходит, залог становится собственностью юридических инстанций. Чтобы разыскать обманувшего их клиента, бондсмены и обра-

щаются в ассоциацию Бертона. Они совершенно официально передают его агентам (которые есть в каждом штате) свои полномочия на арест — вручая им таким образом лицензию на охоту.

Коллега Бертона Майкл Сигал — бывший клоун. Ему нравилось смешить людей. Но с годами он почувствовал, что его призвание в ином. Обыденное существование оказалось не по нему. Желание внести в свою жизнь элементы приключения и риска привели Майкла в ассоциацию Бертона. Сейчас на его счету уже более 4000 выслеженных и пойманных беглецов. Самый высочайший гонорар Майкла — 150 тысяч долларов за двух итальянцев, которые бежали из Америки на родину после того, как их выпустили из тюрьмы под залог в один миллион долларов. Причина, заставившая итальянцев скрыться от правосудия, была весьма серьезной: они заказали убийство менеджера торгового центра, не желавшего продлевать с их рестораном договор об аренде. Майкл нашел итальянцев, и они были возвращены в Америку.

Один из лучших "охотников" Ассоциации — Джордж Формо по прозвищу Большой Джордж. Ему тридцать лет, рост около двух метров, вес 131 килограмм. Он еще и один из наиболее колоритных агентов: в ухе — бриллиантовая серьга, из-за пояса всегда торчит рюньянка "Смит-Вессона". За год на своей машине он накручивает около ста тысяч километров. Дело, которым больше всего гордится Большой Джордж, — поимка одного жителя Южной Каролины, ранившего любовника своей жены и выпущенного из тюрьмы под залог в 250 тысяч долларов. Во вре-

мя следствия от полученного ранения неудачливый любовник умер, и подсудимый стал уже обвиняться в убийстве. После чего он и скрылся. Большой Джордж в конце концов нашел беглеца в Техасе — в поселении для бедных. Его гонорар составил 25 тысяч долларов.

Среди охотников за головами — бывший топ-менеджер всемирно известной фирмы IBM, бывший знаменитый футболист, бывший военный фотограф. Стать членом Ассоциации, агентом по поимке залоговых беглецов, весьма несложно. 427 долларов за короткий курс обучения в Томбстоуне, пара наручников, купленных за свой счет, — и вы агент, вперед!

Работа "охотника" — это отнюдь не постоянные погони, непрерывающиеся схватки, стрельба. Активным действиям в ней принадлежит не больше пяти процентов. Остальные девяносто пять — рутинная расследования. Розыск беглеца всегда начинается с компьютера: не засветился ли где-нибудь номер его страхового свидетельства, если он устроился на работу, не записал ли он новые водительские права где-то в другом штате, не связался ли по электронной почте с друзьями? Затем начинается сбор сведений путем опроса: бывшие коллеги по работе, родственники, знакомые, соседи. Иногда за это приходится платить деньги, чаще всего — нет. Как правило, опрос, если он проведен грамотно, приносит положительные плоды. Как утверждает на основе тридцатилетнего розыскного опыта Бертон, у каждого человека найдется свой Иуда: брошенная любовница, обманутый работодатель, обиженный друг. Не-

обходимо только суметь выйти на них.

Но хотя работа "охотника" и состоит на девяносто пять процентов из рутины, те самые пять процентов активных действий — самое существенное в ней. Именно они придают жизни "охотников" ту самую, так необходимую им "пряность". Захваты беглецов планируются со всей возможной тщательностью, но риск неизбежен. Бертон получил пулю в ногу. Бывший клоун Майкл Сигал был ранен ножом.

Что ж, это оборотная сторона их занятия. Они всегда готовы к тому, что их профессия может обернуться к ним своей изнанкой. У нее есть достоинства, которые они ценят выше всех ее издержек и изъянов.

В ресторане нью-йоркского отеля "Шератон-Манхеттен" мне удалось поговорить с агентом Ассоциации, "охотником" по имени Юджин.

— Скажите, Джин, — спросил я, — желание остроты жизни — это та причина, которая заставляет вас быть "охотником"?

— Да, — согласился он, — человек, который склонен быть бухгалтером, в наш бизнес не придет. Но "жажда перца", она ведь тоже бывает разная. А то бы, глядишь, мы все, как один, подались в потрошители сейфов, а не в их охранители — в известном смысле, разумеется.

— Тогда, получается, — решил уточнить я, — причина в возможности заработать хорошие и часто — быстрые деньги?

— Да, — снова согласился он, — это тоже очень существенный момент. Если бы мое занятие не приносило мне денег, и прилич-

ных, я бы, само собой, не стал им заниматься. Но главное, что эти деньги ты не просто зарабатываешь, а выигрываешь, как приз в состязаниях. Ты не зависишь от чьей-то расхлябанности, необязательности, обыкновенного кренинизма. Если успех — это твой успех. Если что не получилось — никто не виноват, кроме тебя самого.

— То есть для вас, Джин, — продолжал я свое интервью, — очень важна в вашей профессии повышенная степень индивидуалистического начала?

Юджин немного помолчал.

— Откровенно говоря, никогда не задумывался над этим. Но возможно. В принципе, важно все: и то, и другое, и третье — все вместе. Что еще приятно: зарабатывая свои деньги, я чувствую, что служу справедливости. Меня это вдохновляет. Тешит мое тщеславие. Хотя случается, что дело завершается вполне успешно и гонорар — в кармане, но справедливость не торжествует.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался я.

Юджин покивал:

— Я вам просто приведу пример. Мы разыскивали одного наркоторгера, убежавшего из страны, и обнаружили его на Багамах. Но по существующему там законодательству вернуть его в США оказалось весьма непросто. Тогда, чтобы наш заказчик не потерпел убытка, мы похитили яхту этого типа. Потеря залога была поручателю компенсирована. Но сунин сын ускользнул от правосудия.

Итогом этого разговора с Юджином мог бы быть вывод: охотники за головами, выполняя свою работу, ощущают себя настоящими мужчинами. Во всех смыслах.

Возможно, что по отношению ко всему остальному мужскому роду они испытывают нечто вроде жалости.

Но едва ли бы такой вывод был справедлив. Просто в данном случае мы имеем дело с особым, не часто встречающимся, неординарным складом психики. У обычных, ординарных людей есть и другие способы заглянуть за край, чтобы оценить свою жизнь. Не обязательно связанные с риском.

Так, например, в Швеции (местечко Юнхасъярви) существует специальный ледовый отель, пожив в котором, очень хорошо поймешь, что такое твоя жизнь, проходящая в комфортабельном тепле современного жилья. Вся мебель в отеле из льда, температура внутри — минус пять градусов по Цельсию (не ниже, хотя на улице может быть и минус сорок), из льда — столы и стулья в ресторане, стойка в баре. Да, собственно, и стены отеля — тоже лед, лед — и ничего больше.

Не удивительно, что владельцу отеля Керстину Нельссому приходится заново отстраивать его каждый год. Потому что каждую весну отель превращается в воду. В воду, и ничего больше. Однако расходы, связанные с ежегодным строительством, более чем окупаются: от желающих пожить в ледовом отеле нет отбоя, он никогда не пустует. Хотя стоит это холодное времяпрепровождение весьма немало — 92 доллара с носа за одну ночь.

Можно, разумеется, получать острые ощущения и бесплатно, но для этого свои собственные, индивидуальные способы, но зачастую за них приходится потом, задним числом, довольно дорого рас-

плачиваться, — как это и случилось с 42-летним японцем Садуру Тситу. Во время открытия Олимпийских игр в Нагано Садуру пристроился к пробежавшему мимо спортсмену, несшему факел с олимпийским огнем, и раскурил от этого огня сигару. Каиф, который он получил, надо полагать, не мог бы пойти ни в какое сравнение ни с чем. Однако за легкомысленное отношение к священному пламени против Садуру было возбуждено уголовное дело. На суде он оправдывался тем, что поступил так отнюдь не из хулиганства. Но доводы его не были приняты во внимание, и неумолимые судьи приговорили курильщика к 20 дням тюрьмы и штрафу в 649 долларов.

И, наконец, еще один способ заглядывания за край, который сродни какому-нибудь экстремальному виду спорта вроде "ныряющей ставриды", но, в отличие от него, не требует ни денег, ни физической смелости, а только личной решительности подвергнуть себя операции, которую можно было бы назвать душевным энсгибиционизмом.

Кому не известен феномен дорожной откровенности? Случайному попутчику или попутчице выбалтываются тайны, которые, поведать о них в своем кругу, могут стоить карьеры, семейного благополучия, дружеского расположения, а в отдельных случаях — и жизни. Этот феномен можно было бы назвать эффектом слуги царя Мидаса. Помните древнегреческий миф? Цирюльник царя, не в силах держать в себе секрет его ослиных ушей, забрался в укромное место, вырыл яму и прокричал в нее: "У царя Мидаса ослиные уши! У царя Мидаса ослиные уши!..."

Так устроен человек: чтобы его жизнь была исполнена смысла и вдохновения, ему непременно нужно делиться с кем-то своими делами, знаниями, проблемами. И так устроена жизнь, что чаще всего, в подавляющем большинстве случаев, человек не может сделать этого с теми, с кем, на первый взгляд, делиться было бы легче и естественнее всего: со своими близкими. Психотерапевт, вместе с тем, — удовольствие дорогое (а в России, например, еще и редкое явление), да и отнюдь не во всех случаях требуется именно психотерапевт. Зачем психотерапевт, когда главное — просто душевно обнажиться. Покуражиться в этом своем обнажении, "приперчить" им свою жизнь.

Западные психологи, а следом за ними и журналисты, с удивлением и даже известным потрясением обнаружили, что туалетные комнаты ресторанов, клубов, дансингов превратились в своеобразные исповедальни. Где мужчины и женщины, пришедшие провести вечер "в обществе", задерживаются намного дольше, чем того требует целевое назначение этих помещений. Ресторанные столики на двоих, четверых, шестерых, танцы парами, стойка бара с соседом слева, соседом справа, а остальные далеко — это все разобщает; туалетная комната — соединяет. У нее общее назначение, она уравнивает людей самых разных социальных групп, стирает все различия, обнажает человека до его голого естества — и он чувствует себя равным всем, кто с ним рядом в этой комнате, чувствует единение с ними — то единение, которое, как только комната будет оставлена, тотчас исчезнет.

Корреспондентка журнала "Мари Клер" опубликовала "протоколы" подслушанных ею бесед, исповедей, летучих разговоров в туалетах различных увеселительных заведений. Вот огромный ночной клуб "Голливуд" в Ипсвиче. Некоторые женщины провели здесь большую часть того времени, что они находились в клубе. Никто из них прежде не был знаком. Но им здесь вместе — интересно и хорошо. Каждая имела возможность высказаться. О чем? О детях. Даже не столько о детях, сколько о родах. Каждые роды — столь незабываемое, яркое и трепетное событие, что женщине вновь и вновь хочется говорить о них. Но где в обыденной жизни найдешь таких замечательных слушательниц и собеседниц? И где еще столь естественно и прилично показать потерявшую упругость грудь, вспомнив, какой восхитительной она была прежде, продемонстрировать в ответ на чужую откровенность собственные растяжки на бедрах. Степень откровенности необыкновенно высока. Молоденькие девушки, когда речь заходит о моде на персинг, с готовностью выставляют на белый свет свои пупки с вдетыми в них золотыми колечками. С трудом сохраняющая равновесие женщина, выйдя из кабинки, с надеждой обращается к гомонящему кружку: "С кем я сюда пришла? Не могли бы вы мне помочь?"

А вот фешенебельный бар в центре Лондона. Здесь общим вниманием завладела ярная особа по имени Френсис. "Единственное, что волнует мужчин в этом мире, это их драгоценное эго, модель трусов, которые они носят, и

цвет волос на лобке у женщины, с которой они собираются переспать", — вещает она. Вставиться со своим словом в ее философские излияния довольно сложно. Но в конце концов Френсис получает отпор. "Держу пари, когда ты выйдешь замуж, ты будешь смотреть на это иначе", — говорит одна из ее слушательниц. И тут же получает поддержку сразу от нескольких других собеседниц. Спустя некоторое время разговор от философии переходит к делам сугубо житейским. "Ты представляешь, у меня это уже третий мужик, который заявляет, что влюбился в меня и поэтому больше не может со мной встречаться!" — почти рыдая, исповедуется своей сверстнице юная особа, примостившись прямо на рановине. Ее духовница в качестве утешения предлагает неудачнице нюхнуть кокаина.

Нечто подобное можно наблюдать и в России. С тем отличием, что посещение увеселительных заведений у нас еще не слишком массовое дело. Среднестатистический житель ходит в них не очень часто, а постоянные посетители, как правило, живут жизнью, которая не особо располагает к откровенности с незнакомыми. Однако их подруги вовсе не скованы неотступной настороженностью, и поведение женского пола ничем не отличается от поведения посетительниц клубов и баров Лондона или Америки. В туалетных комнатах увеселительных заведений Москвы, Екатеринбурга, Ростова можно услышать точно те же разговоры, что приводит в своей статье журналистка из "Мари Клер". Только, разумеется, на русском языке.

Впрочем, мужчинам вообще свойственна большая закрытость. Хотя можно предположить, что со временем, когда российская жизнь станет менее криминальной, их курительные комнаты также превратятся в нечто подобное нынешним туалетным комнатам "для леди". Яма, чтобы крикнуть про разрывающую грудь тайну царя Мидаса, душевно обнажиться, тем самым приправив свою жизнь "пряностью", нужна всем.

Вполне вероятно, что если тенденция превращения туалетных комнат в своеобразные психоаналитические кабинеты будет сохраняться, хозяева увеселительных заведений для привлечения посетителей начнут оборудовать их специальным образом. Чтобы там можно было по-настоящему расслабиться на мягких диванах и креслах, чтобы горел еще более располагающий к доверительности интимный, приглушенный свет. И в рестораны, бары, дансинги будут ходить не только чтобы повеселиться, вкусно поесть и попить, а еще и чтобы разгрузить свою психику, сбросить стрессы и тревоги — будто на исповеди в церкви.

Но при всем при этом важно подчеркнуть: каждому свое. Одному — спуск по наклонной стене с выбросом литров адреналина в кровь, другому — профессия "охотника за головами", третьему — тот самый душевный энгибиционизм. Следует только помнить еще одно: за все в жизни надо платить. И всякое заглядывание за край чреватой расплатой, цена которой — жизнь.

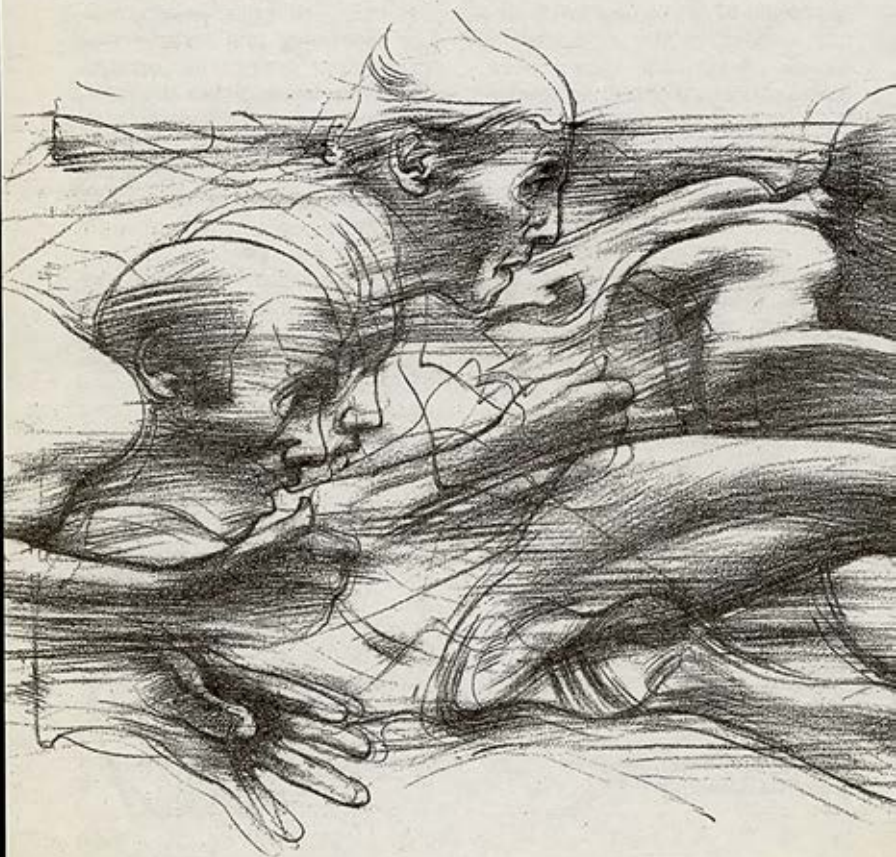
Заглядывайте! Но помните и о цене. ■

Леонид РЕПИН

Чемпионы

Вот и подошло время последней Олимпиады XX-го века. В Сиднее — ворота в прошлое спорта, и в нем же — порог перед дверью в грядущее. Что там, за этим порогом... Время немислимых ныне достижений, или

время разочарований, несбывшихся прогнозов, надежд... поживем — увидим. Но под занавес уходящего века и в преддверии последней Олимпиады в нем, вспомним: именно XX век подарил нам эпоху невиданного и не-

XXI века

слышанного развития спорта, время единения людей разных континентов под белым олимпийским флагом. Спасибо вам, Пьер де Кубертен! Не будь вас с вашим горящим сердцем, не знать бы нам этого замечательного праздника!

Оглянемся в спортивное прошлое минувшего столетия. Вспомним, что было, каким был спорт: это поможет нам заглянуть и в недалекое его будущее. Пролетаем, хотя бы мысленно, желтые страницы газет начала уходя-

щего века. Поговорим немного о спортивной моде прошлого. И при этом постараемся не забывать, что часто, даже очень часто от спортивной одежды напрямую зависят и результаты спортсменов.

“Чудесные, очаровательные — на старт!”

Боже, как же изумительно мило были современницы наших бабушек в своих премиленьких купальных костюмах в виде изящных платьиц со складочками, рюшечками и оборочками! Жаль, правда, что вся эта несказанная красота опала и меркла, когда обворожительные пловчихи выходили из воды...

Но как при этом мужественно выглядели их партнеры — современники наших дедушек, в плотно облегающих тело купальных костюмах в широкую поперечную полосу, закрывающих тела атлетов до лонтей и до щиколоток! Вот бы мы повеселились, появившись они на соревнованиях в современном бассейне!

Однако всему свое время. Когда спорт как массовое движение еще только-только начинал делать свои первые шаги, модельеры, а по-нынешнему — конструкторы одежды совершенно не были готовы к этому. Как не было готово тогда и общественное сознание принять какие-то неожиданные изменения спортивной моды. Потому-то первые законодатели спортивной моды только и могли позволить себе, что перенести, чисто механически, одежду из обыденной жизни — в спорт. Страшновато было им рисковать: показывать обнаженное тело — на такое надо было решиться!

В старой, начала века книге нашел такую рекомендацию от важным дамам, решившимся заняться велосипедным спортом: “Юбка короткая, только по щиколотку. Из-под коротенькой кофточки или болеро видна блузка — полотняная или фланелевая. Материя толстая английския сераго или цвета бэж. Ботинки высоня на шнурках. Шляпа — канотье или треуголка самой простой формы”. После, облачившись во все это гардеробное хозяйство, можно сделать попытку самостоятельно взобраться на велосипед и направиться на старт.

С течением времени произошла вполне естественная эволюция спортивной моды — параллельно эволюции спорта. Стремительно росли скорости, достигаемые в различных видах спорта, углублялась специализация спортсменов — значит, и требования к одежде спортсменов тоже менялись. Выработались и конкретные требования к ней: одежда атлетов должна быть удобна, проста и органично соответствовать виду спорта, для которого предназначается.

Прошло еще несколько десятилетий — и спортивная ветвь моды отросла в самостоятельную, уже научную ветвь. Теперь спортивную одежду конструируют не просто художники-модельеры, а часто и инженеры. Причем инженеры различных специальностей — химики, физики. Если химики выбирают наиболее подходящие материалы для кандого вида спорта, то физики проводят их испытания, переводя на язык формул полученные результаты, о чем самим спортсменам и их тренерам знать не дано. Да и не надо,

наверное. К тому же, профессиональные секреты ученых оберегаются столь же тщательно, как и профессиональные секреты спортсменов.

Ну, а главные требования — целесообразность, осмысленность, единство формы и назначение — все это осталось. Теперь уже недостаточно испытать спортивный костюм, просто надев его на спортсмена. Ощущения человека чаще всего субъективны и то, что хорошо одному, не всегда подходит другому. Поэтому теперь испытания приходится проводить с помощью современной аппаратуры. Тем более, что апробированные установки науки можно с успехом использовать для испытаний новых видов одежды. Например — аэродинамическую трубу, где обдувают летательные аппараты, катапультные кресла пилотов и многое другое.

Первыми это сделали тренеры канадских горнолыжников: они искали наиболее удобную и эффективную стойку прыгунов с трамплина и просили исследователей снять аэродинамические характеристики с новых шлемов для лыжников, разработанные специально для Олимпийских игр в Саппоро.

Физические испытания коснулись и мастеров скоростного спуска. Они принимали в аэродинамической трубе различные позы, а специалисты вели наблюдения по методам, с помощью которых определяют возможности новых самолетов, вертолетов и автомобилей. Максимальная скорость потока воздуха — та же, которая достигается лучшими мастерами спуска: около 180 км в час.

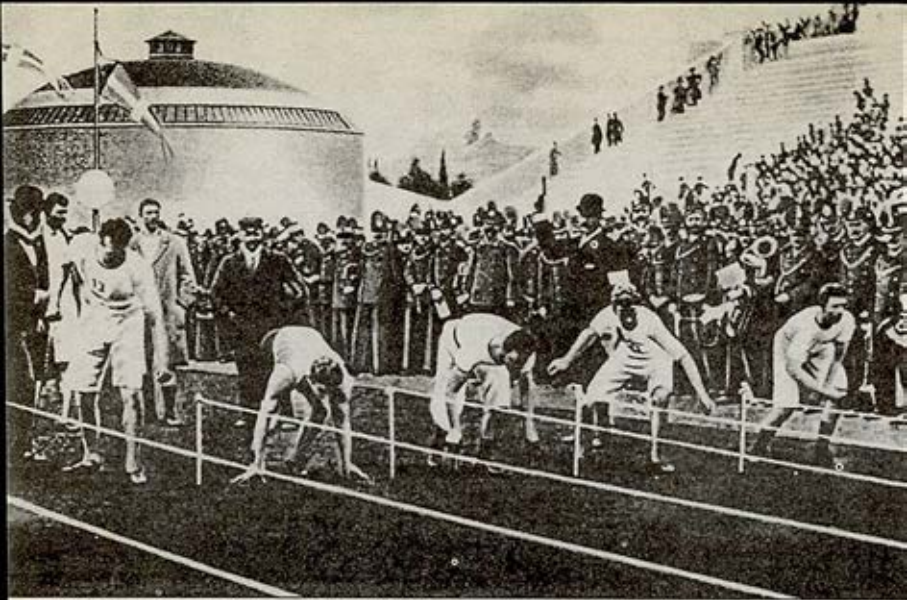
Как говорится, открытия не заставили себя ждать. Оказа-

лось, что наиболее распространенная стойка "айцо" — по аэродинамическим показателям не самая лучшая. А лучшую нашли методом проб и ошибок. При этом определили и характеристики ткани, из которой должен быть сшит костюм для таких скоростей: он должен быть как бы второй кожей спортсмена, быть эластичным — легко растягиваться и немедленно, после нагрузки, принимать прежнюю форму.

Короче говоря, результаты исследований оказались настолько серьезными и многообещающими, что о них категорически запрещалось сообщать в печати. Особо любопытным журналистам вкратце объяснили, почему: новая стойка и новая вариация формы шлема в конце дистанции скоростного спуска дадут выигрыш до двух секунд! И это там, где успех определяют десятые и даже сотые доли секунды!

А что касается второй кожи, то не так-то это и ново. Вспомним атлетов древней Эллады, которые соревновались совершенно обнаженными. Поэтому-то поначалу дам на олимпийские игры и не допускали. Нарушение такого запрета каралось смертной казнью.

Итак, первыми в XX веке плотно облегающие тело эластичные костюмы применили горнолыжники, следом за ними, но попозже — конькобежцы. А подданные "королевы спорта" — легкой атлетики только лет через пятнадцать спохватились. Это сделали бегуны на короткие дистанции. И сразу оценили достоинства и преимущества цельнокроенных эластичных костюмов. За что и приняли на себя убийственную критику спортив-

1886 — I-я Олимпиада. Афины. Финал на 100 м.

*I-я зимняя. 1924. Шамони.
Чемпионна Херма Планн-Сабо (Австрия).*

ных журналистов, обвинивших спортсменов в слепом следовании моде.

А что же в будущем? Что может измениться в этом направлении? Может, и в самом деле, вернуться к примеру атлетов древней Эллады?

В будущем, и предсказать, мне кажется, это не так-то и рискованно, костюмы станут делать из самых разных тонких пленок, соединенных, склеенных под давлением с помощью синтетических клеев. Им можно будет придать любую окраску, такая одежда станет совершенно невесомой, эластичной как живая кожа. Очень может быть, что такие костюмы будут мгновенно напыляться из специальных баллонов и так же легко "сниматься" после соревнований.

Не стоит, однако, думать, что подобные костюмы из пленки сразу же вытеснят традиционную спортивную одежду. В ряде видов останется в чести и одежда из хлопка. И все же уверен: как только пленочные костюмы появятся, их быстренько оценят в тех видах спорта, где достигаются самые высокие скорости. Горнолыжники, велосипедисты, конькобежцы, бегуны-спринтеры, а также прыгуны в высоту, длину и с шестом примерят их первыми. И уже сейчас в научно-исследовательских лабораториях, работающих

*Сент-Луис. 1904 г.
Победитель в метании гири
Этьен Демарто (Канада).*

Чемпион I Игр в толкании ядра и метании диска Роберт Гэррет (США)

на спорт, идут поиски новых материалов для спортивной одежды, создаются новые нетканые ткани, конструируются новые модели. Борьба идет уже за тысячные секунды.

Да... Но до чего же были милы наши бабушки...

Бегущие по раскаленной плите

Великий атлет — несравненный Джесси Оуэнс сумел выиграть на одной Олимпиаде в Берлине в 1936 году четыре золотых олимпийских медали! Рекорд этот до сих пор остается непревзойденным... Это его тренер наставлял будущего великого бегуна, когда тот был всего только многообещающим юношей: "Бежать по

дорожке надо так, как если бы она была раскаленной плитой!" И все, или почти все уже понятно, не правда ли?

Как понятно и то, что беговую дорожку раскалять никто не собирается и не станет этого делать никогда — речь идет только об ощущении спортсмена. Но сами дорожки обречены на постоянное изменение. Их эволюция неизбежна. И она давно уже началась.

Даже и на нашей памяти беговая дорожка многократно менялась, открывая перед атлетами путь к новым вершинам и достижениям. В начале века была просто утрамбованная земляная дорожка. Существовали и травяные — с очень коротко подстриженной травой, но они были обречены из-за своей вязкости. Потом появились гаревые — из мелкого шлака — и тоже хорошо утрамбованные, катками укатанные. Помню, как звенела под ногами самая лучшая из всех наших дорожек на московском стадионе "Динамо" — равных ей по тем временам не было. Ноги по ней, упругой и в меру жестковатой, бежали сами собой, казалось. Но подошло время и ей уступить свое место химической родственнице.

О такой дорожке впервые заговорили еще накануне Олимпийских игр в Риме в 1960 году. На тех играх синтетическая дорожка вполне могла бы появиться. Не появилась, потому что специалисты по легкой атлетике со всех сторон рассматривали ее достоинства. Особенно трудно пришлось бы барьеристам: новая дорожка заставляла менять количество и ритм шагов между барьерами. Это обстоятельство и сыграло ре-

шающую роль: новую дорожку по дороге в Рим тормознули.

Прогресс науки и техники, как известно, не смогли остановить даже великие инквизиторы. Теперь-то проще, конечно. И первая в истории спорта тартановая дорожка укладывается на Олимпийском стадионе в Мехико в 1968 году. Эксперты Международной федерации легкой атлетики, с ней ознакомившись, дружно заявили: "Условия, в которых будут соревноваться легкоатлеты на XIX Олимпийских играх, во всех отношениях лучше, чем были до сих пор!"

Технологию ее изготовления долго держали в строжайшем секрете — как стратегическое оружие неслыханной силы. Автор проекта Олимпийского стадиона в Мехико инженер Хименес, начиная свою работу, побывал во многих легкоатлетических державах, приезжал и в Москву. Встречался с автором проекта стадиона в Лужниках и одним из создателей его знаменитой красной — на клинкерной основе беговой дорожки Василием Петровичем Поликарповым. Поликарпов тогда сказал Хименесу: "Итальянцы в Риме и японцы в Тонио потому не сделали принципиально новой дорожки, что для нее нужны и совершенно другие шиповки. Подумайте, — говорил Поликарпов, — стоит ли она того. Хотя, конечно, преимущества она дает большие..."

Другие шиповки! Это же значит — перевооружить всю несметную легкоатлетическую рать. Самто Поликарпов знал, что говорил: в прошлом он был чемпионом и рекордсменом СССР в барьерном беге. Потом стал инженером, уче-

ным. Сомневался он — и говорил мне об этом — в долговечности синтетических дорожек. Они очень плохо выносили низкие температуры (что, правда, в Мексике значения не имело по вполне понятным причинам), но зато в залах и в странах с теплым климатом были бы очень уж хороши. Но даже и в странах с умеренным климатом через пару сезонов синтетические дорожки покрывались пузырями, подчиняясь, помимо температурных законов — объемному и линейному расширению, еще и законам, вызывающим скрытые, неотвратимые превращения в искусственных материалах. А для бегуна нет страшней врага, чем неровная дорожка. У спринтеров, к примеру, нога в момент отталкивания испытывает нагрузку, в 10 раз превышающую личный вес бегуна. Окажись в такой момент под стопой любая неровность — беда неотвратима.

Поликарпов рекомендовал Хименесу за основу для олимпийской дорожки в Мехико взять резину. И не просто резину, а с вулканическим пеплом. И свои выводы Поликарпов обосновал. Мексиканский инженер прислушался и совет Поликарпова использовал.

Но сколько всяких других дорожек появилось в то же самое время! И все их опробовали бегуны 60-х, и мне довелось: асфальтовые, битумные, резиновые, деревянные — из прессованных опилок, бетонные с мягким наполнителем, резинобитумные... Инженеры изошрались, а мы молотили новые дорожки своими молодыми ногами. Потом пошла целая серия синтетических дорожек: тартан, ренортан, зебран, грасстенс,

анус, апуфлекс-спринт, спортан, резиспорт и еще многие другие.

Американцы предлагали самое "быстрое" покрытие — дорожку "грасстенс". Рецепт, само собой, держался в тайне, но основа называлась: резина в смеси с молотыми пальмовыми листьями и еще чем-то секретным. Такая дорожка была очень жестка и требовала туфель с очень короткими шипами и вдобавок — тонкими.

Химики из Германии соблазнили своей дорожкой. Для Олимпийского стадиона в Мюнхене они сочинили синтетический материал "анус". В основе его лежал каучук, а сверху настился слой пластмассы на каолине. Общая толщина — всего два сантиметра. Испытали — отличная получилась дорожка! Ее постелили на стадионе в Женеве перед Мюнхенской олимпиадой и на стометровке на ней сразу же был показан результат в 10 секунд ровно!

Кстати, незадолго до открытия Олимпийских игр в Мехико созрела и еще одна сенсация: стало известно, что американцы под новую дорожку изобрели и новую обувь, которая обладает огромными преимуществами перед обычными шиповками. Инженеры и конструкторы спортивной обуви учли особенности тартана и создали туфли с 68 коротенькими, всего в полсантиметра, и очень острыми шипами. Они были необыкновенно легки и обеспечивали равномерное и жесткое сцепление с дорожкой. На своих отборочных соревнованиях американцы в новых туфлях установили несколько национальных рекордов. Легкоатлетический мир всполошился: а как же иначе? Приедут в Мехико американцы в новеньких

туфлях и всех за пояс затннут! Международная федерация легкой атлетики, взвесив все за и против, решила, что все должны соревноваться в одинаковых условиях. И правильно сделала.

И в будущем спортивная обувь будет подвергаться не меньшим изменениям и превращениям, нежели наша обычная обувь. И меняться спортивную обувь заставит именно дорожка. Раз они созданы друг для друга — значит, им и меняться вместе. И эволюцию этого направления можно только предполагать. Наука и техника XXI-го века делают все возможное, чтобы мы видели рождение все новых и новых рекордов.

Будущие, пока еще неведомые покрытия спортивных секторов на стадионе заставят меняться не только аксессуарам спорта, но даже и технику в отдельных видах. Та же тартановая дорожка, заставив барьеристов изменить количество шагов между барьерами в беге на 400 метров, позволила улучшить мировой рекорд сразу на 1,2 секунды — неслыханно много! В тройном прыжке наш Виктор Санеев улучшил олимпий-

ский рекорд на 54 см — тоже неслыханно много. И Боб Бимон на 78 см улучшил прежний олимпийский рекорд в прыжках в длину. Великолепная, "бегучая" дорожка позволила развить более высокую скорость разбега, да и разреженный воздух столицы Мексики подействовал тоже.

Так что у легкоатлетов, верных рыцарей "королевы спорта", главные надежды на новые достижения в ближайшем будущем связываются с достижениями науки и техники. И спортивной науки, как таковой, — тоже. Ведь совершенствуются методики спортивных тренировок. Не надо забывать, что меняется и сам человек. Хотя и не очень заметно, не очень быстро. Мы растем потихоньку, в странах, где повышается уровень жизни, растет более здоровое поколение. Где-то в Сибири, в Техасе, на равнинах Южной Америки, в Китае, да и во многих других странах, разумеется, тоже уже подали свой голос только что родившиеся чемпионы и рекордсмены мира XXI-го века.

Осталось только подождать совсем немного, когда они появятся на стадионах. ■

Алла
МИТРОФАНОВА

ИГРА

СТОИТ
СВЕЧ

Совсем недавно кто-то с телеэкрана остроумно заметил, что российская культурная общественность горела желанием присоединиться к западному водопроводу, а присоединилась к канализации. Под предлогом чистой питьевой воды на нас обрушился поток второсортных импортных отходов, которые заполнили чуть ли не все системы, в том числе и телерынок. Зато теперь каждый мо-

жет измерить глубину своего интеллекта, исходя из соответствующей системы координат: кому-то — "Что? Где? Когда?", а кому-то, извините, — "Бивис и Баттхед". Жаль детей. Они, так сказать, в положении пассивного курильщика: сами еще не дымят, но легкие уже отяжелели и мозги "отдыхают". Согласитесь, что поститься на дневных сериалах с идиотским смехом, убогим лексиконом и не

менее "выдающимся" сценарием крайне вредно. Есть ли альтернатива? Смеем утверждать, что есть.

Обратимся к отечественной телепродукции. Конечно, во многих передачах разговорного жанра проявилась отягощенная наследственность американских ток-шоу. Но не все так мрачно. И если рыба гниет с головы, то голова пока еще цела. Она, эта голова, принадлежит телестудии "Образ", лицом своим являет передачу "Умницы и умники", а мозговым центром — Юрия Павловича Вяземского, автора и ведуще-

го передачи, идущей по воскресеньям на канале ОРТ.

"Умники..." — это викторина, то есть образовательная телеигра. Последнее подчеркиваем особо, так как именно в этом ее отличие от массовой продукции того же рода. Зрительская аудитория — в основном старшеклассники и их родители. Причина столь специфического интереса скрыта в итоговой ценности передачи: победители "Умников..." становятся студентами одного из самых престижных вузов страны — МГИМО — без энзимов. Прочие финалисты имеют зна-

чительные льготы при поступлении. Одновременно широкий круг неабитуриентов также с интересом следит за ходом игры. Оценки сводятся к одному: "Вопросы — те еще" или: "Настоящая пища для ума". Взрослые недоуменно разводят руками: откуда берутся такие дети? Сверстники завистливо чешут затылки: вроде и не вундеркинды, а все знают. Кто же они такие, эти "умники"?

Поверьте: это обычные школьники. Думаю, не раскрою секрета, если скажу, что "умниками" они становятся во время игры. Точнее — в период подготовки, т.е. за

месяц интенсивного впитывания информации. Откуда? "Из книг, книг и еще раз книг..."

Все начинается с письма в редакцию. В конце каждой передачи для телезрителей-десятиклассников звучит специальный вопрос, связанный с тематикой игры. Он требует развернутого письменного ответа. Конверты с такими ответами студия "Образ" получает со всех концов России. Сотни писем — это базовый материал для предварительного отбора игроков. По их содержанию судят об уровне интеллекта школьника. "На первый взгляд,

вопрос доступен любому мало-мальски грамотному человеку. Но ответ должен быть продуманным, убедительным и оригинальным", — таково напутствие новичкам. Ведь это первое заявление о себе, а по одежке, как известно, у нас всех и встречают.

В результате заочного знакомства из общей массы писем выбирают 60. Это иногородняя половина участников. Другая половина — москвичи — определяется во время "очной ставки" — собеседования с Вяземским. Четверть — и полуфинальные игры для этих групп проходят отдельно. Сильнейшие встречаются в финале. Такая градация не случайна и связана, прежде всего, с различными стартовыми возможностями для подготовки. Согласитесь, что ни одна центральная библиотека провинции не сравнится с московской "историчной". Но на этом преимущества москвичей заканчиваются. Более того, практика показала, что иногородние ребята все же подготовлены лучше, а по отдельным оценкам — и более талантливы. Последнее, конечно, весьма субъективно, но по части азарта у них действительно есть чему поучиться. Впрочем, сдержанность и уравновешенность — неотъемлемые черты москвичей — в определенной степени помогают. Например, сосредоточиться. Но дань красоте игры остается неуплаченной. А по словам бывалых игроков, "накал страстей — это как раз то, чего жаждет площадка с тремя дорожками".

Вкратце напомню: задача игроков — правильно отвечать на вопросы. К победе есть три варианта пути. Зеленая дорожка, самая длинная, допускает две ошибки,

желтая — одну, красная — кратчайшая — ошибок не терпит. Конец трех путей венчает кресло победителя. Занять его — значит выйти в очередной тур игры. Но, как правило, восседающий на "умниновом троне" не в силах осознать своей победы. Перед глазами — лица недавних соперников, в голове еще звучат дотошные расспросы Юрия Павловича... Потом операторы просят повторить путь к "трону" для пересъемки, потом — поздравления со всех сторон, потом — "Неужели я это сделал?..."

Шоковое состояние проходит быстро. Первое желание после победы — скорее к родителям, рассказать. Увы! — переживающих пап и мам в студию не пускают. И в сам телецентр — тоже. Известий от детей приходится ждать дома у телефона. Поэтому на смену первому приходит второе человеческое желание — поесть. Особенно если "умники" вспоминают, что последний прием пищи у них был вчера в обед... Третье желание — говорить, говорить, говорить, вспоминать мелочи и подробности. Иногда это даже мешает дальнейшему ходу съемок (как правило, в один день проходит запись нескольких агоний, и съемки заканчиваются поздним вечером).

Теперь время разобраться в терминологии. Каждый тур игры (четверть, полу- и сам финал) состоит из нескольких агоний (по примеру древнегреческих игр). Отсюда именование игроков агонистами. Пассивные агонисты, т.е. не стоящие на дорожке, зовутся теоретиками. Их задача — зарабатывать ордена, знаки отличия за правильно данный ответ. Вопрос поступает в зал, если агонист ошибается. В случае неверных ответов тео-

ретинов вопрос передается зрителям — "безнадёжно проигравшей категории "умников", как их называет Юрий Павлович.

Смысл зарабатывания орденов отнюдь не в азарте. Лидеры по их количеству приглашаются в "Шанс" — специальный тур для очень способных и не очень везучих. Это матч-реванш игре на дорожных, из которого также открывается дорога в финал.

И агонисты, и теоретики, естественно, стремятся произвести впечатление. Главным объектом очарования является так называемый Высокий ареопаг — комиссия из нескольких человек, которые следят за ходом игры. Требовать поправок, уточнений и раздавать ордена — это их прерогатива. В критических ситуациях именно они решают судьбу игрока: быть или не быть в очередном туре.

Особое место в ареопаге занимает Татьяна Александровна Смирнова, бессменный арбитр игры. Она следит за скоростью реакции теоретиков, которые желают блистнуть умом по поводу и без, за наличием подсказок, за порядком вообще. "На ней зиждется вся передача", — считают "умники". Она — организатор, администратор, директор, пресс-секретарь — словом, гарантия на все случаи жизни.

В ареопаг входят и другие авторитеты и знатоки. Но в глазах "умников" актеры, писатели и прочие именитые личности отходят на второй план перед... преподавателями МГИМО. Доценты и профессора часто удастаивают своим присутствием передачу, так сказать, приглаждаются к молодянку. Их приглашает Юрий Павлович, который не только "крестный отец" всех умников и умниц, но и завкафедрой ми-

ровой культуры и литературы МГИМО.

Об этом человеке можно говорить много и долго. Чем "умники" с удовольствием и занимаются. Достаточно взглянуть на их лица, когда речь заходит о Вяземском, — сразу все ясно. Он не только "дает путевки в жизнь" (а поступление в МГИМО многие расценивают именно так), он бунвально влюбляет в себя людей. Для "умников" Юрий Павлович учитель, друг и товарищ. Как остроумный собеседник он оказывает благотворное влияние на детей перед началом съемок. Здесь, на дорожных, решается их судьба. А кругом — видеонамеры, микрофоны, ареопаг и — нет родителей. Как тут не растеряться? Но за время съемок "умники" взрослеют. За плечами остается целая школа полезных жизненных навыков (как вовремя сконцентрироваться, как доказывать свое мнение, как дать достойный ответ...).

Ведь эта игра, в сущности, — разновидность вступительных экзаменов, только требования выше. И в целом "умники" держат марку. "Высший пилотаж — это научиться понимать, что при ответе хочет услышать от тебя Вяземский", — говорят бывалые "умники". Некоторые блестяще справляются с этой задачей: читают его как раскрытую книгу.

Увы, для полной победы только этой "книги" не достаточно. Правильный подбор литературы — главная задача на начальном этапе подготовки. За месяц до съемки "умникам" объявляют тему игры. Какую? Только Юрию Павловичу это известно. Вот тут и начинается настоящая гонка за знаниями. Стопы книг, подлежащих прочтению, сходят на нет в три дня. За четвертый вырастают новые, и так без конца... "Через две недели вступишь в ритм, — говорит Марина Уфаева, победительница "Умников..." 1999 года. — Начинаешь просто "маньячить": читаешь больше, больше, а кажется, что мало... Засыпаешь в шесть утра с томом ЖЗЛ в руках, днем проверяешь свои мозговые файлы". Москвичи пошли дальше — созваниваются, выясняют друг у друга, где лежат закладки и какова суточная норма томов-страниц. Действует стратегия "вопросов на засыпку", например: "Сколько свечей горело в комнате раненого Пушкина?" или "Какого цвета норовы паслись перед домом Достоевских в деревне?" Хочется знать все до мелочей. Внутри появляется какой-то моторчик, останавливается невозможно... За два дня до съемки появляется чувство пресыщения: файл перегружен.

Результаты проделанной работы становятся ясны лишь во время

игры. "Можно "перелопатить" сотни книг и не осилить каких-то пятьдесят страниц. Но именно их возьмет на вооружение Юрий Павлович, составит вопросы, и тогда — держись", — вспоминают безнадежно проигравшие. Однако настоящему умнику одних знаний недостаточно. Оборону держат и интуиция, и чувство эпохи (приходит в результате интенсивного поглощения книг), и логика, и прочее. Главное — не ударить в грязь лицом, бороться до последнего. От этого зависит и исход игры, и собственная репутация.

Последняя весьма шатна в глазах особого, "закулисного" ареопага. Эта категория зрителей бурно обсуждает все ответы, придирается к мелочам и выносит суровый приговор или одобрение. Это бывшие "умники", гости съемки. Вернее, умники они настоящие, но игроки уже бывалые, или бывалые. Теперь они — студенты МГИМО (чаще всего приходят первокурсники). Сидят гордые, опытные, состоявшиеся, оценивают потенциальных одноклассников. Их мнение авторитетно, но сводится из года в год к одному: "В наше время играли лучше!"

В институте "умников" нарекли представителями интеллигентных меньшинств. Вопрос о количестве соотношении сомнений не вызывает: число мест для "умников" в МГИМО ограничено. Но интеллигентный аспект спорен. Особенно на семинарах по истории, где по объему знаний на одного "умника" приходится пять простых смертных студентов. Преподаватели относятся к "умникам" по-разному, но в целом результатами довольны. Иногда возникают проблемы с иностранными языками. Но привычное упорство помогает пос-

ле трех попыток все-таки сдать зачет. А в личном общении с иностранцами пробелы словарного запаса легко восполнимы с помощью обаяния.

Не факт, что участие в телевикторине "Умники и умницы" — единственный шанс поступить в МГИМО. Но сложнейший путь — всегда самый почетный. Узнавание на вступительных экзаменах "умникам" обеспечено, уважение со стороны однокурсников — тоже. Плюс непререкаемый авторитет в области всего научно-познавательного. Однако предмет их гордости — не только эрудиция. За время съемок "умники" становятся одной командой. "Друзья, — по мнению многих, — это лучшее, что дает передача". Конечно, игра на дорожках подразумевает соперничество. Но что это против совместных переживаний, которые сплывают крепко и надолго?

Постоянные зрители наверняка помнят пятерку победителей 1998 года: Сережу Нопытова, двух Иванов — Мелешенко и Марчука, Лешу Шмелева и Артема Васильева. Примеров такой корпоративности съемочная площадка еще не знала. Выигравший первым Нопытов почти планал: "Зачем мне институт, если Васильев и Марчук проиграют?" Но все закончилось наилучшим образом. "Умники '98 сейчас живут вместе в общенитии, громно отмечают праздники, принимают у себя однокурсников и являют пример крепкой дружбы. Соседи сразу восприняли их как нечто единое и почему-то собирательно прозвали "марчуками". "Умники '99 тоже не отстают. Дни съемок — святое дело, отмечают совместно и постоянно. В институте они вместе, в общенитии — тоже. Пьют чай по

вечерам и очень любят вспоминать о недавних победах.

Еще все "умники" любят Кафедру мировой культуры и литературы, а ее доцента — в особенности (разумеется, взаимно). Имя Юрия Павловича — их первая ассоциация при упоминании об игре (исключением был только Леша Шмелев, который сначала назвал библиотеку). Говорят, Вяземский не любит ставить "умникам" "автоматы". Но практика последнего года показала, что это не так. На последних съемках он опроверг еще один аспект общественного мнения: "Любит и помогает: на площадке, при поступлении, в выборе факультета. Здесь интересы доминируют таким образом: Международное право (МП) — Международная информация (МИ) — Международные отношения (МО). Как правило, желание "умников" является определяющим фактором. Имеют право: они за него боролись.

Так какие же они, "умники"? Особенные? — И да, и нет. Да — потому что победили; нет — потому что играть на дорожках может каждый. Главное — желание. "Когда у тебя одна цель — пройти по институту уже студентом, и ты думаешь только об этом, — все остальное отступает на второй план. И даже если силы на исходе, открывается второе дыхание", — говорит Марина Уфаева. "Умники" направили энергию в нужное русло — год их жизни прошел за книгами: "Чем больше прочитаешь, тем больше шансов победить". И этот год решил их судьбу. Правда, пришлось отказаться от спонсорской жизни, размеренного посещения школы и телевизора на завтрак, обед и ужин.

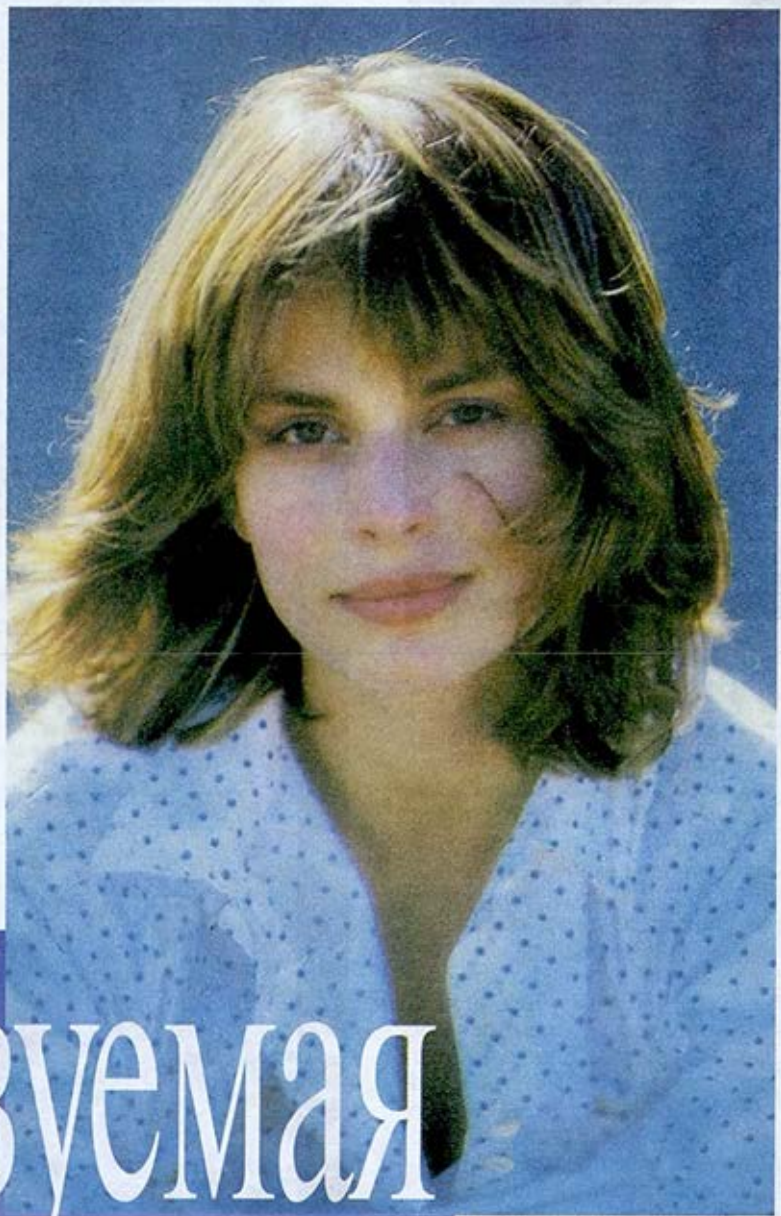
Но разве Игра не стоит свеч? ■

Настасья Кински... Актриса с экзотическим именем и загадочным лицом юной сивиллы, с хрупкой, изящной фигурой манекенщицы и легкой поступью вкрадчивой нимфы. Сегодня ей 38 лет, но в ее облике и поныне сохранилось что-то детское. Она постоянно в движении — пальцы ее рук, глаза и даже любимый браслет на запястье — все движется и... улыбается.

Вглядитесь в ее фото, и вы увидите прекрасные, очень живые, серые глаза, крупный рот с припухлыми, как у ребенка, губами. Настасья редко пользуется косметикой, а посему случайный взгляд вряд ли выхватит ее среди многоликой толпы уличных прохожих. Но поверьте, это лицо исполнено некоей магии. Задержитесь на несколько мгновений, может и вы ощутите ту особую ауру, которая в свое время так поразила Романа Поланского.

Наталья ДРОБОТЬКО

Непредска

Зуемая

Дочь вампира

Настасья Кински (урожденная Настя Накшиньска) — дочь всемирно известного западногерманского киноактера Клауса Кински, человека-легенды, снискавшего себе дурную славу злодея и буяна, равно как и демонстрация женских сердец.

Он обладал врожденной тягой к мистицизму, поразительной фантазией и неординарной внешностью. Французский поэт и режиссер Жан Кокто как-то заметил таящуюся в нем опасную двойственность: "Его лицо кажется лицом ребенка, а глаза — глазами старика. Но через мгновение вы видите обратное превращение. Я еще никогда не наблюдал подобного феномена".

Его героями в кино стали отпетые негодяи, отцы мафии, маньяки и, конечно, сошедший

со страниц романа Брэма Стокера легендарный вампир — трансильванский граф Дракула. Названия картин, где он играл, говорят сами за себя: "Джен-Потрошитель", "Ночь, когда просыпается Дракула", "Сатана мести", "Носферату — призрак ночи", "Агирре — гнев божий".

Полурусский, полуполяк Клаус-Гюнтер Кински (настоящая фамилия — Накшиньский) родился в 1926 году в Сопоте. Ницета и порок стали неотъемлемыми спутниками его детства. В жалкой лачуге, без газа и электричества, мать нипятила воду только тогда, когда ребенок болел. Отец Клауса промышлял воровством в городских лавках. Как мало напоминала эта жизнь те романтические сцены, которые рисовал в своем воображении сопотский мальчишка — сцены, где сражался и побеждал герой с развешивающимися во все стороны пышными фалдами черного плаща на алой подкладке...

Перебравшись после войны в Западный Берлин, Кински попробовал себя в роли актера. Сначала играл в провинциальных, а затем и в столичных театрах. В 1948 году началась его карьера в кино. В 60-е годы Клаус уже снимался в голливудских вестернах. Популярность его росла. Однако у Кински было свое отношение к славе — он ненавидел, когда им восхищались, а призы, полученные на фестивалях, попросту выбрасывал.

Клаус Кински был трижды женат. От брака с Рут Бриджит — французской писательницей — 24 января 1962 года родилась дочь. Отец дал ей русское имя — Настасья.

Шли годы. Настя подрастала. Ее первые впечатления — постоянные переезды, смены квартир. Отца подолгу не бывало дома — его беспорядочным романам не было конца. "Мне было так плохо из-за раздоров между отцом и матерью, что я даже плакать не могла. Слезы застревали в горле и душили меня, — вспоминает Настасья. — Тогда я еще не понимала, что все, что делал мой отец, не поддавалось ни объяснению, ни оправданию". Родители разошлись, когда девочке исполнилось 13 лет.

Кински до конца дней остался верен себе. В своих скандальных мемуарах "Я жажду любви" — своеобразном манифесте-завещании — он вьедливо и со свойственным ему цинизмом писал о себе... Писал так, словно описываемое им лицо смотрело на него по ту сторону зеркала, и его искривляла гримаса саркастической улыбки, в которой змеилось торжество:

"Странное лицо — в тусклом свете ламп оно глубоко изрезано знаками неуспокоенности, знаками гения и пепла. Но никто не замечает моего страшного вида, ни одна женщина ни минуты не колеблясь, готова изменить со мной своему мужу, когда я начинаю... играть на скрипке".

После выхода книги Настасья отреклась от отца, разорвав с ним все отношения. Ее шокировало "откровение", где он описал "как в минуту безумия заставил свою дочь вступить с ним в кровосмесительную связь". Когда в 1991 году Клаус Кински скончался, Настасья отказалась ехать в Сан-Франциско, чтобы проститься с ним.

"Иногда я чувствую — отцу недоставало меня. Будто человеку, потерявшему свой парусник и тщетно пытающемуся разглядеть его на горизонте". Настасья редко вспоминает о нем в своих интервью, но... поговаривают, будто вечерами она рисует на мольберте образ человека... всегда одно и то же лицо... лицо своего отца.

Клаус Кински не был чародеем, но он был одним из самых талантливых его учеников.

"Лолита" Романа Поланского

Настя — дитя своего времени. Непредсказуемая, она, прервав отношения с отцом, тем не менее, оставила его имя — Кински. Но только ли имя? "Внешне она напоминает как ангела Боттичелли, так и посланницу ада. Столь ослепительная красота и некий демонизм в ее облике неизменно вызывают замешательство у мужчин".

Ее имя будоражит фантазию, ибо с "молодых ногтей" овеяно неким ореолом подобно легенде о запретном плоде, который сладок.

Ее жизнь — история Лолиты, девочки-вамп, чья внешняя беззащитность только маскирует свойства, далеко не невинные. Когда Настя впервые встретила с Романом, ей исполнилось 14 лет. Ему было 42.

Роман Поланский — один из самых талантливых режиссеров в мире современного кино. Его личная жизнь не менее богата событиями, нежели его фильмы. Он прежде всего оригинал, и мир своих фантазий превращает в мир реалий. "Я транжир, — гово-

рит о себе Роман, — и не умею организовать свою жизнь. Жизнь нужно наслаждаться. Мне претит мысль о том, чтобы умереть с хорошим счетом в банке..." Он родился во Франции. Более двух десятилетий прожил в Польше. Его до сих пор считают французом среди поляков, и поляком — на Западе. Их отношения с Настасьей словно сошли со страниц нашумевшего скандального романа Набокова, ибо герой — как и Роман — родился во Франции, однажды уже любил, и так же вспоминал о женщине, которую потерял когда-то...

Ему казалось, что это совсем юное существо было ниспослано ему, чтобы забыть пережитое...

Мюнхен. 1975 год. Неделя моды. Город бунвально кишит манекенщицами. В одном из самых престижных отелей остановился Роман Поланский. Знакомый немецкий репортер пригласил его провести вечер с двумя очаровательными нимфетками.

"Как зовут тебя?" — обратился Роман к одной из них.

"Друзья называют меня Настя", — ответила та.

Она не говорила по-английски, Поланский не знал немецкого. В тот вечер они заглянули в несколько дискотек, выпили шампанского. От шума, суеты, аромата духов безудержно кружило голову. К концу импровизированного праздника подгулявшая четверка оназалась в гостиничном номере Поланского. Роман признается, что поначалу отдал предпочтение подруге и отправился с ней в спальню, оставив Настасью с репортером. "Когда я вернулся, репортер исчез.

Настя дремала в гостиной. Я взял ее за руку и отвел в спальню"...

Все естество Насти как-то по-особому лучилось и представляло собой нечто ирреальное, необычное, побуждающее мужчину или овладеть ею или... взять под свою защиту. Поланский сделал и то, и другое.

Из откровений Романа: "За три месяца, что я провел в Мюнхене, мы несколько раз занимались любовью. Настя была странной девушкой. Она предпочитала, чтобы мужчины держались от нее на расстоянии, терпеть не могла, когда они ухаживали или бегали за ней. Она была наблюдательной, быстро замечала слабые стороны, отличалась едким юмором и необыкновенной зрелостью для своих лет".

Однажды сидя с ней в баре, Роман вдруг неожиданно для себя задержался взглядом на ее лице, словно увидел его впервые. Позже он писал: "Я понял. Внешность у Настасьи Кински уникальна. Если существует такая вещь, как "звездность", то она ею обладала".

Однано карьера звезды была абсолютно безразлична ей. Она даже не понимала, сколь важно хорошо владеть английским для успеха в международной карьере. Поланский решил отправить ее на стажировку. "Я не могу отпустить ее одну, она еще слишком молода", — сказала мадам Бриджит. "И тогда, — признается Роман, — я впервые узнал, сколько ей лет на самом деле".

В том же 1976 году Поланскому предложили стать шеф-редактором рождественского номера журнала "Vogue" — отвечать

за текст, фотографии и общий вид номера. Это была высокая честь. До него такие выпуски уже готовили Сальвадор Дали, Марлен Дитрих, Федерико Феллини.

— Кто будет моделью? — поинтересовались у режиссера в редакции.

— Этого имени вы еще не слышали, — ответил Роман. — Настасья Кински.

Он увез ее с собой на Сейшельские острова. Здесь он собирался отснять несколько рекламных фото для предстоящего выпуска. Любовная идиллия Настасьи и Романа продолжилась на фоне причудливых естественных декораций экзотической природы. После съемочного дня, уже под вечер, когда солнце опускалось над морем, чтобы вот-вот окунуться в его бирюзовые воды, они усаживались в плетеные кресла, которые услужливый хозяин-француз выставлял для них на морском берегу. Тут же, на столике, красовалась свежешеловленная, зажаренная на углях — по местным обычаям — рыба, а в боналах искрилось ледяное шампанское.

Днем Настя бродила в одиночестве по серебристому песку и, сидя на берегу, разглядывала краски безбрежной морской дали.

Часы отмеренного в бесконечности безмятежного счастья. И последние минуты перед прощанием.

"Я купил ей четыре книжки номинсов, коробку конфет, две бутылки кока-колы, маникюрный набор, дорожные часы со светящимся циферблатом, колечко с блестящим топазом, теннисную

ракетку, роликовые коньки, биннокль, жевательную резинку, темные очки, много еще носилых вещей — модных свитеров, штанишек, всяких летних платьев...".

Роман Поланский сдержал слово. В рождественском номере журнала "Vogue" в 1976 году появились первые фотографии будущей "звезды" — Настасьи Кински.

Первая роль

Кто знает, как сложилась бы дальнейшая судьба Настасьи, если бы...

В отеле Лос-Анджелеса, где остановился Роман, его навесит кинопродюсер Ибрагим Мусса. Просматривая журналы, он обратил внимание на фотографии Кински. А что, если он заключит с ней контракт? У нее еще нет актерского мастерства? — Пустяки. Она не владеет английским? — Поправимо. Существуют, в конце концов, экспресс-курсы. Мусса брался финансировать все ее расходы, связанные с обучением. Поланский, со своей стороны, тоже взялся помочь и даже выхлопотал для нее стипендию в актерской школе. Настасья приехала в США.

— Я ходила на занятия, но без всякого удовольствия, — вспоминает она. — Я еще не знала, хочу ли я стать профессиональной актрисой. Все решалось без меня. Так поступают с детьми. Их с детства насильно учат музыке, а они начинают ее любить много позднее.

"Приятно было ее увидеть. И хотя мы больше не были любовниками, дружеские отношения между нами сохранились. Мы

старались не оставаться вдвоем в гостиничном номере", — открывенничал Поланский.

Бурные события 1977 года выхватили Романа из привычного водоворота и без того беспокойной жизни. Прошло 8 лет с той трагической ночи, когда весь мир облетела весть о жестоком убийстве актрисы Шэрон Тейн, ожидавшей ребенка. Это был ребенок Поланского. Похоже, он впервые готов был возложить отвоеванную свободу на жертвенный алтарь брака. Фильм "День дельфина", который Поланский снимал в Лондоне, сулил ему немало надежд. Было решено, что Шэрон поедет одна — ей хотелось родить дома, в США. "Когда я сажал ее на корабль, у меня пронеслась мысль: а ведь ты можешь ее больше не увидеть. Я пытался оттолкнуть от себя прочь это болезненное ощущение..."

Когда это случилось, друзья по очереди сидели с ним, а его не покидала мысль, что ему просто снится кошмар, ...что вот сейчас Шэрон войдет в комнату... "Она знала, как сильно я ее любил? — все время спрашивал он... — Знала? Знала?.."

Он долго ждал этого часа, когда героиней его нового фильма станет она — Настасья Кински — его девочна, его творение.

Он одел ее в самые романтические одежды, окунув в пену кружев XIX века. Экранизация известного романа Томаса Гарди "Тэсс из рода д'Эрбервиллей" — история любви, предательства и возмездия — принесла колоссальный успех не только ее создателю, но и молодой актрисе. О Кински заговорили в Европе и в

США. Критика США признала Поланского лучшим кинорежиссером года, а фильм был выдвинут на "Оскар" по 11 номинациям.

Ни одно из западных изданий не могло удержаться, чтобы не опубликовать на своих страницах фотографии Настасьи Кински... Один из таких снимков, сделанный Поланским, был опубликован на обложке журнала "Vogue" в 1978 году. "В отблеске ласкающих лучей августовского солнца по бесконечному, уходящему куда-то вдаль за горизонт полю, казалось, еле касаясь земли, совсем по-детски отчаянно запрокинув голову, летит легкая фигура, утопая в романтических рюшах и складках, прижимая к груди таной же, как она сама, невесомый шарф... Ее рука тянется к кружевному зонтику... Юность — беспечальная..., и такая, какая и должна быть — счастливая...".

Жена египтянина и...

"Многие годы я была просто помешана на том, чтобы обустроить свой семейный очаг. И все из-за того, что родители всегда были чужими друг другу... Я очень долго не осознавала себя... И жизнь моя началась только в 13 лет, когда в меня влюбился мальчик. А до этого все те, кто окружали меня, казались мне высшими существами — они были и умнее, и интереснее. Они жили..., а я нет".

Личная жизнь Настасьи долгое время не складывалась. "Я как бы плыла по течению, — поясняет она, — кино заполняло мою жизнь целиком".

Рядом с ней неизменно находился Ибрагим Мусса. Он родился и вырос в Египте, а в 17 лет переехал в Италию, где организовал артистическое агентство. Стал импресарио, затем кинопродюсером многих фильмов, в т.ч. "Интервью" Федерико Феллини. Настасья вышла замуж за Ибрагима и переехала в Италию. Их брак долгое время считали удачным и счастливым. В семье подрастали дети — Алеша и Сонечка.

И вдруг... как гром среди ясного неба.

Уличенная в измене, Настасья после шумного скандала оставляет мужа, и уходит к известному черноножому композитору и продюсеру, рок-звезде Нуинси Джонсу. Фотографии Нуинси и Настасьи Кински облетели журналы мира. Репортеры, комментируя пикантные подробности любовной интриги, спешили напомнить как бы невзначай о том, что Настасья всегда тяготела к "возрастным партнерам". Ведь ее избраннику было без малого 58 лет. В 1993 году она родила от Нуинси дочь, которую назвали Кения.

Что касается Ибрагима Муссы, то он по-прежнему не оставляет ее в покое. Нередко их даже можно встретить вместе... Впрочем, это естественно, ведь у них общие дети. Период перемирия сменяется бурными сценами, и "яблоком раздора" становятся, конечно, дети. Мусса настаивает, чтобы Алеша и Сонечка жили с ним...

...Гражданка мира

Сегодня Настасья Кински — одна из ведущих актрис западно-

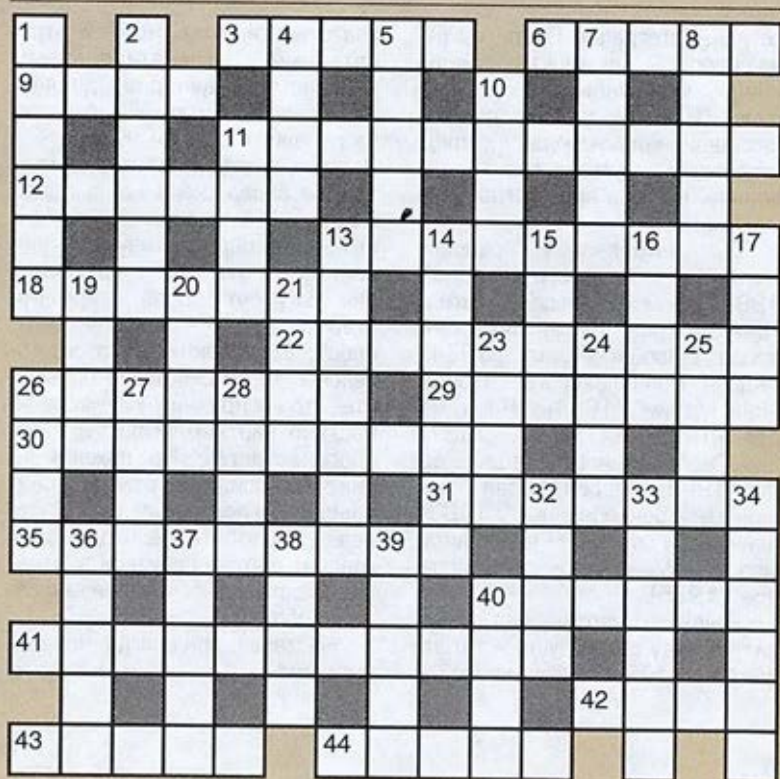
го кинематографа. Среди ее режиссеров — французы, американцы, итальянцы, немцы, русские. "Я не могу сама понять, чью национальную культуру представляю, — смеется она, — наверное, я стала просто гражданкой мира".

Она снималась у Френсиса Коппола ("От всего сердца", 1982), Тони Ричардсона ("Отель Нью-Гемпшир", 1983), Вима Вендерса ("Париж. Техас", 1984), Андрея Кончаловского ("Любовники Марии", 1984), Жана Дера ("Любовная хворь", 1987), Ежи Сколимовского ("Вешние воды", 1989), Андрея Зшпая ("Униженные и оскорбленные", 1990), один из последних видеофильмов — "Максимальное ускорение" (1995).

В каждую картину она приносит частицу своей души и тот талант, который, скорее, можно на-

звать инстинктом, нежели отработанным, отрепетированным действием. "Сценарий должен вдохновлять. Читая его, я должна пережить всю гамму чувств... Я должна отболеть им". Самые теплые слова, конечно, в адрес Романа: "Поланский — особенный режиссер. Он научил меня понимать, что такое вдохновение. Он умеет передать тебе чувство радости — при минимуме слов". Ее героини — то мечтательны, то по-юношески порывисты, то искренни. И чувственность их неотъемлема от их женского естества. Не похожи ли они, ее героини, на саму Кински, рожденную под созвездием Водолея? "О, любить необходимо, — говорит она, — забиться в тихий угол и остаться там наедине с самим собой".

Настасья, как всегда, непредсказуема. ■

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Сброд в малине. 6. Ланей, потерявший достоинство. 9. Азиатская страна, где деньги считают в кипах. 11. Страсть человека, лопающего от пуза. 12. Автодеталь с калиброванным отверстием для дозированного расхода бензина. 13. Отделение листа от ветки. 18. Проделна, фокус. 22. Трава, якобы лучше всего растущая под виселицами. 26. Самая длинная параллель на глобусе. 29. Герой русского народа, чье имя в Польше стараются не упоминать. 30. Цветок, какой в народе называют оном дня. 31. Самый "страшный" врач. 35. Волновой передатчик, позволяющий кораблям и самолетам определять местоположение. 40. Выдающийся композитор, до перестройки известный у нас лишь по музыке к фильмам. 41. Характерное свойство гусей. 42. Прозвище американцев. 43. Великий французский писатель,

которого Поль Бурже считал маньяком, "пристрастившимся делить волос на четыре части". 44. Игрушка на старый лад.

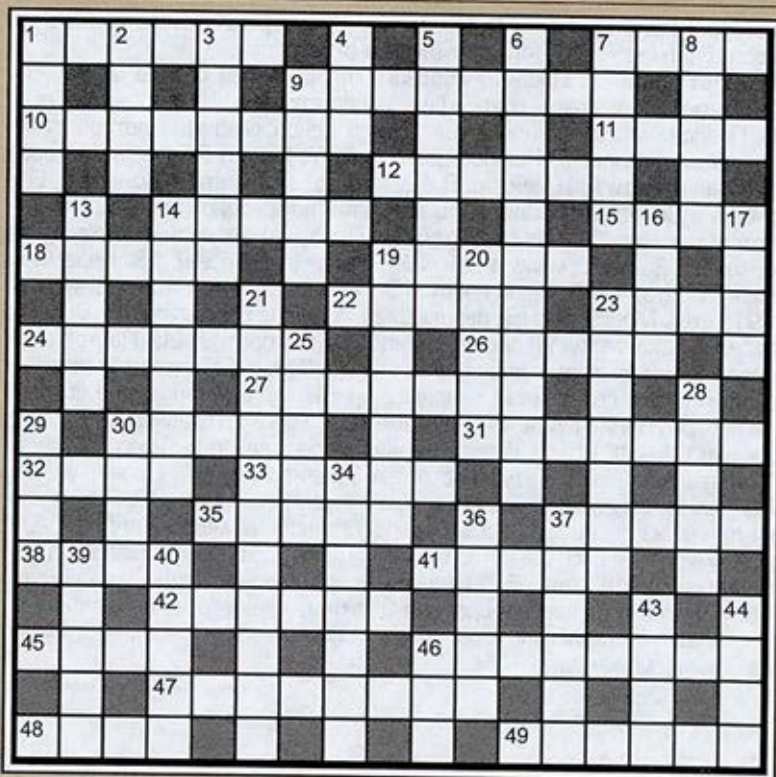
По вертикали. 1. Предмет красного отгорода при облове на волков. 2. Знаменитый врач, создавший лабораторию, где позже работал И. Павлов. 4. Полководец, чья победа ценой огромных потерь стала крылатой фразой. 5. Ложное обвинение. 7. Рена в Габоне, на которой работал врачом А. Швейцер. 8. "Думая, что это приятно кузнечнику, Егорушка и Дениска погладили его пальцами по широкой зеленой спине и потрогали его..." (А. Чехов. "Степь"). 10. Страшная молния, живущая в реке. 11. Завел ... моду, а сам ушел в воду (поговорка). 13. Нерамическая флейта. 14. Прыжок вверх. 15. Президент-диктатор, свергнутый в 1911 году Мексиканской революцией. 16. Инертный газ. 17. Одно из сибирских названий козла. 19. Птица желтой прессы. 20. Пастор в сериале "Семнадцать мгновений весны". 21. "Голые бабы по небу летят — в баню попал реактивный снаряд" (черный ...). 23. Город, где сгорела на костре Жанна д'Арк. 24. Светлые дуги, круги, столбы вокруг дисков Луны и Солнца. 25. Французский живописец, автор пышного портрета "Людовик XIV". 26. Титул восточных правителей. 27. Порча, ущерб. 28. Самая длинная на Пиренейском полуострове река. 32. Равен слону только на доске. 33. Самый распространенный медный сплав. 34. И русский поэт, и русский историк искусства. 36. Военная разведка в Германии до 1944 года. 37. Степень использования вещи, механизма. 38. И темнота в голове людоедки Элочки, и словцо из ее лексикона. 39. Сладкую ели оба, а горькую ест только героиня песни. 40. Молодец, если пуля — дура.

Составил **Г. СЫСОВ,**
Сыктывкар

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 4. ...желоб... 10. Щелье. 11. Универсал. 12. Рерих. 13. Нанду. 14. Ламарнизм. 15. Ханко. 16. Отава. 19. Эпистрофа. 26. Постимпрессионизм. 27. Делопроизводитель. 28. Галактика. 34. Заисн. 37. Луиза. 38. Метонимия. 39. Досье. 40. Снала. 41. Шпалерник. 42. Чайка. 43. Агама.

По вертикали. 1. Яценко. 2. Глинна. 3. Жеруха. 4. Ларина. 5. Бухлоэ. 6. Пигмеи. 7. Ренрут. 8. Эснимо. 9. Блямба. 17. Теорема. 18. Ветрова. 20. Паства. 21. Скирда. 22. Ранетна. 23. Физалис. 24. ...эмират. 25. Троицк. 28. ...гамаша. 29. Литран. 30. Конгер. 31. Измена. 32. Алясна. 33. Цикада. 34. Задача. 35. Инсайд. 36. Нлеман.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Наждый третий плод из всех фруктов на мировом рынке. 7. Барон в "Скупом рыцаре" А. Пушкина: "Я выше всех желаний; я спокоен; я знаю ... мою". 9. Завиток рононо в определении А. Фета. 10. Одна из семи пород, чья кровь течет во владимирском тяжеловозе. 11. Самосожжение раскольника. 12. Средневековый азербайджанский зодчий, создавший мавзолей Моминехатун в Нахичевани. 14. У пьяницы — похмелье, у наркомана — ... 15. Шкурная плата за страх русскому царю. 18. Герой в рассказе В. Короленко "Прохор и студенты" по занятию. 19. Дух воздуха у средневековых алхимиков. 22. Аул в Дагестане, где Шамиль с мюридами сдался генералу А. Барятинскому. 23. "Водочная" пряность. 24. Русская ювелирная фирма, не выпускавшая ни одного произведения, слабого по замыслу или небрежного по исполнению. 26. Вчерашний день в нынешнем искусстве. 27. Человек, страдающий нервно-психической слабостью. 30. Головной убор, становящийся саваном мусульманина. 31. Инженер, построивший мост лейтенанта Шмидта в Петербурге. 32. Дорожный сундук с горбатой крыш-

ной. 33. Русский писатель, который, по словам Анны Ахматовой, "не мог простить человечеству, что он гимназии не кончил". 35. Человек, у которого всегда найдется лишний туз в рукаве. 37. Древнееврейская серебряная монета весом 14 граммов. 38. Металл в крокоите, сначала названном "сибирским красным свинцом". 41. "Царская рыба" Азовского, Каспийского и Черного морей. 42. Грузинский поэт, друг Т. Табидзе; одногодки, они и погибли в один год. 45. Жанр, до которого, по мнению А. Савиню, возносится творчество Н. Гоголя. 46. Назначение арыка. 47. Моральное обнажение грешника перед священнослужителем. 48. Бог, чью статую купил в Венеции дядя А.Н. Толстого. Она его так поразила, что он даже ночью вставал посмотреть на нее. 49. Процесс превращения петуха в наплуна.

По вертикали. 1. Секрет привязанности собаки к человеку. 2. Внесистемная единица давления. 3. Завязка на память. 4. Плутарх первым сказал: "Умер великий..." — обозначая конец знаменательного исторического периода. 5. Патриарх всея Руси Никон по национальности. 6. Поэт, которого А. Дельвиг называл своим "вожатым" в страну поэзии. 7. Волшебное очарование. 8. Красивая птица, в ясную погоду ловящая насекомых, как ласточка, высоко в воздухе. 9. Заглавная героиня пьесы М. Булганова. 13. Азиатский медведь, которого по неизвестной причине очень боятся слоны. 14. Человек, преданный свободе пражения. 16. Спортивная толкотня не в меру растолстевших японцев. 17. Искусство остановленных мгновений. 19. Подарок, "укрепляющий" память. 20. Янов в рассказе И. Тургенева "Певцы" по манере исполнения. 21. Материк, на котором, согласно пуран, расположена Индия. 23. Рена в Италии, у которой в 1799 году войска А. Суворова разбили армию французского генерала Макдональда. 25. Звание, введенное в казачьих войсках при Стефане Батории. 28. Железо во рту лошади. 29. Название топора в басне И. Крылова "Крестьянин и Змея". 30. Проявление в нашем мире законов иных миров. 34. Киноактриса, названная в 1970 году "молодой Раневской". 36. Священный лесной зверь у кельтов и франнов. 37. Дерево, из которого в Японии делают самые популярные женские гребни. 39. Сказка о коллективном труде. 40. Русский балетмейстер, поставивший больше семидесяти одноактных балетов. 43. Американская овсянка величиной с большими колибри. 44. Теннисный период. 46. Постель заснувшего навсегда. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 1. Прииск. 7. Юсупов. 11. Ноктюрн. 12. Прасол. 13. Легонг. 14. Бутерброд. 15. Штоф. 17. Оуэн. 18. Ветер. 19. Ангел. 24. Ремесленник. 25. Щегла. 27. Голод. 28. Ортогнатизм. 32. Толпа. 33. Метод. 36. Егор. 38. Труа. 39. Менделеев. 41. Чупрун. 42. Хромка. 43. Условие. 44. Гетера. 45. Языков.

По вертикали. 1. Папаша. 2. Иванов. 3. Сноб. 4. Нолумелла. 5. Отсек. 6. Гребенщинов. 8. След. 9. Прогул. 10. Вигонь. 13. Ловец. 16. Фенелон. 20. Зенон. 21. Андраподист. 22. Цейтнот. 23. Глаза. 26. Энтелехия. 29. Лорен. 30. Жемчуг. 31. Компот. 34. Дриман. 35. Мамаев. 37. Элиот. 39. Муар. 40. Врез.

Аудиотеатр "Чистые пруды" предлагает записи литературных и литературно-музыкальных произведений:

"ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН".

Музыкально-поэтическая композиция по роману в стихах А. С. Пушкина и одноименной опере П.И. Чайковского.

Читает **Яков Смоленский**, участвуют солисты, хор и оркестр ГАБТ СССР.

Дирижер **Марк Эрмлер**.

Продолж. зв. 1 час 56 мин. 36 сек. В 2-х кассетах.

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО.

Рассказы.

Читает **Александр Котов**.

В сборник включены рассказы:

"День человеческий", "Под столом", "Костя", "Страшный мальчик".

Продолж. зв. 1 час 07 мин. 1 кассета.

"СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА".

Литературная композиция по произведениям А.К. Толстого.

Читает народный артист России **Рафаэль Клейнер**.

"Средь шумного бала", "То было раннею весной", "Колокольчики мои" и другие стихи, отрывки из романов "Князь Серебряный", "Царь Борис", "Смерть Иоанна Грозного".

Продолж. зв. 1 час 29 мин. 40 сек. 1 кассета.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО.

Рассказы о любви.

Читает **Александр Котов**.

"Рассказ о старом дураке",

"Жениться — не напасть, как бы не пропасть", "Мелкий случай из личной жизни", "Свадебное происшествие", "Забавное приключение". Послесловие.

Продолж. зв. 57 мин. 1 кассета.

"НИОТКУДА С ЛЮБОВЬЮ".

Стихи Лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского.

Автор композиции и исполнитель народный артист России **Рафаэль Клейнер**. В сборник включено 21 стихотворение.

Продолж. зв. 1 час 21 мин. 56 сек. 1 кассета.

САША ЧЕРНЫЙ.

Солдатские сказки.

"Штабс-капитанская сласть", "Солдат и русалка".

Читает **Виктор Шимановский**.

Продолж. зв. 55 мин. 48 сек. 1 кассета.

"РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА"

(на русском языке).

Аудиоспектакль по трагедии Вильяма Шекспира

в переводах **Александра Соколовского** и **Бориса Пастернака**

Продолж. зв. 2 часа 10 мин. 37 сек. В 2-х кассетах.

По вопросам приобретения обращайтесь письменно по адресу: 117218, г. Москва, а/я 95 или по телефону: (095) 125-03-08.

НАШИ ЦЕНЫ ДОСТУПНЫ!

В королевстве русского меха

Шуба, дубленка, меховая шапка —

отнодь не роскошь в России. Многие модницы, щеголяющие в мехах в суровую русскую зиму, и не подозревают, что благодарить за элегантные наряды надо не только модельеров и портных, но и специалистов-звероводов, потому что основа добротной меховой одежды — красивый, качественный мех. Каково состояние селекционно-племенной работы в звероводческих хозяйствах — таковы меха, такова в конечном счете и сама зимняя одежда. Хороших хозяйств, сохраняющих свой высокий потенциал, не так уж много.

Зверосовхоз "Пушкинский" — наш крупнейший производитель пушнины. Гордость хозяйства — созданный здесь черный "Пушкинский" соболь, достойно представляющий Россию на международных пушных аукционах в Санкт-Петербурге. Хозяйство — родоначальник нескольких так называемых заводских типов пушных зверей — темно-коричневой норки, серебристо-черной лисицы, голубого вуалевого песца.

Недавно в "Пушкинском" открыли собственное ателье, высококвалифицированные специалисты которого помогут вам подобрать мех, сошьют модную шубу, шапку, пелерину. А меха — просто великолепы! Это серебристо-черная, красная, снежная лисицы, соболь, хорек, песец... И нигде в России вы не найдете такого разнообразия норки: сапфировая, серебристо-голубая, мойлалеутская, пастелевая, амбалосапфировая, темно-коричневая. Особую любовь женщин заслужили шкурки лавандовой и жемчужной пород норки.

Специалисты ГПЗ "Пушкинский" обладают коллекцией мехов, отвечающих высоким требованиям внутреннего и международного рынков, готовы поделиться своими знаниями и опытом, оказать помощь коллегам и предложить высококачественную продукцию.

**ГПЗ "Пушкинский":
141214, Московская
область,
Пушкинский район,
п. "Зверосовхоз".
Тел.: 584-35-38,
факс: 584-93-44.**

ГПЗ "Пушкинский"

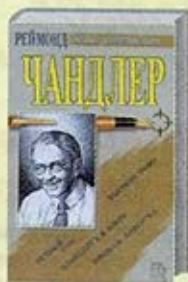

В. Горшков. Цикл романов «ПО ПРОЗВИЩУ «ВОРОН»
Россия 90-х... Бандитские группировки безнаказанно вершат черные дела. Бывший спецназовец майор Северов превращается в мстителя-одиночку, объявившего преступному миру непримиримую войну...

Формат 130x205, переплет, 450-464 с.
Цена одной книги 55 руб.

- Хищники
- Закон мести
- Двойник

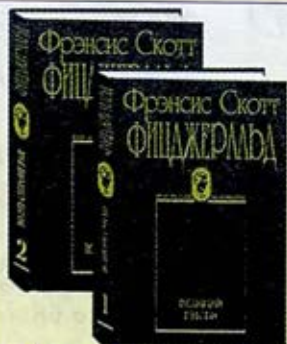
При подписке на серию
высылается по 2 книги в месяц.

Серия «ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВЫ МИРА»
В серию включены великолепно оформленные коллекционные издания признанных мастеров жанра: **Д. Гамильтон, Р. Стаут, Р. Макдональд, Д. Френсис, Р. Чандлер, Э. Макбейн.**

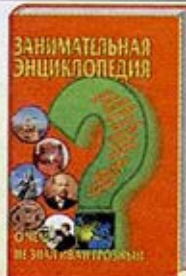
Формат 135x205, переплет, суперобложка золотое тиснение, 700-800 с.
Цена одной книги 78 руб.

Подписка на серию.
Высылается по 2 книги в месяц.

Собрание сочинений **Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА** в 2-х томах

В собрание сочинений Ф. С. Фицджеральда вошли самые известные произведения: романы «Великий Гэтсби», «Ночь нежна», «По ту сторону рая», «Последний магнат», посвященные темам любви, «великой американской мечты», творческих исканий и богемной жизни, а также лучшие новеллы.
Формат 135x200, переплет, по 512 с.
Цена комплекта 78 руб.
Высылается комплектом.

«О ЧЕМ НЕ ЗНАЛ ...?» Занимательная энциклопедия

А действительно, о чем не знал Дмитрий Менделеев и даже не подозревали во времена Ивана Грозного? Поверьте, о многом. Например, когда была построена Великая китайская стена, а в России вышла первая газета? Бесконечные «когда» и «почему»? Построенные в форме вопросов и ответов книги серии не только увлекательны и интересны, но и поистине незаменимы для расширения кругозора, как взрослых, так и детей.

- О чем не знал Иван Грозный?
- О чем не знал Менделеев?

Формат 135x205, переплет, по 288 с.
Цена одной книги 49 руб.

ГОСТИ НА ПОРОГЕ

Практические советы по сервировке и украшению стола, застольному этикету помогут вам всегда быть на высоте. А оригинальные рецепты разнообразных блюд приятно удивят гостей. И если дом ваш всегда открыт для друзей, значит, это издание специально для вас! Купите его, и гости на пороге никогда больше не застанут вас врасплох.

Формат 130x200, переплет, 320 с., ч/б илл.
Цена 55 руб.

Оформление может быть изменено.

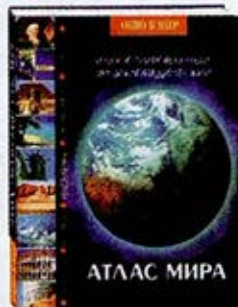

СОВЕТ ДА ЛЮБОВЬ! Энциклопедия супружества

Увы, нет формулы счастливой семейной жизни, но есть книги, которые помогут раскрыть его секреты и дать советы по самым «коварным» вопросам. А если вы только собираетесь вступить в брак, и у вас возникли сомнения, книга предлагает «посоветоваться» с гороскопом. Но главное, верьте своему сердцу.

Формат 135x205, переплет, 384 с., илл.
Цена 59 руб.

Оформление может быть изменено.

**Энциклопедический
иллюстрированный
АТЛАС МИРА**

Великолепно иллюстрированная энциклопедия содержит разнообразный материал о знаменательных датах, исторических фактах и государственной символике, флоре и фауне, климатических особенностях стран мира. Кроме того, в большом объеме приведены физические, политическая и тематические карты мира во всем их многообразии.
Формат 234x297, переплет, 160 с., многочисл. цв. илл.
Цена 350 руб.

Серия «ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ»

Дела житейские волнуют всех, независимо от пола, возраста или образования. Поэтому книги серии наверняка заинтересуют многих. Названия книг говорят сами за себя. В какой семье нет любителя рыбалки, грибника, а уж полезные советы пригодятся каждому.

- Большая книга полезных советов
- Грибная охота. Собираем и готовим
- 1000 рецептов консервирования
- На рыбалку! Секреты хорошего улова

Формат 130x205, переплет, 512-672 с., ч/б илл.

Цена одной книги 55 руб.

При подписке на серию высылается по 2 книги в месяц.

Книги вы можете заказать по адресу:

**111116, г. Москва,
а/я 30 «Смена»**

Цены указаны с учетом пересылки за исключением почтового сбора за пересылку перевода наложенного платежа (8-20% от цены в зависимости от региона) и авиатарифа.

Оплата при получении книг на почте.

Книги рассылаются только по территории России.

Представленные книги, а также множество других интересных изданий вы можете приобрести в книжном магазине

«Планета БЕТА»

по адресу:

г. Москва,
ул. Авиамоторная, д. 18
(м. «Авиамоторная»)

☎ (095) 362-1216

Б Л А Н К - З А К А З

код 2608002	О ЧЕМ НЕ ЗНАЛ ИВАН ГРОЗНЫЙ?	☐
код 2608004	О ЧЕМ НЕ ЗНАЛ МЕНДЕЛЕЕВ?	☐
код 2800127	ГОСТИ НА ПОРОГЕ	☐
код 850228	СОВЕТ ДА ЛЮБОВЬ	☐
код 2883	Серия «ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВЫ МИРА»	☐
код 150076	С/с Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА в 2-х томах	☐
код 2300	Цикл романов «ПО ПРОЗВИЩУ ВОРОН»	☐
код 2300002	ХИЩНИКИ	☐
код 2300003	ЗАКОН МЕСТИ	☐
код 2300004	ДВОЙНИК	☐
код 2792	Серия «ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ»	☐
код 2792001	БОЛЬШАЯ КНИГА ПОЛЕЗНЫХ СОВЕТОВ	☐
код 2792002	ГРИБНАЯ ОХОТА. Собираем и готовим	☐
код 2792003	1000 РЕЦЕПТОВ КОНСЕРВИРОВАНИЯ	☐
код 2792004	НА РЫБАЛКУ! Секреты хорошего улова	☐
код 650158	Энциклопедический иллюстрированный АТЛАС МИРА	☐

укажите количество экземпляров

Адрес: _____

ИНДЕКС

Ф.И.О. _____

205

Уважаемые читатели!

Издательский дом журнала "Смена" совместно с издательством "Мир книги" начинают выпуск новой серии **"Коллекция современного детектива"**. Ее открывает четырехтомник лучших произведений Андрея Молчанова.

В первый том вошли романы **"Падение "Вавилона"** и **"Брайтон-бич-авеню"**.

Второй том: романы **"Схождение во Ад"** и **"Канарский вариант"**.

Третий том: романы **"Перекресток для троих"**, **"Ядерные материалы"** и повесть **"Дао"**.

Четвертый том: романы **"Побег обреченных"**, **"Кто ответит?"**

Часть этих произведений знакома постоянным читателям "Смены". Теперь у вас появилась возможность прочесть без сокращений, в авторской редакции и другие романы Андрея Молчанова, оценить их многоплановость и оригинальность.

Книги исполнены в ярко оформленном твердом целлофанированном переплете.

Первый том выйдет из печати в августе, до ноября будут отпечатаны 2-4 тома.

Приобретая один том, вы получаете два романа по цене редакции, без всяких наценок. Для этого необходимо заполнить заявку и отправить ее в "Смену".

Редакция принимает заявки как на все тома серии, так и на отдельные.

Книги будут высланы в ваш адрес наложенным платежом. При получении оплачивается редакционная стоимость книги — 40 рублей плюс стоимость пересылки почтой.

Укажите "галочкой" необходимые вам тома и кол-во экземпляров

Бланк-заказ

101457, г. Москва, Бумажный проезд, 14., редакция журнала "Смена"

	Кол-во экз.
1 том. "Падение "Вавилона", "Брайтон-бич-авеню"	
2 том. "Схождение во ад", "Канарский вариант"	
3 том. "Перекресток для троих", "Ядерные материалы"	
4 том. "Побег обреченных", "Кто ответит?"	

Адрес с указанием индекса _____

Ф.И.О. _____

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

94. Н.КУЛИГИН

Запорожье, Украина

6-г) Кра3-с3-с1-а1 # 2

95. В.ШМАТОВ

Воронежская обл.

б) Ка6-с6 # 2

96. В.МЕЛЬНИЧЕНКО

Котовск, Украина

2

97. В.ИВАНОВ

пос.Повенец, Карелия

3

98. А.СПЕСАРЕНКО

Дубна Московской обл.

3

99. Е.БОГДАНОВ

Львов, Украина

3

100. А.ТОГЕР

Израиль

4

101. Н.КУЛИГИН

Запорожье, Украина

5

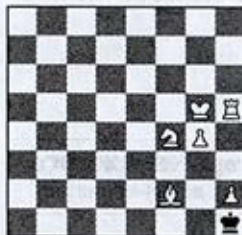
102. Е.БОГДАНОВ

Львов, Украина

6

**Приз
в. ДЯЧУН**

б) Крг5-f5

**Приз
в. КОВАЛЕНКО**

**Приз
в. МАРКОВЦИЙ**

**Специальный приз
А. СПЕСАРЕНКО**

Двухходовка-99

В конкурсе двухходовок 1999-го года участвовало 187 задач 58-и авторов, опубликовано 57 миниатюр. Из конкурса исключены №№ 1, 56, 76, 96, 104 — из-за предшественников, №№ 65, 78 — как ранее опубликованные.

Призы на равных получают следующие три задачи:

В. ДЯЧУН (Львов, Украина)

а) 1. Ch4? Nph2 2. Cf2x, 1...Npg1!

1. Nh3 Nph2 2. Hf4x, 1...Npg2!

1. Hph4 Nph2 2. Hpg5x

б) 1. Lg5! Nph2 2. Lh5x

Четырехкратный возврат белых фигур с переменной матов — ренордный для миниатюры замысел! Автор не боялся "некрасивых" опровержений лонных следов — черный король убегает на одно из предоставленных ему первым ходом свободных полей, что по праву относится к игре "на грани фола". Но в жанре миниатюры допускается подобное нарушение правил хорошего тона в силу крайней ограниченности ресурсов.

В. КОВАЛЕНКО (г. Большой Камень, Приморский край)

1. Cf6? (2. Cg7x) h6, gf, h5 2. Fh6, Ff6, Fh5x, 1...Cd4!

1. Fh6? (2. Fg7x) gh 2. Cf6x, 1...Cd4!

1. Ch6! (2. Cg7x) gh, Cd4 2. Ff6, Fd6x

Изящная трехфазная миниатюра с современным содержанием: в лонных следах чередуются вступительный и матующий ходы.

В. МАРКОВЦИЙ (Знаменская обл., Украина)

1. Cc4? Npd4, Npf3 2. Ff4, Cd5x, 1...d5!

1. Cf1? Npd4, Npf3 2. Lc4, Cg2x, 1...d5!

1. Ff6! Nre3, Npd5 2. Le2, Cb7x (1...d5 2. Le2x)

Еще одна трехфазная миниатюра с редким сочетанием простой и произвольной перемены матов. К сожалению, как и предыдущая композиция, эта имеет очевидный недостаток — одно и то же опровержение лонных следов, но и с этим "грехом" миниатюра вынуждена мириться. К слову, опровержения вообще — ахиллесова пята миниатюры с переменной игры!

Специальный приз присуждается задаче **А. СПЕСАРЕНКО** (Дубна Московской обл.)

1. Cb5? — 2. Fd3, Fe5x, 1...Npd5 2. Fc4x, 1...c4!

1. Cg6! — 2. Fd3x, 1...c4 2. Fe5x, 1...Npd5 2. Fe5x,

1...Nrc3 2. Ce5x

Миниатюрное представление "расщепленной" темы Домбровсниса. Хорошее добавление — перемена мата на 1...Npd5. Поучительный пример того, что одна угроза монет быть сильнее двух.

1-й почетный отзыв — **В. ПИЛЬЧЕНКО** (г. Сухой Лог Свердловской обл.)

а) 1. Hb1! Npd3, Npf3 2. Fd5, Nd2x

б) 1. Hph5! Npd3, Npf3 2. Fe3, Fg4x

в) 1. Ff6! Npd3, Npd5 2. Fd4, Fe6x

г) 1. Fd2! Npf3, Npf5 2. Fe2, Ff4x

Содержательная малютка с девятью различными матами. Жаль, что защиты черных в двух последних близнецах идейно "не организованы", а образование близнецов не однородно.

2-й почетный отзыв — **В. ДЯЧУН** (Львов, Украина)

а) 1. Hpe4 Npg3, g3 2. Fd3, Fd7x

б) 1. Fb3! Npg3, g3 2. Hpe4, Fe6x

в) 1. Fc1! Npg3, g3 2. Fe3, Fc8x

Четное представление темы Загоруйно в близнецах.

1-й почетный отзыв
В.ПИЛЬЧЕНКО

б) Kpd1-h6 а) Ka3-f8
з)-а) Ca7-b8

2-й почетный отзыв
В.ДЯЧУК

б-а) n.c2-d2-e4

3-й почетный отзыв
Р.СУРНОВ

3-й почетный отзыв — Р.СУРНОВ (Москва)

1. Ce2? (2. Фе6х) Kpf5!, 1Cg4? (2. Фс4х) Kpd3!

1. Фа2? Kpd3 2. Фс2х, 1... Kpf5!, 1. Ch5? Kpf5 2. Фг6х, 1... Kpd3!

1. Cf3? Kpf5, Kpd3 2. Фf7, Фb3х, 1... Kpf3!

1. Cb3! (2. Фd5х) Kpf5, Kpd3, Kpf3 2. Фе6, Фс4, Cд5х

Исправно работающий механизм с темой Домбровска и дополнительной переменной матов. Правда, новая в данном механизме фаза — 1. Cf3? — воспринимается с улыбкой: опровержение 1... Kpf3! слишком "смелое" даже для миниатюры.

1-й похвальный отзыв — В.МЕЛЬНИЧЕНКО (Нотовск, Украина)

1. Фс7? Kpd5, fe 2. Фd6, Фс4х, 1... f5!

1. Ce4? Kpe5, fe 2. Фd5, Hc2х, 1... f5!

1. Cf5! Kpe5, fe 2. Фс5, Hc2х

Увы, полноценной простой перемены матов в трех фазах не получилось.

2-й похвальный отзыв — С.РАДЧЕНКО (Ростов-на-Дону)

1. He6? Kph7 2. Фг7х, 1... Hf5!; 1. Фе5? H — 2. Фе8х, 1... Hg8!; 1. Фа2? H — 2. Фг8х, Hf7!; 1. Фb1? H — 2. Hf7х, 1... Hf5!

1. Фh! H — , g6 2. Hf7, Фа1х

Механизм не нов, но симптоматичны заезда и возврат ферзя!

1-й похвальный отзыв
В.МЕЛЬНИЧЕНКО

2-й похвальный отзыв
С.РАДЧЕНКО

3-й похвальный отзыв
В.ПИЛИПЕНКО

б) Лс4-а1 а) n.a2-c2

3-й похвальный отзыв — В.ПИЛИПЕНКО (с. Зеленый Гай, Украина)

а) 1. Фg2! Kpa3, Kpb5 2. b5, Фс6х

б) 1. Фе6! Kpa3, Kpb5 2. Фb3, a4х

в) 1. Фh1! Kpa3, Kpb5 2. Фа1, Фс6х

И здесь один мат сохраняется в двух фазах.

Специальный почетный отзыв — В.ПИЛЬЧЕНКО и В. ШАВЫРИН (Россия)

Kpc8, Фе3, Ла1, Hb8, n.a5, e2 — Kpb5

1. Na6! (2. Фd3? Kpc6, 2. Фс5? Kpa6, 2. Фb6? Krc4) Kpc6 2. Фс5 (Фb6? х,

1... Kpa6 2. Фb6 (Фс4? х), 1... Krc4 2. Фd3 (Фс6? х)

По замыслу авторов — оригинальный трехвариантный цикл с ходами черных и белых. Механизм уже не раз встречался.

Специальный похвальный отзыв — Н. ЧЕРНАВСКИЙ (Украина) и В. СУХНЕВ (Россия)

Kpc3, Лf3, Ce6, Ce7, n.b5 — Kpa4, n.a5;

б) Лf3 ++ Ce6, в) Лf3 ++ n.b5

а) 1. Лf6!, б) 1. Ch5! в) 1. Лс5!

Интересные близнецы с взаимозаменяемостью белых фигур!

В. ЧЕПИЖНЫЙ,
международный арбитр

Масло льняное — наше здоровье сегодня, завтра и всегда

Этот натуральный диетический продукт производится из высококачественных семян лучших сортов масличного льна и обладает лечебно-профилактическими свойствами при нарушениях жирового обмена, атеросклерозе, онкологических заболеваниях. **При регулярном употреблении масло снижает уровень холестерина в крови, оказывает нормализующее влияние на функции печени, щитовидной железы, кишечника, желудка, повышает потенцию; полезно для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний. Оно оказывает омолаживающее и ранозаживляющее действие при ожогах, обморожениях, лучевых поражениях кожи.**

Широкий спектр целебных свойств льняного масла при многих заболеваниях определяется тем, что содержит ряд насыщенных, моно- и полиненасыщенных жирных кислот, витамины Е, А, в том числе незаменимую жирную кислоту "Омега-3", которая является компонентом мембраны клетки и стимулирует ее жизнедеятельность, активизирует обновление клеток в организме.

По составу и содержанию основных компонентов масло является аналогом лекарственного препарата Линетол.

Не поддается термической обработке. В пищевых целях добавляется в холодные и готовые горячие блюда, в лечебных — принимается 2-3 раза в день при дневной норме 1-2 столовые ложки. Продолжительность приема — не менее 2-3 месяцев.

Цвет масла — от зеленовато-желтого до оранжевого, запах и привкус ореха, допускается фосфолипидный осадок — характерный для нерафинированных масел.

Масло льняное пищевое представлялось на Международных выставках-ярмарках в Лейпциге, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде.

Имеет награды: "Золотые медали" (Н. Новгород — 1997 г., С.-Петербург — 1998 г.), "Золотая медаль" конкурса лучших изобретений и инноваций в Брюсселе "Эврика-98". Почетный диплом (С.-Петербург — 1997 г.) и диплом Всероссийского конкурса "100 лучших товаров России 1998 г."

Производство ООО "Вера", г. Кашин Тверской области. Тел.: (08234) 6-26-18, (095) 237-86-74, (0742) 46-22-80.

Одобрено и рекомендовано институтом питания РАМН.

Внимание! Указанные выше лечебно-профилактические свойства гарантированы только для льняного масла, изготовленного по защищенной технологии директора предприятия "Вера" — Болобана Л.Г. (товарный знак — летящий сокол балобан).

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
Нижний Новгород, 1997 г.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
Брюссель, "ЭВРИКА-98"

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
Санкт-Петербург, 1998, 1999

"100 ЛУЧШИХ ТОВАРОВ
РОССИИ", 1998 г.

СЕРЕБРЯНАЯ МЕДАЛЬ
Женева, 1999 г.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Питсбург,
Пенсильвания, США, 1998 г.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
Касабланка, Марокко, 1999 г.

2-я ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНСКАЯ ВЫСТАВКА "ЭКВИРОС-2000"

**Москва, парк "Сокольники",
павильоны 3, 11**
21-25 сентября

ВЫВОДКА ЛОШАДЕЙ

*
АУКЦИОН

*
ВСЕ ДЛЯ ВЫРАЩИВАНИЯ
И СОДЕРЖАНИЯ ЛОШАДИ, СПОРТА
И СКАЧЕК

*
ВЕТЕРИНАРИЯ

*
КОРМА

*
СЕМИНАРЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

Лошади
Мушкетеры
Все для ухода за лошадью
Одежда и обувь для
верховой езды и работы
с лошадью
Оборудование конюшен

Зачалки
Эквипаж
Ипподромное
оборудование
Оборудование для
проведения конных
соревнований

Коневодство
Снаряжение для кавки
Ветпрепараты
и ветоборудование
Корма и кормовые
добавки
Конный туризм

Иппотерапия
Умыс
Перевозка
лошадей
Книжки
Видео
Компакт-диски

К участию в выставке приглашаются отечественные и зарубежные фирмы, государственные и частные структуры, конные заводы, ипподромы, вузы и научные учреждения, конноспортивные ассоциации, клубы, школы, фармакологические фирмы, производственные и торговые компании, предлагающие оборудование, товары и услуги для коневодческой отрасли.

Организаторы выставки

ФЕДЕРАЦИЯ
КОННОГО
СПОРТА РФ

АССОЦИАЦИЯ
КОННО-
СПОРТИВНЫХ
КЛУБОВ

КВЦ
"СОКОЛЬНИКИ"

При поддержке Министерства сельского
хозяйства и продовольствия РФ,
Правительства Москвы

Информационный спонсор:
журнал "Золотой мустанг"

Директор выставки:
Арипова Любовь Петровна
Тел./факс: (095) 268-7605, 268-7606
Факс: (095) 268-0891
E-mail: info@exposokol.ru
http://www.exposokol.ru

Приглашаем Вас принять участие в выставке «ЭКВИРОС-2000».